

Елена А. Самойлова
Змеиное золото. Лиходолье

Змеиное золото – 2

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6057432
«Змеиное золото. Лиходолье: Фантастический роман»: Альфа-книга; Москва; 2013
ISBN 978-5-9922-1549-6

Аннотация

Долог и нелегок путь на юг, в Лиходолье. В место, куда стекаются все преследуемые,

чтобы избежать погони, место, где умирают свободными, а не в кандалах, и проживают каждый день так, как будто он последний. Ромалийская дорога, начавшаяся у разрушенного шассьего гнезда, вывела золотую шассу и ее спутника – харлекина через степь, облюбованную нечистью, к новому предназначению, которое раз и навсегда определит не только судьбу самой змеи, но и судьбу тех, кто окажется рядом в нужном месте и в нужное время.

Елена Самойлова

Змеинное золото. Лиходолье

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Автор выражает искреннюю благодарность Евгении Шпилевой за полезные дискуссии и консультации по степному климату, а также Льву Самойлову за нестандартный подход к боевым сценам и комментарии по стрелковому вооружению.

Часть первая

Путь на юг

Из записок торговца Чернореченского рынка.

Найдено в опустевшем обозе на южном берегу реки Валуша

«Многие славенские беглецы и наемники любят поговорку «За рекой выдачи нет», имея в виду ничем особо не приметную реку Валушу, студеную, с быстрым течением и глубоким руслом, богатым на неприятные для лодочников сюрпризы вроде мелей и омутов.

Зимой Валуша покрывается прочным и крепким на первый взгляд льдом, но старожилы и торговцы прекрасно знают, насколько коварно «валушкино зеркало»: покрытый сияющим наметом из жесткого крупитчатого снега, лед в самых неожиданных местах мог оказаться тонким и хрупким, как хрустальное стеклышко, под которым плещется ленивая черная бездна. Выдерживающий даже конного всадника у самого берега, лед на Валуше мог посередине реки раскрыться зияющей полыней, способной в одну минуту поглотить и человека, и лошадь, а уж выбраться из такого «оконца» удавалось лишь редким счастливицам. Потому и зимние переправы через Валушу почти ничем не отличались от летних – те же веревки, переброшенные с берега на берег, те же плоты, только поставленные на широкие полозья.

Медленно ползет по накатанной снежной колее плот, нагруженный товаром и подталкиваемый тремя дюжими молодцами в легких зипунах с обязательным шестом за спиной, а следом идут торговцы, аккуратно ступая и поминутно прислушиваясь, не трещит ли лед, не готова ли вскрыться полынья над подводным ключом. И, казалось бы, речка всего ничего, сажений двадцать от берега до берега, а идут торгоши чуть ли не битых полчаса, бороды инеем покроются, сами задубеют, но надеть теплые овечьи тулупы, горой наваленные на плоту, так и не решаются. Ведь если в шерстяном степняцком кафтане провалишься под лед, то выплыть как-нибудь, да сможешь, а вот в тулупе, как есть, камнем на дно уйдешь.

Летом же рыбаки не знали, как умирять местных водяных, которые крутились у берега

не только в знаменитую Русальную неделю, но и в любой пасмурный или дождливый день, распугивая рыбу и переворачивая лодки. Людей не топили лишь потому, что на каждом, кто приближался к Валуше, на шее обязательно висела обережная ладанка, а на щиколотках болтались тонкие железные браслеты, не позволяющие водяной нечисти утянуть купальщика за ногу на дно. Приходилось перед каждым забрасыванием сетей кидать в воду ободранную тушку кролика или курицы, чтобы русалки не вязали хитрых узлов на снастях, кои уже не развязать – только резать, да и рыбу не прогоняли...

Своенравная и коварная река разделяла Славенское царство и засушливую степь, перемеженную чахлыми лесочками, в народе прозванную Лиходольем, вот только не она принесла нехорошую славу суровой и неласковой земле.

Кем бы ни был беглец, каких бы дел ни наворотил, но стоило ему пересечь Валушу и оказаться на лиходольском берегу, как идущая по пятам погоня останавливалась и поворачивала вспять. Считалось, что в той бескрайней степи преступник понесет более суровое наказание, чем в царской темнице.

Ведь Лиходолье было заполнено нечистой силой, изгнать которую было не под силу даже Ордену Змееловов. Единственное, на что хватило сил у служителей Ордена, – огородить «нехорошее место» высоченными верстовыми столбами из корабельной сосны, снизу доверху расписанными непонятными символами и значками. Столбы эти видны уже с берега Валуши, и верхушка каждого из них выкрашена в яркий алый цвет. Говорят, что если пройдешь мимо такого столба, то обратно уже не вернешься – дескать, не выпустит обережная магия, но это не совсем верно.

Лиходолье охотно принимает любого путника, а вот покинуть его можно лишь в сопровождении служителя Ордена.

Услуги такого сопровождающего стоят недешево, но торговцы, развернувшие на южном берегу Валуши огромный базар, нанимают орденца наравне со сторожами и телохранителями. Ведь в проклятых землях на серебряный нож или холодное железо можно выменять полмешка редких шкур или травяной сбор, за который в крупном городе знахарь не поскупится отдать горсть золота, а такой солидный куш достоин надежной охраны и покровительства Ордена.

Жизнь бок о бок с нечистой сделала лиходольских людей жесткими, суровыми, но одновременно воспитала в них хорошо развитое чувство взаимопомощи и поддержки. Кем бы ты ни был – если ты не охотишься на людей, то тебя примут в любом поселении как своего. Приютят и накормят, и все, что потребуется в обмен, – стать частью общины и при необходимости защитить более слабого, оказать помощь в нужный момент или подняться вместе со всей деревней, чтобы отогнать нечисть, неустанно рыщущую за высоким забором.

Лиходолье воспитало самых сильных знахарей и ведовиев, создающих чудодейственные снадобья и пользующихся почти утраченным ритуальным колдовством, остатки которого бережно хранил и передавал через поколения ромалийский кочевой народ. Говорят, что именно из него и вышли лиходольские ведовии – черноглазые, с обветренными лицами и почти все «зрячие», способные видеть невидимое и отводить беду...

Только вот всего этого слишком мало.

Трещат и раскалываются по всей длине красные верстовые столбы. Выбравшиеся к реке кочевые общины рассказывают о невиданной ранее лютой нечисти, от которой не спасает ни соль, ни серебро, ни хорошая добрая сталь. Пустеют деревни. Все реже доходят вести из самого крупного степного города Златополя, когда-то выстроенного предком нынешнего славенского правителя у желтых песчаных скал над подземной рекой, невесть откуда вытекающей и неизвестно куда впадающей.

И все равно в Лиходолье неиссякающим ручейком стекаются беглецы и воры, проклятые и отлученные, ромалийцы и оборотни.

Потому что лучше уж погибнуть в пасти нечисти на приволье, чем сгнить заживо в подземельях Ордена Змееловов...»

Глава 1

Погода в середине мая к югу от Загряды оказалась на редкость капризной. Днем припекало солнце, иссушающее наезженную глиняную дорогу и превращающее ее из грязевого болота в широкую охряно-желтую ленту, присыпанную мелкой пылью, а к вечеру поднимался холодный сухой ветер, заставлявший кутаться в теплый шерстяной плащ и прятать лицо под глубоким капюшоном, чтобы не наглохнуть пылью. Ночью могли запросто случиться заморозки, отчего трава вокруг стоянки покрывалась тоненьким снежным налетом, тающим с наступлением утра. Дважды мы с Искрой попадали под сильную, недолгую грозу, которая, как назло, застигала нас посреди поля или на обочине дороги, и приходилось прятаться от льющихся с неба потоков дождя в наспех сооруженных из двух плащей шалашах. И еще мы едва не угодили в гнездо лесной нечисти, разбив лагерь в тенистом овраге, за полверсты обходимого крестьянами, но местным колободам одного короткого знакомства с харлекином было достаточно, чтобы благоразумно оставить нас в покое до самого утра.

А до крупного торгового тракта, по которому в это время уже тянулись первые караваны в сторону Лиходолья, было еще дня два пути. Можно было и быстрее – Искра предлагал тихонько увести одну или две лошади, но я отказалась. Мало того, что за конокрадами частенько пускали погоню, так еще мне не хватило смелости признаться, что за время, проведенное в ромалийском таборе, я так и не научилась верховой езде. Лошади будто чуяли мою шассью, змеиную сущность и отказывались слушаться поводыев, идя туда, куда сами считали нужным, а при попытке воспользоваться хлыстом немедленно вставали на дыбы и сбрасывали неумелую всадницу. Поэтому после недолгих споров в Лиходолье мы направились пешком, рассчитывая добраться до южного торгового пути, а там уже присоединиться к одному из караванов, идущих к реке Валуше, отделяющей степные земли от Славенского царства.

Когда мы покинули Загряду и устремились на юг, очень быстро выяснилось, что ледяные туманы, сырость и холодная затянувшаяся весна свойственны лишь небольшой области, прилегающей к проклятому городу. Стоило удалиться верст на тридцать, как унылые темные леса и сырые дороги сменились бескрайними зелеными лугами, перемежающимися яркими березовыми пролесками, и узкими глиняными тропинками, шагать по которым оказалось гораздо приятнее, чем по чавкающей под ботинками грязи.

Сегодня нам, можно сказать, повезло, и день оказался по-летнему жарким. К полудню солнце уже прилично припекало непокрытую голову, повязка на глазах пропиталась потом, градом катившимся со лба, и раздражала неимоверно, и кончилось все тем, что я стянула с лица узкую полотняную ленту и с огромным наслаждением взглянула на мир без преграды, а не через мелкую плетеную сеточку.

Перед нами лежал огромный луг, заросший травой высотой едва ли не по пояс. Узкая дорожка, больше похожая на выкошенную посреди зелени полосу, вилась меж цветочных островков к небольшому лесочку, издали кажушемся темной кромкой на фоне ослепительно-голубого неба. И каждая травинка, каждый цветок виделся мне окруженным тонким светящимся контуром, блеклым и почти незаметным из-за яркого солнечного света. Странное дело, но после того, как случилась моя неожиданная линька в золотой цвет посреди огня и дыма, видеть я стала четче и яснее, как будто бы шассье зрение каким-то образом слилось с человеческим. То, что раньше представлялось мне лишь разноцветными сияющими пятнами с размытым контуром и едва намеченными чертами, обрело четкость и стало ближе к тому, что я различала, будучи ромалийкой. Я стала видеть лица людей, обведенные призрачным сияющим ореолом эмоций и глубинной сути, цветы наконец-то стали венчиками из разноцветных узорчатых лепестков, а не просто изрезанными по краям зеленоватыми пятнами, а еще я наконец-то смогла увидеть звезды шассьими глазами.

Прежде ночное небо выглядело переливчатым аметистовым сводом с ярким диском луны, а сейчас оказалось, что этот свод украшен неисчислимым количеством бисеринок-

звезд, окруженных мерцающими кольцами всех цветов радуги. Когда я впервые обнаружила это изменение, случайно взглянув на вечернее небо, то всю ночь пролежала без сна, созерцая эту невероятную сокровищницу, равную которой ни на земле, ни под землей не найти, и утром Искре пришлось немало постараться, чтобы поднять меня в дорогу...

Я прикрыла глаза и подставила лицо прохладному ветру, беспрестанно дующему над лугом и несущему терпкий, медвяный аромат цветов. Яркая, благоуханная весна на юге Славенского царства столь отличалась от сырой, холодной и промозглой распутицы вблизи Загряды, что поначалу я не шла – танцевала на узких дорожках, пересекающих некошенные луга. Я постоянно собирала охапки нежных, быстро увядающих полевых цветов и стремилась украсить ими все, даже харлекина, который стоически выносил все издевательства и терпеливо ждал, когда же из моей головы выветрится легкое весеннее безумие. То и дело доставала из небольшого кожаного мешочка, который Михей-конокрад привязал к оголовью переброшенного мне в Загряде лирхиного посоха, золотые браслеты с бубенцами, надевала их на запястья и лодыжки – и тогда над огромным лугом разливался тонкий хрустальный перезвон. Я была пьяна неожиданной свободой, которой мне так не хватало, пьяна настолько, что Искре то и дело приходилось одергивать меня, чтобы я не выдала свою змеиную сущность по глупости или невнимательности...

– Надела бы ты повязку. – Низкий, чуть рокочущий голос вдребезги разнес то восхищение, что я испытывала при созерцании необъятных луговых просторов. Я обернулась: довольно улыбающийся Искра, давно сбросивший и плащ, и плотную шерстяную куртку, еще шире распустил шнуровку на рубашке, будто посмеиваясь над моей невесть откуда взявшейся мерзлявостью, не позволявшей в мае снять плащ без риска схватить простуду. – А то забудешься в караване, что мне тогда делать?

– Она неудобная, – пожаловалась я, растирая переносицу ладонью. – И если все время смотреть сквозь нее, голова болеть начинает.

– Привыкнешь, – отмахнулся харлекин, подходя ближе и всматриваясь в мое лицо. – Кстати, зрачки у тебя стали шире и если не приглядываться, то почти незаметно, что еще совсем недавно змеиными были. А вот радужка как была, так и осталась желтой. Аж блещет на солнце, будто у тебя по золотой монете в глазницах. Так что привыкай к повязке и не смущай честных крестьян. Или ходи с тем, что досталось в наследство от Голоса Загряды.

– Скажешь тоже.

Я недовольно хмыкнула и отвернулась, продолжая путь по извилистой дорожке, изобилующей неровностями и ямками. Тут и зрячему идти нелегко, а уж слепому...

Тогда, в середине весны, мне казалось, что еще немного – и половина города вместе с нами провалится под землю, к странному, непостижимому созданию, прозванному Госпожой Загряды, и все закончится там, в сухом мрачном подземелье, откуда уже никогда не выбраться. Когда Искра метался меж щупалец, стянутых в тугой клубок, вытаскивая людей из-под завалов и буквально забрасывая их в узкие воротца ромалийской колдовской дороги, я мечтала только о том, как бы оказаться подальше от проклятого города. А как мне скрываться от людских глаз и где взять новую человечью шкуру, я даже не задумывалась.

Нам едва хватило времени на то, чтобы вывести людей на «дорогу берегинь», но сами скрыться по ней не успели – знак крови, который я кое-как удерживала перед собой, пошел трещинами и раскололся вдребезги, а вместе с ним и мостовая. Даже речи не было о том, чтобы удержать колдовскую дорожку-тень, – я сама едва не рухнула в образовавшийся провал. Если бы не Искра, в последний момент ухвативший меня за руку и выдернувший из пропасти, откуда тянулся ворох темных щупалец, Орден Змееловов мог бы праздновать победу над очередной золотой шассой.

Мы с харлекином оказались зажатыми у городской стены и, не приди к нам неожиданная помощь, вовсе не выбрались бы.

Я успела увидеть величественную золотую сеть лишь краем глаза за миг до того, как Искра перебросил меня через плечо, чтобы попытаться пробиться мимо тянущихся к нам со всех сторон «пальцев» Госпожи Загряды. Колдовство дудочника, порожденное далеким эхом

пронзительно-чистой мелодии, задержало существо, лезущее из городских подземелий, но лишь на несколько мгновений.

Следующее, что я помню, – ослепительно-яркая вспышка и глубокая тишина, накрывшая город, где мне послышался тихий свист Михея-конокрада, которым ромалиец успокаивал перепуганных насмерть лошадей.

От вытянувшихся на поверхность щупалец остались только легкие сухие оболочки, разлетевшиеся пылью на ветру. Со стороны уцелевших домов не доносилось ни звука – наверняка жители еще не скоро осмелятся выглянуть наружу, чтобы убедиться в том, что опасность миновала. О произошедшем напоминали лишь зияющие провалы, а еще – Голос Загряды, неподвижно застывшая у края разрушенной мостовой. Девушка напоминала статую – бледная, безмолвная, в перепачканном чужой кровью и пылью платье, с пустыми слепыми глазами, уставившимися в черноту. Еще одна покинутая оболочка, в которой не осталось ни разума, ни воли...

Харлекин тогда помог мне перебраться через городскую стену, бесцеремонно спихнул в холодную воду недавно освободившейся ото льда речки, и увиделись мы с ним лишь на берегу в полуверсте ниже по течению, где я с трудом выползла на небольшую отмель у высоченного оврага. И только разглядев, что Искра тащил на плече, я поняла, почему он задержался и не прыгнул сразу же следом за мной.

Мой железный оборотень добыл для меня новое тело, ранее принадлежавшее Голосу Загряды.

Голова на сломанной шее безвольно моталась из стороны в сторону, как у тряпичной куклы при каждом Искровом шаге, а поперек груди тянулись глубокие раны, оставленные когтями харлекина. Свежий труп, который еще можно было использовать для линьки в человека, но не дающий возможности позаимствовать хоть что-то из чужой памяти. Оно и к лучшему – я не хотела знать ничего из того, что помнила Голос Загряды, ничего из ее жизни в качестве проводника чудовищной воли.

Я сбросила золотую шассью шкуру там же, на берегу, под пристальным взглядом харлекина, сидящего чуть поодаль, и была неприятно удивлена, когда осознала, что глаза у позаимствованного мной тела были слепы с момента рождения...

– Попробовал бы сам пройти, ничего не видя, по этой дорожке, – вяло огрызнулась я, в очередной раз угодив нижним концом ромалийского посоха, сломанного и потому укоротившегося на треть после бегства из Загряды, в нору какого-то грызуна.

– Я предлагал достать для тебя любое другое тело, на выбор. – Искра как можно невиннее улыбнулся и развел руками. – Ты отказалась.

– А ты ждал, что соглашусь? – Я остановилась, рукавом платья вытерла пот со лба и принялась распутывать туго стянутые завязки плаща. Ветер сегодня теплый, буду надеяться, что не простыну. Эх, и как Голос Загряды оказалась такой неженкой, проживая в сыром, туманном и продуваемом ледяными ветрами городе? Даже закаленным ромалийцам по осени и зиме приходилось туго, а уж такой хрупкой городской девушке загрядские сквозняки должны были вообще стать верной смертью, но не стали ведь. А вот мне, как назло, оказалось достаточно одной лишь ночевки на холодной земле, чтобы на неделю обзавестись насморком и сухим надсадным кашлем.

– Скажем так – я на это надеялся. – Харлекин тоже остановился, терпеливо дожидаясь, пока я справлюсь с плащом и уберу его в мешок из провощенного холста на широкой лямке, болтающийся у меня на плече. Ставшим привычным жестом провел по волосам, кое-как стянутым на затылке в короткий хвостик, растрепанный на ветру во все стороны и потому напоминающий цветок чертополоха, только не розовый, а темно-рыжий. – Извини, но видеть рядом с собой девицу, еще месяц назад бывшую воплощением твари из подземелий Загряды, – нелегкое испытание.

– Вздрагиваешь каждый раз? – язвительно поинтересовалась я, одергивая подол и глядя на Искру снизу вверх. Голос Загряды была на полголовы выше ромалийской девицы, но рядом с харлекином эта разница практически не ощущалась.

– Нет. Голову оторвать хочется, – спокойно отозвался оборотень, ласково оглаживая меня по шее тяжелой теплой ладонью. – Но я к твоему новому облику уже почти привык, так что можешь не беспокоиться. Хотя смуглая ромалийка была мне больше по вкусу. А повязку все-таки надень. Клятвенно обещаю, что при первой же возможности куплю или украду для тебя шелковую ленту.

– Из тех, что на свет почти прозрачные, а в косе кажутся тяжелыми и плотными?

– Ту самую. – Теплая ладонь соскользнула с шеи, ласково огладила по спине и остановилась на талии. Искра улыбнулся, ловко сдергивая у меня с плеча отяжелевшую сумку, и бодро зашагал по дороге, вынуждая догонять его чуть ли не бегом.

Впрочем, сжалился надо мной он довольно быстро, сбавил шаг, а потом заявил, что привал будем делать у во-он того лесочка, который виднелся на краю огромного поля маленьким зубчатым забором размером с гребешок.

– Шутишь? – Я приложила ладонь козырьком ко лбу, чтобы послеполуденное солнце не било в глаза. – Туда с версту еще идти и идти!

– Хочешь понесу? – недолго думая спросил Искра. Я скосила на него взгляд: увешанный с двух сторон заплечными сумками и оружием, он походил на разбойника с большой дороги, только-только ограбившего воз с поклажей, но еще не успевшего сбыть украденное добро. Для полноты картины как раз не хватало девицы на плече, отчаянно, но впустую колотящей здоровущего увальня маленькими кулачками по спине.

– Рук не хватит, – фыркнула я, пытаюсь обойти вставшего поперек дороги оборотня, но не тут-то было. Оказалось, что свободных рук у него хватит и на меня, потому что не успела я сделать и шага, как оказалась прижатой к широкой груди, в глубине которой гулко и часто стучало сердце.

– Скажи спасибо, что на плечо не забросил, – улыбнулся рыжий, хитро сощурив светлые лисьи глаза.

Вот уж точно. Спасибо.

– С тебя бы сталось. – Я поерзала, пытаюсь устроиться поудобней на жестких руках оборотня. В результате едва не уронила посох, превратившийся в дорожную палку, прямо под ноги Искре, чуть не упала следом сама, запутавшись в длинной юбке, задрывшейся выше колен, и не могла успокоиться, пока харлекин с тихим горловым рычанием легонько не подбросил меня в воздух.

– Неужели ты не можешь не вертеться? – раздраженно выдохнул мой спутник, останавливаясь и заглядывая мне в глаза. – Ощущение, что я пытаюсь нести огромного ужа, а не женщину. У тебя ведь сейчас нет под юбкой золотого хвоста, что ты все выворачиваешься?

– Так не неси, я сама пойду. – Расстояние, оставшееся до кромки леса, угнетало, но выслушивать в очередной раз отповедь Искры, которая становилась все раздраженнее, мне не хотелось.

– И цветы по дороге собирать не будешь? – едко усмехнулся харлекин, склонив голову набок. В узких зрачках-точках на миг блеснули морозные огоньки, правая ладонь, поддерживающая меня под бедра, похолодела, острые стальные когти ощутимо впились в кожу сквозь ткань платья. – Ты не забыла, что за нами охотятся змееловы? Твой знакомый дудочник дал нам небольшую фору в благодарность за спасение его драгоценной шкурки, но это совершенно не означает, что мы можем беззаботно греться на солнышке и никуда не торопиться. Пока мы не доберемся до Лиходолья, орденские ищейки от нас не отстанут. Вот если бы мы позволили заградской твари сожрать и дудочника, и его чокнутую на всю голову подружку, – тогда и только тогда можно было бы надеяться на долгую отсрочку. Но у тебя духу не хватило ими пожертвовать. И кстати, почему орденцы, едва услышав о шассе с золотой чешуей, бросают все дела и мчатся на поиски, не жалея ни сил, ни средств? Что в вас такого особенного?

– Не знаю.

– Змейка... – очень тихо, очень напряженно произнес Искра, аккуратно ставя меня на

землю и глядя сверху вниз. – Ты меня за дурака держишь? Вот этого, – он ухватил меня за руку и прижал узкую, бледную ладонь к едва заметной отметине на груди, под которой скрывался колдовской камень, опутанный золотыми нитями, – никто раньше не мог сделать. Даже не пытался. Несмотря на то что с шассами я встречался, причем не раз и не два. Везет мне на них. А ты стабилизировала мой облик играючи и, как мне кажется, даже не задумываясь о последствиях. Поэтому я спрашиваю еще раз – чем золотая шасса так отличается от остальных змедевок, если дудочник от одного подозрения дрожит в предвкушении и готов рискнуть не только головой, но и всем, что имеет, лишь бы захватить ее живьем?

– Слушай, я правда не понимаю. – Я осторожно накрыла обратившиеся в полированное железо пальцы харлекина свободной ладонью, чуть сжала холодные пластинки. – Шассы вылупляются из яиц почти одинаковыми, у всех чешуя грязно-серая с крапинками на животе и плечах, но с возрастом ее цвет меняется. У кого-то после нескольких десятков линек, к моменту созревания, она становится черной и очень, очень прочной, самой прочной среди сверстников, и таких шасс обучают быть воинами, защитниками и охотниками. Они самые сильные, самые рослые и защищены лучше остальных. Чем тоньше чешуя, тем она светлее. У женщин и подростков она чаще бронзовая, реже – медно-красная... – Я на мгновение умолкла, аккуратно высвобождая запястье из ослабшей хватки Искры, развернулась и неторопливо пошла к подлеску у кромки луга. Яркие цветочные венчики, выглядывающие из буйно колосающейся травы повсюду, куда падал взгляд, уже больше не радовали. – У моей матери была медная чешуя, очень яркая и красивая. Да и сама она была чудесной... Но люди почему-то охотятся за нашими шкурами, не жалея ни сил, ни времени, ни средств. Я не знаю, зачем они так нужны змееловам, – у Вика я не спрашивала, а Ровина либо не знала, либо не желала рассказывать.

– И опять ты ушла от темы. – Оборотень в три шага догнал меня и пошел рядом, стараясь подстроиться под мою чуть семенящую, как у многих женщин, походку. – Чем шасса с золотой чешуей отличается от своих же сородичей? Помимо умения управляться с харлекинами и игнорировать песни дудочников?

– Наверное, тем, что умеет немного колдовать. – Я криво улыбнулась. – Когда у кого-то после очередной линьки чешуя становится золотой, она какое-то время светится, а потом в гнездовище появляются взрослые шассы той же редкой масти и забирают подростка с собой.

– И зачем?

– Учить, насколько я знаю. Ровина всегда говорила, что неученый волшебник – это ходячее несчастье, потому что может навредить совершенно случайно и без злого умысла. И серьезно навредить.

– Понятно.

Харлекин замолчал, и какое-то время мы шли в тишине, нарушаемой лишь шелестом ветра в траве и стрекотанием насекомых. Дорожка в очередной раз круто вильнула, стали заметны две колеи от тележных колес, глубоко вдавленные в когда-то мягкую и податливую, а сейчас закаменевшую под лучами майского солнца глину. Впрочем, узким травинкам-стрелкам оказалось все нипочем – они пробивались сквозь твердую земляную корку целыми островками нежной зелени, среди которой кое-где виднелись крохотные венчики мать-и-мачехи. Удивительная воля к жизни. Казалось бы, семена, случайно занесенные ветром на дорогу, должны были непременно погибнуть под тележными колесами, копытами лошадей, да и просто под ногами случайных прохожих, а нет. Тянутся себе к солнышку, к небу, словно бросая вызов всему миру...

– Знаешь что, – Искра неожиданно положил мне ладонь на плечо, – я тебя не отдам. Ни золотым шассам, ни уж тем более змееловам. Только если меня раздерут на совершенно нефункциональные части.

Я удивленно подняла на него взгляд, но харлекин уже беззаботно улыбался, протягивая мне застиранную добела мягкую льняную ленту.

– Завязывай глаза. Прямо за лесом стоит деревня, и мне не хочется, чтобы мы, уйдя от

дудочников, так по-глупому попались кому-нибудь из местных. Здесь из-за близости к Лиходолью к каждому пришлому человеку относятся с редким подозрением.

– Мало ли кому чего почудится, – неуверенно ответила я, но повязку все-таки надела. Гадость редкая. Опять придется смотреть сквозь частую сеточку, без нужды напрягая глаза, и одергивать себя, чтобы не сболтнуть лишнего. Слепая девушка, уверенно идущая по дороге благодаря дорожной узорчатой палке и спутнику, заботливо поддерживающему ее под локоть, подозрений не вызовет, а вот если она кинется помогать споткнувшемуся ребенку или подбирать выпавший у кого-то сверток, то лишних вопросов точно не избежать. Особенно в области, прилегающей к проклятой степи.

– В том-то и проблема, Змейка. – Искра осторожно поправил ленту, чтобы она сидела ровно, и отвел назад ворох пропылившихся косичек, которые я никак не могла собрать в толковую прическу, чтобы не мешались. – Попусту таким людям чудится очень редко.

Оборотень ускорил шаг, увлекая меня за собой и беззаботно насвистывая какую-то не слишком мелодичную песенку, но окружавшее его алое с золотыми сполохами сияние потускнело, кое-где показались тревога и беспокойство, тщательно скрываемые и потому едва заметные. Почти невидимые, как только-только проявляющиеся на отполированных до блеска латах пятна ржавчины, медленно, но верно разъедающие металл.

Искра тревожился каждый раз, подходя к какому-нибудь селу или деревеньке, и чем ближе к южному торговому тракту, тем сильнее. Он тщательно скрывал свое беспокойство за маской отвязной наглости, беззаботности или колкой невозмутимости, старался как можно меньше задерживаться среди людей и покидал поселение раньше, чем местные жители успевали запомнить наши лица.

Вот только его нервозность росла день ото дня, и временами я замечала, как в его «слепке личности» проскакивает яркий огонек-одержимость наподобие того, что я когда-то заметила под сердцем разноглазого дудочника. Непонятная, необъяснимая страсть к чему-то, что нельзя просто так отыскать или прибрать к рукам. Чаще всего харлекин успевал подавить, загасить этот огонек раньше, чем он успевал разгореться хотя бы до размеров пламени свечи, но полностью затушить эту искру ему так и не удавалось.

Она и сейчас мерцала ослепительно-яркой рыжей звездой в сердцевине золотой «заплатки», под которой пряталось проросшее каменное семечко из шассьего подземного сада...

Деревня Овражье пряталась от чужих глаз в широченном неглубоком котловане, оставшемся после высохшего озера. Края глинистой чаши, когда-то бывшие берегами, заросли лещиной и высокой травой, и если бы не дым, поднимавшийся над печными трубами и выдававший человеческое жилье, вряд ли случайный прохожий обнаружил бы это поселение за частоколом из вековых елок и березовым подлеском. Название деревни мне прочитал Искра, когда вывел меня по тропинке к широкой наезженной дороге, у обочины которой была установлена шильда, – как оказалось, шассье зрение не позволяет читать. Буквы виднелись едва-едва и казались туманными расплывчатыми черточками, еле намеченными на подгнившей деревянной доске. Я не поленилась – подошла ближе и провела кончиками пальцев по надписи, которая оказалась вырезана довольно глубокими, хорошо ощутимыми выемками. Странное дело – на таррах линии рисунка гораздо тоньше и почти не чувствуются под пальцами, но я их превосходно вижу, будто вышивку из цветных шелковых нитей, а здесь даже не могу сосредоточиться на зыбких черточках, не то что прочесть написанное.

Неширокая желтовато-бурая дорога вывела нас к пологому спуску, по которому можно было сойти вниз, не рискуя покатиться кубарем, но и то пришлось одной рукой упирать посох в утопанную глину, а другой хвататься за Искру, чтобы не споткнуться. Село Овражье, расположившееся в тенистом уголке котлована, состояло всего из шести изб, возвышающихся над высокими луговыми травами на крепких столбах. Как объяснил харлекин, когда я задала ему вопрос о «курьих ножках», столбы, приподнимающие дом, необходимы, чтобы первый этаж не заливало во время весеннего паводка. И дело вовсе не в

подземных ключах, когда-то питавших озеро, а в тающем снеге, которого по зиме наматывает в деревеньку прилично, несмотря на лес, дающий неплохую защиту от ветров.

— Интересно, а зачем людям вообще было осушать озеро? — поинтересовалась я вслух, все еще держа левую руку на сгибе локтя харлекина и стараясь по возможности не слишком крутить головой. Искра лишь неопределенно хмыкнул и накрыл мои пальцы свободной ладонью.

— Кто знает. Наемные работники — люди подневольные. Им приказали, они и сделали и, скорее всего, даже не поинтересовались, ради чего. — Харлекин наставительно поднял кверху указательный палец. — А все потому, что простой люд слишком привык подчиняться решениям господ в бобровых шапках и шитых золотом камзолах.

— Не паясничай. — Я легонько сжала пальцы, лежащие на его руке.

— Почему нет? — Искра улыбнулся, а потом осторожно поцеловал меня в щеку и бережно поправил повязку на моем лице. — О, мы не успели даже к забору подойти, а нас уже встречают.

И в самом деле — до шаткого плетня, способного уберечь разве что от волков, оставалось еще шагов двадцать, а у приоткрытых ворот уже теснились полдесятка человек, странно худых, с небольшими колунами за поясом. Сквозь полотняную ленту я заметила вокруг людей лишь призрачную, почти бесцветную дымку, какая встречается у тех, кто находится на грани жизни и смерти. У неизлечимо больных или раненых, стоящих одной ногой в могиле. Именно в такую туманную пелену за несколько дней до смерти превратилось ярчайшее сияние лирхи Ровины, когда она выгорала изнутри от тяжелой легочной болезни, обостренной ледяными зимними сквозняками. Может, в этой деревне люди тоже больны, вот и встречают неласково любых гостей, стремясь отворотить куда подальше от ставшего гиблым места?

— Вы кто такие будете? — поинтересовался высокий, но сильно ссутулившийся мужчина, не снимающий ладони с висящего на поясе небольшого топорика на короткой резной ручке. Я видела такие «игрушки» в таборе, когда в день зимнего солнцеворота ромалийцы соревновались друг с другом в силе и ловкости, стараясь попасть с тридцати шагов в фальшивую монетку, прибитую к толстому бревну. И ведь попадали, да так часто и точно, что одной монеты на всех желающих попросту не хватало, приходилось целую горсть заготавливать. — Зачем пришли?

— Путники мы. — Голос у Искры звучал ровно и чуть небрежно, но рука, за которую я цеплялась, изображая слепую, напряглась и одеревенела. — К южному тракту идем, хотим присоединиться к торговому каравану. Говорят, платят там хорошо.

— Кому хорошо, а кому и не очень, — хмыкнул «старшина», с трудом расправляя плечи и делая шаг вперед. Ростом он оказался почти вровень с харлекином, но в отличие от широкоплечего и крепко сбитого оборотня был болезненно худым и тощим. Когда-то яркая, а ныне выцветшая до невразумительного коричневого цвета рубаха висела на нем, как мешок на пугале, широкий кожаный ремень оказался обернутым вокруг пояса почти в два раза, да и в целом казалось, будто бы на мужчине надета одежда с чужого плеча, куда как более крепкого и упитанного. — Сомневаюсь я, что в обозе нужен разбойник да слепая девка, там и честных здоровых людей не всякий раз возьмут. И не тянись к мечу, молодец, до чужих дел мне интереса нет. К нам с чего пожаловали?

— Отдохнуть и завтра утром пойти своей дорогой, — негромко ответил Искра, осторожно приобнимая меня за плечо и притягивая к теплоте твердому боку. — Женка моя совсем устала, тяжело ей, слепой, на дороге, пусть даже с провожатым. Пустит кто нас на ночь или нам под елкой от студеной ночи укрываться?

— А вот сейчас узнаем.

Я вздрогнула, услышав у себя за спиной высокий женский голос, и едва успела зажмуриться, как чьи-то пальцы грубо сдернули с моего лица повязку, неосторожно зацепив одну из тонких косичек, кое-как собранных лентой на затылке. Слепота обрушилась резко и неотвратимо, как будто кто-то захлопнул в моей голове ставни, отрезавшие от яркого

солнечного света. Я неловко качнулась, ощупью ухватила за Искров пояс мгновенно вспотевшей ладонью и едва удержалась, чтобы не обернуться и не окинуть шассым взглядом ту, что умудрилась неслышно подобраться со спины даже к харлекину.

– Гляди-ка, и вправду слепая, – произнес тот же самый женский голос, и моего подбородка осторожно, едва ощутимо, коснулась холодная, будто неживая ладонь. – А так уверенно по дорожке спускалась, будто зрячая.

– Провожатый хороший, – отозвалась я, отодвигаясь прочь от неприятного прикосновения. – Верни ленту, не хочу пугать людей пустым взглядом.

– Нас не испугаешь, милая. – Голос насмешливо взлетел, став неприятно тонким, чуть визгливым, режущим слух. – Мы честных людей не боимся, а уж слепых и подавно. Но вот скрытничавших, прячущих глаза за повязкой опасаемся. Так что если не хочется под елкой мерзнуть – будь добра ходить как есть.

Я молча кивнула, стиснула пальцы на Исковом локте и неуверенно шагнула вперед, на краткое мгновение ощутив на лице прикосновение влажного, прохладного тумана. Пахло речной тиной, болотом и камышами – наверняка не все озеро осушили до конца и где-нибудь посреди высокой жесткой травы до сих пор скрывается небольшой прудик, оставшийся на месте глубокого омута, илистой чаши, которую ромалийцы называли «русалочьей постелью».

– Ночевать у нас будете, – раздался уже однажды услышанный голос худого мужика с топориком на поясе. – Вы на дочку мою не держите обиды – время сейчас нелегкое, беспокойное. Вот и одергивает она каждого встречного-поперечного, что к нам в Овражье заглядывает.

– Везде сейчас нелегко, а спокойствия даже в Новограде не сыщется, – усмехнулся Искра, ловко поддерживая меня за пояс, когда я неловко споткнулась о вывернутый из земли камешек, больно ушибив большой палец на ноге даже сквозь крепкий башмачок. – Но со слепых там повязки среди бела дня не снимают.

– Нечисть там тоже не у всякого двора встречается, – в тон ответила девушка, а потом сунула мне в ладонь скомканную, чуть влажную от пота полотняную ленту. – Ты не подумай, чужого мне не надо, но вот за свое я буду драться. И не важно, с человеком или с нечистью. Понятно?

– Отчего же не понять, – легко согласилась я. – Своя рубашка ближе к телу.

– Вот и умница. – В голосе девушки послышалась усмешка. – Тогда добро пожаловать, раз пришли. Людям здесь всегда рады.

Тихо стукнулись, закрываясь, створки ворот за нашими спинами, и только тогда я осознала, какая же в деревне стоит тишина. Не мертвая, навроде той, что я слышала в Загряде, когда все звуки будто отсекаются, другая, но все равно неправильная. Птичьи трели доносились еле-еле, как через плотное стеганое одеяло, людские голоса звучали тише, приглушенней, чем у забора. Единственный звук, раздающийся звонко и чисто, – журчание воды где-то неподалеку. Громкое и уверенное – словно бойкий ручеек пробивается из земли чистым студеным ключом, переливается по узкому неглубокому руслу, скатывается по небольшим камушкам-порожкам...

– Здесь ступеньки. – Голос харлекина тоже стал глуше, ниже и раскатистей. Нижний конец палки, которым я прощупывала дорогу на шаг перед собой, стукнулся о высокое крыльцо. – Дом на сваях, так что подниматься подольше, чем в обычную избу.

Одна ступень, другая – всего я насчитала восемь. Высоковато получается, хотя, если вспомнить, что домик этот стоит на «курьих ножках», – то в самый раз.

Переступить через низкий порожек, о котором меня так же предупредил харлекин, – и под ногами оказался плотный коврик. Запах свежего хлеба и подгоревших капустных листьев, сухих травяных сборов и нагретого на солнце смолистого дерева. Горница с печью.

Искра осторожно усадил меня на лавку, развернул к столешнице и положил мои ладони на прохладную глиняную кружку с выщербленным краем.

– Пей, хозяева молоком поделились.

– Спасибо. – Я улыбнулась этим невидимым хозяевам, стучащим за спиной какой-то кухонной утварью.

– На здоровье. – Голос девушки, неласково встретившей нас на входе в деревню, слегка потеплел и уже не звенел перетянутой струной. – Вечером баньку истоплю, помогу тебе волосы промыть от пыли. И какой только изверг такую красоту в степняцкие косички заплел, а? Куда муж-то смотрел?

Вопрос остался без ответа. Я глотнула холодного, чересчур жидкого, будто разбавленного водой молока с легким, почти неощутимым травянистым привкусом и кое-как расправила сведенные плечи.

Искренне надеюсь, что ощущение взгляда, упорно сверлящего спину меж лопаток, мне всего лишь почудилось. До Лиходолья еще далеко, но после Загряды я не верила, что Орден Змееловов может поддерживать порядок в Славении. Что он может хоть что-то, помимо уничтожения «откупных жертв» и поиска шассьих гнезд.

Впрочем, нам ли с Искрой бояться чудовищ?

Глава 2

Сквозь узкую щелочку в неплотно прикрытых ставнях был виден лишь заливной луг и кусочек огорода, на котором тянулись к небу широкие венчики подсолнухов. Солнце уже скрылось за деревьями, но последние, уже почти не греющие, закатные лучи еще заливали светом домик, в котором нам разрешили остаться на ночь. Комнатка под самой крышей была крохотной, душной, со скрипучим полом и очень низким потолком, под которым даже мне приходилось ходить, склонив голову, чего уж говорить о более рослом харлекине. Где-то шуршали мыши, пахло пылью, сеном и совсем немного – сыростью и речной тиной.

Деревня как деревня. Тихая, спокойная и малонаселенная. Разве что чем ближе к Лиходолью – тем подозрительнее и недоверчивее жители к пришлым людям, и если раньше на нас с Искрой лишь косо смотрели, то в Овражье дошли до требования снять повязку с глаз слепой. Интересно, что будет дальше? Требование выпить заговоренной воды с солью, прикоснуться к холодному железу и на всякий случай послушать музыку дудочника, если, конечно, таковой каким-то чудом окажется в караване или городке?

Я невольно улыбнулась, пытаюсь представить себе смельчака, который рискнет потребовать у Искры выполнения какого-нибудь суеверного обряда, призванного отгонять нелюдь. Сомневаюсь, что харлекин будет кувыркаться через нож, доказывая, что он не обрастает волчьей шерстью под полной луной...

– Ты здесь, пришла? – Звонкий, высокий девичий голос неожиданно раздался внизу, под комнатой. Доски тут тонкие, плохо подогнанные – при желании можно переговариваться через щели, а уж с таким голосищем, как у дочки деревенского старосты, и подавно.

– Здесь я, здесь, – неохотно отозвалась я, услышав быстрые шаги, поднимающиеся по узенькой скрипучей лесенке, и торопливо зажмурилась.

Снова темнота, жуткая, непроглядная. И как в такой жить можно? А люди как-то целую жизнь проживают, умудряясь искренне радоваться этой самой жизни, улыбаются и плачут под ромалийские песни, находят любимых и растят детей. Встречала я слепых не раз, пока путешествовала с ромалийским табором, но никогда не думала, что сама окажусь в их числе.

Скрипнула половица, легкие шаги приблизились, и я поневоле вздрогнула, когда на колени мне упало жесткое льняное полотенце.

– Пойдем, провожу тебя до бани, а то сослепу на лестнице упадешь и свернешь шею, а мне перед твоим мужем оправдываться. – Сильная, крепкая женская рука поддела меня под локоть и рывком подняла с лавки, да так быстро, что я едва успела схватить полотенце, не давая ему соскользнуть с колен. – Меня, кстати, Литой кличут. А тебя, пришла?

Я на мгновение задержалась с ответом, а потом назвала имя, когда-то давно, еще в прошлой жизни, данное лирхой Ровиной. Привыкла я к нему и уже редко откликалась на родное, подаренное матерью в шассьем гнездовище. Даже Искра, поначалу пробававший

звать меня шассым именем, довольно быстро вернулся к ставшему привычным прозвищу и вспоминал о ромалийском имени только в людских деревнях.

– Мия, значит. – Дочка старосты цокнула языком, пару раз повторила новое слово, то меня ударение, то растягивая гласные. Будто на вкус пробовала. – Пойдем, красавица, в баньку. Я тебя придержу.

– А палку мою взять? – запоздало спохватилась я, пытаюсь вывернуться из цепкой руки Литы, крепко державшей меня повыше локтя. Дотянулась свободной рукой до длинных шершавых пальцев: холодные как лед.

– Да зачем она тебе в бане-то? – удивилась моя провожатая, мягко направляя меня в сторону выхода. – Напитается влажным жаром, а потом того гляди – рассохнется и сломается по дороге, оно тебе надо? Ты осторожней, тут ступеньки начинаются. Я тебя до баньки провожу и обратно, до дома. Или мужа твоего позову, если мне не доверяешь. Давай – ножку вниз, тут ступенька высокая будет...

Вот так с грехом пополам мы и спустились – одной рукой я скользила по гладким перилам, сделанным из тонкого деревца со снятой корой, за другую меня поддерживала Лита, предупредив, когда лестница наконец-то закончилась. Несколько шагов вперед, переступить через порожек – это была горница, я запомнила ее по пряному аромату трав, висевших в пучках где-то под потолком. Еще одна лестница – на этот раз крыльцо. Свежий, ставший сырым и прохладным ветер с запахом застоявшейся воды окатил лицо неприятной моросью. Странно, только недавно смотрела в окно – небо было ясным, если не считать нескольких пушистых облачков над макушками деревьев, а сейчас кажется, будто его от края до края затянуло сырой пепельно-серой пеленой туч, сыплющей противной изморосью.

– Ой, а вот и муж твой отыскался, – звонко рассмеялась старостина дочка, ведя меня по неровной вытоптанной дорожке. – Ходит вокруг бани да нехорошо так на наших баб зыркает, будто боится.

Искра-то и боится? Ну-ну. Скорее, как и я, чувствует себя неуютно в крохотном людском поселении, где в случае чего не спрячешься, не скроешься в толпе – ведь все здесь на виду. Любая новость разносится быстрее степного пожара, и стоит кому-то в чем-то тебя заподозрить, как вся деревня поднимется и вытолкает взащей, а то и на вилы поднять попытается.

– Видать, любит тебя крепко, – холодно и, как мне показалось, с легкой завистью произнесла Лита, ускоряя шаг и тем самым вынуждая меня ухватиться за ее крепкое, натруженное запястье свободной рукой.

Под пальцами я ощутила какую-то плетеную веревочку не то из конского волоса, не то из тонкого-тонкого льна, протянутую сквозь гладкие холодные бусинки. Амулет какой-то, не иначе. Любят крестьяне увешивать себя побрякушками по поводу и без него, причем в каждой деревне чаще всего оказывается свой оберег «на всякий случай». Будучи еще в ромалийском таборе, я как-то видела у Ровины целую шкатулку, наполненную оберегами со всех концов Славении: были там и крохотные, с ноготок размером, железные подковки, и кольца с выбитыми на ободке словами коротенькой молитвы к единому людскому богу, и плетеные свадебные пояски с кисточками, украшенными костяными бусинами. Разные они все были, и грубые, будто сделанные неумелыми еще детскими ручонками, и изящные, вышедшие из рук городских мастеров своего дела, но их все объединяла одна цель – защитить своего владельца от нечистой силы, от подлунной нежити и призраков.

– Не тронь!

По пальцам сильно, с оттяжкой, хлестнула крепкая ладонь. Я отшатнулась, выпуская локоть старостиной дочки, отступила на шаг назад, чувствуя под ногами не глинистую дорожку, а скользкую высокую траву, жесткую, колющую лодыжки даже сквозь тонкие вязаные носки. Осока, злая болотная трава. За такую и не ухватишься толком, не изрезав пальцы до крови.

– Куда пятишься, дурища слепая! – Окрик, раздражения в котором куда больше, чем злости. Шершавая натруженная ладонь хватается меня за запястье и тянет прочь из колючей

травы. – До пруда пять шагов, еще не хватало, чтобы шею свернула на обрыве!

Я промолчала, покорно позволяя вывести себя на дорожку. Лита, по-видимому, расценила мое молчание как обиду и уже гораздо мягче произнесла:

– Не сердчай за грубость. Амулет чужим нельзя трогать, а то силу потерять может.

– Поняла. Я же не нарочно. – Я постаралась улыбнуться, не зная, смотрит ли на меня старостина дочка. – У меня пальцы заменяют глаза, коснулась – вроде как взглядом окинула. От чего оберегаешься?

– От безбрачия, – очень тихо и очень серьезно ответила девушка. – Ты голову наклони, у баньки притолока низенькая. Пришли мы уже.

Скрипнула, открываясь, дверь, и в лицо мне пахнуло влажным жаром с ароматом дыма и еловой хвои. Заливистый женский хохот доносился откуда-то из глубины бани, звонкий, задорный, – похоже, банный день тут устроила вся женская половина этой крохотной деревеньки, и мне, честно говоря, стало не по себе. Было что-то неправильное в этой тесной баньке, где аромат хвои мешался со сладковатым, едва ощутимым запахом болотного аира и перечной мяты. Вроде и Искра за дверью оберегает, чтобы беды не стряслось, и бабам здешним я ничем насолить не успела, а все равно гложет что-то изнутри, царапает, будто туго свернувшаяся внутри человеческого тела золотая шасса топорщит янтарный гребень и тихонечко, предупреждающе шипит.

– Раздевайся, Мия. – Старостина дочка аккуратно подтолкнула меня к узенькой лавке, на которой я нащупала ворох сброшенной одежды, и захлопнула дверь предбанника, не давая теплу ускользать. – Прямо догола. Снимай все. Пока бабы тебя помогут, я быстренько платье твое простирну и сушить вывешу, а то пропылилось все. Да не бойся ты, не обидят тебя в парильне. Только на высокую полку не забирайся, и все хорошо будет.

Я кивнула и принялась теребить узелок на горловине застиранного добела льняного платья, того самого, что валялось, зашитое в мешок, в углу Искровой хибары, где он предпочитал прятаться после не самой удачной охоты в Загряде. Небольшой «ничейный» домик, выстроенный у самой реки. С прохудившейся крышей, обшарпанными стенами и облезлым крыльцом. Помню, как подгнившие мостки стонали под тяжестью железного оборотня, когда тот выбирался из воды, держа меня, успевшую сменить облик и потому трясущуюся от холода, на плече. Как Искра заносил меня в дом, второпях едва не высадив хитро подпертую дверь, как метался по холодному, сырому залу, ища, во что меня завернуть и как согреть, пока я не простыла до полусмерти в человечесем облике. Это платье он нашел уже потом, после того как я проснулась рано утром на полу у жарко горящей печи завернутая в два ветхих одеяла и прижатая к обнаженной груди Искры, успевшего сменить облик и согревавшего меня теплом человеческого тела. Я не стала спрашивать, кому принадлежало это платье, надорванное по плечевому шву и с обтрепанным подолом, но новому телу оно оказалось как раз впору. И оказалось настолько удобным, что позже я не захотела менять его на более нарядное, яркого зеленого цвета, выторгованное харлекином на базаре ближайшего к Загряде села. Так и лежит обновка, аккуратно свернутая, в моей сумке вместе с таррами и золотыми Ровиниными браслетами.

Рядом раздался беззлобный смешок, и прохладные руки старостиной дочки быстро стянули с меня платье вместе с нижней сорочкой, сноровисто обернули колючее, жесткое полотенце вокруг бедер и осторожно завели в разогретую, наполненную влажным паром и заливистым женским хохотом баню. Но стоило мне пересечь порог, как на голову опрокинулась бадейка с теплой, почти горячей водой, а потом кто-то несильно шлепнул меня веником по спине, отчего я дернулась и едва не зашипела, вжимая голову в плечи.

– Ну что ты боишься, пришлая? Не чурайся, не обидим, – раздался рядом красивый, сочный женский голос, и на плечо мне опустилась горячая мокрая ладонь, узкая и крепкая, с длинными пальцами. – Садись на лавку, сейчас я тебя как следует пропарю, будешь сиять, как солнышко в полдень.

Кто-то лихо сдернул полотенце с моих бедер и сразу же звонко припечатал мокрыми ветками по обнажившемуся месту, женские голоса зазвучали вразнобой и меня принялись

намыливать в четыре руки. От пара слегка кружилась голова, запах еловой хвои почти забивал странный, едва ощутимый запах болотной травы, а женщины, промывавшие мои косички от грязи и дорожной пыли, уже не просто болтали и смеялись – они пели.

Пели без слов, выводя одну тягучую ноту за другой, голоса сливались в единый поток, как ручейки в реку, звенели весенней каплей, усыпляя тревогу, расслабляя. Тонкие женские пальцы скользят по спине, затылку, разбирают липнувшие к плечам косички, которые теперь тоже пахнут сладковатыми корневищами, влажной землей и водой, затянутой ряской и кувшинками. Все реже шлепает измочаленный веничек по пояснице, будто отстукивая замедляющийся сердечный ритм. Воздуха не хватает – мне чудится, что я плаваю в густом влажном тумане, жарком и душном, что он стягивается вокруг меня плотным кольцом, призрачными объятиями южной речной змеи, что оборачивается вокруг заночевавшего на берегу человека и душит, пока тот спит.

Голоса становятся громче, они дребезжат перетянутой струной, звенят битым стеклом, неприятно режущим слух.

Золотая шасса внутри человеческого тела разворачивает тугие кольца, я почти слышу резкое, предупреждающее шипение, на долю секунды перекрывшее колдовское пение, – и успеваю скатиться с лавки до того, как на нее с шумом обрушивается вода из перевернутой шайки.

Капли, попавшие на плечо, жгут раскаленным железом. Кипяток! Крутой кипяток, который даже не попытались остудить: как зачерпнули из котла, так и собирались вылить мне на голову!

Я оттолкнула женщину, которая пыталась вздернуть меня на ноги, моргнула, возвращая шассье зрение, – и на миг остолбенела.

В перламутрово-сером влажном тумане, заполонившем баню, вокруг меня плясали четыре тронутые угольной чернотой тени. Зыбкие, не имеющие четких контуров, состоящие из сизой воды с утонувшим на месте сердца тусклым огоньком в черной траурной каемке. Не люди, но и не призраки. Нечто среднее, в равной мере принадлежащее обоим мирам. Блеклое, будто застиранное добела подобие человеческой личины, не имеющее ни одной четкой линии, за исключением глаз – ярких, густо-синих, с голубоватым белком, пронизанным темно-серой сеточкой. Как рисунок на мраморной колонне.

Я зашипела, руками, моментально одевшимися золотой чешуей, стряхнула липкую паутину колдовства, опутавшую меня с головы до ног и отзывающуюся в ушах тонким, высоким звоном. Тени отпрянули, сочный женский голос затянул новую песню – и вода, что разлилась по полу большими лужами, вдруг взметнулась к низкому потолку сплошной завесой, скрутилась сама по себе в тугую жгут, роняющий во все стороны обжигающе-горячие капли, и попыталась выплеснуться мне прямо в глаза. Так стремительно и неожиданно, что я едва успела спрятать лицо в сгиб локтя, обросший жесткой чешуей, как в него ударила струя кипятка.

Из горла невольно вырвалось раздраженное шипение, я слепо махнула перед собой свободной рукой и сразу почувствовала, как короткие когти вспарывают упругую прохладную плоть, как на пальцы льется не кровь, а чуть теплая, вязкая жидкость, больше похожая на разбавленное водой молоко.

Высокий, на грани слышимости визг птиц взлетает к потолку, обрывая стройное пение, и я шагнула назад, нащупывая ручку двери. Заперто.

Беглый взгляд на зыбкие тени, отступившие в жаркое, влажное марево. Запах болотной травы окончательно перебил аромат хвои, да и облако пара, висящее густыми клубами под потолком, стало прохладнее, светлее и теперь больше напоминало туман над рекой.

Озарение как яркая вспышка, как холодная вода, выплеснутая на макушку.

...Худые, униженные широкими перстнями пальцы лирхи Ровины ловко тасовали стопку тарр над низеньким круглым столиком, накрытым синим шелковым платком. В тишине фургона, занавешенного войлоком, раздавались еле слышные щелчки – это разрисованные

деревянные пластинки, перемешиваясь, ударялись друг о друга. Приятно звенели золотые колокольца на тяжелых браслетах, монетки, вплетенные в длинные черные с проседью косы, блестели, отражая неяркий свет лампы. Ровина выравнивала деревянную стопку и начала расклад, то и дело поднимая на меня взгляд бирюзовых глаз. Вытащила первую тарру, на которой я успела заметить женищину, льющую из кувшина воду в небольшое озерцо, расправила ссутуленные плечи и посмотрела на меня внимательно, неотрывно.

– Ясмия, а что ты знаешь о русалках?

Я ненадолго задумалась. О русалках я слышала по большому счету только от рыбаков, что промышляли на реках, а потом продавали улов на торжище, и байки эти, скорее всего, имели мало общего с жизнью.

– Только то, что они живут под водой и у них есть рыбий хвост. А еще то, что русалками становятся юные девушки, утопившиеся из-за несчастной любви, – ответила я, наблюдая за тем, как Ровина с трудом сдерживает улыбку, трепещущую в уголках губ.

– Наверняка там же ты слышала, что русалки лунной ночью выходят на берег и соблазняют женатых мужчин, – усмехнулась лирха, откладывая в сторону тарры и устраивая подбородок на сцепленных в замок пальцах. – Знаешь, иногда я удивляюсь тому, сколько разных историй и сказок напридумывали люди, чтобы объяснить необъяснимое или перестать бояться непонятного. А с русалками все не так просто, как кажется на первый взгляд. Они уже не люди, но еще не совсем нечисть.

– А кто же? – Я привстала, чтобы сделать поярче огонек светильника, отчего тени на колышущихся войлочных стенках фургона стали только гуще и четче. Лирха глубоко вздохнула и отвела взгляд.

– Ведьмы, когда-то заключившие договор с водяной нечистью. Несчастные, в общем-то, женищины, которых жажда силы, власти или любви пригнала в полнолуние к заветному водоему, к озеру или пруду. Русалки никогда не рождаются из проточных вод, но жить могут рядом с любой рекой или ручьем. Вода становится их сутью и жизнью, они могут провести ночь на дне озера и с рассветом выплыть на поверхность обновленными и помолодевшими. Могут управлять дождем и туманом и даже вывести реку из берегов, затопив посевы и дома.

Ровина ненадолго прервалась, села ровно и зябко потерла ладони друг о друга.

– Ясмия, внученька, достань мне теплую шаль из сундука, прохладно становится. Видать, зима совсем близко подобралась, вот и ноют старые кости, как есть, заморозки чуют.

Я торопливо поднялась с большой, набитой овечьей шерстью подушки, пробралась в дальний угол фургона, где стояли легкие плетеные сундуки, изнутри выстланные провощенной кожей. Такие были почти в каждой повозке – удобные и легкие, не пропускающие воду, их делали ромалийцы долгими зимними вечерами. Часть оставляли на нужды табора, а остальное продавали. Очень ценились на рынках эти ромалийские сундуки: возить в таких товары, особенно полотно, гораздо удобней, чем в тяжелых, окованных железом коробах. Да и стоили плетеные сундуки куда дешевле.

Пальцы нащупали мягкую шерстяную паутину, извлекая на свет лампы светло-серый платок, больше похожий на кружево из воздушных, пушистых ниток. Тонкую, почти ничего не весящую шаль, в которую я могла закутаться почти целиком, можно было с легкостью протянуть через обручальное кольцо, а грела эта «паутина» почему-то лучше хорошего осеннего плаща.

– Держи, бабушка Ровина. – Я подошла к лирхе, осторожно накрывая ее плечи шалью, будто княжеской мантией, и села рядом, стараясь поймать задумчивый взгляд «зрячей» женищины. – А русалки могут жить среди людей или только у воды?

– Могут и среди людей жить, – задумчиво ответила лирха, снимая со стопки верхнюю тарру и кладя ее рядом с первой «рубашкой» вверх. – Но только если привяжут к себе человека.

– Надолго?

– Навсегда. – Взгляд ромалийки становится жестким, холодным, тонкие черные брови сдвигаются к переносице. – До самой смерти привязанный к русалке человек живет за двоих. Быстрее стареет, чахнет, теряет здоровье и силы, а русалка спокойно ходит по земле и может вовсе не ночевать в озере. Достаточно окунуться с головой в заповедном водоеме на закате – и все.

– И ничего нельзя сделать? – Мне почему-то стало неуютно, как будто бы, сама того не желая, я прикоснулась к чужой тайне. К толком не зарубцевавшейся ране на сердце, которую стыдливо скрывают от посторонних глаз. Лирха качнула головой, монетки, вплетенные в длинные косы, едва слышно звякнули.

– Нельзя. Убьешь русалку – к человеку все равно не вернутся растроченные молодость и здоровье, а вот горя можно принести много.

– Горя? – Я недоверчиво взглянула на лирху. – Разве свобода от русалки, крадущей жизнь, – это горе?

– Если любишь всем сердцем, то еще какое. – Ровина тяжело вздохнула и неожиданно положила теплую сухую ладонь мне на макушку. – Люди – существа странные. Они способны всей душой привязываться к кому угодно, даже к водяной ведьме, выпивающей из них силы и здоровье.

Я так и не задала лирхе вопрос, который крутился на языке.

Может ли человек так же крепко привязаться к шассе?..

Русалки! Здесь, в деревне, выстроенной на дне осушенного озера. Неудивительно, что мужики, встречавшие нас с Искрой при входе в Овражье, казались больными: каждый из них был повязан с русалкой, не имевшей возможности надолго покинуть тот жалкий пруд, который остался на месте заповедного озера. Им уже давно стало тесно, силы на всех не хватало, вот они и потянулись к людям, стараясь зацепить каждого пришлого, чтобы как-то оттянуть собственную неотвратимо наступающую старость. Ведь ведьма, повязанная с водяной нечистью, лишившись источника силы, начинает стареть куда быстрее обычного человека – еще вечером это могла быть юная девушка, которая поутру становится зрелой женщиной, а к полудню превращается в старуху и остается таковой, пока не скроется от солнца на дне заповедного водоема.

Или же пока не привяжется к человеку, который будет стареть вместо нее...

Густой туман, заполонивший баню, стал ледяным, сгустился так, что даже шассы глаза перестали видеть хоть что-то дальше вытянутой руки. Стало тихо-тихо, только где-то раздавалось еле слышное журчание воды, негромкие всплески, будто кто-то шлепает по мелкой лужице, топчется на месте, не приближаясь, но и не отдаляясь.

Искра, чтоб тебя! Где ты, когда нужен больше всего?!

Я ударила кулаком по двери, доски глухо загудели, но не поддались ни на волосок. Здесь мне русалок не победить – вокруг вода и слишком мало места что для ромалийских плясок, что для драки. Надо наружу, под открытое небо, где у меня есть шанс выстоять и сохранить человеческий облик.

Туман неожиданно разошелся к стенам, как две половинки занавеса, который отдергивали заградские актеры, ставившие малопонятные пьесы на площадях, и прямо в лицо мне с шумом двинулась высоченная, от пола до потолка, водяная стена, пышущая влажным жаром и роняющая с кипящего гребня обжигающие капли.

От очередного удара покрытыми золотой чешуей руками дверной косяк раскололся на длинные узкие щепки, и я вылетела в предбанник, подгоняемая катящимся за спиной водяным валом. Перепрыгнула через чурбачок, которым была заботливо подперта дверь, чуть не наступила босой ногой на торчащий из какой-то досочки гнутый железный гвоздь и выбежала наружу, под открытое небо, плачущее по-осеннему холодным дождем.

– Как ты выбралась?! – Голос старостиной дочки, от возмущения поднявшийся до неприятного, режущего слух визга, раздался совсем рядом, легко перекрывая и шелест дождя, и шум водяной стены, выкатившейся из бани и сорвавшейся со ступенек уже

остывшим, чуть теплым потоком.

Я резко обернулась, так, что намокшие косички с еле слышным свистом рассекли воздух и ощутимо шлепнули по плечу. Взглянула на высокую, нескладную девушку шассым взглядом, безошибочно определяя в ней русалку. Водяную ведьму с едва трепещущим под сердцем пламешком-жизнью. Молодую и, похоже, недавно иницированную более старшими и опытными русалками. Еще не привязавшуюся к человеку и потому обладающую более слабым огонечком, загасить который так же просто, как и тусклую, невесть как теплящуюся искру нежити. Только протянуть когтистую, покрытую золотой чешуей руку, и сдавить огонек меж пальцами. Легко – как свечу потушить.

Боги Тхалисса, и *этого* я испугалась?

Холодные капли дождя барабанили по голой и без того мокрой спине, щекотливыми струйками скатывались по плечам, а я смотрела, как блеклый ореол молоденькой русалки окрашивается страхом и возмущением, и чувствовала, как мой собственный страх отступает, сменяясь глухим раздражением. Похоже, что девица положила глаз на Искру, приняв его за здорового, крепкого мужика, привязав которого, сумеет выкупить себе лет двадцать – двадцать пять красоты, молодости и сил. А слепая женка, что он водит за руку, будет только мешать, и потому если она случайно угорит в бане – знать, судьба такая, горькая...

– Змейка!

Я развернулась на знакомый голос, машинально хватая когтистой, поросшей золотой чешуей ладонью деревянный посох с обломанным, сточенным по дороге нижним концом. Над головой глухо рокотал гром, небеса потемнели, и я почувствовала, как по спине начинают колотить мелкие ледяные градинки. Краем глаза заметила яркое, сияющее алым и золотым пятно. Харлекин, злющий до невозможности, одним небрежным ударом отбросил молоденькую русалку в сторону и оказался рядом так быстро, что я даже не успела заметить это стремительное движение. Руки у Искры уже отливают стальным блеском, удлинившимся пальцам не слишком удобно держать короткий широкий меч, а из горла вырывается низкое, глухое рычание...

Мгновение затишья – и прежде, чем харлекин успел кинуться на русалок, раздается грубоватый, резкий окрик, который разом перекрыл и шум дождя, и плеск бурлящей в прудике воды. Град мгновенно прекратился, и я с изумлением увидела, как русалки отступают к людям, столпившимся на дорожке, ведущей от домов к бане. К тем самым «привязанным», вооруженным самострелами и грубо ошкуренными острогами.

– Уходите. – Голос худого мужика, того самого, что встречал нас у ограды, едва заметно дрожал. Староста Овражьего посторонился, пропуская вперед человека, который бросил на дорогу туго увязанный тючок, из которого высывалась ременная лента Искровой походной сумки. – Забирайте свое добро и уходите. Они вас не тронут.

– А вас? – Я почувствовала, как на мои плечи опускается плащ Искры, и торопливо запахла широкие полы, скрывая наготу. – Вы знаете, кто они?

Человек не ответил, но я и так поняла, что знает. Причем очень давно. И возможно, еще до того момента, как одна из русалок привязала его к себе. До того, как водяная ведьма родила ему дочь – ребенка, который по достижении определенного возраста вынужден был ночевать не в постели, а на дне затянутого ряской, постепенно мелеющего пруда. До того, как пришлось подыскивать ей «жениха»...

– И не стыдно было? – Искра сунул меч в ножны, уверенной, чуть развязной походкой подошел к тюку с вещами, забрасывая его на плечо совершенно спокойно, будто не замечал ни направленных на него самострелов, ни русалок, жавшихся к воде заветного пруда. – До Лиходолья всего ничего, а вы здесь русалок прикормили, да еще и путников в расход пускаете. Змееловов на вас нет.

– Не тебе стыдить. – Долговязый староста аккуратно положил самострел на утопанную землю и пошел к дочери, все еще ничком лежащей в высокой траве. Помог подняться, встряхнул, краем рукава обтер мокрое от слез лицо, на котором уже расплывался здоровенный синячище от тяжелой Искровой руки, огладил по встрепанным волосам.

Поднял на меня усталый, тяжелый взгляд. – Как думаешь, сколько лет моему ребенку?

Харлекин пожал плечами, запуская руку в тюк и нашаривая там зеленое платье, которое протянул мне, все еще прячущейся за его широкой спиной от чужих взглядов.

– Восемь, – тихо произнес человек, и я, пытавшаяся натянуть платье, изобилующее завязками, через голову, ненадолго перестала бороться с одеждой и выглянула из-за спины Искры, думая, что ослышалась. На вид девушке было не меньше семнадцати, и даже плачущей она казалась не сильно моложе. – Дети русалок очень быстро взрослеют, а старятся еще быстрее. Еще полгода, самое большее год – и она будет старухой.

– Если не привяжется к человеку, – уточнила я, справившись-таки с платьем и одергивая подол.

– Если не привяжется к человеку, – спокойно подтвердил староста. – Это не так плохо, как кажется. Русалки не только красивы. Они беззаветно верны до самой смерти – тем, кто прошел через предательство, этого более чем достаточно.

– Ты не обижайся, добрый человек. – Искра улыбался широко и почти беззаботно, терпеливо дожидаясь, пока я затагну боковые шнуровки платья и возьму в руки посох. – Но я что-то не ощущаю себя настолько несчастным и уставшим от жизни, чтобы броситься в объятия сопливой девчонки, которая будет жить за мой счет в прямом смысле этого слова.

– Даже после смерти нелюдки, которую прячешь за собой?

Кто-то из крестьян успел хохотнуть, прежде чем Искра звонко клацнул железными зубами, и сразу же осекся, трусливо скрываясь из виду за спинами соседей. Харлекин ухмыльнулся, кладя мне на плечо отяжелевшую металлическую ладонь, увенчанную острыми когтями, и потянул за собой. Люди шарахались с его дороги – они, похоже, забыли про самострелы и остроги, глядя на то, как пришлый со слегка разбойничьим лицом меняется, покрываясь полированными латами, как вострепанные рыжие волосы вытягиваются, выцветают, рассыпаясь по плечам серебристыми струнами...

– Думаешь, они на нас донесут в Орден? – поинтересовалась я у Искры, когда мы уже покинули деревеньку, и Овражье скрылось за чернеющим в последних солнечных лучах пролеском.

– Не донесут, – уверенно отозвался харлекин, почему-то старательно отводя взгляд, пока я, высоко подоткнув подол платья, отмывала ноги от налипшей грязи в неглубоком лесном ручейке. – Потому что в противном случае их драгоценных русалочек первыми пустят под нож из холодного железа. А нас еще поискать придется.

Я прихлопнула противно звенящего над ухом очередного комара, собратьев которого над ручейком кружилось видимо-невидимо, обулась и подошла к Искре, задумчиво созерцающему содержимое разворошенного тючка.

– Чего-то не хватает?

– Денег, – вздохнул харлекин, выуживая из сумки неаккуратно сложенный плащ и протягивая его мне. – Их, как известно, всегда не хватает, особенно в дороге. А еще мы лишились драной тряпки из мешковины, которую ты упорно называла платьем.

– Оно мне нравилось, – возразила я, вытаскивая из сумки небольшой кусок льняного полотна и примеряясь, как бы половчее отрезать от него ленту для новой повязки.

– Если хочешь, я за ним вернусь, – равнодушно предложил Искра, все еще перебиравший сваленные в кучу вещи и аккуратно раскладывая их по сумкам.

Я покачала головой, неловко, неумело распарывая ножом крепкую холстину. Не настолько я любила это платье, чтобы возвращаться за ним в логовище русалок.

Тр-р-ресь!

Ткань неожиданно легко поддалась, нож ушел вниз и полоснул лезвием по основанию большого пальца на левой руке, которой удерживала ткань. Я зашипела от боли, роняя в траву и нож, и холстину, зажала пальцами скользкую от крови царапину, оказавшуюся неожиданно глубокой.

– И вот так всегда, – услышала я над головой низкий, рокочущий голос Искры. – На минуту не отвернешься...

Небольшой порез рыжий обрабатывал так долго и тщательно, словно от этого зависела моя жизнь, и при этом так и не поднял на меня лисьего взгляда, прикипев им к тонкой темно-красной полоске, ярко выделяющейся на бледной, незагорелой коже. Криво отрезанная полотняная лента пошла на бинт – харлекин затянул узел и только тогда выпрямился и посмотрел мне в лицо.

– У тебя теперь тело взрослой женщины. – Его голос звучал низко, очень низко и глухо, кончики пальцев, только что аккуратно наматывающих бинт, скользнули вверх по моей руке, по кое-как затянутому рукаву платья, коснулись открытого плеча. – Не ребенка.

– Тебе нравится? – спросила я и сразу же пожалела.

Потому что золотой лепесток пламени-одержимости, что ровно горел у Искры где-то под сердцем, вдруг полыхнул так ярко, что на мгновение ослепил мои шасси глаза. Тонкая пленочка спокойствия, которая сдерживала этот огонек, лопнула, как мыльный пузырь, рыжий качнулся вперед, крепко обнимая меня и прижимая к широкой груди, зарываясь лицом во влажные степняцкие косички, холодившие шею.

– Нравится. – Широкая горячая ладонь харлекина соскользнула по моей спине, оставив полосу приятного, будоражащего тепла, задержалась на талии – и опустилась еще ниже. – Очень.

Он явно хотел добавить что-то еще, как где-то неподалеку звонко загудел рожок. Я слышала точно такой же, когда путешествовала с ромалийским табором, – это был сигнал к остановке, поиску места на ночлег. Значит, мы совсем рядом с торговой дорогой и, если повезет, можно будет напроситься в караван, идущий напрямик до реки Валуши, за которой расстилается огромная степь. Место, где можно не бояться дудочников-змееловов, где можно не оглядываться через плечо, опасаясь, что на тебя донесут в славный Орден или же попытаются поднять на вилы.

Лиходолье – край, дающий приют даже нелюдям...

– Искра, быстрее! – Я заворочалась, стремясь выбраться из надежных, крепких, но кажущихся неуместными объятий. – Дорога совсем близко, вдруг нам повезет и нас возьмут в караван.

Он не ответил. Я подняла голову – огненное пламя в его груди будто застыло, скованное лютым холодом. Харлекин молча отстранился, сунул мне в руки оторванный от холста длинный широкий лоскут, сгреб все наше добро в узел, который взвалил на плечо, и направился к тракту напрямик, не утруждая себя, чтобы обойти густую лещину, разросшуюся у него на дороге. Один взмах отливающей сталью рукой – и тонкие ветки повалились в траву, срезанные, будто мечом.

Я бросилась следом, держа посох под мышкой и на ходу пытаюсь ровнее завязать неровную, махристую ленту на глазах. Вот кто бы мне объяснил, что это за пламя золотисто-рыжего цвета горит и у Искры, и у разноглазого дудочника, которого я последний раз видела на разрушающейся площади в Загряде, если из-за него оба утрачивают спокойствие и чуть что злятся, как будто их смертельно оскорбили?

– Змейка, если все еще хочешь прибиться к каравану, то бегом!

Осторожно, высоко поднимая юбку, я перебралась через срезанные ветки и устремилась следом за харлекином прямо через крапиву, не обращая внимания на то, что лодыжки хлещут колкие, жгучие листья. А про пламя спрошу у Искры. Потом, когда харлекин немного остынет и не будет перебивать любую попытку завести разговор язвительным, хлестким замечанием.

Неприменно спрошу.

Глава 3

Где-то неподалеку играла скрипка.

Сквозь сон я узнала мелодию – «Просыпайся, ждет тебя дорога». Не простая, не золотая, а хрустальная, накрытая полотном из лунного серебра, – вот о чем была эта песня.

Очень любил ее играть наш скрипач, особенно по утрам, и это было гораздо приятней, чем грубоватые окрики Михея-конокрада, которыми он будил каждого, кто старался поваляться в фургоне подольше и всячески пытался улизнуть от утренних забот. Еще немного – и прибежит Лира, заберется в телегу и станет тормошить, стягивать уютное теплое одеяло из разноцветных лоскутов, а то и травинкой будет нос щекотать...

Не хочу вставать.

Скрипка заиграла громче, задорней. Чья-то тяжелая ладонь легла мне на плечо, легонько потрянула. Я заворчала, ловя ускользающие остатки яркого, пестрого, как весенний луг, сна, и попыталась спрятать лицо под покрывалом.

– Просыпайся, Змейка. – Голос был куда ниже и раскатистей, чем у ромалийца, я перевернулась на спину и открыла глаза.

Тьма. Беспросветная и непроглядная, несмотря на то что лицо щекотали солнечные лучи. Короткий укол страха, разбудивший меня куда лучше ладони на плече или скрипки, остатки сна разлетелись в клочья, а слепота неохотно отступила. Я уже не дома. И табор, где я всего несколько месяцев побыла лирхой, тоже очень и очень далеко, где-то у берега беспокойного северного моря, где дуют соленые холодные ветра, вода свинцово-серая с белесой пеной на волнах, а прибрежные скалы гладкие, будто отшлифованные руками неизвестного камнереза. Сама я никогда не видела моря, но Михей-конокрад так красочно, так подробно о нем рассказывал, что иногда чудилось, будто бы я бывала там, на далеких скалистых берегах, слышала крики чаек, вдыхала полной грудью соленый ветер, ждала, когда на горизонте появится корабль под белыми парусами...

– Давай помогу выбраться из телеги. Держись за меня. – С этими словами Искра легко поднял меня на руки вместе с плащом, в который я была завернута, и перемахнул через невысокую обрешетку, украшенную обрезками лент и яркой ткани, из которой шились ромалийские юбки. Приземлился харлекин мягко, как кошка, аккуратно разжал руки и поставил меня на землю, по привычке, нежели по необходимости одернув подол платья.

– Эй, «зрячая»! – Я обернулась на голос. Высокая, красивая ромалийка с коротко, по плечи, стриженными каштановыми кудрями, кое-как прибранными под алую косынку, уперла руки в бока и широко улыбнулась. Лирха табора, такая же, какой была Ровина, но помоложе, послабее и гораздо хуже читающая тарры, что небрежно болтались у нее на поясе в простом холщовом мешочке. Ровина никогда не позволила бы себе такое отношение к своим «инструментам», а эта... Может, просто недавно из учениц, потому и не воспитала еще в себе уважение к подобным вещам. Научится. Или сгинет на дороге берегинь. – Ты вчера так и не сказала, куда направляешься. А вдруг нам по пути окажется, а?

В этом таборе оказалась совсем молодая лирха. Та, что горит изнутри бирюзовой звездой, порывистой, страстной, то и дело рассыпающей вокруг себя пригоршни разноцветных искр. Вырастет еще и, если повезет, станет такой же умелой плясуньей и мудрой гадалкой, как Ровина. Сможет и по дороге берегинь пройти, и по раскаленным угольям, и по тоненькой струне, натянутой над бездной. И сама пройдет, и других выведет. Всех. Никого позади не оставит.

Именно эта женщина вчера встретила нас с Искрой в поле, когда мы пробирались по узенькой тропке, едва видимой в темноте. Встретила и проводила к общему костру, где ромалийцы уже вешали над огнем закопченный котел, наполненный водой. Одно из правил бродячего народа – не откажи дорожному человеку, пришедшему обогреться, накорми его, если тот голоден, тогда и тебя в пути удача не оставит. Эти люди не стали исключением – расступились, позволяя Искре ввести меня под руку в круг света от ярко горящего пламени, и усадили на расстеленную на земле лошадиную попону, сунув мне в руки деревянную кружку с водой и ломоть ржаного хлеба, посыпанный желтоватой крупной солью. Тоже традиция, о которой помнит каждый ромалиец: всякому, кто подошел к дорожному костру, предложи хлеба, воды и соли. Если к огню подошел человек – съест и спасибо скажет, а то и добавки попросит, а если беспокойник или умертвие какое прибудилось – хлебом с солью как есть поперхнется или же вовсе от подношения откажется. Не любят мертвые соль, и

потому ромалийские лирхи ею бережные круги и знаки рисуют, заговаривают и вешают на шею детям в маленьких кожаных мешочках, чтобы сберечь ребенка от нежити, посыпают следы табора на перекрестках дорог, отводя беду. Мы с Искрой от хлеба не отказались, а когда я протянула руку, чтобы отставить в сторону опустевшую кружку, почувствовала, как на запястье смыкаются крепкие, унизанные перстнями женские пальцы. Мимолетный укол невидимой иголкой, ровный зеленый контур вокруг тела ромалийки полыхнул бирюзовой вспышкой, обжег шасси глаза нестерпимо ярким светом. Я узнала в этой женщине таборную лирху, а она, улыбнувшись, приветствовала меня как «зрячую»...

– Может, и по пути, – ответил за меня харлекин, доставая из телеги посох и вкладывая его мне в руки. – Но только если ваша дорога лежит к Лиходолью.

– Лиходолье, значит. – Ромалийка задумчиво прикусила полную нижнюю губу, склонив голову набок и перебирая пальцами в воздухе, будто бы дергая за невидимые струны. – Мы собирались день-другой ехать по юго-восточному тракту, ведущему к реке Валуше. Если хотите, можете какое-то время попутешествовать с нами. Все лучше, чем пешком ноги сбивать. Дороги тут не самые удобные, да и места беспокойные – на одиноких путников и нечисть напасть может, и разбойники.

Девушка подошла ко мне почти вплотную, ловко оттирая Искру плечом в сторону, осторожно коснулась кончиками пальцев резного оголовья Ровинино посоха и едва заметно улыбнулась.

– Меня зовут Цара. А тебя, лирха без табора?

– Ясмия. – Я вздернула подбородок, глядя в лицо ромалийки, которая оказалась удивительно рослой, выше меня нынешней на полголовы. – Чего ты боишься, если готова принять даже лирху, оставившую бродячий народ?

Неожиданный всплеск беспокойства как рябь на воде, чернильное пятно, на краткое мгновение замутившее ровную зелень сверкающего ореола ромалийки. Знает что-то, доподлинно знает – и боится, что не справится. Что углядит опасность слишком поздно, а то и вовсе пропустит мимо, и утром табор не досчитается ребенка, девушки или старика. Страх, который глубоко сидит в каждой «зрячей», еще не свыкнувшейся с мыслью, что ей теперь доверяют безоглядно, что любое ее слово найдет отклик и будет иметь куда больший вес, чем раньше. Страх от осознания простой истины – защитить всех не получится, а каждая потеря ляжет камнем именно на твою совесть.

Цара резко отдернула руку от посоха, будто бы обжегшись, встряхнула кудрями и отвернулась. Махнула ладонью в сторону фургона, накрытого легким узорчатым полотном, из которого в Загряде шили палатки и шатры для летнего отдыха небедных господ на природе, и торопливо удалилась в сторону затухающих костров. Искра проводил девушку задумчивым взглядом и вполголоса поинтересовался:

– Я правильно думаю, что из тебя снова пытаются сделать сторожевую собаку?

– Почти. – Я достала из мешочка золотые браслеты с колокольчиками, наклонилась, чтобы защелкнуть их на щиколотках.

– От нее тянет страхом. – Харлекин нехорошо улыбнулся, привставая на цыпочки, чтобы не упустить из виду ярко-красный платок на голове ромалийской лирхи. – И не только от нее. Похоже, тут думают, что одна лирха хорошо, а две – не так страшно.

– До границы с Лиходольем несколько дней конного пути. Всякое может случиться.

– Она тебя презирает, – наклонившись к моему уху, тихим, почти интимным шепотом произнес Искра. – Это потому, что ты свободна, а она на цепи?

– Не совсем. – Кончики рыжих волос щекотали шею, поэтому я торопливо отодвинулась, чтобы не захихикать, – новый облик оказался очень уж восприимчив к щекотке. – Считается, что лирхи, оставившие табор, предают свой дар и свое призвание, поэтому их не слишком-то любят.

– Завидуют потому что, – лениво отозвался харлекин, кладя широкую ладонь мне на затылок и начиная неторопливо перебирать разлохматившиеся косички. – Им на такой подвиг смелости не хватает.

– Или возможности.

В ответ Искра неопределенно пожал плечами и отошел к ближайшему костру, где невысокая полная ромалийка с прибаутками раскладывала что-то из общего котла в подставленные миски. Я торопливо застегнула на запястьях по лирхиному браслету, встряхнула руками, отчего крохотные золотые колокольчики залились тонким печальным звоном, перехватила посох и оглянулась.

Суета, такая привычная, такая знакомая. Каждый занят своим делом – кто-то запрягает отдохнувших за ночь лошадей в повозки, кто-то торопливо доедает завтрак, выбирая хлебным мякишем остатки густой каши со дна миски, а кто-то пытается собрать у фургона расшалившихся на лугу детей. Две ромалийки громко, но беззлобно переругиваются, оспаривая, у кого голос лучше и песни слаще, где-то лает собака, слышится звонкий детский смех...

– Нервные они какие-то, беспокойные, – тихо сказал харлекин, вернувшийся с двумя мисками, доверху наполненными ароматной перловой кашей. – Мужики с оружием не расстаются, да и у женщин, как мне кажется, под юбкой не только прелести скрываются.

Искра сунул мне в руки миску с торчащим из каши черенком деревянной ложки и уселся прямо на землю, прислонившись спиной к тележному колесу. Зачерпнул исходящую паром разваренную с травами и кусочками сала крупу, осторожно подул на белесую горку и только потом отправил в рот. Прожевал, скривился и сплюнул на землю надкусанный уголек, к счастью, давно остывший.

Я невольно улыбнулась и под села рядом, наблюдая за тем, как харлекин изящно держит в сильных, гибких пальцах треснувший у основания черенок ложки, как опасливо, будто ребенок, дует на походную ромалийскую кашу и придирчиво выбирает из белесых комочков то уголек, то неразваренное зерно.

– Раньше ты не был настолько разборчив, – не удержалась я, вылавливая ложку из своей миски и принюхиваясь к ароматному пару, поднимающемуся над кашей.

Искра досадливо посмотрел на меня и усмехнулся.

– А ты попробуй сама. Не отравя, конечно, но оригинальность рецепта ты наверняка оценишь.

– Между прочим, когда я пыталась готовить, в моей каше попадалось куда больше угольков, – пожал плечами я, зачерпывая пышную горку ложкой и храбро отправляя ее в рот.

Уй, мамочки! Мне показалось, что на языке у меня поселилась саламандра – настолько щедро сдобренной пряными травами оказалась каша. Я поперхнулась, едва не опрокинув миску на землю, и глянула на Искру сквозь повязку увлажнившимися от слез глазами, приоткрыв рот и пытаюсь отдышаться.

– Осторожность лишней не бывает, – усмехнулся оборотень, нашаривая под телегой флягу и протягивая ее мне. Я ухватила за нее, сделала большой глоток и скривилась – вместо воды там оказалось кислое, слегка щиплющее язык молодое вино. Тем не менее припекать небо мгновенно перестало, а в желудке приятно потеплело. – Особенно с ромалийской кухней.

– Спасибо. – Я вернула флягу, и Искра небрежно закинул ее обратно под телегу, перед этим сделав приличный глоток. Надеюсь, хозяин, к чьим запасам мы столь бесцеремонно приложились, будет на нас не в обиде.

– Всегда пожалуйста.

Где-то далеко глухо пророкотал гром. Я подняла голову, всматриваясь в разноцветное небо с бегущими по нему рваными, клочковатыми облаками, идущими с севера. Солнце будто померкло, превратившись в тусклый серебряный кругляшок, все реже показывающийся сквозь прорехи в облачной пелене.

– Гроза будет, – вздохнул харлекин, стараясь побыстрее расправиться с завтраком. – Вон как ромалийцы засутились – в чистом поле никому мокнуть не хочется. Доедай и пошли, нам твоя товарка по ремеслу рукой машет. В фургон зовет.

Я скосила взгляд. Лирха Цара и в самом деле стояла, облокотившись на выступающий край деревянного борта фургона. Тонкие пальцы перебирали разноцветные бусинки на длинных четках, узел которых был украшен золотой монетой с пробитой у самого края треугольной дырой. Туда. Сюда. Цветная каменная гусеница двигается то в одну сторону, то в другую, золотая монета на мгновение вспыхивает яркой звездой в солнечном луче, пробившемся сквозь облачную пелену, и тотчас гаснет.

Рука лирхи одевается в бирюзовое сияние, четки завертелись в тонких пальцах вдвое быстрее, бусины слились в многоцветную ленту, в сияющий обруч, кольцом обернувшийся вокруг крепкого запястья.

– Нашла время с четками играть, – фыркнул Искра, отставляя в сторону пустую миску и поглядывая в мою, едва ополовиненную. – Не спи, остынет.

– Будешь? – Я протянула харлекину свою порцию вместе с ложкой, встала, отряхивая юбку и глядя на Цару сквозь тонкую сеть повязки. Четки уже не вертелись в ее пальцах ярким цветным колесом, они спокойно висели у нее на поясе.

Самые обычные деревянные четки с тусклой медной монеткой, плотно насаженной на узел.

Теперь понятно, почему она так небрежно обращается с таррами – у нее другой инструмент для предсказаний, такой, о котором я только слышала от Ровины, но никогда не видела в деле. Четки, где каждая бусина покрыта особой резьбой, понять смысл которой может только владелец. Колдовское ромалийское украшение, где бусины иногда сами по себе меняются местами, несмотря на то что нанизаны на общий шнурок.

– Искра, она не играла, – негромко произнесла я, наклонившись к самому уху оборотня. – Она колдовала.

Харлекин недоверчиво вскинулся, метнул настороженный взгляд в сторону лирхи, которая повернулась и забралась в фургон, оставив полог отдернутым. Торопливо проглотил остатки каши, встал, вытащил из телеги наши сумки, взял меня за локоть и повел к Царе.

Внутри ее фургона было светло – дневной свет проникал сквозь небольшие оконца, прорезанные в полотнище и затянутые тонехоньким, почти прозрачным шелком. Вещи, которые у Ровины обычно были разбросаны где ни попадя, были аккуратно сложены в плетеные короба, стоявшие вдоль стен фургона. На полу вытертый, но чистый ковер со слегка выцветшим пестрым узором, штабеля из крохотных сундучков с узорчатыми крышками, а в углу расположились плотно прикрытые корзины, кувшинчики и берестяные туюски. Свернутая в трубку постель, ярко-красный с золотым шитьем платок, небрежно брошенный на крышку одного из сундуков, и ворох оборчатых юбок, разноцветной волной выглядывающий из высокой бельевой корзины.

И все. На удивление скромное для лирхи жилище. Впрочем, Ровинин фургон, где в кажущемся беспорядке посторонний человек мог сломать не только ногу, но и шею, был единственным виданным мною местом обитания ромалийской гадалки, а судить всех товаров по одной-единственной представительнице не слишком мудро.

Сама Цара ожидала нас, сидя на ковре и поджав ноги. Разделенная надвое стопка тарр лежала рядом с ее левой рукой, унизанной тонкими, с льняную нитку, серебряными браслетами, которые тихонечко позванивали при каждом движении крепкого запястья.

Лирха подняла на нас глаза, темные-темные, почти черные, недовольно поджала губы.

– Я звала только тебя, Ясмия.

Искра усмехнулся, одним движением стряхивая наши пожитки на пол фургона, и задернул полог у входа, аккуратно затягивая тесемки, не дающие плотной ткани болтаться во время поездки.

– Ты – сторожевой пес табора, лирха Цара, а я сторожу свою госпожу. Как ты не можешь покинуть свой народ, так и я не собираюсь оставлять Мию наедине с тобой. Без обид.

Я торопливо дернула харлекина за рукав рубашки и поспешила подойти к лирхе, усаживаясь на ковер напротив нее. Вздохнула, положив руки, украшенные ромалийскими

браслетами, на колени, обтянутые подолом зеленого платья.

– Искра – мои глаза и мой меч, лирха. При нем ты можешь говорить обо всем, о чем хочешь рассказать мне. Или не рассказывать вообще. Но, как я понимаю, тебе нужна помощь.

Цара помолчала, недоверчиво переводя взгляд с меня на харлекина, который недолго думая устроился на крышке одного из сундуков, стоящего рядом с входом в фургон. Плетеный короб протестующе затрещал под тяжестью Искры, но выдержал.

– У нас действительно возникла беда, с которой я не знаю, как справиться, – наконец нарушила затянувшееся молчание ромалийка, нервно перебирая четки. – Стали пропадать люди, а я никак не могу понять, где скрывается...

– Хищник, – подсказал Искра со своего места. Лирха метнула в него закипающий злостью взгляд, и харлекин торопливо поднял ладони вверх, демонстрируя миролюбие. Ага, очень правдоподобно. Прямо как если здоровущий волк дружелюбно оскалится и посторонится на полшага, давая пройти мимо него по узенькой тропке.

– Хищник, – все-таки согласилась женщина. – Я проверила всех людей. Каждого человека, как пришлого, так и давно путешествующего с табором. Ничего. Но у нас трое пропавших за последний месяц, и похоже, что хищник либо следует за нами так, что я не могу его заметить, либо путешествует среди нас.

– Что также заметить не получается, – усмехнулся харлекин, складывая руки на груди. – Ты не там ищешь, лирха. Неужели тебя не учили, что враг может скрываться не только среди людей, но и среди животных тоже? Ты проверила каждую собаку, каждую лошадь в таборе, чтобы быть совершенно уверенной в том, что хищник не скрывается у тебя под носом?

– У нас всего две собаки, и обе они слишком малы, чтобы быть опасными, а на лошадях надеты уздечки из холодного железа. Если бы одна из лошадей оказалась оборотнем или нечистью, железная узда заставила бы принять ее истинный облик.

– Или же заперла в существующем. – Искра встал со своего места и опустился на ковер рядом со мной. Сильные пальцы сдавили мое плечо, опустились ниже по предплечью и остановились, коснувшись золотого браслета.

Харлекин совершенно прав. Мы с ним оба оборотни, и оба плевать хотели на холодное железо, серебро, соль или любой другой предмет или материал, который обычно хорош против меняющих облик созданий, пока этим самым материалом не пытаются проткнуть нас насквозь. Искра как-то рассказывал, что одно время он охотился на человека в образе животного – крупного охотничьего пса. Он даже носил железный ошейник, доставшийся ему от одного из «владельцев», который подобрал лающую к ногам послушную собаку, натасканную на охоту за крупной дичью. Меняя облик с человеческого на звериный, харлекин умудрялся больше года «пасть» в небольшом городе вдалеке от крупных дорог и так и не был замечен. Ушел он с той охотничьей территории сам, потому что устал выживать по-собачьи. Захотелось безопасного комфорта по-человечески, а его можно было получить только в крупном городе.

– Люди пропадали ночью? – негромко осведомилась я, накрывая ладонь Искры своей.

Лирха опустила взгляд, ореол ее души мягко засветился печалью и сожалением, а беспокойства пополам с чувством вины там и без того было предостаточно.

– В сумерках. Исчезли двое детей и одна юная девушка. Отошли от костра подальше на луг – и просто не вернулись.

– И никто ничего не слышал? И не видел поутру? – Искра слегка сжал мою ладонь, чуть заострившийся ноготь на мизинце ощутимо царапнул мое запястье. Похоже, харлекин догадался, кто может быть хищником, но говорить при лирхе не хочет. Или пока не слишком уверен.

– Преддверие Лиходолья не слишком тихое место, особенно рядом с табором.

– То есть песни у костра и скрипка умудрились заглушить крики ребенка или девушки? – Харлекин недоверчиво покачал головой, усмехнулся. – Даже не верится. Скорее,

похищенные просто не могли или не хотели звать на помощь.

– Ты знаешь, что это может быть? – Ромалийка подалась вперед, тонкие пальцы вцепились в четки, неуверенность и чувство вины как ветром сдуло – перед нами сидела лирха табора, готовая биться за свой народ до последнего вздоха.

Раздался щелчок длинного кнута, резкий окрик возницы – и фургон, качнувшись, покатился по дороге, проложенной через широкое молчаливое разнотравье по направлению к реке Валуше.

– Скажем так – догадываюсь. – Искра улыбнулся и уселся на ковре поудобнее, скрестив ноги, как степняк, который почти всю жизнь провел в седле и в дороге. С хрустом потянулся, не обращая внимания на недовольный взгляд лирхи. – Про «водяных лошадок» слыхала когда-нибудь, а, красавица?

Мы с Царой недоумевающе переглянулись и уставились на харлекина. Тот некрасиво усмехнулся, склонив голову набок.

– Что, правда не слышали? Ну, до сумерек у нас времени много, да и дорога впереди длинная. Будет настроение – непременно расскажу пару баечек.

– Искра-а, – с нажимом протянула я, с трудом удерживаясь от того, чтобы не дернуть оборотня за прядь выбившихся из хвоста рыжих волос или за ухо. – А просто так рассказать не можешь.

– Просто так – неинтересно, золото мое, – улыбнулся тот, наклоняясь и легонько целуя меня в лоб. – Я расскажу, обещаю. Если меня попросят. Вежливо, не делая вид, что я здесь всего лишь ненужный придаток к тебе, выставить который вон не позволяет лишь суровая жизненная необходимость.

Ромалийка только скрипнула зубами, но все же попросила.

Харлекин отмахнулся, всем своим видом показывая, что большего он не ждал, и принялся рассказывать о «водяных лошадах». О существах, часто встречающихся на далеких северных границах Славенского царства, но почти истребленных на юге. Об оборотнях, что могут бежать быстрее ветра и тише лесного ручейка. О водяной нечисти, приручить которых может только узда из холодного железа, да и то лишь на время.

У берегов холодного северного моря их называли кэльпи. Колдовские кони, уносящие всадника в воду и появляющиеся на берегу лишь ночью. Они так красивы, так ласковы, что мало кто устоит перед искушением прокатиться на тонконогой лошади, грива которой касается земли, а бег так мягок и плавен, что кажется, будто бы кэльпи не скачет – плывет среди высоких трав. Они могут скакать по тончайшему осеннему льду, по высоким снежным сугробам и по рыхлому песку, не проваливаясь, не увязая и почти не оставляя следов от копыт с двумя, а не с одной выемкой. С наступлением утра они развеиваются, как туман над водой, но только если человек не надел на кэльпи узду из холодного железа – только в этом случае «водяная лошадка» будет какое-то время покорна седоку...

Я слушала рыжего, и мне становилось жутковато. Все лошади в таборе носили железные уздечки, заговоренные еще предыдущей лирхой. Каждая из них могла оказаться кэльпи, но узнать об этом можно было только после наступления сумерек, да и то лишь сняв уздечку. А стоит освободить «водяную лошадку», как она устремится на волю, да еще неизвестно, попытается ли прихватить кого-нибудь с собой или нет.

– На самом деле, милые дамы, вопрос у нас стоит несколько иначе. – Харлекин оглянулся по сторонам, заметил на ковре чашку с засахаренными кусочками фруктов и недолго думая зачерпнул себе солидную пригоршню. – Не «кто из таборных лошадей – кэльпи», а «сколько их». Этой милой зверушке достаточно сожрать одного человека в месяц, после чего она убегает в родной водоем. Но у вас уже три пропажи, а табун, как я понимаю, не уменьшился. Значит, или за вами таскается сразу несколько оборотней, или ваши конокрады умудряются у каждого города воровать новую кэльпи. – Он сочувствующе, вроде как виновато улыбнулся и протянул мне лакомство, словно и не замечая побледневшего лица лирхи Цары, того, как она сжала колдовские четки. – Змейка, хочешь кусочек? Очень вкусно оказалось, не ожидал.

Я не задумываясь взяла у Искры сморщенный кусочек чего-то красного, облепленного крошками золотистого сахара, и отправила в рот. Вишня. Действительно вкусно...

– И что теперь делать? – тихо спросила лирха, не поднимая взгляда от вращающихся на пальце четок, бусины которых опять слились в яркую цветную полосу.

– Ждать. – Я выхватила из ладони рыжего еще одну вишенку. – До вечера мы все равно ничего не обнаружим – как я понимаю, днем кэльпи на суше ничем не отличается от обычной лошади. Зря только народ перепугаем и себя выдадим.

– Когда остановимся на ночь, нужно будет всех лошадей собрать в одно место и стреножить, а людям приказать сидеть у огня – его кэльпи не любит и не нападет на человека вблизи от открытого пламени, – добавил харлекин, подтаскивая к себе поближе подушку и устраиваясь на ней поудобнее. – Ты тоже отдохни, лирха Цара. Ночь будет очень неспокойной.

Я покосилась на Искру, нащупала на поясе мешочек с таррами и выудила на свет тонкие деревянные пластинки. Привычно пробежалась кончиками пальцев по линиям рисунка, вспоминая уроки Ровины.

Перемешать тихо шелкающие друг о друга пластинки, снять два раза к себе, один от себя. Разложить на столике или на полу. И тянуть тарры одну за другой, выкладывая «путеводный крест», надеясь, что они подскажут нужное направление.

Первая же выложенная на пестрый ковер тарра чернела от опущенных книзу мечей...

К вечеру погода, как и предсказывал Искра, окончательно испортилась. Быстро отгремевшая гроза не исчерпала водяной запас, копившийся в густо-фиолетовых тучах явно не один день, и дождь ненадолго утих, но лишь для того, чтобы обрушиться с новой силой спустя час или два. Глиняная, иссушенная солнцем дорога очень быстро превратилась в мелкое, скользкое болото, заполненное бурой непрозрачной водой. Колеса фургонов увязали, вначале несильно, а потом так, что то и дело приходилось выводить людей под дождь, чтобы лошади с грехом пополам, понукаемые возницами, вытягивали опустевшие повозки на более-менее сухое место.

Мы с лирхой сидели в ее фургоне, слушая, как дождь барабанит по натянутой парусине. Харлекин с час назад ушел, чтобы помогать вытаскивать застрявшие в глубоких колеях повозки, но до сих пор еще не вернулся. Впрочем, оно немудрено – Искра в одиночку легко может вытолкнуть порожний фургон из глиняной ловушки, не подвергая сомнению свою человеческую природу, благо отхваченный еще в Загряде облик предполагал недюжинную силу. Такого попутчика ромалийцы вряд ли оставят болтаться без дела вместе с женщинами, детьми и стариками.

– Кто он тебе?

Я встрепенулась, подняла взгляд на лирху, лениво перебирающую пучки высушенных трав, разложенные на чистой холстине. Что-то откладывала в небольшие плетеные коробки, что-то общипывала, пряча высохшие листочки в один мешочек, а оголенные стебельки – в другой, а мытые, отскобленные добела корешки свалила в отдельную горку, даже толком не перебирая.

– В смысле?

– Искра. Кто он тебе? Вижу, что не муж и еще не любовник – он на тебя смотрит совсем иначе, когда думает, что никто, в первую очередь ты сама, ничего не замечает.

Я неопределенно пожала плечами, вслушиваясь в шум дождя за пределами фургона, в грубоватые окрики возниц, пытающихся заставить лошадей вытянуть застревающие повозки из грязи.

– Сложный вопрос. Я не знаю, как ответить.

– Понятно. – Цара собрала отложенные в сторону корешки в один мешочек, туго затянула горловину обрезком тонкой веревочки. – На самом деле меня интересует только одно – можно ли ему доверять? Он действительно собирается охотиться на «водяную лошадку» или просто так воздух сотрясал?

– Я отвечу тебе только на второй вопрос. Если будет надо – поохотится и на кэльпи.

– А кто для него определяет это «надо»?

Ответить я не успела, потому что фургон встряхнуло, слегка перекосило на одну сторону, и мы остановились. Послышалась ругань возничего, щелчок бича, почти полностью заглушенный раскатом грома, а сразу за ним – высокое, тонкое лошадиное ржание.

– Вот теперь и мы провалились, – тяжело вздохнула лирха, аккуратно сворачивая холстину вместе с разложенными на ней травами в трубку и убирая ее в один из плетеных сундучков. – Придется какое-то время побродить по лужам и мокрой траве. Снимай свое платье, я дам тебе что-нибудь более подходящее для прогулки под дождем.

«Чем-нибудь более подходящим» оказались широкие цветастые штаны, которые запросто можно было подтянуть выше колен и перехватить крепкими плетеными шнурами, кожаная длинная жилетка, прикрывающая бедра, и яркий головной платок, который не столько защищал волосы от дождя, сколько позволял их убрать так, чтобы мокрыми они не падали на глаза. В чем-то похожем я ходила в начале прошлой осени, когда вместе с ромалийской ребятней бегала на реку ловить раков. Тогда стояли последние теплые деньки, и мы брали с собой раколовку, старый, прохудившийся, но еще крепкий мешок, приманку и бежали на реку, у которой тогда стоял наш табор. До сих пор помню, как мялась на берегу мелкой, в общем-то, речонки, поджимая то одну, то другую босую ногу, и никак не могла решиться зайти в воду. Как еще шассой боялась подземных стремнин, так и, став человеком, не разучилась опасаться глубокой воды...

Я только-только натянула кожаную жилетку на тонкую, ветхую сорочку с обрезанными по плечи рукавами, как штора, прикрывающая вход в фургон, резко отдернулась, и в образовавшемся проеме нарисовался голый по пояс и мокрый с головы до ног Искра.

– Ну что ж, красавицы, теперь пришла и ваша очередь под дождем мокнуть. Засели вы знатно, вытолкнуть постараемся, но на этом все, дальше уже не поедем. Траву для стоянки уже выкосили, вожак сказал – надо переждать, а то никаких сил не хватит на своем горбу повозки тащить до ближайшего подлеска. – Харлекин чрезвычайно довольнo улыбнулся, откинул от лица слипшиеся от воды волосы и протянул мне руки. – Мия, иди на мой голос. Я тебя вытащу из фургона и сразу до стоянки донесу.

– Сейчас. – Я нашарила платок, на ощупь повязала его на голове, оставив концы болтаться у левого плеча, и нарочито медленно пошла в сторону Искры. – А почему ты не заберешься внутрь?

– Милая, если бы ты видела, какой я грязный после того, как помог вытащить из лужи четыре повозки и одну телегу, ты бы подобных вопросов не задавала. – Рыжий осклабился, а когда я подошла ближе, резко подался вперед, хватая меня за запястье и одним рывком роняя в свои объятия.

Я взвизгнула, оказавшись прижатой к мокрой горячей груди, а харлекин уже спрыгнул с фургона напрямиком в глубокую лужу, в которую превратилась дорога, каким-то чудом умудрившись не окатить меня брызгами. По плечам и затылку мгновенно застучали капли прохладного дождя, порыв ветра взметнул волосы, заплетенные в тонкие косички, и я подняла голову, осматриваясь вокруг.

В постепенно сгущающихся сумерках было видно, как чуть поодаль от дороги над колышущимися травяными волнами возвышаются ромалийские фургоны, выставленные «подковой». Где-то мелькали рыжеватые огоньки походных светильников, в которых горящая свеча укрывалась прозрачным стеклянным колпаком и потому ее не мог загасить ни ветер, ни дождь. Слышались обрывки команд возниц, недовольное, усталое ржание лошадей, которых выпрягали из повозок только для того, чтобы стреножить чуть поодаль от стоянки. Искра перешагнул через подоткнутую под завязшее колесо лирхиного фургона доску и понес меня по мокрой, отяжелевшей от дождя траве поближе к ромалийской стоянке.

– Не верти головой, будто зрячая, ненужные вопросы вызовешь, – негромко проворчал рыжий, приподнимая меня повыше, чтобы особо высокие травы не делились влагой с моими штанами на седалище. Я послушно замерла, прижавшись щекой к крепкой груди Искры,

вслушиваясь в биение его сердца.

От харлекина пахло дождем, землей и травяным соком, а под этим всем чувствовался запах его самого – жаркий, солоноватый, с легкой примесью железной окалины и еще чего-то, похожего на почти забытый аромат моего родного гнездовища. Я глубоко вздохнула, неожиданно для самой себя уткнулась лицом в шею Искры, туда, где под кожей учащенно бился кровоток. Запах шассей чешуи стал ощутимей, ярче – от него чуть дурела голова и сладко, совсем не больно ныло в низу живота.

Рыжий вздрогнул всем телом и резко остановился.

– Змейка, ты чего? – Его голос упал до низкого, хриплого шепота, жилка на шее под моими губами забила сильнее, быстрее, а руки оборотня будто закаменели от напряжения.

– Сама не знаю. – Я с трудом заставила себя отодвинуться, поднять голову, глядя на Искру сквозь намокшую, липнущую к лицу повязку, и понимая, что огонек-одержимость моего спутника полыхает так ярко, что вот-вот прорвется сквозь сине-сиреневую пленочку спокойствия. Так настоящий огонь прожигает тряпичный шалашик, которым пытаются укрыть его сияние и его жар – не сразу, но стоит только где-нибудь вспыхнуть лепестку пламени, как очень скоро вся тряпка будет охвачена пожаром. – От тебя так... приятно пахнет...

– Укусить хочется? – нервно усмехнулся харлекин, как бы ненароком перехватывая меня поудобнее. Так, что дотянуться мне до его лица стало невозможно.

– Нет, – задумчиво пробормотала я, кладя ладонь себе на живот. – Но почему-то начинает тянуть здесь. Не больно, а...

– Приятно, – закончил за меня Искра, внимательно вглядываясь в мое лицо.

– Да. Что это?

Пауза. Со стороны увязшего лирхиного фургона слышались голоса и зычный окрик, зовущий рыжего по имени.

– Я тебе чуть позже объясню. Очень подробно. – Харлекин неожиданно радостно улыбнулся, звонко, крепко поцеловал меня в губы и аккуратно поставил на ноги прямо в мокрую траву. Я тихонько пискнула, а Искра рассмеялся: – Не переживай, сейчас вытащим эту треклятую повозку ромалийской гадалки, выловим кэльпи, и я буду весь твой. Хоть до помывки, хоть во время, хоть после нее – когда захочешь!

Он ушел к дороге, а я так и осталась стоять на лугу в полутора десятках шагов от того места, где увяз фургон Цары, слегка оглушенная новыми ощущениями. Со своего места мне было хорошо видно, как харлекин, нисколько не смущаясь, поддевает явно одолженные кем-то штаны с заплаткой на задку, приседает прямо в глубокую, по щиколотку, лужу, упирается широкими плечами в днище фургона и одним толчком приподнимает его на целую ладонь. И держит, пока ромалийцы деловито подсовывают под задние колеса широкие доски. Даже в сумерках заметно, как дрожат вздувшиеся мышцы на руках и обнаженном торсе Искры, как мокрые рыжие волосы, выбившиеся из-под головной повязки, липнут к потемневшему от напряжения лицу. А ведь он в самом деле не пользуется силой своей оборотничьей ипостаси – только тем, что позволяет человеческое тело...

– А ну пошла-а!

Щелчок кнута, возмущенное лошадиное ржание – и повозка, качнувшись, медленно выкатывается с раскисшей дороги на луг. Искре помог подняться высокий, худой, как щепка, ромалиец, одобрительно хлопнул рыжего по плечу, широко улыбаясь и что-то негромко говоря. Благодарит, судя по всему – вон как довольством светится...

Шелестят высокие травы, пятнающие штаны каплями дождевой воды, босые ступни приятно холодит налитая сыростью земля, пятки чуть покалывают мятые стебли. Дождь тихонько барабанит по кожаному жилету, промокшая насквозь повязка мешает, все норовит сползти, а сквозь тихий свист ветра в ушах пробиваются отзвуки голосов ромалийцев, устраивающихся на ночлег. Звенит металлическая сбруя на лошадях, которых выпрягают из повозок и уводят чуть дальше на некошенный луг, где-то начинает петь свирель, которой оказались нипочем ветер и сырость.

– Ты слышишь, Ясмия? – Цара подошла ближе, неторопливо перебирая в пальцах деревянные четки. – Кто-то будто насвистывает мелодию.

– Может, это ветер? – предположила я, пытаюсь разобрать сквозь шум дождя и людские голоса тот самый свист, который растревожил лирху. – Я ничего не слышу.

– Вряд ли ветер, – качнула головой ромалийка. Мокрые волосы свились кольцами, темными змейками облепили длинную смуглую шею, перепутались с многочисленными ожерельями, спускающимися на грудь.

Я пожала плечами и медленно пошла вперед, раздвигая перед собой руками траву, доходившую мне почти до пояса. Мокрые стебли обвивали ноги, будто стремясь удержать на месте, а ступни успели порядком замерзнуть, пока я обошла стоянку и взглянула на луг, куда свели стреноженных лошадей.

И застыла на месте как вкопанная.

Посреди переливчатого многоцветья луга, среди ярких, искрящихся жизнью контуров животных мелькало угольно-черное пятно, перевитое призрачно-белой паутиной. И именно рядом с ним стояла хрупкая, светящая зеленью человеческая фигурка.

– Там ребенок, – шепнула я, сглатывая ставшую кислой слюну. – Рядом с кэльпи...

Цара шумно втянула воздух и побежала к лошадям, когда паутина, оплетающая нечисть, вдруг пропала, а ребенок оказался сидящим на спине кэльпи, надежно опутанный длиннющей серебристо-серой гривой.

– Искра-а-а!

Мой крик всполошил ромалийцев, кэльпи обернулась в мою сторону, игнорируя приближающуюся лирху, на ходу раскручивающую четки и сплетающую вокруг себя какое-то заклинание, похожее на туго затянутую петлю, и вдруг понеслась вскачь, стремительно удаляясь от стоянки.

Топот копыт, громкое, возмущенное ржание за спиной.

– Змейка, хватайся за руку!

Харлекин вздернул меня на коня на полном скаку и усадил перед собой, крепко придерживая за пояс.

– Видишь ее?

Я и забыла, что для Искры, в отличие от меня, ночная тьма существует. Это я вижу луг, как переливающееся разными оттенками синего травяное море, в котором зелеными светлячками-пятнышками вспыхивает мелкая живность, и на этом фоне быстро удаляющееся угольно-черное пятно очень хорошо заметно, – а харлекину, даже с отличным ночным зрением, разглядеть кэльпи, несущуюся вскачь в высокой траве, очень непросто.

– Да, впереди.

– Далеко?

Я спустила мешающуюся донельзя повязку с глаз, оставив ее болтаться на шее.

– Не очень, но она быстрая. Не догоним.

– Это мы еще посмотрим, – хмыкнул Искра, помогая мне пересест по-мужски и вкладывая в мои руки поводья. – Ты главное не свались раньше времени и штаны мои не потеряй.

– А причем здесь...

Что-то мокрое, полотняное, с цветастой заплаткой внезапно оказалось у меня в руках, а рыжий скатился в сторону с лошадиного крупа, на краткое мгновение исчезая в высокой траве. Я вывернулась, чтобы рассмотреть, как харлекин поднимается с земли, встряхивается, отчего волосы-спицы, скребущие по железной спине, засияли бело-голубыми искорками на кончиках, – и вдруг устремляется вперед, оставляя после себя неровный туннель из примятой травы.

Лошадь, почуяв душный запах железного оборотня, шарахнулась в сторону, так что я едва не слетела в низкий колючий кустарник – спас только инстинкт, повинаясь которому я прильнула всем телом к спине животного, обеими руками хватаясь за взмокшую, остро пахнущую потом конскую шею.

Высокий, пронзительный, вибрирующий вопль раскатился над притихшим лугом, угольно-черное пятно впереди, рядом с которым сверкнула золотисто-красная искра, замедлилось, повернуло прочь от леса. Еще один удар харлекина – и кэльпи почти остановилась. Теперь она пятилась от кружащего вокруг нее Искры, по-волчьи припадая к земле. Я уже видела маленькую человеческую фигурку, обернутую серебристо-серой гривой, будто коконом, из которого выглядывали только безжизненно свисающие руки и ноги, видела вытянутую морду кэльпи с ярко горящими глазами и оттянутыми к вискам уголками рта...

И как такое можно было спутать с обычной лошадью?!

Я перекинула ногу через лошадиную шею, чувствуя, как закаменевшие на поводьях пальцы обрастают золотой чешуей, как рука гудит от напряжения, едва удерживая животное, почуявшее нечисть и пытающееся оказаться от нее как можно дальше.

Понимаю. Сама предпочла бы оказаться где-нибудь еще, у жарко горящего костра или в теплом фургоне, до подбородка закутанной в лоскутное одеяло. Где угодно – только не нестись вскачь по мокрому от дождя лугу, по тропинке, проложенной Искрой, стремительно приближаясь к месту, где два чудовища – одно призрачное, водяное, второе железное, пахнущее окалиной, – пытались выяснить, кто же из них двоих страшнее, сильнее и проворней.

Мелькнула покатаая спина харлекина, покрытая исцарапанными пластинами, паутинно-светлая грива кэльпи, пляшущая на ветру обрывками истлевшего савана. Лошадь, вильнувшая в сторону сразу же, стоило мне только выпустить поводья...

Прыжок в никуда, с вытянутыми перед собой когтистыми руками. Страх пронизывает ледяной иглой, подступает к горлу в то короткое мгновение, когда нечисть меня замечает, начинает оборачиваться в мою сторону, скаля тонкие игольчатые зубы.

Удар!

Я упала на жесткий, как промерзшее дерево, круп «водяной лошадки», мгновенно зарываясь обеими руками в холодную, бессильно соскальзывающую по золотой чешуе гриву, на ощупь хватая ребенка поперек туловища. Белесые пряди липнут к одежде, как паутина, острые зубы нечисти клацнули рядом с бедром – и со звоном сомкнулись на вовремя подставленном железном запястье...

– Бр-р-рысь!

Мощная рука Искры отрывает меня от кэльпи вместе с прижатым к груди ребенком и бесцеремонно отбрасывает прочь, так далеко, что я приземляюсь в нескольких саженях в стороне от безобразной драки, больно ударяясь спиной и плечом о землю.

В голове шумело, мальчик, сдернутый с крупы «водяной лошадки», давил мне на грудь теплым неподвижным грузом, плечо, на которое я не слишком удачно приземлилась, ныло и болело. Полежать бы так на приятно холодящей затылок земле, дождавшись, пока рука обретет подвижность, – все равно шум драки удаляется и вопль кэльпи раздается все реже, как и звон харлекиных доспехов, а вот низкое ворчание Искры, по-прежнему уверенное, звучит четко и громко...

Внезапно обрушившаяся тишина заставила меня вначале перевернуться на бок, а потом сесть, осторожно перекладывая бесчувственное тело ромалийского мальчика себе на колени. Дождь наконец-то прекратился, и сквозь шелест ветра в траве мне почудилось какое-то шуршание, словно кто-то приближался, аккуратно раздвигая перед собой упругие стебли.

Это не Искра. Ко мне он бы не крался.

Мальчик у меня на коленях шевельнулся, тихонько застонал, захныкал, не приходя в сознание.

Шорох на мгновение затих, а потом начал быстро приближаться.

Не задумываясь, я полоснула себя когтями по лодыжке, неглубоко, так, чтобы потекла кровь, коснулась кончиками пальцев краев свежей царапины и принялась чертить перед собой «запрещающий» знак, самый первый из тех, что когда-то научила меня лирха Ровина. Который намертво врезался в мою память после того, как сумел удержать рвущиеся из-под

земли зеленоватые щупальцы-побеги неведомого создания еще в Загряде.

Резкие, будто резанные раны, линии знака зависли в воздухе перед моими глазами, зашуршала, приминаемая невидимым жерновом, трава, очерчивая границы обережного круга.

Тишина.

Резкий, сильный удар о колдовскую преграду. Я тихо пискнула от неожиданности, прижимая к себе ребенка, и во все глаза уставилась на оскаленные игольчатые зубы, зависшие на расстоянии вытянутой руки от моего лица.

Еще одна кэльпи, здоровущая, раза в полтора больше, чем та, что уносила на своей спине мальчишку из ромалийского лагеря, показалась из высоких зарослей столь внезапно, что сердце на миг пропустило удар от испуга. Черная, лоснящаяся от бисеринок влаги шкура, молочно-белая грива, ниспадающая до самой земли, широкие копыта, разделенные на три заостренные части, и пустые, отливающие перламутром глаза на узкой морде. Понятно теперь, почему люди пропадали чаще, чем обычно, – эти кэльпи охотились не поодиночке, а вместе. Редкая для неразумной нечисти пара, разделяющая и поиск пищи, и существование на дне реки в промежутках между охотой.

«Водяная лошадка» неторопливо обошла границу колдовского круга, склоняя голову к самой земле и шумно приняхиваясь, а потом неожиданно шарахнула копытом по басовито загудевшей преграде, будто проверяя ту на прочность.

Я молчала, настороженно следя за перемещениями кэльпи, как за густым, угольно-черным облаком тьмы, на которую набросили прозрачную белесую кисею, сквозь которую мне чудился то лошадиный скелет с частоколом тонких острых зубов и широкими, будто пластины, ребрами, то трепещущий огонек-сердце, едва-едва теплящийся в глубинах тела. Руки, уже покрывшиеся золотой чешуей до самых локтей, слегка дрожали, отчего колокольцы на лирхиных браслетах чуть слышно позванивали в сгустившейся тишине.

Ждать. Не высовываться.

С бесчувственным ребенком на руках я мало что могу сделать – выйти из круга, сохранив его в целости, может и не получиться, а бросить мальчика без защиты страшно...

– Мама?..

Кэльпи, услышав человеческий голос, тонко, высоко заржал и взвился на дыбы, обрушиваясь всем весом на преграду. Та легонько качнулась, но устояла, зато пришедший в себя ребенок мгновенно залился звонким, непрерывным криком, забился, пытаясь вырваться у меня из рук и сбежать подальше от страшных, насквозь пробирающих воплей нечисти, раздающихся так близко, так близко...

– Тише, тише. – Я крепко ухватила мальчишку обеими руками, утыкая его лицом в свою грудь, чтобы хоть немного заглушить крики, действующие на кэльпи, как бестолковое размахивание палкой перед оскаленной собачьей мордой. – Я лирха, я тебя вытащу из беды, только не кричи. Ты в безопасности, это чудовище тебя не тронет.

Пока – не тронет.

Очередной удар, от которого «запрещающий» знак, висящий в воздухе, пошел трещинами. То ли человечесья кровь слабее шассей, то ли я второпях напутала что-то, но эта преграда оказалась значительно хлипче той, что в свое время сдерживала Госпожу Загряды.

Мальчик всхлипнул и затих, дрожа всем телом, как щенок с обкорнанным ухом, которого я когда-то давно, целую жизнь назад, подобрала на обочине дороги рядом с разоренным ромалийским лагерем. Я прикрыла глаза, вслушиваясь в окружающую тишину.

Шорох безжалостно сминаемых стеблей, низкое горловое рычание, едва различимый металлический скрежет. На оскаленной морде кэльпи нарисовалось почти человеческое изумление, когда покрытые латами железные руки харлекина цепко ухватили «водяную лошадку» за задние ноги в момент, когда та намеревалась еще раз подняться на дыбы, чтобы сокрушить ненавистную невидимую стену, и резко дернули, оттаскивая нечисть в сторону от «добычи».

Металлический скрежет, от которого на спине вдоль позвоночника нарастает прочная

шассья чешуя, низкий гул, как от удара в тяжелый гонг. Я торопливо сдернула с головы плотный яркий платок, украшенный шелковыми кистями, ловко замотала им ребенку лицо и голову, затягивая путаный узел сбоку.

– Не смотри на зло, и оно тебя не увидит. – Я аккуратно спустила с колен мальчишку, усадив его на землю. Тот беспомощно уцепился за мою одежду тонкими, ободранными на костяшках пальцами, замотал головой, тихонечко, нечленораздельно постанывая, будто разом утратив способность к человеческой речи. – Сиди тихо, и все будет хорошо. Обещаю.

Встать, повести плечами, словно сбрасывая невидимое покрывало.

Шаг вперед, сквозь преграду защитного контура, неприятно щекочущего кожу крохотными муравьиными лапками.

Над ночным лугом волнами перекачивается студеной ветер, остро пахнет травяным соком, вывернутым дерном, железной окалиной и холодной туманной сыростью. Краткое, всего на удар сердца, мгновение, когда мельком увиденное зрелище будто клеймо ставит и вспоминается в будущем в самых мельчайших подробностях, которые забываются столь же неохотно, как стирается с каменной плиты однажды выбитая надпись.

По-собачьи припавший к земле кэльпи, ощеривший тонкие блестящие зубы, плавно переступающий с ноги на ногу Искра, низко опустивший голову. Латы харлекина на левом плече смяты, по волосам-струнам то и дело пробегают бело-голубые огоньки...

Нет, с водяной нечистью надо иначе. Воду не убьешь, кромсая ее мечом или острыми когтями, не сокрушишь ударом тяжелого кулака – но можно укротить, заключив в крепкие тиски рукотворного русла и перекрыв плотиной.

Там, где не поможет сила, справится магия.

Шаг в сторону и вперед, на первый круг танца. Руки то взлетают над головой, то резко опадают, бессильно повисая вдоль туловища, лирхины браслеты на руках и ногах задают новый ритм – рваный, быстрый, кажущийся бессвязным. И свивается тугая, едва заметная нить, тянется через путаную сеть окружающего мира к харлекину, осторожно, будто неловко касается сияющего золотом «управляющего блока», скрытого под железной броней.

Мой шаг замедляется, тело кажется грузным, тяжелым, неповоротливым. Искра дернулся, обернулся в мою сторону – и я ощутила его взгляд, как острую тонкую спицу, воткнувшуюся в переносицу.

Больно.

Поворот. Харлекин повторяет мое движение, будто отражение в зеркале, пропуская мимо себя скакнувшего вперед кэльпи.

Изогнуть спину, откинув голову назад, качнуться из стороны в сторону, помогая себе плечами – шассье движение, не человеческое, – и резко согнуться пополам, так, что подбородок ударяется о ключицу.

Заплетенные в косички длинные волосы неровным веером летят вперед – и совсем рядом, в нескольких шагах, со свистом рассекает воздух тысячхвостая железная плеть, в которую обратились харлекины струны.

Яркая белая вспышка, треск – и следом за ним взрыв, отбросивший меня в траву ударом невидимого молота, грохот, от которого тоненько запищало-зазвенело в ушах. Повеяло послегрозовой свежестью и почему-то мокрыми подпаленными тряпками, на лодыжки плеснуло чем-то нестерпимо горячим, текучим – уже не кровь, но еще не вода, что-то посередине.

Уши словно воском заклеены. Перед глазами плавают яркие пятна, расцветивающие черноту.

Меня перевернули на спину, попытались усадить, поддерживая голову.

Тьма отступала неохотно – я не сразу поняла, что меня трясут за плечи и легонько шлепают по щекам, приводя в чувство. Низкий, рокошующий бас Искры перемежается высоким, звенящим от напряжения детским голоском.

– Змейка! Ты как? Ты меня слышишь?

Я мотнула головой и торопливо зажмурилась, пережидая подступившую к горлу

тошноту. Почувствовала, как чьи-то маленькие ладошки ухватили меня за когтистую руку, покрытую чешуей, легонько подергали, будто стремясь убедиться, что это не вычурная перчатка.

– Что? – Я с трудом остановила пестрящий цветными пятнами взгляд на мальчике, схватившемся за мою ладонь, как за спасательную веревку. Боится, очень боится – но в глубине души у него зреет что-то теплое, яркое, как лепесток пламени.

– Почему ты такая? – В голосе ребенка звенит приближающаяся истерика.

Уши уже не закладывало тишиной, зато голова начала прямо-таки раскалываться от боли.

– Прокляли, – через силу прохрипела я. – Потому из табора ушла.

Мальчик отшатнулся – я успела подумать, что он сейчас удерет куда глаза глядят с криком «чудовище!» – и вдруг подался вперед, обеими руками обнимая меня за шею и с громким плачем утыкаясь лицом в жесткое, покрытое шассей чешуей плечо.

Я вздрогнула, растерянно взглянула на Искру, уже успевшего сменить облик, и неловко обняла ревающего во весь голос, жмущегося ко мне человеческого ребенка когтистыми руками...

Глава 4

К полудню окончательно распогодилось, свежий ветер угнал тяжелые дождевые облака дальше на север, а чистое небо обратилось в яркий бездонный аквамарин, на котором оброненной золотой монеткой блестело майское солнце.

Я угрюмо брела по еще сырой дороге, старательно обходя лужи, стоявшие в колеях и ямках, а за мной шел не слишком довольный жизнью харлекин, придерживающий под уздцы крепкого рыжего жеребца со светлой, аккуратно подстриженной гривой.

Конь по кличке Вереск достался нам, когда мы с Искрой покидали переставший быть гостеприимным ромалийский табор. Отец спасенного мальчика окликнул нас, уже успевших отойти от ярких фургонов, и, пряча взгляд, протянул харлекину поводья статного, оседланного жеребца. Дескать, люди мы или нет, а ромалийцы долги свои всегда отдадут. Любому отплатят добром за добро, ответят мстью на причиненное зло и не посмотрят, человек перед ними, нелюдь или подлунная тварь. Каждому по заслугам достанется, вот и на этот раз – за спасение единственного сына отдает своего лучшего коня, чтобы дорога путникам показалась короче и легче.

– Говорил же, надо быть поосторожнее, – вздохнул Искра, не давая себе труда обойти неглубокую лужу и на втором же шаге по щиколотку погружаясь в мутную воду. Чертыхнулся и все-таки выбрался на более сухую обочину, разглядывая испачканные рыжей грязью сапоги. – Как нас лирха на твоей мнимой слепоте подловила. Едва заметила, что ты не задумываясь берешь сладости у меня с ладони, так и заподозрила неладное. А пацан только добавил ей уверенности в собственной правоте относительно нас с тобой.

Я промолчала. А чего спорить, если харлекин прав?

Казалось бы, ночная скачка, а затем и охота на кэльпи закончилась удачно, ребенка мы вернули на руки плачущей матери целым и невредимым, да и я успела обобрать золотистую чешую с тела раньше, чем мы показались в таборе, но утром лирха Цара вежливо попросила нас с Искрой уйти, пока не поздно. Потому что отбитый у «водяной лошадки» мальчик, оказавшись в безопасности, под большим секретом поведал матери о «проклятии» своей спасительницы, о том, что глаза у пришлой женщины совсем не слепые, что они горят золотым огнем, а руки до плеч обращаются в ящеричьи лапки. Просил о помощи, а вместо этого навлек на нас пусть не беду, но неприятности.

– Не сдали бы, – задумчиво пробормотал харлекин себе под нос, взбираясь на недовольно всхрапнувшего коня и выпрямляясь в седле. Посмотрел на меня, усмехнулся своим мыслям и заговорил громче, уверенней: – Мы, конечно, оказали им неплохую услугу, но кто этих людей знает. Сегодня они тебе улыбаются, подливают вино в кружку и

подсовывают девиц покрасивше, а на следующий день просыпаешься от ножа под лопаткой или от сапога стражника, ласково пинающего тебя в бок.

– Ладно тебе. – Я наклонилась, чтобы подобрать подол, едва-едва не касающийся сырой глины. Скрутила зеленый лен в жгут и подсунула кончик под узкий плетеный ремень, на котором болтался кошель с таррами. Идти сразу стало удобнее, зато стали видны ободранные накануне коленки и аккуратно замазанный густой коричневатой мазью, доставшейся от лирхи Цары, подживший порез на ноге.

– Красавица, спору нет, – усмехнулся Искра, подводя Вереска вплотную ко мне, наклоняясь и протягивая руку, перехваченную на запястье широким кожаным браслетом с металлическими бляшками. – Залезай, иначе до развилки с южным трактом до вечера не доберемся.

– Не люблю лошадей, – нарочито закапризничала я, с опаской глядя на рослого жеребца, спокойно стоявшего на месте и косившегося в мою сторону с редким безразличием. – Я на них ездить не умею.

– Тебе и не надо уметь. – Искре, похоже, надоело меня уговаривать, поэтому он просто склонился ниже, обхватил меня рукой за талию и легко вздернул вверх, усаживая за собой. – Достаточно лишь покрепче за меня держаться.

Я не успела толком возразить, только ухватиться за Искров широкий кожаный пояс, как оборотень ударил коня пятками по бокам и пустил вскачь по подсохшей уже дороге. Я пискнула и вжалась лицом в широкую спину харлекина, чувствуя, как меня подбрасывает на каждом конском скаке.

– Колени сожми!

– Что?

– Колени, говорю, сожми посильнее. – Искра обернулся, лисьи глаза его смеялись, играли на солнце янтарными окатышами. – Сидеть будешь крепче, а то болтаешься, как мешок с поклажей.

Я послушалась. На удивление, совет помог – подбрасывать и в самом деле стало не так высоко, но не прошло и четверти часа, как вначале колени, а затем и бедра начали каменеть от напряжения и ныть. Ох, и намаюсь я, когда слезу наконец-то на твердую землю! Похожие ощущения возникали, когда лирха Ровина учила меня ромалийским пляскам. Для танцев нужны были сильные, крепкие ноги, вот и приходилось то передвигаться вдоль дороги, у которой вставал табор, на карачках, мелким, переваливающимся «гусиным шагом», то подолгу стоять у стены на полусогнутых ногах, делая вид, что на самом деле ты сидишь на невидимом табурете. После таких занятий я тихонечко подвывала от «иголочек» в ступнях и икрах, а уж что творилось на следующее утро – страшно даже вспомнить. Ноги не гнулись вовсе, и если забраться в фургон по-прежнему было нетрудно, то вот спуск вниз по узкой разборной лесенке становился испытанием не из легких. Постепенно я привыкла, ни танцы, ни упражнения больше не вызывали таких болей, но с новым телом, судя по всему, придется начинать все заново, если я хочу и впредь чаровать нелюдь ромалийскими плясками.

– Змейка! – Голос Искры стал выше, чуть зазвенел металлом. Я вздрогнула, подняла голову. – Смотри!

Слева, среди травяных волн, неся табун диких лошадей.

Тонконогих, поджарых, с длиннющими гривами, стелющимися над высокими травами. Шкура отликает на солнце чернью и рыжиной, как полированное дерево, или серебрится, будто покрытая инеем, звонкое ржание раскалывает нагретый солнцем воздух, далеко разносится над лугом. Первым скачет рослый, снежно-белый вожак, по размеру не уступающий чудовищному самцу кэльпи, который бился в невидимую стену защитного круга прошлой ночью.

Невозможно красивые, свободные, полные жизни создания. Я таких не видела ни в городах, ни в таборе. Да и не могло там оказаться подобных красавцев – ведь они встречаются лишь на воле, посреди ровных, как стол, степей и зеленых лугов, их не увидишь на базаре или под седлом. Те, кого калечат железные уздечки и плети, день за днем

приручая, вынуждая подчиниться человеку, уже совершенно другие животные. С опущенными головами, потухшим, покорным взглядом...

Вереск неожиданно отозвался высоким, звонким ржанием на клич жока, взбрыкнул, пытаясь свернуть с дороги и присоединиться к диким собратьям, но был остановлен крепкой рукой Искры, натянувшей поводья.

Рывок вперед, от которого я едва не слетела на землю, низкий горловой окрик харлекина – и конь нехотя свернул обратно на дорогу, неторопливо, с оглядкой переходя на равномерную рысь. Я проводила взглядом удаляющийся к горизонту дикий табун и попыталась разжать намертво вцепившиеся в Искрову куртку пальцы.

– А ты еще удивлялся, почему я не люблю лошадей.

– И до сих пор удивляюсь, – отозвался оборотень, накрывая мою замерзшую ладонь своей, горячей, чуть взмокшей от пота. – Лошади, они ведь как мы с тобой. Очень не любят оковы и плети и предпочитают жить сами по себе, а не по чьей-то указке. Или тебе понравилось на цепи у змеелова?

Последнюю фразу он произнес легко, нарочито игриво, но за ней крылась обида. Как и когда Искра узнал, что в плену у разноглазого дудочника со мной обошлись гораздо вежливей, чем с человеком, да еще и ключик от цепей ненароком оставили, понятия не имею. Может, Михей-конокрад, что выдергивал меня, едва не застрявшую меж прутьев решетки, как репку из земли, проболтался ненароком, а может, харлекин сам догадался. Так или иначе, но Искра затаил эту непонятную, невысказанную обиду и теперь изредка припоминал мне короткий плен у Викторiana как нечто постыдное, недостойное шассы. Как будто я оказалась виновата в том, что меня не распяли на пыточном столе, не попытались живьем снять чешуйчатую шкуру, а всего лишь обыскали и посадили в камеру как обычную ромалийскую воровку. И почему-то попытались научить чему-то непонятному, столь важному для Викторiana, что тот готов был рискнуть жизнью, лишь бы добиться своего.

А все из-за дудочника, в груди которого горело неуголимое пламя мечты-одержимости.

Остаток пути, до самого вечера, я угрюмо молчала, лишь изредка напоминая о себе просьбой об очередной остановке, чтобы хоть как-то размять затекшие ноги, перекусить и сходить по нужде.

Чем ближе к развилке дорог, о которой рассказывал Искра, тем луга становились беднее, травы ниже, а земля суше. Крупные яркие цветы, восхищавшие меня всего неделю назад, будто бы потускнели, стали реже, и теперь среди невысокой, едва по колено, травы выглядывали лишь скромные ромашки, синие звездочки цикория, от которых к вечеру над лугом плыл терпкий медвяный аромат, да странные розоватые «метелки», развевающиеся на ветру, как женские волосы. Солнце, успевшее за день напечь мне голову до противной ломоты в затылке, наконец-то порыжело и коснулось макушек далеких деревьев нижним краем, когда впереди показался высокий столб с аккуратно прибитой поперечиной.

– Дорога к Черноречью, – прочитал харлекин почти невидимую, расплывающуюся перед моими глазами надпись. Обернулся, глядя на мое мрачное, недовольное лицо, и глубоко вздохнул. Спешился, аккуратно снял меня с лошадиного крупа и поставил на землю. – Пройдемся пешком? Заодно поищем место, чтобы заночевать. Караваны сейчас должны ходить часто, весна – самое удобное время для путешествий в Лиходолье, потом становится слишком жарко и сухо.

– Говоришь, как будто ты там уже был, – пробормотала я, выходя на перекресток и глядя на широкую, хорошо утопанную, удивительно ровную ленту дороги, уходящую вдаль на юг.

Не верится даже, что тут каждый год едут сотни подвод с товарами, которые везут на Чернореченский рынок одежду, ткани и утварь, а вывозят редкие травы, ведовские снадобья и многое другое, чем богата только лиходольская степь. Дорога ровная, как стол, а следы от тележных колес вдавлены в слежавшуюся желтую глину всего на два пальца. Перед Загрядой дорога была много хуже, даже перед самыми городскими воротами, где ее ремонтировали чуть ли не каждый сезон, а здесь, посреди лугов, когда до ближайшего крупного поселения

ехать день, а то и два... Удивительно, право слово.

– А если и был, что с того? – Искра подошел ближе, ведя коня под уздцы. Теплая ладонь осторожно опустилась на мое плечо, чуть сжала. – Это случилось очень давно, я тогда только-только осознал себя харлекином и искал прибежища вблизи Черноречья. Думал, что там железному оборотню будет спокойнее, чем в славенских землях, где из-за глупой ошибки на охоте рискуешь стать мишенью Ордена Змееловов.

– А оказалось? – Я неторопливо пошла по дороге на юг, приобняв Искру за пояс и прячась под его плащом от сухого холодного ветра, дующего с запада. Ветер поднимал с дороги песок, который неприятно щекотал колени, выглядывающие из-под подпернутой юбки, оглаживал лицо шершавой невидимой ладонью.

– Оказалось... – Ладонь харлекина ласково соскользнула по моей руке и уютно улеглась на талии, прижимая к крепкому боку оборотня. Искра горько усмехнулся, пальцы, легонько оглаживающие меня сквозь льняную ткань, замерли. – Оказалось совсем иначе. В Лиходолье был прав тот, кто сильнее, впрочем, как и везде. Но если люди, напуганные перспективой стать обедом какой-нибудь нечисти, объединялись вокруг спешно выстроенной церквушки, огораживались высокими частоколами и присматривали не только за собой, но и за ближними своими, то местные хищники вели себя совершенно иначе. Они грызлись между собой за право отхватить как можно больше территорий, за право свободной, единоличной охоты в этой проклятой степи. Те, кто послабее и поумнее, сбивались в разношерстные стаи, а кто-то охотился исподтишка, вылезая из глубокой норы, только когда хозяин территории прятался от слишком яркого и жаркого дневного светила. И разумеется, слабый, меньше года как осознавший себя, железный оборотень не был нужен никому. Почти.

– Почти? – Я подняла на него взгляд. Искра как бы ненароком пожал плечами и беззаботно улыбнулся, но я все равно увидела, как его «ореол» затягивает тускло-серая горечь.

Оказалось, что харлекины после первого превращения не сразу утрачивают человеческие эмоции, которые в дальнейшем заменяет инстинкт и способность подстраиваться, запоминать и демонстрировать на публике подходящее к ситуации настроение. Первые несколько лет после осознания себя оборотнем Искра еще цеплялся за детские воспоминания, за чувства, которые у него были и которые гасли с каждым днем, забывались – и больше не возвращались, оставляя после себя только ничего не значащие слова.

Или же приобретали новый, ранее неизвестный смысл.

С каждым днем короткие штришки на его руке становились все четче и ярче, с каждым превращением в существо из витых стальных жил и железных доспехов он забывал, как это – быть человеком, зато начал узнавать о себе то, чего даже не подозревал. Нужные сведения просто всплывали у него в мыслях и запоминались так крепко, что захочешь – уже не забудешь. Татуировка на руке – знак принадлежности к харлекинам, три последние цифры – номер «модели», вроде родового знака, доставшийся от неизвестного отца. Броня выдерживает гораздо больше, чем самые крепкие рыцарские латы, а если хочешь изменить облик – придется питаться свежей плотью и кровью.

– Знаешь, недавно осознавший себя харлекин чувствует себя хуже, чем шасса в чужой шкуре, – вздохнул Искра, прижимая меня покрепче и чуть ускоряя шаг. – Стирается грань между родовой памятью и теми воспоминаниями, которые были накоплены во время человеческой жизни, чувства выцветают и блекнут, как дешевые краски на ярком солнце. Оборачиваясь в железное чудовище, ты приходишь в себя в другом, гораздо более взрослом теле, которое навязывает тебе совершенно иные потребности. И знаешь, что самое страшное? Нет никого, кто бы объяснил тебе, еще недавнему подростку, что с тобой случилось и как с этим жить дальше. И родовая память – плохая замена наставнику. Поэтому я отчаянно искал хоть кого-нибудь, кто поможет мне разобраться с собой, понять, кем я стал и что с этим всем делать.

– И, как я понимаю, нашел его в Лиходолье?

Искра помолчал, задумчиво прикусывая нижнюю губу. Сероватая туманная дымка не самых лучших воспоминаний ненадолго сгустилась, грозovým облаком закрыла пульсирующий золотом огонек, горящий у харлекина на уровне грудины. Я остановилась и обняла своего спутника обеими руками, прижимаясь лицом к светлой рубашке, видневшейся между лапами незастегнутой куртки. Его ладонь соскользнула было по пояснице, но потом неожиданно поднялась вверх, накрывая горячечным теплом мой затылок под ворохом степняцких косичек.

– Скорее, она сама меня нашла. И обучила таким тонкостям охоты на людей, о которых я даже не догадывался.

– Она? – Я подняла голову, вопросительно глядя в ставшие неожиданно усталыми лисьи глаза.

Искра пожал плечами и улыбнулся.

– Первая любовь редко у кого бывает удачной, но запоминается на всю жизнь. Даже у харлекинов.

Теперь настала моя очередь пожимать плечами. Где-то в глубине сознания, далеко-далеко, в самом уголке, бережно хранилось воспоминание ромалийки Рады об этом самом первом, ярком, как солнце, и захватывающем, как прыжок с высокого обрыва в чистую, глубокую реку, чувстве. Это «что-то» мерцало яркой искоркой, помогало ухватить тонкую, сверкающую нить заклинания во время ромалийского танца, но все равно оставалось неизведанным и непонятым.

– Я думала, что харлекины не чувствуют ничего подобного, что...

– Наверняка тебе рассказывали, что такие, как я, просто бездушные и вечно голодные железяки, да? – Искра бесцеремонно перебил меня, наклонился, крепкие пальцы аккуратно ухватили в горсть туго заплетенные косички. Не больно, но уже не слишком приятно. – Знаешь, так оно и есть. С течением времени мы полностью забываем о таких мелочах, как эмоции. Помним, что есть такие странные слова, как «привязанность» или «верность», помним, что они обычно значат у людей, но больше не ощущаем ничего подобного. Совсем. Поначалу, в первый год-два после превращения, я еще был способен на эмоциональные порывы, но потом это ушло. Как я думал – безвозвратно.

Он несильно потянул меня за волосы, вынуждая запрокинуть голову так, чтобы я смотрела в светло-карие, вызолоченные лучами заходящего солнца лисьи глаза. Серая дымка, окутывавшая его «ореол», растаяла без следа, позволяя мне увидеть ярко горящий огонек-одержимость, золотые лепестки которого прочно вросли в ровное сияние, переливающееся всеми цветами алого.

– Но я ошибся...

Искра приблизил свое лицо почти вплотную к моему, так, что я ощутила, как кончики его волос, которые он оставил свободно полоскаться на ветру, легонечко щекочут мои щеки.

Сердце почему-то пропустило удар, а потом забилося вдвое быстрее.

Я потянулась навстречу харлекину, но тот неожиданно уклонился, легонько мазнул губами по моему виску и выпрямился, внимательно глядя на меня сверху вниз. Наверное, удивление и невесть откуда взявшаяся досада столь явно нарисовались у меня на лице, что Искра вначале недоверчиво склонил голову набок, а потом почему-то улыбнулся. Едва заметно. Даже не улыбка – так, легкая, призрачная тень.

– Ты расстроилась, что я тебя не поцеловал.

Не вопрос, а утверждение. Отдающее ноткой самодовольства.

– Да ну тебя...

Я неожиданно смутилась, как будто Искра поймал меня на чем-то постыдном и непозволительном, торопливо отвернулась и попыталась высвободиться, но рука харлекина держала крепче железного обруча.

– Ты же не думаешь, что теперь я тебя отпущу?

Голос низкий, рокошующий, перекатывающийся вдоль позвоночника донельзя приятным,

будоражающим шипастым шариком. Повеяло грозовой свежестью, конь, до того спокойно стоящий рядом с нами, вдруг захрапел, рванулся в сторону, натягивая поводья и безуспешно пытаясь вырваться на свободу.

Ладонь, безмятежно оглаживающая мой затылок, вдруг стала холодной и тяжелой, железные когти очень осторожно, почти невесомо легли мне на шею, чуть вдавившись в кожу. Болезненно-приятно стянуло низ живота, и я потянулась к Искре, первой касаясь его губ в поцелуе.

Так, как не смогла сделать когда-то давно, на заснеженном берегу озера в загрядском парке...

Огни у поворота дороги я заметила издалека. Рассыпанные неподалеку от обочины крохотные островки золотисто-рыжего света весело перемигивались друг с другом, манили обещанием тепла в прохладную майскую ночь. В тишине отдаленным эхом звучали голоса, то и дело перемежаемые низким горловым хохотом.

Я торопливо завязала глаза обмахившейся льняной полоской, туго затянула узел на затылке, прижимая разметавшиеся по плечам степняцкие косички, и, покрепче ухватившись за пояс харлекина, чуть свесилась с седла, всматриваясь в густые вечерние сумерки. Вроде бы не очередной ромалийский табор – не слышно привычных для кочевого народа стояночных песен и музыки, да и на разбойников не похоже – те редко раскладывают больше одного костра, остерегаясь привлекать к себе излишнее внимание. Ярких, хорошо заметных огоньков я насчитала чуть больше десятка, а значит, это не одинокий торговец, рискнувший пуститься в долгий и непростой путь до Лиходолья, а целый караван. Оно и верно – вместе гораздо легче путешествовать, чем порознь.

– Да уж, не каждая разбойничья банда рискнет ограбить такой караван, – задумчиво произнес Искра, направляя коня прямоком к ярко горящим кострам. – А вот орденский служащий там всего один должен быть, больше не понадобится.

– Думаешь? – Я с сомнением взгляделась в ставшие заметными зеленовато-синие фигурки людей, сгрудившихся вокруг рыжих огненных лепестков. Людей много, а вот кто из них змееловы – непонятно. Все немного уставшие, немного раздраженные. Кто-то спит в шаге от костра или под едва намеченными контурами телег, с горкой заваленных добром, кто-то залиvisto, хрипло смеется, да так, что над лугом со значительно поредевшей травой разносится эхо. Чуть в стороне медленно бродят стреноженные кони, то и дело склоняющие аккуратные головы к земле. Что ж, по крайней мере, среди них нет угольно-черных пятен, указывающих на присутствие нечисти. – Зато там только люди и обыкновенные животные.

– И то радость. – Искра стукнул пятками по бокам Вереска, заставляя его перейти на рысь. – Хотя бы не придется ни за кем гоняться половину ночи. Будем проситься в этот караван или поищем следующий?

– А этот чем плох? – удивилась я, поправляя повязку и нашаривая пристегнутый сбоку к седлу посох лирхи Ровины. Не забыть бы снова о своей «слепоте», а то беды не оберешься.

– Пока – ничем, – равнодушно пожал плечами харлекин, натягивая поводья и останавливая коня у обочины. – Но сейчас к нам подойдут поздороваться, тогда точно и узнаем.

И в самом деле – от небольшой группы людей, сгрудившихся у самого близкого к дороге костра, отделились четверо и неторопливо направились в нашу сторону. У всех четверых синева спокойствия окрасилась багрянцем подозрительности и настороженности. Кто-то положил руку на пояс, где, судя по всему, висело оружие, кто-то небрежно помахивал длинной, свернутой в кольцо плетью в опущенной к земле руке. Вроде как безобидно, но я уже не единожды видела, какой «безобидной» может быть такая плеть с прячущимся в кожаной кисточке стальным шариком. Как длинный «хвост» взлетает вверх и раскалывает вдребезги кружку, находящуюся в руке обидчика. Или безжалостно хлещет по глазам, заставляя противника выронить меч и схватиться за лицо, подвывая от боли.

– И кого же к нам принесло на ночь глядя? – раздался сочный, раскатистый бас

человека с плетью. Он выступил вперед, чуть пританцовывая, переминаясь с ноги на ногу и глядя на нас с Искрой снизу вверх. Кожаный плетеный «хвост», свисающий до самой земли, едва заметно подрагивал, будто бы живой: достаточно удара сердца, и плеть взвьется вверх и легко дотянется даже до всадника. Хорошие охранители у каравана. Ромалийские.

– Путников, кого же еще. – Харлекин улыбнулся, перекладывая правую руку поближе к оголовью широкого меча. – Едем до Чернореченского рынка, а там – как получится. Не по пути нам будет?

– Ишь какой шустрый, – хохотнул тот, что держал чадающий, пахнувший душистой смолой факел над головой, светя так хитро, что яркий свет слепил глаза, не давая разглядеть лицо человека. – Нахлебников везде хватает, а в караван только людей полезных берут. Ты-то еще ладно, мужик вроде крепкий, занятие нашлось бы, ну а за девку свою слепую два серебряных уплатить сумеешь? А то отрабатывать ей не руками, а кое-чем другим придется.

Человек басовито, раскатисто хохотнул, как будто бы удачно пошутил, и тотчас взвыл, роняя факел в траву и хватаясь за лицо, рассыпая малопонятные, злые проклятия. Искра же демонстративно покрутил в пальцах выхваченный из кармана крупный лесной орешек, неколотый, в крепкой коричневой скорлупе. Один в один к тому, которым харлекин мгновение назад метко запустил аккурат в переносицу моему обидчику.

– Сестра? – поинтересовался ромалиец с плетью, равнодушно обходя ругающегося товарища, подбирая с земли потрескивающий и плюющийся горячей смолой факел и поднимая его повыше, так, что теплый оранжевый свет выхватил наши с Искрой лица из темноты.

– Жена, – коротко отозвался харлекин, перехватывая орешек поудобнее и сдавливая его кончиками пальцев так, что скорлупа разломилась с громким треском. Искра аккуратно выудил спелое ядрышко из мелких осколков, вложил его в мою ладонь и повернулся к ромалийцу. – Так что, примете?

Тот неопределенно пожал плечами и несильно ткнул концом плети в плечо распрямившегося человека, боязливо ошупывающего распухший нос.

– Цел? – И, не дожидаясь ответа, махнул нам. – Ты, рыжий, слезай с коня и веди его поближе к огню, там и разберемся. Женку свою с седла можешь пока не снимать, и так хорошо будет...

Я устало провела по лбу ладонью, борясь с острым желанием разлечься прямо на конской спине и подремать, пока Искра будет пытаться договориться с торговцами, чтобы те взяли нас в караван и позволили ехать с ними до самого Лиходолья. Глаза слезились, будто бы запорошенные мелким речным песком, я все пыталась потереть их, но пальцы натывались на грубоватую, обмахившуюся повязку, растирать которой веки – это сделать себе вдвое хуже. Я чувствовала себя невыспавшейся еще вчера, когда половину ночи пришлось гоняться за кэльпи, а ранний подъем и день, проведенный в дороге, к вечеру сделали меня сонной и неторопливой, будто перед зимней спячкой. Потому, когда кто-то из сидящих у костра людей предложил купить нам с Искрой места в караване, если рыжий сумеет опрокинуть его на землю в честном поединке, я даже ухом не повела, заранее зная, что харлекин любого человека положит на обе лопатки. Конечно, если противник не дудочник, играющий мелодию подчинения.

Не потребовалось и минуты, чтобы понять, насколько я ошиблась.

Человек, пожелавший «честного поединка» на недлинных палках, был высок, чуть выше Искры, но при этом жилист и худощав. Правую руку он все время прятал за спиной, держа палку в левой, но, несмотря на это, успел не раз и не два играючи дотянуться до харлекина, нанеся тому несильные, но очень обидные удары по затылку. Искра злился, вертелся юлой, но все равно попадался на ловкие приемы, дважды получая по выставленному вперед колену концом собственной палки, а при попытке дотянуться до противника едва не выпустил «меч» из рук из-за хлесткого щелчка по запястью.

Я оглянулась: караванщики, до сих пор равнодушно сидевшие у костра, подтянулись ближе, наблюдая за бесплатным развлечением на ночь глядя и отпуская едкие, колкие

замечания. Кто-то довольно хохотнул, когда человек грациозным, почти неуловимым движением вывернул палку из руки Искры и отбросил ее прочь, за границу освещенного пламенем костра круга, оставив харлекина безоружным.

– И это все? Парень, да с такими навыками надо дома сидеть, а не в Лиходолье со слепой бабой рваться. – Искров поединщик крутанул палку так, что рассекаемый ею воздух низко, басовито загудел, и демонстративно опустил ее к земле. – Хватит играть, езжай своей дорогой.

– Ты меня еще не опрокинул, – тяжело выдохнул, оскалившись, харлекин. Торопливо расстегнул и сбросил сковывающую движения куртку, чуть пригнулся, отступив на полшага.

– Все-таки хочешь, чтобы я тебя извозил в пыли, – чуточку снисходительно и, как мне показалось, скучающе вздохнул человек и подался вперед, раскачивая палку, выставленную перед собой. Все быстрее и быстрее, пока мне не почудилось, что ровная деревяшка начала изгибаться, как змея, как тоненький ивовый прут, хлесткий удар которого может прилететь исподтишка с любой стороны.

Если Искра продолжит по привычке бросаться на противника, то проиграет. Я видела, как его противник чуть покачивается всем телом, напоминая шассу, изготовившуюся к броску, как он переносит вес с ноги на ногу и чуть приседает, добавляя себе устойчивости. Он как кнут, гибкий и упругий, двигается, будто привык драться с теми, кто явно превосходит его по силе, но уступает в ловкости. А харлекин был как раз из тех, что пользуется сначала силой и скоростью, а потом всем остальным. Загряда не научила его осторожности по отношению к противнику-человеку, он привык идти напролом, ускоряясь или уворачиваясь в последний момент, когда меч или шестигранный кол уже летели ему в грудь. Но впервые он столкнулся с хорошо обученным воином, человеком, которого надо победить, а не уничтожить, попросту разорвав того в клочья. Искра не знает, как поступить, и потому пропускает удары, которые безвредны, будучи нанесенными палкой, но если бы это был меч...

Я кое-как слезла с коня, опираясь на Ровинин посох. Золотой браслет на моей руке всплакнул тонким металлическим звоном – и человек, играючи размахивающий палкой перед лицом Искры, на мгновение сбился с четко выверенного ритма. Что-то колыхнулось у него внутри, пробилось сквозь синеву спокойствия густо-сиреневой вспышкой затаенной ненависти. Он повернулся ко мне, и маленькая металлическая бляшка на его поясе блеснула рыжим, поймав на отполированную поверхность отблески костра.

Змея, пронзенная мечом. Знак Ордена Змееловов.

Меня как ледяной водой окатило. Вот зачем орденец вызвал Искру на поединок, зачем намеренно злит его простенькими, но эффективными приемами – наблюдает и ждет, проявится ли где-нибудь нечеловечья сущность. В чем угодно – в движении, в блеске глаз, в запахе или голосе. А она непременно проявится: чем больше харлекин злится, тем сложнее ему удерживать над собой контроль, тем сильнее хочется отрастить железные когти и одним движением перерезать горло нахальному человечешке. Его «ореол» уже полыхает алым пламенем, заключенным в частую золотую сеть, почти прорывается сквозь тонкую пленку спокойствия-человечности, сквозь маску, которая так и не приросла к лицу.

Их надо остановить. Или помочь Искре удержаться на этой тонкой и острой, как лезвие ножа, грани.

Лирха Ровина когда-то учила меня, что все живое и неживое подчинено своему особому, неповторимому ритму. Ритм есть у всего – у человеческого сердца и у шума ветра в кронах деревьев. У капель дождя, падающих на землю. У колдовской пляски, как и у битвы не на жизнь, а на смерть, тоже есть свой ритм. Главное уловить его, прочувствовать всем телом, стать его частью, и тогда сможешь понять своего противника или партнера по танцу. Сможешь стать его отражением, предсказывать каждый его шаг, каждое движение и по необходимости продолжать его.

И у Искры, и у служителя Ордена Змееловов тоже есть свой ритм.

Я с силой ударила посохом о землю, монетки на браслете звонко всплакнули,

перекрывая хохотки и гомон.

– Искра!

Он обернулся, едва не пропустив удар. Неловко отшатнулся в сторону, оказавшись на два шага ко мне ближе. Рыжие волосы растрепались, почти полностью занавесив лицо, на подбородке уже наливаются безобразный синяк, по шее стекают капельки пота.

– Искра, слушай меня! Слушай ритм, я тебя поведу!

Зрение сейчас только мешает. Я моргнула, и яркий, сияющий мир погас, оставив меня в полной темноте, в тишине, в которой я слышала шум крови в ушах, глухой стук своего сердца и чуть дальше – тяжелое дыхание харлекина и свист рассекаемого палкой воздуха.

Еще один удар Ровининым посохом о землю, переступить с ноги на ногу, добавляя в глухой стук резкий, короткий перезвон браслетов. И еще раз. И еще.

Тьма чуть расступается. От каждого удара посоха, от каждого перезвона браслетов в полной темноте появляются едва заметно светящиеся серым волны. Как круги на поверхности воды от брошенного камня. Они сталкиваются, образуя перекрестья, широкими дугами расползаются во все стороны и на краткое мгновение очерчивают два контура. Один – харлекина, второй – орденского служителя.

Я вижу их как пляшущих марионеток. Будто бы каждое движение внезапно перестало перетекать из одного в другое. Просто «куклам» кто-то начал менять позы и показывать мне лишь конечный результат...

Вспышка, очередная призрачная дуга коснулась поединщиков, обрисовав контур орденца, тянувшегося палкой к Искровому колену. Один удар, за ним будет толчок в плечо – и харлекин окажется на земле. Просто потому, что не сможет устоять, человеческое тело не позволит сохранить равновесие.

– Слушай меня!!

Переливчатый звон браслетов на мгновение прерывается, в наступившей тишине слышен лишь глухой стук посоха о землю...

Харлекин легко уклонился от удара, скользнул в сторону так, что палка впустую хлестнула по воздуху. Начался новый круг танца, но теперь его вел Искра, а не орденский служитель. Безоружный, мой спутник каждый раз оказывался лишь на волосок дальше, чем могла дотянуться палка – как перышко, которое нельзя разрубить мечом, потому что оно всегда оказывается вне пределов досягаемости, отталкиваемое порывом воздуха, неизбежно поднимаемого летящим лезвием.

– Достаточно!

Неожиданно раздавшаяся команда мгновенно перекрывается недовольным гулом голосов, который, впрочем, быстро стихает. Я остановилась, обернулась на новый голос, звучащий откуда-то со стороны костра. Видимо, кому-то из караванщиков надоело затянувшееся представление под звон ромалийских бубенцов.

Чья-то рука опустилась мне на плечо, другая ухватила за раскачивающийся посох, останавливая его. Я испуганно дернулась от неожиданности, расступившаяся было тьма перед слепыми глазами мгновенно сгустилась до непроницаемой черноты. Кто-то бесцеремонно сдернул с моего лица повязку, вырвав несколько зацепившихся за нее волосков, жесткие пальцы больно ухватили за подбородок, разворачивая лицо.

– Ты точно слепая?

Чужой голос чуть дрожит, дыхание шумное, сбитое. Пальцы, лежащие у меня на подбородке, сжимаются сильнее, причиняя боль.

– «Зрячие» видят сердцем, а не глазами. Пусти.

– Отпусти ее, Ризар. – В том же самом голосе, что остановил поединок одним лишь словом, теперь звучало довольство. – Я готов сам заплатить этим людям, только чтобы они мои товары охраняли. Подобрать на дороге «зрячую», которая даже орденского служителя может сбить с толку, – большая удача. Особенно на пути к Лиходолью.

Жесткие пальцы неохотно соскальзывают с моего лица, сильная рука перестает тянуть за посох, оставляя его в моей ладони.

– Не пожалеть бы, господин хороший. – В голосе ордена Ризара слышится насмешка, но он все-таки отступает, нарочито громко загребая ногами по шелестящей упругой траве.

– Вот ведь неугомонный. – Обладатель властного голоса оказывается ближе, неожиданно мягкая, холеная ладонь касается моей руки, осторожно приподнимает ее и слегка сжимает. – Как тебя зовут, «зрячая»?

– Ясмия.

– Ромалийское имя. Красивое. – Я ощутила, как теплое дыхание облачком коснулось моей ладони, и торопливо выдернула руку, спрятав ее за спину. Караванщик негромко рассмеялся, обращаясь к кому-то, стоящему поблизости. – Из-за тебя, что ли, девица из табора своего ушла?

– А то как же. – Низкий, рокошующий голос харлекина раздался над самым ухом, и тотчас крепкая, сильная рука кольцом охватила меня за плечи, притягивая к груди. – Так что, возьмете к себе в караван?

– Возьму под свое покровительство. Завтра покажу телеги, которые будете охранять, а сегодня отдыхайте. Пошли, отведу к своим. Спать на мешках с хлопком всяко удобнее, чем на земле у костра.

Не соврал торговец – на туго увязанных бечевой тюках, набросанных на телегу с деревянной обрешеткой, действительно оказалось удобнее, чем на холодной, жесткой земле. Впрочем, не успела я толком устроиться, как Искра подтянул меня к себе, так, что моя спина оказалась прижата к его груди. Я очутилась будто бы сидящей в кресле, где подлокотниками служили широко расставленные колени харлекина, а спинкой – его широкая грудь. Мой спутник накрыл нас обоих плащом так, что я по шею оказалась спрятана под этим необычным «шалашиком», и тогда ладони Искры скользнули по моей талии, а длинные, гибкие пальцы принялись аккуратно распускать шнуровку платья.

– Не бойся. – Тихий, низкий шепот в обступившей меня темноте. – Этого никто не заметит, а я хочу, чтобы ты просто привыкла ко мне. Я не сделаю тебе больно, обещаю.

Шнуровка платья довольно быстро поддалась, и теплая, сухая ладонь Искры скользнула мне за пазуху, осторожно-осторожно, самыми кончиками шершавых пальцев касаясь обнаженной кожи. Я глубоко вздохнула, ощущая чуть резковатый, с едва ощутимой ноткой металла запах харлекина, пробивающийся сквозь запах человеческого пота, откинула голову назад, потерлась затылком о шею моего спутника. Низ живота опять свело приятной, все нарастающей судорогой, я чуть повернулась, и моя грудь легла в ладонь Искры, как в чашу.

Его пальцы едва ощутимо сжались, свободная рука обвила меня за пояс, медленно подтягивая вверх подол платья.

– Спи, Змейка. Я буду сторожить твой сон.

Я послушно закрыла глаза, чувствуя затылком, как все быстрее и быстрее бьется сердце харлекина.

Почти так же быстро, как тот ритм, который я выстукивала перед поединщиками...

Глава 5

Далеко впереди над невидимой еще рекой поднимался густой туман. Белесые клубы плыли в лучах прохладного утреннего солнца, превращаясь в удивительно красивую искрящуюся дымку, пронизанную золотыми копьями, разбавленным молоком растекались по степи, совершенно скрывая из вида берег по ту сторону реки.

Туман превратил переправу через Валушу в призрачную дорогу берегинь, в заколдованное царство, где за комковатой белесой кисеей может скрываться все что угодно, – и чудо, к которому стремился всю жизнь, и потаенный страх, которого пытался избежать изо всех сил. Когда караван подъехал ближе, стали видны ярко-красные наконечники высоченных верстовых столбов, прошивших постепенно редющую дымку. Острые, срубленные наискось, они казались стрелами невероятного гиганта, царапающими

небо.

Обережные столбы, поставленные Орденом Змееловов. Как вешки, что вбивали в землю дудочки вокруг проклятых деревень, создавая круги, запирающие внутри невидимой границы живых пока людей вместе с порожденной ими нежитью, только крепче. Я привстала с телеги, всматриваясь вдаль поверх головы возничего: меж ближайшими столбами, поставленными точно перед переправой, была будто бы натянута едва заметная крупноячеистая сеть, поблескивающая синими огоньками. То самое заклинание, которое не обойдешь, не разрушишь – увязнешь, как муха в паутине. Как там рассказывал словоохотливый торговец, пригласивший нас с Искрой ехать в его телеге, – Лиходолье охотно принимает любого пришлого, а вот обратно без служителя Ордена уже не выйдешь.

Я поморщилась, опускаясь обратно на тугой тюк с хлопком. Тот же «вешковый круг», что я видела рядом с проклятой деревней Гнилой Лес. Только здесь и «вешки» гораздо больше, и запертая территория несравнимо обширней. Шутка ли – огромный кусок степи отделен от Славении такими вот столбами. Я видела, что завелось внутри небольшого «вешкового круга» в Гнилом Лесу. Что могло породить Лиходолье – оставалось только догадываться...

У единственной переправы на четыре парома вытянулась длинная-предлинная очередь из телег, набитых добром, крытых белой парусиной ромалийских фургонов и конных всадников. Гвалт стоял такой, что хоть уши затыкай – отовсюду доносилась невообразимая мешанина из витиеватых ругательств кочевого народа, короткой и понятной площадной брани бывалых торговцев и громких окриков погонщиков животных, пригнанных на Чернореченский рынок в качестве товара. Издалека было видно, что с славенского берега все паромы уходили с грузом, а вот обратно три из четырех возвращались порожними. Не сезон, что ли, чтобы обратно ехать?

– Весна – самое удачное время для ярмарки. – Сидевший впереди рядом с возницей торговец обернулся ко мне, положив на спинку грубоватого деревянного сиденья холеную длиннопалую кисть. – Девки в Черноречье расцветают, прямо как степь вокруг, и с огромным удовольствием тратят на обновки деньги, заработанные за осень и зиму. Впрочем, не только девкам весной бес под ребро вселяется. Чего только у меня не заказывали перед отъездом! Специально приезжали в Черноречье, весточки из самого Златополя направляли, да каждая весточка с длинным таким списком, иногда с целой улицы. Кому рубашку шелковую с оборками привезти, кому куклу фарфоровую, на ребенка похожую, кому охотничий нож с заговором на удачу... Всех не упомнишь, потому записывать приходится. – Чернявый усмехнулся, похлопал себя ладонью по груди. – Торговцы, они, знаешь ли, про покупателей своих иногда знают побольше, чем домочадцы или исповедники, и потому самые лучшие никогда не раскрывают тайну, кому и что когда вез.

– Почему, интересно? – Я переложила посох на колени и откинулась на обрешетку. Искра ехал где-то неподалеку на дареном ромалийцем коне, то и дело осаживая слишком наглого или ретивого возницу, пытавшегося вклиниться в середину очереди к парому без спроса. Из-за этого иногда вспыхивали драки, но успокаивались, даже толком не начавшись, – караванчики быстро растаскивали драчунов в разные стороны, отвечивали по подзатыльнику и отправляли к телегам. Иначе очередь замедлялась, а это не нравилось никому.

– А мало ли, у кого какие странные пристрастия, – усмехнулся торговец, мимоходом разглаживая тонкие усы, аккуратной щеточкой топорщившиеся над верхней губой. – Когда девка просит к лету привезти прозрачную шелковую сорочку с кружевами, чтобы на посиделках поразить избранника в самое сердце, печень и то, что находится пониже, то это еще куда ни шло. Но бывало, что состоятельный и солидный мужчина заказывал по особым меркам женское белье и чулки на подвязках с бантами. Не для женушки или полюбовницы, а для себя.

– Ему-то зачем? – изумилась я, краем глаза замечая подъехавшего поближе Искру. Харлекин давно снял с себя и плащ, и куртку и теперь красовался в одной рубашке с

закатанными по локоть рукавами и распушенной шнуровкой, не обращая ни малейшего внимания на утреннюю прохладу и сырость. Словно грело его что-то изнутри, распирало так, что становилось жарко и майской ночью на холодной земле, и среди утреннего тумана, поднимающегося от реки.

— А я почему знаю? — Мой собеседник пожал плечами и улыбнулся. — Я всего лишь привожу то, о чем меня просят и за что платят. Можно сказать, что я продавец счастья и контрабандист мечты. Потому что мне нравится возить людям радость, нравится доставать то, о чем они давно мечтали, но думали, что отыскать подобную вещь невозможно. Кстати, у меня и для тебя подарочек есть — отдам, когда переберемся на тот берег Валуши. А то смотреть на тебя горестно — «зрячая», а на глазах размахившаяся мешковина. Ни к чему вызывать в людях ненужную жалость или брезгливость своим внешним видом, когда уж его-то можно легко изменить.

Я невольно усмехнулась. Да уж, со сменой внешнего вида он почти угадал. Чего уж проще — было бы желание...

На удивление, очередь быстро продвигалась. Еще с полчаса назад мне со своего тюка были видны лишь вереница фургонов, спины возниц да зловещие столбы, острия которых оказались выкрашенными красной краской, теперь я могла разглядеть выступившие из туманной дымки остовы причала, к которому как раз неторопливо подплывал один из паромов. На нем сгрудилось два десятка человек, бледных, испуганно жавшихся друг к другу. Женщины держали худых до прозрачности детей за руки, сгибаясь под тяжестью объемных заплечных мешков, мужчины нервно переминались с ноги на ногу, то затравленно оглядываясь через плечо, то хватаясь за простецкое крестьянское оружие на поясе — большой тяжелый нож или топор.

И один только человек, стоявший поодаль и укутанный в широкий темно-зеленый плащ, лучился глубоким, невозмутимым спокойствием, будто бы ему и дела не было до горстки перепуганных людей, покидавших Лиходолье.

Паром легонько стукнулся о доски причала. Народ, до того нервно озиравшийся вокруг, едва ли не бегом сошел на берег и, не оглядываясь, торопливо направился прочь от реки, крестясь украдкой и вознося молитву неведомому мне богу. И с каждым шагом отпускало их глубоко укоренившееся чувство страха, будто бы оставаясь где-то позади, в клубах тумана. За невидимым кругом, образованным высоченными столбами.

— Осади!

Резкий окрик, произнесенный низким, раскатистым голосом Искры, произвел впечатление и на возницу, попытавшегося влезть вперед нас в очередь, и на лошадь, которая обреченно тянула груженную с верхом телегу. Человек дернулся от неожиданности, как от удара кнутом, а животное и вовсе шарахнулось прочь, опасно качнув повозку. Началась перепалка, но какая-то вялая и затеваемая больше от скуки, чем от желания всерьез оспорить свое право первым подъехать к берегу.

Я отвернулась, рассмотрев под напускной желчностью и склочностью возницы затаенный страх. Здесь бояться многие, даже те, кого наняли в качестве охраны. Прячут свой страх перед неведомым Лиходольем, окутанным невнятными, пугающими слухами и рассказами местных о лютой нечисти, за показной храбростью, громким голосом и натужным безрадостным смехом. Не боялся только человек, вызвавший Искру на поединок, — он спокойно ехал в середине каравана, развалившись на мешках, и вроде как дремал, подложив под голову свернутый плащ с вышитым знаком Ордена Змееловов у ворота. Украдкой я наблюдала за ним, отмечая и тяжелый револьвер с длинным стволом, висящий на бедре, и правую руку, скрытую под перчаткой из потертой кожи. Странное дело, но когда я взглянула на Ризара — так называл орденца караванщик — шассым взглядом, то оказалось, что рука его будто бы живет своей жизнью отдельно от тела. Потому что спокойная, флегматичная синева ореола Ризаровой души резко пропадала у правого локтя, обращаясь в переливчато-алый цвет, какой обычно бывает у харлекинов, но не у людей. Я вообще никогда не встречала, чтобы многоцветный ореол изменялся по частям, а не

полностью – даже у нежити. Впрочем, возможности узнать ганслингера поближе мне все равно не представилось за то время, что мы с Искрой добирались до Валуши – орденец держался со всеми подчеркнуто обособленно, рта лишний раз не раскрывал, а на меня и вовсе косился с подозрением, явно не доверяя «зрячей» с повязкой на глазах...

Через полчаса берег реки стал значительно ближе. Заостренные верстовые столбы, снизу доверху изрезанные непонятными значками, тоже. Стала видна едва заметная голубоватая паутина заклинания, растянутая между столбами, как рыболовная сеть, перегородившая течение в самом узком месте реки.

– На крайний слева загружайтесь!

Паромщик торопил очередь, размахивая над головой обтрепанной белой тряпицей, больше похожей на обрывок ветхой простыни. Я пригляделась – за поясом низкорослого, кряжистого мужика торчал еще один «флажок», ярко-красный и почти новый, обметанный по краю светлой льняной ниткой.

Застучали по деревянному настилу подбитые железом конские копыта, чуть качнувшись на волнах паром, когда лошади завезли на него телегу и остановились.

– Слезай, Змейка. – Я вздрогнула и обернулась. Искра, уже спешившийся, протягивал ко мне руки прямо поверх тележной обрешетки. – Река беспокойная, а Валушкиным переправам я не доверяю.

– И отчего же? – Краем глаза я заметила, как несколько дюжих молодцев баграми оттолкнули паром от причала и он медленно, еле слышно поскрипывая, поплыл к выступающему из редющего тумана берегу.

– Из-за жадности человеческой. – Харлекин не стал ждать с протянутыми руками, пока я вдоволь наозираюсь по сторонам, и просто выхватил меня из телеги, как ребенка, и аккуратно поставил на сырые, скользкие доски рядом с собой. – Ты посмотри, как этот плот нагружен – осел по самые края. Если под нами окажется водоворот или поднимутся волны, то мы попросту пойдем ко дну.

– Ты решил меня напугать? – поинтересовалась я, на всякий случай отходя подальше от веревочных «бортов», больше напоминавших потрепанную рыбацкую сеть. Больно уж хлипким показалось мне ограждение, за которым плескалась сизая холодная вода, подернутая легкой туманной дымкой.

– Предупредить, милая. – Искра неожиданно притянул меня к себе, крепко обнял, едва ли не с головой укрывая тяжелым шерстяным плащом. Небритый колючий подбородок с тихим шуршанием потерся о мою макушку. – За этой рекой нет выдачи ни змееловам, ни стражникам. Никому. Мы будем сами по себе.

– Ты считаешь такую жизнь счастливой? – негромко поинтересовалась я, не поднимая головы, и сразу же почувствовала, как ладонь, по-хозяйски лежащая у меня на пояснице, остывает и твердеет, обращаясь в тяжелый холодный металл.

– Я хочу хотя бы попробовать. Не понравится – вернемся.

– Думаешь, Лиходолье нас выпустит?

Искра отодвинулся, рука, сохранившая человеческий вид, выскользнула из-под плаща, крепкие пальцы осторожно легли мне на подбородок, заставляя приподнять лицо и заглянуть в яркие лисьи глаза, которые, как мне показалось, впервые с момента нашего знакомства перестали быть усталыми и чуточку затравленными. Напротив, в них сверкал азарт, странное, непонятное мне предвкушение.

– Для начала пускай хотя бы попытается остановить.

Я усмехнулась про себя. После того как харлекин каким-то чудом вырвался из тугих клешей Загряды, уверенности в собственной непобедимости в нем ощутимо прибавилось. В чем-то я его понимала – рядом с таким чудовищем, как Госпожа Загряды, и дудочки-змееловы, и нечисть, осевшая в Лиходолье, казались чем-то мелким, незначительным. Нечисть можно убить закаленной сталью, огнем или деревом, с людьми, вставшими на пути, расправиться еще легче, а вот что можно было бы сделать с тем ворохом голодных, но обладающих неким разумом щупалец, – неизвестно. Скорее всего – ничего значительного.

То, что мы смогли какое-то время сопротивляться Госпоже Загряды, а потом ускользнуть относительно целыми и невредимыми, — огромная удача, граничащая с чудом, но... Откровенно говоря, я бы не стала рассчитывать на подобные подарки судьбы в будущем.

Высокий, крутой берег наплывал на нас из тумана. Рябь на воде создавала иллюзию, что не паром движется к суше, а сам берег с широким, потемневшим от времени и непогоды причалом подбирается с каждой минутой все ближе и ближе, как легендарная черепаха, на панцире которой за долгие-долгие годы ее жизни возник настоящий остров с деревьями, травами и живностью. Теплая ладонь харлекина неторопливо соскользнула с моей щеки и нырнула под плащ, охватывая меня за пояс, на котором висел мешочек с таррами.

— Еще немного, Змейка. И мы на воле.

Он сказал что-то еще, но я не разобрала из-за шума ветра, свободно скользящего над свинцово-серой водой, покрытой мелкой рябью.

За рекой выдачи нет. Никого и никому. В Лиходолье нет соглядатаев, которые в любой момент могут донести на тебя городской страже или, что хуже, в Орден Змееловов, да и сам Орден власть там имеет весьма зыбкую и призрачную. Она еще сильна здесь, в Черноречье, небольшом городке, выросшем у переправы через Валушу, но за его пределами незаметно тает, как горящая свеча на окне. И никто, разве что безумец, не станет искать золотую шассу на просторах засушливой и опасной степи в одиночку, а даже если и решится кто-нибудь... Пусть. Степь велика, потеряться в ней легко, а уж сгинуть навеки и того легче.

Я крепко обняла Искру, прижалась лицом к его груди и так и стояла, пока паром не стукнулся о доски причала на южном берегу реки...

Бывалые путешественники, равно как и местные жители, в один голос твердившие, что нет ничего прекрасней цветущей степи по весне, как оказалось, недоговаривали очень и очень многое. К примеру, те счастливчики, которые имели удовольствие с комфортом пересекать эту самую степь на хорошей крытой повозке, наблюдая роскошное многоцветье из окна, как-то упускали из виду бесконечные порывы холодного сухого ветра, вызывающие ломоту в костях, и внезапную смену погоды, когда ясное небо неожиданно затягивалось тучами и проливалось дождем. Путешественники, заранее запасшиеся водой и дорожным пайком, взахлеб рассказывали об интересной жизни кочевых народов, о красоте бескрайних лугов, о необъятных просторах, но как-то забывали упомянуть о том, что кочевники переселялись с места на место не от хорошей жизни, а потому, что летом мелкие речки пересыхали и люди вынуждены были рыть глубокие колодцы или перебираться к одному из рукавов Валуши, которые мелели только в самую лютую засуху, — иначе смерть, человеку без воды долго не протянуть.

Викториан пробыл в Черноречье всего около двух недель, но за этот недолгий срок успел возненавидеть и вечернюю сырость, и холодные утренние туманы, и полуденный зной, перемежаемый стылым ветром, когда в плаще жарко, а без плаща мгновенно простужаешься. Пожалуй, в горах ему не было так же худо, как в степи, — с тяжелой тростью дудочник уже не расставался вовсе и большую часть дня проводил в доме местного купца, стоящем точно напротив переправы. Как назло поток торговцев, едущих на весеннюю ярмарку на Чернореченский рынок, становился все больше, проверять приехавших было все труднее, и, в конце концов, те немногие из Ордена Змееловов, что были откомандированы в Черноречье, начали спустя рукава относиться к своему долгу, устраивая проверки только покидающим Лиходолье. Тех, кто сам лезет в проклятые земли, и вовсе перестали считать — времени не было, да и много ли сделают два дудочника и три ганслингера? После Загряды подобное соотношение сил стало казаться Викториану смехотворным. Ну, обнаружат они что-нибудь необычное, нелюдское в тех, кто приплыл из-за Валуши, и что с того? В толпе особо не постреляешь, а если нечисть путешествует не одиночкой, а с товарищами, можно нарваться на очень неприятную ситуацию. Было такое, и уже не раз — когда нелюдь, осознав, что сбежать не получится, начинает драть зубами и когтями все живое, до чего в состоянии дотянуться. Результат, как водится, плачевный — и для нелюди, и для случайных свидетелей,

да и для орденцев, если подумать, тоже. Хорошо, если служители только недельной писаниной и денежным штрафом отделаются.

Змеелов аккуратно прислонил к лавке тяжелую трость с недавно замененным клинком, скрывающимся внутри деревянного «футляра», и сел у окна, с облегчением вытягивая больную ногу. Разбитое когда-то колено напоминало о себе все чаще, а вчера дудочник и вовсе едва сумел встать с кровати и доковылять до сумки с лекарствами – сустав распух и болел при малейшем движении. Чудотворная мазь лекаря Коща, выданная перед самым отъездом, облегчила боль и сняла отек, но ходить Вик до сих пор мог только с помощью трости.

Проклятая степь! Поневоле начинаешь задумываться, что дело вовсе не в нечисти, а в отвратительном климате.

Дудочник тяжело вздохнул, выглядывая в окно, за которым царила привычная для Черноречья суeta, – одни паромы приставали к крепкому деревянному причалу, другие удалялись прочь, скрываясь в медленно тающей туманной дымке. На берег сходили новые и новые купцы, за которыми ехали телеги, тяжело нагруженные товарами. Кони звонко стучали подкованными копытами о доски причала, десятки голосов сливались в непрерывный равномерный гул. И все это продолжалось с утра и до вечера. С закатом все паромы оставались на южном берегу Валуши, и тем, кто не успевал за день переправиться через реку, оставалось лишь ждать утра – ночью ни один, даже самый смелый паромщик не согласился бы быть перевозчиком, это было равносильно самоубийству. После заката со дна к самой поверхности поднимались Валушкины русалки, которые крутились на середине реки, изредка подплывая к берегам и выпрашивая очередное подаяние – курицу, кролика, а если русалок было много, приходилось топить козу, иначе на следующий день через реку не сможет перебраться ни один паром.

Нельзя сказать, что когда-то Орден Змееловов не пытался извести водяную нечисть, прочно обосновавшуюся в Валуше, – пытался, еще как. Но вот только без толку – русалок меньше не становилось, а вот на людей обиду они затаили крепкую, и потому в скором времени через реку стало вовсе не перебраться. Водяные топили всех без разбору: и рыбацкие лодки, и тяжелые грузовые плоты, и неосторожных пловцов. В конце концов чернореченцы, плюнув на один из главных законов Ордена, пошли заключать мировую с русалками. Заплатили стадом отборных коров, но водяных все-таки задобрили, и река стала относительно безопасной хотя бы при свете дня. Конечно, приходилось постоянно подкармливать русалок, но чернореченцам оказалось гораздо дешевле топить на закате мелкую живность у переправы, чем лишиться возможности торговать со Славенией.

Неприятно, но приходилось терпеть. Пресечь это безобразие Орден не мог, поэтому пришлось по-своему возглавить – за определенный сбор со всех доходов Чернореченского рынка, в городе постоянно присутствовали как минимум две «связки» змееловов с опытом совместной охоты не менее года, которые в случае необходимости утихомиривали чересчур разошедшихся русалок. А ведь такие случаи были, и не раз: в полнолуние в водяных словно бес какой вселялся, крови животных им становилось недостаточно, и тогда русалки подплывали к самому берегу, а то и выбирались на сушу в надежде заманить в воду незадачливого путника. Удавалось им это довольно редко – чернореченцы тоже не дураки были и с приближением полной луны держались по вечерам подальше от реки, крепко запирали ставни и двери, вешивая над порогом железные подковы. К водяным на ужин попадались разве что приезжие, на свою беду решившие прогуляться вдоль берега, невзирая на предостережения.

Очередной паром пристал к берегу, и Викториан не без удивления узнал в одном из сходящих на причал ганслингера, с которым успел когда-то давно поработать в «связке». Ризар практически не изменился за те несколько лет, что Вик его не видел, – все такой же худой, с мрачным, неулыбчивым лицом и привычкой скрывать правую, искусственную, руку под плащом. Интересно, он все еще носит ту знаменитую перчатку из шкуры золотой шассы или все-таки решил приберечь этот боевой трофей для особых случаев? Вещи из шассей

шкуры, конечно, прочные, но не вечные. Впрочем, как и любые другие.

Вик присмотрелся – издали было не разобрать, что за перчатка надета на правой руке, зато уникальный длинноствольный револьвер, управиться с которым мог один только Ризар, как и прежде, висел на правом боку владельца. Слева на поясе болтался длинный одноручный меч, уже и не скажешь, который по счету. Мечи у Ризара почему-то долго не живут – ломаются у рукояти о панцирь чудовищ, лезвия разьедает едкой кровью нечисти или иззубривает о перерубленные шеи вампиров. Они теряются в бою, их уносят в себе издыхающие твари... Кажется, что казенные мечи этого ганслингера, которыми он пользовался после потери правой руки, были уничтожены всеми возможными способами, которыми только может быть уничтожено боевое оружие, кроме, пожалуй, ржавчины, – до состояния порыжевшей ломкой железки мечи попросту не доживали.

– Похоже, кому-то приспичило поохотиться для собственного удовольствия, – негромко пробормотал дудочник себе под нос, наблюдая за тем, как Ризар уверенной размашистой походкой сходит на берег и, не задерживаясь, покидает небольшой порт, мгновенно растворяясь в пестрой толпе.

Что-то в последнее время среди ганслингеров стало модным «повышать квалификацию» поездками в Лиходолье и охотиться за трофеями в одиночку, без поддержки дудочника на свой страх и риск. Орден на такое безрассудство смотрел снисходительно, выдавал храбrecу три горсти пуль, небольшой денежный аванс, сопроводительную грамоту и отпускал с легким сердцем. Те, кто возвращался после таких «каникул» живым и относительно здоровым, на ближайший год зарекались пускаться в подобные авантюры, зато приобретенный бесценный опыт в дальнейшем не раз спасал жизнь в случаях, когда магия дудочников по какой-то причине не срабатывала.

Впрочем, были и такие, как Ризар, которым давным-давно стало скучно патрулировать славенские кладбища и города, и они на добровольной основе ехали сюда, в Лиходолье, – нести людям освобождение от нечисти и удовлетворять свою собственную жажду. Поговаривали, что только в бою ганслингеры, подобные однорукому мечнику, чувствовали себя по-настоящему живыми.

Викториан невесело усмехнулся – этих искателей приключений в Загряду бы, на ту самую площадь, которая проваливается в преисподнюю, а из-под земли поднимается лес щупалец, хватающих подряд все живое и утаскивающих их вниз, к страшной и непостижимой Госпоже...

Кто ему поверил, когда он вернулся в Орден с полуживой, кое-как подлатанной у городского лекаря Катриной? Кто выслушал змеелова, несущего рассказ о неведомой твари, угнездившейся под городом? Никто. Особенно потому, что пришедшая в себя в орденском лазарете девушка с раздавленной правой рукой говорила только об объявившейся в Загряде золотой шассе и железном оборотне – и ни слова ни о вампирьем гнезде, ни о таинственной Госпоже, заправлявшей нечистью в городе.

Право слово, Викториан тогда искренне пожалел, что послушался вихрастого ромалийца и не скормил окончательно съехавшую с катушек здравого смысла Катрину Госпоже Загряды. Благодарности от своенравной девицы он, разумеется, так и не дождался, а вот проклятий в свой адрес за спасение ее искалеченной жизни и непредоставленное свидетельство смерти золотой шассы наслушался на остаток жизни вперед. Впрочем, Орден все-таки направил две «связки» в Загряду для формальной проверки – те приехали, оценили размер провала у городской стены и благополучно списали все на «естественные причины». Было там что-то про «вымывание почвы», «грунтовые воды» и «ветхую систему канализации», но вот про неизвестное чудовище, похожее на ворох щупалец толщиной с корабельную сосну, ни слова, по крайней мере, в официальном докладе. Или не нашли, или не захотели искать – так, потоптались вокруг дыры в земле, поиграли «общий призыв», да и уехали восвояси.

Бесит!

Дудочник в сердцах хватил кулаком по подоконнику, тихонько зашипел, когда

серебряный перстень больно врезался широким ободком в палец. Самое поганое – знать, что тварь та до конца наверняка не сдохла, а попросту затаилась на неопределенный срок и лет через десять-двадцать, когда сам Викторинан будет не в состоянии гоняться за химерами, вновь объявит себя некоронованной Госпожой города Загряды. А золотую шассу, которая каким-то чудом смогла заставить эту тварь обратиться обратно под землю, отхватив от нее приличный кусок, к тому времени уже днем с огнем не сыщешь. Скроется в горах или, как раньше, среди кочевого народа – и не узнаешь никогда секрета, как с такой «госпожой» совладать можно...

За окном уровень шума снова резко возрос – значит, прибыл очередной паром, переправивший через Валушу еще с десятков торговцев с их барахлом. Викторинан лениво посмотрел в мутное окошко, наблюдая за тем, как дюжие молодцы помогают выкатить на причал телеги с добром, и взгляд неожиданно зацепился за одну девицу в ярком зеленом платье, сидящую на передке одной из повозок и, судя по всему, непринужденно болтающую с возницей.

Русые волосы, заплетенные в десятки тонких косичек, рассыпались по плечам, придерживаемые широкой полотняной лентой, кое-как завязанной путаным узлом на затылке. Узкие плечи, укрытые широченным, явно чужим плащом. Тонкие пальцы, теребящие завязки на груди. Недлинная палка, лежащая поперек колен, которую девушка придерживала локтем, чтобы та не скатилась на землю.

Змеелов медленно поднялся, совершенно забыв про трость и не отрывая взгляда от девицы в зеленом платье.

Вот она повернулась, на ощупь начиная искать что-то в дорожной сумке, и у дудочника захолонуло сердце – лента, которую он поначалу принял за обычный головной убор, оказалась повязкой на глазах.

– Быть не может...

Телега повернула к купеческому дому, направляясь к Чернореченскому рынку. Девушка в зеленом платье прислушивалась к вознице, склонив голову набок, а потом неожиданно звонко рассмеялась, и этот звук, каким-то чудом пробившись сквозь гомон толпы, заставил дудочника шарахнуться от окна, отступить в глубь комнаты, чтобы его ни в коем случае нельзя было разглядеть с улицы.

Потому что смех этот он узнал бы даже спустя много лет. Смех, который звенел над залитой кровью мостовой, когда девица, известная ему как Голос Загряды, танцевала и кружилась под кровавым дождем, размазывая по миловидному лицу багряные капли и слизывая их с пальцев, будто вишнеевое варенье.

– Правильно говорят – не поминай лиха, – тяжело выдохнул Викторинан, подбирая с пола оброненную трость и нащупывая на груди тонкую серебристую дудочку в вощенном чехле. – Непременно явится.

Вот и явилось. Одна надежда на то, что Голос Загряды не привела за собой свою госпожу, а значит, есть еще шансы расправиться с ней до того, как эта тварь успеет прочно укорениться в Черноречье.

Потому что тогда и обережные столбы не спасут Славению от ползущей из Лиходолья нечисти – просто не выдержат, переломятся, как тоненькие прутья птичьей клетки, в которую по глупости посадили злую матерую крысу...

Даже за две длинные улицы было слышно, как гудит Чернореченский рынок.

Гул этот был неравномерным, но постоянным, будто бы где-то поблизости скрывалось громадное осиное гнездо. Народу было – не продохнуть, такого плотного потока я не встречала даже на узеньких улицах Загряды. Хорошо хоть, что рядом был Искра, в локоть которого я вцепилась покрепче клеща, – харлекин вклинивался в людской поток, стремящийся к рынку, легко и непринужденно, как лодочный киль, рассекающий волны. Я прильнула к Искровому боку, не желая отставать, а свободной рукой покрепче прижала к груди дорожную сумку – не то перехватят ее за ремешок, оттянут в толпу, да и срежут лямку

так, что в пальцах останется только осиротевший обрезок, а сама сумка со всем добром безвозвратно сгинет в толчее.

– Зачем мы туда идем? – поинтересовалась я, переступая через оброненный кем-то капустный кочан, уже раздавленный чьим-то тяжелым сапогом. – У нас и денег толком нет.

– Нет сейчас – заработаем чуть позже, – усмехнулся Искра, ловко перехватывая под локоть воришку, сдуру решившего поживиться в кармане рыжего. Пацан огреб крепкую затрещину, от которой с обиженным ревом отлетел в сторону и постарался как можно быстрее скрыться в ближайшей подворотне. – В Лиходольскую степь лучше отправляться не только хорошо вооруженным, но еще и с припасами. Сталь далеко не всегда прокормить может, особенно если на версты вокруг только сухая трава и нечисть, которая с огромным удовольствием сделает едой тебя самого.

– Между прочим, ты так и не сказал, куда мы направляемся. – Искра потянул меня на боковую улицу, где народу было значительно меньше, и я наконец-то смогла вздохнуть посвободнее. – Лиходолье большое, а ты, как понимаю, не настроен на кочевую жизнь.

– Правильно понимаешь. – Харлекин улыбнулся, сильная, жесткая ладонь накрыла мои пальцы. – Я хочу отвезти тебя в Огнец. Это не такое плохое место, как про него рассказывают, по крайней мере, было лет десять назад. Там тепло и солнечно почти круглый год, там живут свободные кочевники и осевшие ромалийцы. Город расположен у прекрасного озера, в которое впадает небольшая, но очень чистая и глубокая речка. Да и ехать туда недалеко – даже если с медленным караваном, то всего две недели с хвостиком. Верхом и налегке – в полтора раза быстрее. И знаешь, что самое главное? Тебя там судят за поступки, а не за золотые глаза или железные когти.

– Так не бывает. – Я покачала головой, невольно улыбаясь в ответ. Искра и в самом деле верил в то, про что рассказывал, да и город ему успел понравиться, не то что Загряда. – Если там было так хорошо, то почему ты уехал оттуда? Да и десять лет – достаточный срок, чтобы там успело все измениться до неузнаваемости.

Яркую радость с харлекина будто бы ветром сдуло – он отвернулся и невразумительно пожал плечами, явно не желая отвечать на поставленный вопрос. До конца улицы мы шли молча, а когда впереди показался выход на площадь, мне на краткое мгновение почудилось, что я вернулась в Загряду. На шумную Торговую площадь, где на булыжной мостовой плясали босоногие девицы в алых оборчатых юбках, открывающих стройные загорелые лодыжки и округлые колени. Казалось, что еще немного – и сквозь гомон упрямым ростком пробьется высокий, красивый женский голос, старательно и с искренним чувством выводящий песню о дороге дальней и лунной ночи, о крепкой любви и жарком пламени костра, а где-то вдалеке обязательно заиграет скрипка...

Где теперь и эта скрипка, и женщина, что пела задушевные ромалийские песни?

Я так замечталась, что сама не заметила, как выпустила локоть Искры, глупо остановившись напротив яркой гадалочной палатки, у входа которой застыла укутанная в черную шаль старуха, перебирающая в скрюченных, узловатых пальцах деревянные пластинки-тарры. Вот только настоящего дара, вроде того, что сиял в ореоле лирхи Ровины искрящейся пойманной звездой, у бабки, сидящей на колченогой табуретке, не было и в помине. Блеклым и тусклым был ореол у гадалки, как подернутые белесым пеплом остывающие угли...

Огонек-одержимость, затянутый фиолетовой пеленой, я заметила случайно, пока искала взглядом харлекина, возвышавшегося над толпой всего в двух десятках шагов от меня. Искра уже заметил «пропажу» и теперь упорно пробирался ко мне сквозь сплошной людской поток, а я неотрывно смотрела на лавирующий меж прохожих огонек дудочника-змеелова, с которым мы в последний раз пересекались еще в Загряде. Викторинан все-таки выжил в том ужасе, который устроила городу пугающая и величественная Госпожа.

Выжил – и почему-то тоже отправился в Лиходолье. Что его сюда привело? Приказ Ордена или жажда «змеинового золота», которую он так и не сумел утолить в Загряде?

Дудочник нашел меня, все еще стоящую у гадалкиного шатра, взглядом, и ореол его

души вспыхнул ярким фиолетовым пламенем, чернеющим по краям.

Я побежала не раздумывая.

Наперерез толпе, забыв, что на глазах у меня повязка. В маленький, узкий переулочек, отходящий от площади, как тонехонкий ручеек от огромного озера. Еще с того дня, как разорили мое родное гнездо, я запомнила, что с таким ореолом люди идут убивать. Не охотиться на добычу, не нести праведное возмездие – просто уничтожать врага, стирая его с лица земли раз и навсегда. И разговаривать в таких случаях бесполезно – надо либо драться за свою жизнь, либо бежать со всех ног.

Драться у всех на виду я была не готова, поэтому и неслась во весь дух по грязному переулку, перепрыгивая через брошенные кем-то поломанные корзины с остатками гниющих овощей, успев услышать у себя за спиной короткое проклятье.

Поворот, еще один. Пересечь пустынную затененную улочку, ныряя в очередной переулок, более чистый и широкий. В боку начало нещадно колоть, в глазах слегка потемнело, и я остановилась, придерживаясь рукой за холодную шершавую каменную стену и силясь отдышаться. Оглянулась через плечо – пусто. Сердце колотилось где-то в горле, ледяным камнем давило на грудь почти позабытое ощущение загнанного в ловушку зверя.

Дура! Расслабилась под надежным крылышком харлекина, успела позабыть, что это такое – быть преследуемой Орденом Змееловов! Размечталась о спокойной жизни, думала, что раз в Лиходолье каждый второй – не совсем человек, то тебя тут не тронут. Решила, что золотая шасса с бесценной шкурой перестанет быть нужна охотникам за нелюдью. Как же! Вот тебе напоминание – как бы далеко ни убежала, змееловы все равно дотянутся. Длинные руки у Ордена, раз даже через Валушу умудряются достать. А может, Орден здесь и ни при чем? Может, Викториан хочет заполучить «змеиное золото» для себя лично, не делясь ни с кем?

Я глубоко вздохнула и медленно пошла вдоль стены, поминутно оглядываясь и пытаюсь сообразить, куда меня занесло в этом лабиринте. Странное дело, но в природных пещерах я всегда ориентировалась легко и непринужденно, а вот в хитросплетениях заградских переулков, выстроенных человеческими руками, начинала плутать, пока меня не разыскивал Искра или Михей-конокрад и не приводил домой, в ромалийское зимовье.

Очередной поворот за угол длинного дома, занявшего собой почти весь переулок.

Видимо, я слишком привыкла оглядываться через плечо, потому что заметила узкое лезвие, со свистом вспоровшее воздух, слишком поздно. Только и успела, что дернуть посохом, подставляя изрезанное письменами оголовье под удар.

Хруст, треск – будто бы сломалась кость – и клинок нападавшего увязает в мореном дереве, погрузившись в него на всю ширину лезвия. Что-то резко, наотмашь бьет меня по колену, нога мгновенно подламывается, и я падаю на грязную мостовую, выпуская из рук посох лирхи Ровины.

Больно, очень. Правое колено будто превратилось в пылающий шар, выстреливающий вверх и вниз колющие сгустки невыносимого жара.

Фиолетовый ореол вокруг змеелова становится ярче, черные сполохи по краю сгущаются, как грозовые тучи. Я даже не осознала – почувствовала, что следующий удар станет для меня последним, и едва успела откатиться в сторону, сопровождаемая гулким звоном ударившего в камень мостовой острия.

Под лопатку больно вдавился вывороченный булыжник, поясницу холодила дождевая вода, скопившаяся в небольшой луже. Викториан качнулся ко мне, стремительно проворачивая узкий недлинный меч в ладони, лезвие с тихим шорохом взлетело вверх, но опуститься так и не успело.

Откуда-то из подворотни вылетел сияющий всеми оттенками алого с проблесками золота метеор и буквально снес собой дудочника, с силой впечатывая того в стену. Со звоном ударился о булыжники мостовой выпавший из ослабевшей руки меч, когда харлекин вздернул змеелова вверх за горло, занося над Виком железный кулак, способный одним ударом разбить голову каменной статуе.

– Искра, стой!!

Металлическая ладонь замерла и медленно, неохотно разжалась. Я кое-как села, тихонько подвывая от вновь вспыхнувшей боли в разбитом колене, и подняла взгляд на дудочника, который таращился на меня поверх Искрова плеча.

Глубоко вздохнула, стягивая с лица повязку и наблюдая за тем, как фиолетовое пламя в ореоле души Викторiana мгновенно опадает, сменяясь рыжеватыми переливами на фоне глубокой синевы.

– Поставь его на землю, пожалуйста, – попросила я харлекина, вслушиваясь в хрипы взятого за горло дудочника. – Он не нападет. И кажется, ему даже стало стыдно, но не уверена. Я не слишком хорошо понимаю значение того, что вижу.

Искра послушался, но полыхающая ярость у него так и не угасла – напротив, разгорелась еще сильнее. Железный оборотень едва сдерживался, чтобы не размазать змеелова по всему переулку тоненьким слоем, и в чем-то я была с ним солидарна – при одном взгляде на свое побагровевшее и распухшее вдвое колено мне становилось немного страшно.

– Мия? – Голос Викторiana был тихим-тихим и почти несчастным, когда музыкант наконец-то поднялся на ноги, одной рукой держась за стену, а другой ощупывая затылок, которым, судя по всему, успел крепко приложиться.

– Знаю, что не слишком похоже, – развела руками я, наблюдая за тем, как Искра подходит ко мне ближе и осторожно, почти нежно кладет холодную железную ладонь на пострадавшее колено. Боль стрельнула аж до самой пятки, а потом все-таки неохотно начала стихать. – Но куда деваться.

– Ты что, не могла выбрать себе другой облик?!

На этот раз в голосе музыканта звучало неподдельное возмущение, граничащее с обидой. Мы с Искрой удивленно переглянулись, и я пожала плечами. Иногда люди – это нечто совершенно непостижимое. Даже в случаях, когда видишь их насквозь.

– Не поняла. Ты недоволен тем, что я позаимствовала тело, которое никому не жалко?

– И это ты называешь «никому не жалко»? – Викторian шагнул было ко мне, но одного взгляда железного оборотня хватило, чтобы дудочник благоразумно решил остаться на месте.

– Ты предпочел бы, чтобы Искра загрыз кого-нибудь из мирных горожан ради моего нового облика? – вопросом на вопрос ответила я и легонько толкнула харлекина в плечо. – Помоги встать, что ли, а то камни холодные...

– Запросто. – Рыжий одним движением поднял меня на руки и встал, обнажая в нехорошей улыбке стальные зубы. – А ты, орденец, теперь почаще оглядывайся. Во избежание несчастных случаев. Обижать Змейку безнаказанно я никому не позволю.

Лицо дудочника на мгновение перекосило, синеву спокойствия замутило гневом, но довольно быстро Вик взял себя в руки и несколько отрешенно кивнул.

– Надеюсь, вы хотя бы не принесли с собой семена той дряни. Не хотелось бы встретить что-то подобное в Лиходолье, где и без того всякой мерзости предостаточно.

– За это можешь не переживать. – Я усмехнулась, перехватывая подброшенный в воздух мыском Искрова сапога посох с практически отрубленным оголовьем. – Лишнего в момент смерти на той девице уже не было. Так, пустая человеческая оболочка, вполне пригодная для смены облика. Между прочим, ты хотя бы извиниться за нападение не хочешь? У людей вроде как принято извиняться за сделанные ошибки.

– О, прошу прощения. – Викторian отвесил мне глубокий шутовской поклон, насколько позволяла хромота и ушибленный затылок. – За то, что принял тебя за другую, о свет моих очей...

Я склонила голову, наблюдая, как трепещет и разрастается под сердцем у змеелова огонек-одержимость, будто кто-то невидимый подбрасывает в него хорошо просмоленных щепок.

– Ты не врешь, Вик. Насчет света очей – ты действительно начинаешь внутри пылать,

когда смотришь на меня.

Харлекин не выдержал – расхохотался низким, рокошующим смехом, прижимая меня покрепче к груди и наблюдая за тем, как на мгновенно побелевших щеках дудочника начинают проступать нервные красные пятна. Будто своим знанием я неожиданно задела его за живое, затронула какую-то глубоко скрываемую тайну, которую не следует доверять даже близким и уж тем более – случайно встреченной золотой шассе.

– Не ходи за нами, змеелов, – тихо пророкотал Искра, все еще растягивая губы в жутковатом харлекиньем оскале, когда кажется, что еще чуть-чуть, и зажгутся в светлых лисьих глазах морозные синие огоньки, небрежно стянутые в пучок волосы обратятся в гибкие металлические струны, а тело изменится, покрывшись железными доспехами. – Пожалеешь.

Викториан не ответил: он по-прежнему неотрывно смотрел на меня, мелко-мелко качая головой, словно не в силах был с чем-то смириться. Ореол его души замутился, превращаясь из густо-синего омута в разноцветное «озеро», сплошь затянутое бликующей серебряной рябью. Я бы с удовольствием понаблюдала еще немного за этим шквалом сменяющих друг друга эмоций, пытаюсь понять, что же означают эти великолепные сочетания цветов, но Искра уже нес меня прочь от дудочника.

И лишь когда мы вышли к оживленной улице, тихо выдохнул:

– Спрячь глаза.

Шаг вперед, к людскому потоку, не дожидаясь, пока я потуже затяну на затылке порядком размахившуюся ленту.

– И в другой раз не останавливай меня, Змейка...

Глава 6

За окном жаркий, удушливый день медленно сменялся вечерней прохладой, и я с облегчением выдохнула, кое-как перебираясь на лавку у подоконника, с трудом вытягивая больную ногу.

Прохладный компресс не слишком помог, и разбитое дудочником колено довольно быстро превратилось в раздутый побагровевший шар, до которого и дотронуться-то было больно, а о том, чтобы продолжить путь верхом, и вовсе речи не было. Нужна была передышка, желательно в месте, где никто не заметит золотую чешую, покрывшую мою ногу от лодыжки и до середины бедра.

Искра нашел такое прибежище – в стороне от переправы, с единственным небольшим окном, выходящим на Валушу. Бабка, что пустила нас в эту каморку на ночлег, честно предупредила, что спать здесь практически невозможно – по ночам от русалочьего хохота сотрясались ставни, а при неудачном стечении обстоятельств можно было запросто обнаружить на подоконнике водяницу, манящую за собой на речное дно. Харлекин лишь мрачно усмехнулся на такое предупреждение – после встречи с змееловом глухая, с трудом сдерживаемая ярость клочкотала в глубине ореола его души, ожидая малейшего повода, чтобы выплеснуться на того, кто осмелится напасть или помешать моему драгоценному отдыху, и сдуру сунувшейся к дому водяной нечисти можно было бы только посочувствовать.

Я тяжело вздохнула и подтянула подол длинной сорочки, придирчиво разглядывая пострадавшее колено. Золотая чешуя над местом ушиба слегка потускнела, нога все еще отзывалась болью на любую попытку ее согнуть, но отек почти спал. Еще день-другой поделать холодные компрессы – и можно будет покинуть Черноречье хоть верхом, хоть на своих двоих, будь оно неладно. Ну надо же, как «удачно» Вик мне засветил своей любимой тростью – если бы удар пришелся на палец выше, коленная чашечка наверняка была бы раздроблена, и тогда я слегла бы на месяц, вне зависимости от того, шасса я или нет. Частичное превращение только ускоряет исцеление, но не выправляет неровно сросшиеся кости, не собирает разбитое на кусочки колено в единое целое – и в результате я наверняка

осталась бы хромой до того момента, пока не перекинулась бы полностью в шассье обличье. О танцах в таком случае можно было бы и вовсе забыть, как и о ромалийском чаровании...

Тихо скрипнула дверь, ведущая в комнатку, и я торопливо одернула подол, пряча золотую чешую под серым грубоватым льном. Задвижек в этом доме не было и в помине, а с любопытной ясноглазой бабки, сдавшей комнатку рыжему мужику разбойничьего вида и слепой девице с волосами, заплетенными на степняцкий манер, вполне стало бы тихонько подглядеть, чем занимается оставленная в одиночестве девка. Лиходолье начинается уже отсюда, с этого берега реки, потому и излишнее любопытство, и подозрительность по отношению к пришлым людям понятна и объяснима.

Вот только на пороге оказалась не придавленная грузом прожитых лет женщина, а Викториан, которому пришлось склонить голову, чтобы не стукнуться лбом о низкую притолоку.

– Еще раз здравствуй, Мия.

Я молчала, на ощупь нашаривая прислоненный к лавке ромалийский посох и вскользь глянув на широкий подоконник. Да уж, не с моей ногой сейчас из окна выскакивать. Пусть даже этаж первый – моему колену сейчас и такого прыжка будет достаточно, чтобы перестать служить.

– И еще раз прости за нападение. – Змеелов подошел ближе, по дороге неловко зацепив мыском сапога плетеный коврик у порога. Еле устоял, тихо выругался и посмотрел на меня шальным, блуждающим взглядом в упор.

Только сейчас я почувствовала, как от музыканта несет вином. Самым банальным, не слишком хорошим, чтобы пить его по праздникам, но вполне годящимся на то, чтобы заглушить тревогу, которая невнятным белесым пятном расплзлась в глубине ореола дудочника.

– Вик, ты пьян, – осторожно сказала я, перекладывая посох на колени и глядя на змеелова снизу вверх.

– Разумеется, пьян! – с вызовом ответил он, странно усмехаясь и запуская пятерню в волосы, превращая аккуратно зачесанный ото лба хвост в разворошенную охапку золотистого цвета. – Трезвым бы я тебя искать не стал, особенно помня про твоего оборотня!

Чуть осовелый взгляд разных глаз остановился на измятом льняном подоле, прикрывающем мои ноги, Викториан вздохнул, усилием воли возвращая себе шаткое подобие спокойствия, и негромко попросил:

– Покажи колено.

– Зачем? – подозрительно осведомилась я, неосознанно отодвигаясь подальше от слегка покачивающегося змеелова.

– За надом! – неожиданно громко рявкнул Вик, почти что падая на колени перед лавкой и одним движением задирая мне подол едва ли не по пояс. Я испуганно пискнула, пытаюсь оправить платье, но дудочник не дал, крепко удерживая скомканную материю одной рукой, а другой бережно, почти неощутимо касаясь золотой чешуи, что выросла на поврежденной ноге. – Больно?

– Только если пытаться встать, – тихо ответила я, перестав судорожно цепляться за подол и переводя взгляд на склоненную голову Викториана. – Думаю, что послезавтра уже смогу нормально ходить, а может, даже танцевать.

– Мне бы потребовался месяц, – невесело усмехнулся змеелов, выводя чуткими пальцами музыканта невидимые узоры на золотой чешуе.

– Ты промахнулся, – в тон ответила я, осторожно перехватывая его ладонь и убирая ее со своего колена. – Вот на столечко... Потому я заработала всего лишь сильный ушиб, а не что похуже.

– Знаешь... я этому рад. – Вик уселся прямо на дощатый пол рядом со скамейкой, порывшись в глубоком кармане темно-серого камзола и протянул мне плотно закупоренную пробкой стеклянную баночку, в которой находилась какая-то мазь ядовитого желто-зеленого цвета. – Держи. Вещь хорошая, на себе когда-то опробовал. Причем не раз и даже не два.

Только ее лучше мазать все-таки не на чешую, а на кожу. — Он усмехнулся и небрежно облокотился о лавку. — Через шассью чешую, боюсь, не подействует.

— Ну, от чешуи-то избавиться недолго, — улыбнулась я, забирая баночку и взвешивая ее на ладони. Странно легкая, будто бы пустая. — Куда потом только эту сброшенную шкурку прятать?

— А давай ко мне в карман? — оживился змеелов, демонстративно расстегивая клапан на боку камзола. — У меня ее точно никто не найдет. А если и найдет, то лишние вопросы задавать побоится.

— Я подумаю.

— Подумай, — важно кивнул дудочник. — А пока ответь мне на один вопрос — шассьи глаза могут только отличать своих от чужих или видят нечто большее? Отражение мыслей? Чувств? Души?

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

Что-то с грохотом перекатилось по дощатому полу в коридоре, затем дверь распахнулась, и на пороге возник Искра, сопровождаемый нервно кудахтающей бабкой, которая безуспешно пыталась ухватить харлекина за рукав рубашки и не пустить в снятую им же комнату. Дудочник мгновенно оказался на ногах, умудрившись как-то между делом одернуть мне подол, пряча змеиную чешую под серым льном, и встал напротив оборотня, уже держа в опущенной руке длинную узорчатую флейту.

В комнате сгустилась напряженная тишина, которая в любой момент могла заполниться шумом безобразной драки или же песней инструмента змеелова, — все зависит от того, кто успеет раньше...

Неожиданно что-то завывало за окном, да так длинно, протяжно и прочувствованно, что у меня спина мгновенно покрылась холодным потом, а на затылке, у самого основания черепа, наросла шассья чешуя, скрывая наиболее уязвимое место. Бабка охнула, закрестила воздух перед собой и с нервным, прерывистым бормотанием удивительно быстро для своего возраста скрылась в коридоре.

Хлопнула тяжелая дубовая дверь, загремел, задвигаясь, кованый засов.

— Добро пожаловать в Лиходолье, — криво усмехнулся дудочник, по-прежнему не сводя взгляда с пригнувшегося, напряженного, вот-вот готового броситься харлекина, в лисьих глазах которого нет-нет да и проскакивали голубые искорки морозного огня. — Похоже, что вы здесь будете желанными гостями...

— Я... предупреждал... — Низкий голос Искры скатился до вибрирующего горлового рычания, с лязгом сомкнулись пальцы, увенчавшиеся длинными железными когтями.

Треск, будто бы где-то у реки сломалось дерево, и сразу вслед за этим — перекатывающийся над водой звонкий залиvistый хохот, от которого у меня волосы на всем теле встали дыбом. Змеелов побледнел, одним движением убрал мои ноги со скамейки и высунулся в окно едва ли не по пояс, мгновенно позабыв о разозленном железном оборотне, оставшемся за спиной. Искра качнулся было вперед, но я остановила его одним резким окриком и, потеснив дудочника, выглянула на улицу.

По колдовской «сети», которая была натянута меж заостренными «верстовыми столбами», пробегала дрожь, как будто кто-то изо всех сил дергал за крупноячеистое полотно, пытаясь не то вырваться из ловушки, не то прорвать преграду. На моих глазах ближайший столб с громким треском разломился от основания до самой верхушки, выкрашенной в красный цвет, и не распался надвое лишь благодаря железным кольцам, опоясывающим мореное дерево в нескольких местах. Викторин громко выругался, на этот раз уже без малейшего стеснения, и, подхватив трость, направился к двери, да так быстро, что мой оклик задержал его у самого порога.

— Вик, ты куда?

— Искать, кто пытается сломать обережный круг. — Дудочник обернулся, скользнул взглядом за окно. — Если преграда падет, то прежде, чем ее восстановят, в Славению столько дряни переберется, что думать страшно. Не хотелось бы воевать с нечистью у своего порога

и вдоль каждой дороги.

– Я с тобой!

– Куда?! – Искра оказался рядом со мной раньше, чем я успела что-то возразить, холодная металлическая ладонь до боли сдавила мое плечо, впиваясь кончиками ногтей в кожу. – Нас это не касается, пусть сам разбирается с тем, что наворотил Орден.

Синие искры в лисьих глазах разрастаются, становятся ярче. В этом сиянии безвозвратно тонет человеческий взгляд, остается только харлекиний – яростный, злой. Оскорбленный. Точно так же Искра смотрел на меня с порога моей комнаты в заградском зимовье, когда пришел навестить после похорон Ровины – и увидел меня в лирхиных украшениях, с тяжелым посохом в опущенной руке. Мы тогда не просто поругались – едва остановились в шаге от драки, когда харлекин уже почти что сбросил человеческий облик, а мои руки были до локтей покрыты шассей чешуей. Нас пристыдил Михей-конокрад, как нельзя кстати заглянувший на шум и не побоявшийся встать между готовыми вот-вот подраться шассой и железным оборотнем. Великой смелости человек...

– Искра, – осторожно начала я, протягивая к нему руку, но он отмахнулся, легонько ударив меня по пальцам тыльной стороной железной ладони.

– Ничего не хочу слушать. Ты не пойдешь приносить себя в жертву человеческому спокойствию. Не для этого я привез тебя в Лиходолье.

– Ты думаешь, здесь будет спокойно, когда в Ордене узнают, что здешний бережный круг разрушен и нечисть со всего Лиходолья стягивается к прорехе? – Со второй попытки я все-таки ухватила его за руку, бросив мимолетный взгляд в сторону дверного проема, где скрылся дудочник. – Да орденцы здесь огненный ад устроят и для людей, и для нежити, лишь бы никто живым не мог выбраться, пока круг восстанавливают. Заодно и по степи пройдутся, если смогут. Думаешь, при таком раскладе здесь будет лучше, чем в Славении? Боюсь, будет гораздо хуже – по ту сторону Валуши хотя бы сначала проверить стараются, а здесь сначала выстрелят и только потом посмотрят, писать прошение о премиривании или очередную объяснительную.

Харлекин посмотрел на меня почти с интересом. Встряхнул железной ладонью, возвращая ей человеческий вид, и осторожно огладил меня кончиками теплых, почти горячих пальцев по щеке.

– И когда ты успела стать такой рассудительной, Змейка?

– У тебя научилась, – вздохнула я, осторожно накрывая его ладонь своей. – Искра, помоги мне... пожалуйста. Я сейчас не то что танцевать, ходить толком не могу...

– А значит, и колдовать тоже. – Мой спутник ухмыльнулся. – И каким же образом ты, драгоценная моя змея, собираешься спасти Лиходолье от нашествия орденцев?

Я робко улыбнулась. Не отказал – и то ладно. А там, может, и не придется нам вмешиваться. В конце концов, Викториан тут вроде как не единственный дудочник, да и ганслингеров я видела у переправы. Вполне может статься, что мы с Искрой останемся всего лишь наблюдателями...

Лиходольский бережный круг по праву считается наиболее мощным и крепким во всей Славении. В то время, когда вокруг проклятых, обреченных и медленно издыхающих деревень орденские служители вбивали зачарованные колышки длиной в локоть, вдоль южного берега реки Валуши тянулись окованные железными обручами верстовые столбы из корабельных сосен, поставленные здесь более столетия назад.

В те не слишком далекие времена, когда государство лихорадило из-за нарушенного равновесия между людьми и нелюдью, великий славенский князь решил отказаться от небольшого куса засушливой степи в пользу этой самой нелюди. Создать своего рода резервацию для нечисти, которую в дальнейшем можно было бы превратить в одну большую братскую могилу. Так оно и вышло: когда круг был поставлен, через Валушу переправились с полдесятка мощных «первых голосов», которые и начали играть общий призыв с высокой сторожевой башни. Дудочники в компании отряда стрелков продержались в башне почти

неделю, осаждаемые нечистью, которая стремилась взять штурмом степной форт каждый раз, как только музыканты делали вынужденную передышку – и как только последняя флейта умолкла, чаровники Ордена закрыли бережный круг, запирая всю собравшуюся нелюдь внутри небольшой области, покинуть которую не было возможности.

Впрочем, с годами Лиходолье разрослось – зачарованные столбы потихоньку гнили или трескались по всей длине из-за лютых морозов, приходящих сразу после оттепелей. Их приходилось переносить из-за обвалов и разлившихся по весне рек, менять столбы с изуродованными символами там, где нелюдь пыталась пробить невидимую преграду. Полосы из холодного железа появились на каждой «вешке» сравнительно недавно, когда в Ордене поняли, что Лиходолье потихоньку отвоевывает все новые и новые земли и что на карте даже Златополь – бывшая степняцкая столица – как-то неожиданно оказался внутри бережного круга. Вроде бы помогло, но надолго ли...

Викториан ускорил шаг, тяжело опираясь на трость и поминутно с беспокойством оглядываясь то на реку, вода в которой бурлила и едва ли не кипела из-за беснующихся у самой поверхности русалок, то на зачарованные «верстовые столбы», узорчатая вязь заклинаний на которых потускнела, а кое-где оказалась будто бы затертой. Где-то впереди слышался неясный гул, почти полностью заглушаемый булькающим хохотом водяниц, и дудочнику все чудилось, что еще немного – и высоченные столбы из корабельной сосны начнут складываться пополам один за другим, как мачты во время лютого шторма. Один-два сломанных или покосившихся столба – не страшно, натянутая меж ними колдовская сеть всего лишь ослабнет, но не просядет. Конечно, только в том случае, если рядом не окажется кого-то, наделенного достаточной силой и нужными знаниями, чтобы прорвать защиту Лиходольского бережного круга.

Змеелов криво усмехнулся. Да уж, если нечисть все-таки сумеет пробить такую преграду, то золотой шассе тут будет лучше не задерживаться. Выжигать Лиходолье будут безжалостно, уже не отделяя людей от нелюди – войска просто пройдутся под торжественный марш целого оркестра дудочников от Валуши и до самого побережья, уничтожая все на своем пути. Да и кого здесь жалеть-то будут, в самом деле? Беглых преступников и бродяг, сбившихся в небольшие общины в деревнях, раскиданных по степи? Как же! В Славении «вешковыми кругами» огораживали и более законопослушных граждан, по глупости или от отчаяния заключивших негласный договор с нежитью...

– Эй, дудочник! – Викториан обернулся на голос, увидев за собой рослого чернореченского стражника с коротким степняцким луком. Грозное оружие кочевников смотрелось в крепкой, сильной руке едва ли не детской игрушкой, но не дай создатель какому-нибудь неумехе сдуру попробовать натянуть тетиву на этой «игрушке» без перчатки. Срежет подушечки пальцев едва ли не начисто. – Что творится-то?

– Чтоб я знал. – Музыкант качнулся вперед, угодил тростью в небольшую ямку и коротко, прочувствованно выругался. Осекся, втянул прохладный, остро пахнущий речной тиной и накачивающей с воды сыростью воздух, медленно выдохнул, успокаиваясь. Кивнул стражнику. – Пошли, разберемся.

Легко сказать. Хватило и одного взгляда на танцующее над переправой розоватое марево, скрученное в тугую спираль, чтобы осознать – просто так «разобраться» не получится. Чем ближе к переправе, тем громче становился стон едва заметно раскачивающихся верстовых столбов, а дрожь земли под ногами все ощутимее. На краткое мгновение захолонуло сердце, Викториан, как во сне, затравленно обернулся, будто желая убедиться, что за спиной всего лишь чернореченские деревянные избышки с покатыми крышами, а не каменные дома Загряды. Еще мгновение, чтобы понять – земля под ногами дрожит не потому, что откуда-то из неведомых глубин рвется на волю ворох зеленоватых щупалец с рядом круглых миножьих ртов вдоль бледной плоти, а из-за чужого, неясного колдовства, от близости которого орденский амулет на шее ощутимо нагрелся, припекая даже сквозь одежду.

Грохот выстрела.

Рыжая вспышка на мгновение разгоняет вечернюю мглу у переправы, освещая странный клубок из переплетенных шипастых лоз в двух шагах от причала. Стражник, торопливо идущий следом за дудочником, тихонько выругался и, как показалось Викторину, забормотал какую-то простенькую молитву. Бесполезно. Ведовий, лиходольский колдун – это не нежить, против него молитвы бесполезны, равно как и дудочки змееловов. Впрочем, и «колдун» – не самое точное определение. До сих пор непонятно, как лиходольские ведовии делают то, что делают: за ночь ставят из толстенных крепких лоз плетеные заборы вокруг своих деревень, приручают степных волков одним взглядом и наказывают обидчиков, запуская им в тело острую медную иглу, которая рано или поздно протыкает сердце, обрекая на мучительную смерть. Ведовии – они как ромалийские лирхи, но если «зрячие» женщины, путешествующие с табором по славенским дорогам, прибегают к проклятиям лишь в крайних случаях, предпочитая просто отводить беду или держать неприступную оборону, то лиходольские колдуны с огромным удовольствием защищаются с помощью нападения, зачастую нанося удар первыми. С таким встретишься один-единственный раз – на всю жизнь запомнишь и шипастые лозы, принимающие на себя удары, предназначенные ведовию, и особое ощущение, которое возникает каждый раз поблизости от лиходольского колдуна, – мерзкое поскребывание в надключичной ямке, как будто под кожей ворочается небольшой червячок, стремящийся выбраться на волю.

Вот и сейчас у Вика скребло в горле – не откашляться, не сплюнуть. Хоть до крови отхаркивайся – не пройдет, пока не уберешься от ведовия подальше. Судя по тому, как стражник нервно принялся скрести заскорузлыми пальцами шею, не одному дудочнику чудился этот «червячок», значит, ошибки нет. Другое дело – за каким бесом ведовию понадобилось долбиться в обережный круг? Обычно лиходольские колдуны не стремятся к границе, напротив, они оседают подальше в степи, в такой глухомани, где никто, кроме них, толком и не выживет, и стараются лишний раз не попадаться на глаза Ордену Змееловов. А тут человек, как бы между делом выстроивший перед собой прочную стену из шипастых лоз, защищающую как от стрел стрепняцких луков, так и от револьверных выстрелов, демонстративно игнорировал орденцев, продолжая чертить прямо на земле какие-то значки и закорючки.

Еще один выстрел грянул совсем рядом, пылающий шар пролетел мимо, обдав лицо змеелова сухим жаром, и ударился в переплетение темно-зеленых лоз. Рыжий огонь расплескало по живой стене, закрывающей ведовия, искры брызнули во все стороны – и бесславно угасли в мокрой траве. Пламя продержалось немногим дольше – не прошло и минуты, как и оно опало, оставив после себя лишь густой дым, валом валивший от зеленых стеблей, да кое-где тлеющие огоньки.

– Да что же это такое! – Вик перевел взгляд на молодую совсем девицу, обеими руками державшую за дымящийся, воняющий пороховой гарью револьвер. Коротко остриженные волосы растрепаны, камзолчик наспех наброшен поверх надетой наизнанку рубашки, ноги босые, зато на поясе сумка со знаком Ордена, в которой ганслингеры обычно таскали пули и запасные барабаны, – девица одевалась явно второпях и выбежала из дома, прихватив только самое необходимое. – Что же делать?! Эту дрянь даже из револьвера не прошибешь! А близко к ней не подойти!

– А маслом обливать не пробовали, прежде чем поджечь? – едко поинтересовался дудочник, нащупывая на груди футляр с тоненькой узорчатой флейтой и останавливаясь на почтительном расстоянии от живой изгороди, у подножия которой можно было разглядеть тела двух чернореченских стражников, туго обвитых шипастыми лозами. У одного шея была свернута набок, как у куренка, и голова свешивалась на грудь, другого лоза попросту задушила и подтянула поближе к изгороди, потихоньку оплетая мертвое тело и превращая его в дополнительную преграду.

– Стражников лозы поймали с шести шагов. И то мне кажется, что дотянуться они могут дальше, – мрачно отозвался другой ганслингер, наполовину седой, с лицом,

испещренным сетью морщин. Глядя на этого пожилого мужчину, и не скажешь, что он ровесник Викторiana, еще не перешагнувшего сорокалетний рубеж. Что поделать – ветеранами ганслингеры становятся рано, и чем лучше стрелок, чем чаще он использует магию именного револьвера, тем быстрее старится. А куда деваться этим молодым старикам, которым тошно от осознания рано подкрадывающейся немощи, если всем дается один ответ – либо на покой с мизерным довольствием, либо на границу в Лиходолье на орденский хлеб и мясо? После такого «щедрого» предложения в пограничники добровольно идет едва ли не половина ветеранов. – Предлагаешь ведра издалека кидать?

– Зачем же ведра? Не верю, что в Черноречье все тонкостенные кувшины побили, – хмыкнул дудочник, с беспокойством наблюдая за мелко дрожащими столбами. – Раз уж так подойти боитесь, то хотя бы кувшины добросить сможете? Или силушки молодецкой не хватит?

– Пока вы за кувшинами сбегаете, круг будет нарушен, – раздался неподалеку знакомый женский голос. Вик обернулся – и почти не удивился, когда увидел змеелюдку, сидящую на плече своего оборотня-охранителя, вынырнувшего из сумерек в десятке шагов от дудочника. Все-таки не смогла отсидеться дома, всюду влезть надо. Интересно, как она собирается плясать, если даже в сумерках видно обернутое тугой повязкой распухшее колено, из-за которого она даже с лавки с трудом вставала? Или она так, понаблюдать явилась?

– Да кто ты вообще такая?! – Юная ганслингер, еще минуту назад едва не ударившаяся в панику из-за того, что до сих пор эффективный револьвер оказался совершенно бесполезен, смотрела на Ясмию с нескрываемым презрением. Еще бы, явилась слепая девица в одной нижней сорочке на плече рыжего громилы, так еще и советы «первого голоса» критикует. – Пошли прочь, не до вас сейчас!

– Вик, помощь нужна? – поинтересовалась бывшая лирха, игнорируя ганслингера с завидным спокойствием. Даже лихорадочный щелчок взведенного курка не произвел на нее никакого эффекта. Ясмия повернула голову в сторону преграды, возведенной ведовием, и осторожно похлопала оборотня по плечу. – Вижу, что нужна. Искра, спусти меня на землю. Вик, мне понадобятся стрелы и нож.

– И что будет? – усмехнулся змеелов, выдергивая из колчана стоявшего ближе всех стражника несколько стрел и бросая их перед бывшей лирхой. Туда же отправился и нож-рыбка в потертых кожаных ножнах, который Вик снял с собственного пояса. – Стрел хватит, Мия?

– Хватит. Искра, если мне будут мешать, – останови.

– Легко. – Рыжий нехорошо улыбнулся и расправил плечи. Широкий короткий меч появился в его правой руке, будто бы по волшебству – дудочник даже не успел заметить, когда чаран вытащил его из ножен, – и оборотень сделал шаг вперед, навстречу опасно шевелящимся лозам.

Тихий щелчок. Еще один.

Ясмия торопливо ломала древки стрел пополам, а обломки втыкала в землю перед собой. Один, другой... перед бывшей лирхой сноровисто выросла маленький часток из стрел, железные наконечники которых смотрели в темное небо. Блеснуло лезвие ножа – девушка срезала у себя одну из тонких косичек, которой принялась обвязывать древки, что-то негромко напевая себе под нос.

– Сумасшедшая, – шепнул кто-то за спиной дудочника.

Викторiан ничего не ответил. Он смотрел на то, как ходят ходуном окованные железом столбы, как громкий треск дерева почти заглушает тягучее пение, и ощущал какое-то странное, отстраненное спокойствие. Безразличие. Пусть ломает.

Пальцы уже сами собой нащупали тоненькую дудочку, висевшую на груди, потянули наружу этот украшенный завитками и узорами из драгоценных камней застывший лунный луч, когда пение Ясмии стало громче, взвилось к небу одним протяжным, долгим криком, и покосившиеся, поломанные, вот-вот готовые упасть на землю колдовские столбы вдруг

разом выправились. Встали ровненько, будто и не расшатывало их колдовство ведовия, не раскачивали шипастые лозы, обвившиеся вокруг основания столбов, как плющ вокруг древесного ствола.

Тишина. Злая, яростная, нехорошая. Викторян метнул быстрый взгляд в сторону Ясмий – та сидела на земле, одной рукой упираясь в связанные косичкой обломки стрел, стоявшие так же ровно и аккуратно, как и чудом выправившиеся столбы, а второй лихорадочно чертя в воздухе перед собой непонятный знак.

Нет, не чудом. Колдовством подобия.

Ромалийские лирхи могут слепить из воска и пепла куколку, которую бросают в огонь, чтобы исцелить больного от смертельной болезни. Вешают на ворота конюшни красную шерстяную нить, и лошади сами возвращаются со свободного выпаса в лугах. Могут затанцевать до смерти нежить, проходя сквозь огонь и заставляя неупокоенного мертвеца рассыпаться в прах, в пепел.

Кто сказал, что они не могут починить бережный круг, выправив колдовское подобие поврежденного участка?

– Выпусти меня-а-а-а!!!

Лозы раздвинулись, разошлись в разные стороны с тихим шелестом, показав наконец-то ведовия. Худого, тощего мальчишку-оборванца лет семнадцати, с головы до ног обвешанного амулетами из кованой бронзы, каменных бусин, каких-то тряпочек, узелков и птичьих перьев. Коротко остриженные волосы паренька стояли дыбом, с вымазанного грязью лица смотрели дикие, ярко светящиеся в темноте кошачьи глаза. Широко раскинутые руки вместо кистей заканчивались не то древесными побегами, не то птичьими лапами, ноги до колен были оплетены шипастыми лозами, крепко соединившими парня с землей. Викторян еле слышно вздохнул – похоже, мальчишку только-только инициировали, и он, вместо того чтобы постигать не только ведовийское чарование, но и защиту от него же, попытался взять все сразу и как можно быстрее – вот и результат. И куда смотрел его наставник, если позволил новообращенному довести себя до такого состояния? Да и жив ли он вообще?

На берегу реки стоял не человек и не зверь, а странное создание, к которому уже сползлась водяная нечисть, призывно протягивающая бледные тонкие руки с перепонками между пальцев. Но сам ведовий, похоже, не осознавал произошедших с его телом изменений – так отчаянно он пытался пробиться на волю, вырваться из Лиходолья, которое уже вросло в него так глубоко, что вряд ли когда-нибудь отпустит. Да и какая жизнь будет у мальчишки-ведовия, почти утратившего человеческий облик? До первого ганслингера или крестьян с топорами и кольями, завидевших эдакое чудо-юдо за своим забором? Или же до первого спокойного озера, где, как в зеркале, отразятся все необратимые изменения, произошедшие с его лицом? Колдовство ведовиев – мощная, но очень жестокая сила: она позволяет чаровникам изменять мир вокруг себя почти так же, как и легендарным Кукольникам, но плату берет несоизмеримо высокую. Не защитишь себя, свою волю и разум – изменишься следом. И в человеческий облик уже никогда не вернешься. Видел Викторян таких колдунов, прячущих изуродованные лица под масками, тела – под широкой долгополой одеждой. Но глаза уже не спрячешь, так и смотрят они через прорези маски – соколиные, рысьи, волчьи. Звериные глаза на лице ведовия, когда-то бывшего человеком.

И смотрели они сейчас на сидящую на земле Ясмию с лютой ненавистью...

Проклятых видно издалека.

Для этого не нужно обладать шассым зрением, достаточно лишь повнимательней присмотреться к людям. Вокруг проклятых всегда танцует тьма. Она прячется в мелких, незначительных деталях: в чересчур резком повороте головы, в едва уловимом зверином запахе, в слишком холодных, будто озябших на морозе руках с длинными пальцами и бледными, почти белыми ногтями. А еще у проклятых совершенно особый, потерянный взгляд. Эти люди будто бы с опаской прислушиваются к каждому ощущению собственного

тела, стараются стать как можно незаметнее, но именно эта отстраненность и выделяет их из толпы. Иногда человека можно спасти, снять проклятие раньше, чем оно зайдет слишком далеко, раз и навсегда превращая в нелюдя, но бывает так, когда спасать уже поздно.

Мальчишку, что прятался за стеной из гибких шипастых лоз толщиной с руку взрослого мужчины, спасать было поздно.

Я видела ореол его души, почти полностью почерневший, опутанный гнилостно-зеленой сетью чужого, непонятного колдовства, и узел этой «сети» едва заметно пульсировал в такт биению его сердца. Человек, которого Викториаан назвал ведовием, по доброй воле навлек на себя это странное и страшное проклятие, пожертвовав ноги земле, руки – колдовским лозам, а глаза тому, для чего у меня не нашлось названия, в обмен на силу. На ту самую, что раз за разом билась в частую сеть, натянутую меж бережными столбами, стремясь прорвать, сокрушить, вырваться на волю. Вот только что останется от человека к моменту, когда защита, подкрепленная обрядом, которому научила меня Ровина, наконец-то падет и путь из Лиходолья будет свободен?

В лучшем случае – пустая оболочка, которую непременно займет что-нибудь не самое доброе и светлое. В худшем – реку пересечет нечто такое, что Орден Змееловов будет отлавливать с гораздо более громкими проклятиями, чем всех харлекинов и золотых шасс вместе взятых.

– Не мешай мне!!

Не крик даже – истошный визг на грани слышимости. Люди у меня за спиной попятились, прогремел выстрел, но пылающий огненный шар ударился в мгновенно сомкнувшуюся живую стену, от которой во все стороны брызнули зеленоватые ошметки. Запахло свежескошенной травой и осокой, а потом стена чуть расступилась – и длинные, гибкие лозы метнулись вперед, вытягиваясь на глазах, отпуская тонкие усики-побеги, зарывающиеся в землю. Те, что попытались дотянуться до меня, Искра срубил раньше, чем лозы успели приблизиться и нанести хотя бы малейший вред, но у стражников и орденцев, врассыпную бросившихся прочь от берега, такой надежной защиты не было. Кто-то успел увернуться, отмахнуться от тянущейся к горлу лозы короткой саблей или разнести живую удавку выстрелом из револьвера, но кому-то повезло меньше.

– Мия! – Викториаан тяжело плюхнулся рядом со мной, длинным узким лезвием срезая с голенища сапога впившуюся шипами лозу. Дырки в дубленой коже остались внушительные – такой «стебелек», обвинившийся вокруг незащищенного тела, вреда принесет немало. – Есть идеи, как его остановить? Может, твоего охранника натравить попробовать?

– Шел бы ты с такими идеями, – весело хохотнул Искра, ловко уворачиваясь от очередной шипастой плети, срубая ее начисто одним ударом меча и успевая показать дудочнику неприличный жест. – Мне заградской Госпожи хватило.

– Вик, а ты-то что стоишь в стороне? – поинтересовалась я. – Ты же дудочник, что тебе эта стена?

– Умная, да? – Змеелов потянул за цепочку, вытягивая из-за пазухи футляр и доставая из него небольшую свирельку, переливающуюся всеми цветами радуги и больше похожую на тоненький обломок солнечного лучика, чем на инструмент, сделанный человеческими руками. – Теоретически я могу зацепить этого подонка, практически – нет такой мелодии, которая захватила бы ведовия, а если и есть, то я ее не знаю.

– Значит, пойдем другим путем, – вздохнула я, припоминая, какой я видела колдовскую мелодию Викториаана в грязном переулке Загряды. Было в ней что-то общее со мной, что-то родное и близкое. Призрачная змея, управляемая волей дудочника, гибкая, сильная, способная тугим кольцом обвиться вокруг цели – и стать удавкой или подчиняющим ошейником. – Играй на нечисть, на любую. Я помогу. Только отойди подальше... на всякий случай.

Змеелов едко усмехнулся, но все-таки встал, отошел на несколько шагов и приложил свирельку к губам. Инструмент вспыхнул так ярко, что на миг стало больно даже шассым глазам, замерцал всеми цветами радуги – и в грудь меня ударила призрачная огненная змея.

Горячая и холодная одновременно, она проскользнула сквозь меня, задев что-то глубоко внутри легким как перышко, почти неощутимым касанием. Шелковистое, воздушное – как туго свитый паутинный клубок, который нужно было распутать.

Чешуйчатые пальцы осторожно коснулись горла, скользнули вниз, к солнечному сплетению, оглаживая угнездившийся в теле клубок, который с каждой секундой становился все туже и массивнее.

Я закрыла глаза, вслушиваясь в себя – и в мир вокруг.

Низкое ворчание харлекина, сочный хруст, с которым тяжелое стальное лезвие перерубало тянущиеся ко мне шипастые лозы. Глухой, однотонный вой проклятого человека, бьющегося в колдовскую преграду обережного круга. Отдаленные возгласы людей, отступивших подальше от реки. Еле слышные булькающие голоса русалок, плеск, с которым они выбирались на мокрые доски причала. Шорох песка под покрытыми чешуей телами, шелест зеленой стены, окружающей ведовия...

Дотянуться до проклятого не получится, а вот до русалок... Не до одной или двух – до всех, что выбрались на берег за легкой добычей. Получится?

Как говорила Ровина – не попробуешь, не узнаешь.

Тугой клубок у меня в груди распался на отдельные «нити», протянувшиеся к реке. Я распахнула глаза, глядя на то, как музыка змеелова перестает быть туго свитой колдовской удавкой, разворачивается, разделяется на тонкие сияющие струны, которые устремляются к берегу, тянутся к водяной нечисти...

Не хватает. Совсем чуть-чуть.

Я взялась покрытой чешуей рукой за пучок «нитей», дернула от себя, слыша, как за спиной Викторин поперхнулся, мелодия на миг просела и едва не оборвалась – но смогла выровняться. Теперь не дудочник вел мелодию. Он всего лишь отдавал свое дыхание сияющей свирельке, а я направляла колдовские струны, заставляя их оплетать русалок тугими кольцами одну за другой.

Короткий приказ – уничтожить. Пальцы, сжатые в кулаки, сильно, до боли, натянувшие тонкие «удавки».

Хор тонких русалочьих голосов, лица, искаженные яростью, распахнутые рыбы рты, усеянные полупрозрачными игольчатыми зубами. Водяная нечисть на миг застыла, а потом как один метнулась от воды к зеленой стене из шипастых лоз.

Я бы с удовольствием зажала уши, чтобы не слышать воплей, всколыхнувших воздух над рекой, когда русалки набросились на ведовия, не обращая внимания на хлещущие по бледным телам зеленые плети, но руки были заняты. Водяную нечисть не остановишь с помощью растений, их не задушишь, как человека, не сломаешь хребет хлестким ударом – только разозлишь еще сильнее.

Всего минута, растянувшаяся в несколько раз, – и я ощутила, как провисли туго натянутые колдовские струны мелодии, а крики ведовия оборвались. На берег спустилась звенящая тишина, нарушаемая только тихой, из последних сил выводимой дудочником мелодией.

Все. Прочь.

Шорох чешуи по песку. Глухие всплески один за другим.

Я опустила руки, обрывая подчиняющую мелодию, и услышала, как за спиной у меня Вик с шумом осел на землю и закашлялся, заперхал. Я обернулась – дудочник сплюнул окрашенную кровью слюну и вытер рот дрожащей рукой. Поднял на меня тяжелый взгляд. От спокойной синевы в его ореоле не осталось и следа – змеелов полыхал изнутри тщательно сдерживаемым страхом, злостью, и еще – тем самым огоньком-одержимостью, который уже не был похож на едва трепещущее пламя свечи. Скорее, это был яркий ночной костер, который еще немного – и превратится в степной пожар.

– Вы... оба... – с трудом прохрипел дудочник, хватаясь рукой за туго застегнутый ворот рубашки и пытаясь не то расстегнуть его, не то оборвать мелкие медные пуговицы, – чтобы к утру... вас здесь не было.

Ему удалось все-таки справиться с воротником, оставив две пуговицы сиротливо болтаться на почти оборванных ниточках, после чего Викториан с трудом снял что-то через голову и неловко бросил это нечто в мою сторону. Я на ощупь нашарила в траве что-то маленькое и холодное, подобрала, поднеся поближе к глазам.

Бронзовый кругляшок, размером чуть побольше золотой монеты, с оттиском пронзенной змеи, обвинившейся вокруг меча. Знак Ордена Змееловов. И зачем он мне?

– С этим... вас в любой караван возьмут, – выдохнул Викториан, даже не пытаясь подняться. – Проваливайте...

Искра усмехнулся, небрежно обтирая меч о штанину и пряча его в ножны на поясе. Подошел ко мне, легко поднимая на руки, а потом пересаживая к себе на левое плечо, как ребенка. Насмешливо склонил голову.

– Вот спасибо, добрый орденский служитель. Мы твою задницу спасли, а ты нас милостиво отпускаешь. Ну-ну.

– Лиходолье... заставляет быть благодарным, – хрипло рассмеялся Викториан, кое-как вставая с помощью одного из стражников, того самого, у которого я «одолжила» стрелы для ромалийского чарования. – Даже таким, как вы.

– Надеюсь, это великодушие не ляжет тяжким камнем на твою совесть. – Харлекин подцепил мыском сапога брошенный на землю посох Ровины, ловко подбросил его в воздух и перехватил свободной рукой. – Счастливо оставаться!

Он слегка покачнулся и нарочито неторопливо пошел прочь от реки, а единственному стражнику, рискнувшему встать у него на дороге, просто улыбнулся, показав железные зубы. Человек шархнулся прочь, хватаясь за оружие, но обнажить его так и не решился.

– Как думаешь, они действительно дадут нам уехать? – тихо спросила я, осторожно обнимая Искру за шею и чувствуя, как с пальцев начинает сползать золотая чешуйчатая шкурка. Надо будет ее припрятать или сжечь от греха подальше. Хотя чего толку – все равно народ у реки видел мои совсем не человечески ладони, пока я колдовала.

– Куда денутся, – хмыкнул оборотень, аккуратно придерживая меня теплой, пахнущей травяным соком ладонью за бедро, не давая неловко кувыркнуться с широкого плеча. – Мы у них, судя по всему, в ближайшее время будем не самой большой проблемой. Кажется мне, что за покосившийся забор их накажут куда серьезнее, чем за упущенную нелюдь. Тем более что эта самая нелюдь стремится уйти подальше в проклятую степь, где и так всякой дряни хватает под каждым кустом и каждой кочкой. Хотя я готов дать руку на отсечение, что дудочник твой за нами все-таки последует. Не сразу, но последует.

– Не говори ерунды, – пробормотала я, рассматривая бронзовый кругляшок с оттиском Ордена. – Делать ему больше нечего.

– Видимо, нечего, – усмехнулся Искра. – Но в одном он был прав: лучше нам тут не задерживаться. Не хотелось бы покидать это уютное поселение с боем.

Тоже верно. Вот только где бы найти караван, который согласится взять нас с собой? От одной мысли, что придется садиться на коня с крепко подбитым коленом, мне становилось не по себе, но если никто нас с собой не возьмет, несмотря на прощальный сувенир Викториана, другого выхода не будет.

Харлекин ускорил шаг, а я покрепче ухватила его за шею, прижавшись щекой к растрепанным рыжим волосам, пахнущим речной сыростью и почему-то мокрым, чуточку ржавым железом. Надеюсь, что от лишнего охранника по пути в глубь лиходольской степи караванчики не откажутся – ведь чем дальше от реки, тем страньше и страньше становятся земли, а уж какие там могут быть обитатели, никому толком не известно.

Вот только жители проклятой степи беспокоили почему-то куда меньше, чем разноглазый дудочник, в который раз отпустивший меня по доброй воле...

Глава 7

Разбитая дорога, кое-где поросшая пучками жесткой зеленовато-желтой травы,

беспрепятственно устремлялась к самому горизонту. Впереди лежала ровная, как стол, лиходольская степь, еще не высушенная жарким летним солнцем, а потому радовавшая взгляд высокой сочной травой вперемешку с яркими цветочными венчиками и серебристыми прядями ковыля. Поднявшийся ранним утром южный ветер скользил по травяному морю, порождая блестящие волны, ласково оглаживал лицо и руки, шевелил воротник новой рубашки.

Тихо, спокойно.

Покинув Черноречье, обычно шумные и крикливые торговцы как-то приумолкли и с опаской посматривали по сторонам, поминутно оглаживая то тяжелые охотничьи ножи на поясе, то заговоренные ладанки или серебряные кресты, висевшие на шее. Степь, несмотря на то что выглядела мирной и красивой, беспокоила даже бывалых караванщиков, уже пятый, а то и шестой сезон подряд водивших торговые караваны по одной и той же дороге. Вначале на восток на некотором удалении от реки Валуши, так, чтобы буйно разросшаяся боярышниковая роща, изредка перемежавшаяся стройными тополями, все время была по левую руку, но как только высокий боярышник сменялся невысокими терновыми зарослями, нужно было сворачивать на юг, к первому крупному лиходольскому поселению, где было относительно безопасно.

Телега неожиданно подпрыгнула на кочке, и я, только-только прикрывшая глаза, чтобы чуток подремать, несильно стукнулась отяжелевшей головой об обрешетку и села. Попыталась по привычке растереть лицо ладонями – пальцы наткнулись на шелковую ленту, едва не стянув ее с глаз. Эту новую повязку Искра раздобыл мне невесть где незадолго до отправления каравана, куда мы прибились благодаря кругляшку со знаком Ордена. Караванщик долго крутил в пальцах бронзовую «монетку» с дырочкой для шнура, пару раз колупнул пальцем потертую, слегка позеленевшую змейку на оттиске, а потом с неохотой все-таки согласился принять в одну из телег слепую девку и сопровождавшего ее рыжего мужика. Харлекин тогда оставил меня вместе с конем у городских ворот и, пока торговцы грузили товары на крепкие телеги с широкими колесами и прочными, обитыми кое-где железом осями, ушел в сторону Чернореченского базара, который разворачивал торговлю сразу же, как только начинало светлеть небо на востоке. С этого момента и пока не появится первый солнечный луч, все товары можно было купить подешевле, и те, кто обладал зрением получше и кошельком поменьше, спешили к лавкам в надежде ухватить желаемое в числе первых. Увесистым кошельком Искра похвастаться не мог, а вот отличным зрением, позволяющим видеть даже в кромешной тьме безлунной ночи, – запросто, и в результате вернулся он без денег, но зато с двумя увесистыми тучками. Один, что побольше, с едой на дорогу, второй – со сменной одеждой, отрезом беленого холста на четыре локтя и разной мелочью, среди которой я позже нашла пригоршню гвоздиков, толстую иглку с мотком ниток, деревянный гребень и десяток гладко ошкуренных колышков, вроде тех, которыми ромалийцы пользовались, разбивая шатры. Зачем они такие были нужны в степи, если во всем караване не было ни единого шатра, Искра не сказал, а допытываться я не стала. Взял значит взял, не бежать же обратно на базар, чтобы вернуть эти деревяшки...

Сонливость накатила с новой силой, и я еще раз попыталась устроиться поудобнее на кожаном мешке с овечьей шерстью и поспать, не обращая внимания на трясую телегу и редкие грубые окрики возниц. Получалось плохо, несмотря на усталость. Этой ночью мне, разумеется, отдохнуть не удалось: Викторин дал нам с Искрой время до утра, чтобы убраться восвояси из Черноречья, и пришлось вначале бинтовать гудящее от боли колено, потом собирать нехитрые пожитки, одеваться, выяснять среди ночи про караваны, уезжающие утром... О том, чтобы поспать, речи даже не шло – харлекин подгонял меня так, будто бы за нами уже приехали орденские охотники и вот-вот зазвенит над притихшим городом подчиняющая мелодия серебристой дудочки, туго оборачивающая горло невидимой удавкой. Зато стоило нам только отъехать от города и устремиться вдоль боярышниковой рощи, как Искра успокоился и обрел прежнюю, ставшую уже привычной едкость и нахальную насмешливость.

– Как доедем до терновника, сразу на юг поворачивай. – Охранитель, худой и жилистый, один из тех наемников, который за звонкую монету согласился сопровождать караван до Огнеца, города осевших кочевников, выстроенного у когда-то полноводного, а ныне, сказывают, обмелевшего на треть Соленого озера, подвел коня почти вплотную к телеге и поехал рядом. – Дорога там есть, но бес знает, отчего каждый год она заново зарастает именно у терновых зарослей ровно на две версты к югу. Хоть прокладывай ее каждую весну заново.

– Так чего б не проложить? – Возница, молодой совсем парень, явно в первый раз путешествующий с караваном в глубь Лиходолья, рассмеялся и откинулся на вытертую овечью шкуру, которой была накрыта возничья лавка. – Две версты – не так уж и много. Разок на камень потратиться – вот тебе и дорога.

– Думаешь, ты один такой умный? – Наемник хохотнул, снисходительно глядя на парня со спины рослого серого в яблоках коня с красивой пепельной гривой. – Клали там и камень, и даже плиты. Дождутся, пока степь после весенних дождей высохнет и земля жарой, как глина в печи, схватится – и давай мостить новый торговый путь. Пройдут эти проклятые две версты, вздохнут с облегчением, а на следующую весну, как только снег сходит, все заново. Плиты раскалываются, камни будто сами собой расплзаются в разные стороны, а с первым ливнем через эти трещины трава прет еще гуще и зеленее, чем в прошлом году. В общем, решили, что проще у нужного поворота терновник посадить. Он, в отличие от камней, хотя бы никуда не девается.

– А если дальше, за терновник проехать, что будет?

Я лениво скосила взгляд – парнишка буквально светился опасливым любопытством. Так дети у походного костра слушают страшилки, рассказываемые взрослыми. Вроде и боязно, но при этом очень-очень интересно.

– Да ничего не будет, – неожиданно строго ответил охранитель. – Просто вряд ли о тебе кто-нибудь еще услышит. Было у нас такое года два назад. Один торговец сильно торопился в Огнец, вроде бы у него товар с собой был очень ценный, но быстро портящийся на жаре, вот он и захотел срезать путь. Все повернули на юг, на объездную дорогу, а он один со своей телегой и двумя мужиками поехал прямо, мимо терновника. И сгинул с концами. Там за этой рощей где-то есть деревенька, Волчий Лог называется, так до деревни этой торговец так и не доехал. И куда пропал – неизвестно. Степь-то там ровная, ни оврагов нет, куда могла бы телега провалиться, да и зверье хищное там последний раз видели лет пятнадцать назад. Местные туда-сюда спокойно, без страха ходят, и ни разу никто не пропал. А вот торговец сгинул вместе со всем добром, лошадьё и провожатыми. И знаешь, что местные рассказывали?

– Что? – Паренек подался вперед, сгорая от любопытства. Я тоже наострила уши – узнать, чем закончилась история, и мне хотелось.

– Секрет в том, чтобы идти своими ногами, а не чужими. Тогда не пропадешь, – усмехнулся охранитель. – Так что, не передумал прямо ехать или все-таки свернешь на юг?

– Да чего, я как и все... – разом засмутился возница, будто бы пойманный на глупом ребячестве. – Сказано повернуть, значит поверну.

– Вот и молодец. В Лиходолье лучше ездить по проторенным дорогам, если хочешь прожить подольше.

Охранитель легонько стукнул пятками по лошадиным бокам, пуская коня вперед, к головной телеге. Паренек зябко передернул плечами и обернулся, слегка вытягивая шею так, будто бы стремился заглянуть в ворот моей расшнурованной из-за полуденной жары рубашки. Ой, сколько колкостей Искра от меня сегодня утром наслушался из-за одежды, которую он почти не глядя схватил с прилавка, торопясь в обжорные ряды... Рубашка оказалась из неровно покрашенной светло-голубой ткани с белесыми пятнами, а вместо юбки харлекин принес широченные степняцкие штаны на мужика ростом выше меня на три вершка и с талией на два кулака толще моей, и когда я все-таки оделась, стала выглядеть так, будто бы побиралась по ромалийскому табору. Не хватало только ярких бус в три-четыре

ряда и цветастого платка, чтобы выглядеть девкой из кочевого народа, отбившейся от своих и осевшей где попало. Зато и золотые браслеты с колокольцами можно было больше не прятать в кожаном кошелье на поясе, и таррами пользоваться, не вызывая лишних вопросов. Ромалийка и ромалийка. А то, что слепая да светловолосая, – так в этом ничего удивительного не было. Кочевой народ всегда был славен тем, что привлекал всех сирых, брошенных и прочих «ненужных» людей, делая их частью на первый взгляд легкомысленной, а на деле весьма крепкой общины.

Я села поудобнее, поджимая под себя ноги, обутые в шнурованные туфли на прочной подметке, и достала тарры из мешочка на поясе. С тихими щелчками начала привычно тасовать деревянные пластинки. Не нравилась мне эта дорога, несмотря на уверения караванщиков в том, что это единственный более-менее безопасный и проверенный путь. Чем дальше от Черноречья, тем более тусклой, бесцветной казалась мне эта желтоватая лента, проложенная через степь. Она будто выплеталась на глазах, превращаясь из яркой линии на фоне поблескивающей молодой травы в полосу выжженной земли, темно-серую, подернутую легкой туманной дымкой.

– Как же ты на таррах этих гадаешь, коли слепая, а? – со смешком поинтересовался возница, вначале оглядевшись по сторонам, и, убедившись, что Искры, представившегося моим мужем, поблизости нет, перегнулся через обрешетку, наблюдая за тем, как я аккуратно выкладываю пластинки изображением вверх на дне телеги.

Я не ответила, продолжая вытягивать тарры по одной, выстраивая «путевой крест», самый простой и быстрый расклад. Шесть тарр, изображавших перекресток, седьмая посередине – «рубашкой» вверх. Это всякие неожиданности, которые могут встретиться на пути, усмешка судьбы, иногда счастливая, а иногда и трагическая случайность.

– Тьфу ты, глухая тетеря, – в сердцах выпалил возница, устав ждать ответа. Отвернулся и забурчал себе под нос что-то вроде того, что наберут караванщики всяких убогих по доброте душевной, а ему с ними нянькаться. Я усмехнулась и пожала плечами, продолжая скорее по привычке, чем по необходимости водить кончиками пальцев по «путевому кресту».

Ой, не той дорогой мы едем, не той. Я скользнула пальцами вниз по «кресту», где лежала тарра, подсказывающая будущее. Если продолжим ехать той же дорогой, то приедем в никуда. Не наш это с Искрой путь, чужой, надуманный. Беда в том, что и нашего пока не видно. Харлекин так радовался, что всего через неделю-другую мы прибудем в Огнец, где, по его словам, можно наконец-то найти и дом, и спокойную, относительно сытую жизнь, что убедить его поискать какое-нибудь другое место будет нелегко. В первую очередь потому, что я сама толком не смогу объяснить, что мне не нравится. Что у меня есть? Смутные подозрения и туманные намеки Ровининых тарр. Слишком мало, чтобы железный оборотень поверил в мою правоту, особенно когда я сама в нее не слишком-то и верю. Проще всего приказать – и Искра послушается, но затаит серьезную обиду, но самое худшее, если харлекин сочтет, что его всего лишь используют. Ведь ошейника и клетки он боится куда больше, чем железного копья в груди или занесенного над склоненной головой меча.

Я вздохнула, переворачивая последнюю тарру, лежащую на раскладе «рубашкой» вверх.

«Повешенный». Жертва.

– Мия!

Я вздрогнула, оборачиваясь на непривычно веселый голос Искры. Тарра выскользнула из пальцев, со стуком ударившись о пол телеги.

Харлекин махнул мне рукой, подводя коня поближе к повозке и заставляя того рысить в шаг от деревянного борта. Рыжие волосы, давно выбившиеся из куцевого хвостика, свободно полоскались на ветру, лисьи глаза задорно блестели, рубашка на спине вздулась пузырем. Искра широко улыбнулся и свесился с лошади, умудрившись на ходу звонко поцеловать меня в губы и выпрямиться в седле раньше, чем я успела шутливо хлопнуть нахала по лбу.

– Что нагадала?

Улыбка у меня растаяла, и я лишь невнятно пожала плечами, одним движением сгребая расклад в кучку.

– Как всегда – дальняя дорога и неизбежность выбора.

– Между чем и чем? – Искра мгновенно посерьезнел и склонил голову набок. Потом покосился в сторону возницы и нетерпеливо отмахнулся: – Мне сейчас некогда, караван слишком растянулся, приходится то подгонять отстающих, то просить обгоняющих придержать коней. Вечером на привале расскажешь, что нам выпало, ладно?

– Постараюсь. – Я улынулась, собирая тарры в кожаный мешочек и вешая их на пояс.

Вечером так вечером.

Судя по тому, как торопливо солнце стремится к горизонту, закат в Лиходолье – дело стремительное.

Так оно и оказалось. Раскаленный шар спускался за горизонт так быстро, что не успели мы оглянуться, как от него остался лишь тусклый алый краешек, заливающий быстро темнеющие небеса кровавыми разводами.

С наступлением сумерек караван остановился. Боярышниковая роща по-прежнему тянулась по левую руку, наполняя изрядно посвежевший вечерний воздух приятным, чуть сладковатым запахом мелких белых цветов, а терновых кустов по-прежнему не было видно. Бывалые караванщики, с беспокойством ожидавшие возвращения отправленных на разведку двоих охранителей, вполголоса рассуждали о том, что год назад до терновых зарослей можно было доехать за один лишь только световой день. А в этот раз вроде бы и не задерживались на привале дольше, чем обычно, и ехали не слишком медленно, а вот поди ж ты – первый вечер в лиходольской степи встречаем не у колючей терновой стены, а у боярышника, усеянного цветами. Кто-то бурчал, что вот, с первого дня поход не задался, лучше бы вернуться да обождать пару дней, кто-то возмущался, что остановились слишком рано – ведь небо еще вовсю полыхало рыжим и алым, а густые тени залегли лишь у корней кустов и в глубоких тележных колесах.

Негромкие пересуды были прерваны топотом копыт. Охранители вернулись и первым делом объявили, что на версту вперед все еще тянется боярышниковая роща и нужно готовиться к ночевке прямо на этом месте. Стоя рядом с Искрой, я наблюдала за тем, как караванщики споро и умело управляют лошадьми, запряженными в телеги, выстраивая из груженых повозок некое подобие большой подковы. Как привычно загоняют внутрь этой самой «подковы» стреноженных коней, как разводят костры, перекрывая самым большим и ярким получившиеся «воротца».

– За телеги ночью никому не выходить! Если очень приспичит, идете с часовым. Часовые сменяются каждые два часа – если кого увижу спящим на посту, тому не поздоровится. – Старший охранитель уже третий раз обходил «подкову» по кругу, проверяя, достаточно ли у каждого костра заготовлено нарубленных веток боярышника, хорошо ли стреножены лошади.

Людей «мирных» – торговцев и тех возниц, что не умели хорошо обращаться с оружием, – определили поближе к центральному костру, охранителей – к телегам, спальники для троих часовых развернули у «воротец», туда же отнесли самую большую охапку нарубленного сухостоя. Заготовленные еще в Черноречье дровяные связки из смолистой сосны решили пока не трогать: когда углубимся в степь, где самый высокий кустарничек будет высотой мне по грудь с веточками толщиной с девичий палец, вот тогда дело и до сосновых полешек дойдет. А пока караванщики обходились чем есть. Срубленные боярышниковые ветки шипели и плевались угольками, но горели хорошо, ярко, да и густой чадающий дым успешно отгонял донимавшую и людей и животных кусачую мошкару.

Крикливая, нарумяненная торговка, что громче всех возмущалась всю дорогу на тряскую телегу и еле тащившийся, по ее словам, караван, с наступлением темноты как-то резко присмирела, подобрела и даже соизволила отвести меня к одному из центральных костров, придерживая пухлой рукой под локоть. Усадила на расстеленный на земле кусок

войлока, которым обычно накрывали товары в телеге от дождя, сунула мне в руки миску с жидковатой походной кашей, которую варили здесь же, ломоть хлеба с солью и уселась рядышком, терпеливо дожидаясь, пока я нашарю в своей тощей походной сумке резную деревянную ложку. Сама торговка от еды отказалась, только нервно переплетала пальцы, украшенные серебряными кольцами, да посматривала на мелодично позванивающие браслеты на моих запястьях. Я искоса взглянула на нее сквозь шелковую ленту на глазах – немолодая женщина даже не скрывала клубящееся у самой поверхности беспокойство, в котором то и дело мерцали проблески застарелого испуга. Видать, не в первый раз едет через лиходольскую степь, знает, что тут может ненароком объявиться, и потому с наступлением ночи едва ли не трясется как осиновый лист.

– Эй, гадалка! – Я повернула голову на звук голоса. Торговка говорила приглушенно, едва ли не шепотом, то и дело оглядываясь за плечо, туда, где за частой цепью костров и телегами, нагруженными добром, простиралась черная безлунная ночь. Звезд тоже не было видно – их затянули невесть откуда набежавшие облака. – А ты и правда «зрячая»?

Я негромко рассмеялась, отправила в рот очередную ложку каши – пригорела слегка, да и постная слишком, но есть можно. Показала длинным черенком ложки на повязку на глазах.

– А что, похоже?

– Да я ж не в этом смысле. – Торговка под села ближе, так, что я почувствовала исходящий от нее запах дешевого притирания с резким ландышевым ароматом. – Ты ж будущее видишь? На таррах днем гадала...

– И что? – Я откусила кусок от горбушки, села поудобнее, подобрав под себя ноги. Зря я все-таки высмеяла эти степняцкие штаны – пусть нелепо выглядят, зато оказались на диво удобными, да и в подоле не запутаешься, в отличие от широкой ромалийской юбки. Надо будет все-таки поблагодарить Искру, когда тот сменится с дежурства у «воротец». – Будущее – это не ровная дорога. Это путаный клубок, где каждый шаг выводит тебя на новую развилку, а то и перекресток. Его тяжело увидеть целиком, можно рассмотреть лишь на два-три шага вперед.

– Да мне хоть на два шажка. – Женщина воровато оглянулась, тихонько трянула широким тяжелым поясом, обернутым вокруг талии. – Я денег дам, только направь так, чтобы до Огнеца без потерь доехала. Ты ж с орденским служителем к нам прибилась, а кажется, будто не он ведет тебя, а ты его. И меня проводи в целости до города, я вас обоих из своих запасов кормить буду, и не такой казенной бурдой, которая простым сопровождаемым полагается.

Я с трудом проглотила смешок, представив лицо Искры, если б тот услышал, что его записали в «орденские служители». Мы почему-то думали, что бронзовый кругляшок, доставшийся от Викторiana, просто нечто вроде пропуска, а он оказался знаком принадлежности к Ордену Змееловов. Пошутил над нами дудочник, ничего не скажешь. Теперь бы с настоящими орденцами не столкнуться, а то беды не оберешься – на чистую воду нас с Искрой выведут простейшим вопросом, да хотя бы «Как зовут главу Ордена?». Харлекин вряд ли знает, а я и подавно. Спросить, что ли, у Вика, если встретимся?

– Ну так что, гадалка? – Тетка легонечко, будто бы испуганно, тронула меня кончиками пальцев за плечо. Я склонила голову набок, косички соскользнули по плечу, едва не угодив в миску с кашей. – Присмотришь за моей дорогой?

– Можно и присмотреть. – Я со вздохом зачерпнула варево ложкой, подержала и выплеснула обратно. Гадость все-таки, осклизлая и комковатая. – Поужинаю и, если силы будут, погадаю.

– А давай к моему костерку поближе? – Голос торговки мгновенно потеплел, стал едва ли не заискивающим. – Я кулеш варить собиралась, с мясом. И мужика твоего покормлю как следует, он вон какой здоровый, что ему эта походная каша? На один зуб – и то маловато будет. А я в кулеш и сальца не пожалею, и тебе пряничек достанется. Пойдем?

– Ну пойдем. – Я поставила миску у костра, не мне, так кому-то еще пригодится, караванщики по большей части народ неприхотливый, да и зачерпнула я всего ничего,

облизала ложку и сунула ее обратно в сумку. Поднялась, опираясь на Ровинин посох, слепо зашарила в воздухе, пока не ухватила за плечо собеседницы. – Как тебя зовут-то, сестрица?

– Скорее уж матушка, стара я слишком для сестрицы-то, – неожиданно расхохоталась торговка, ловко подхватывая меня под руку и уводя поближе к своей телеге, где уже хлопотала еще одна женщина, чуть помоложе и потоньше. – Ховрина я. А тебя как величать?

– Ясмия. Можно просто Мия. – Я окинула торговку взглядом, качнула наверху посоха, будто удочкой, подсекая невидимую рыбу.

Степь будто приоткрылась, чуть-чуть, самую малость, и густая, непроглядно-черная мгла, самым краешком показавшаяся на горизонте, меня беспокоила, если не сказать – напугала. Ощущение, словно стоишь на равнине и смотришь на приближающуюся к тебе бурю. Высокие травы, только что недвижимые, начинают гнуться к земле от сухого, душного ветра, летящего впереди грозовой тучи. Небеса темнеют, а почерневшие облака неудержимо надвигаются, изредка выплевывая ослепительно-белые изломанные стрелы молний в землю. Страшно – и одновременно завораживающе красиво.

– Эй, Мийка, – я не сразу поняла, что торговка дергает меня за рукав, повышая голос так, что в нашу сторону начали оборачиваться другие попутчики, – Мийка, ты чего застыла?

– Не ходи за телеги ночью, Ховрина, – глухо пробормотала я, неотрывно глядя на неудержимо накатывающую с запада тьму, пожирающую неясное зеленоватое сияние высоких трав. Тьма эта не живая, но и не мертвая. Пустота, которую заполняет нечто непонятное и потому пугающее. Прореха в полотне мироздания, которая почему-то возникает только с исчезновением солнца за горизонтом. – И своих не пускай. Не вернетесь.

Торговка тихонечко охнула и украдкой перекрестилась. Я передернула плечами, стряхивая наваждение, и опустила посох Ровины оголовьем к земле – наблюдать за окутывающей Лиходолье тьмой мне не хотелось. Еще пожилая ромалийка учила меня, что не стоит долго вглядываться во тьму, особенно когда ты «зрячая»: рано или поздно то, что живет в этой непроглядной бездне, почувствует твой взгляд и захочет понаблюдать в ответ.

Я глубоко вздохнула и позволила себя усадить на сложенное одеяло. Работница, что хлопотала у костра, привычным жестом огладила висящую на шее узорчатую ладанку и торопливо подвесила котелок на железную треногу, поставленную над костром.

Надо будет предупредить Искру. Конечно, у харлекина шансов выпутаться из беды куда как больше, чем у обычного человека, но Загряда нам обоим наглядно продемонстрировала, что есть вещи, против которых не совладать ни живым людям, ни железному оборотню, ни золотой шассе. Скрыться, ускользнуть – можно. Защититься, если быть достаточно осторожным и внимательным к мелочам, – тоже. А вот вступать в бой бесполезно – проиграешь раньше, чем успеешь это осознать.

Ховрина сунула мне в руки половинку сладко пахнущего медом пряника, уселась рядом и принялась негромко рассказывать про дальних родственников, живущих в Огнеце, про дочку, год назад вышедшую замуж и сейчас ожидающую первенца, про мужа, который умер лет десять назад, замерзнув по пьяной лавочке в сугробе. Тетка болтала без умолку, неторопливо помешивая аппетитно пахнущий кулеш и изредка прикладываясь к небольшой фляжке с терпкой ягодной наливкой.

Лишь бы не слушать тишину вокруг, не думать о том, что сейчас на несколько верст вокруг только наши костры – единственный островок света до самого утра...

Меня разбудил тоненький, пронзительный свист на грани слышимости. Не постоянный, а с перерывами, словно кто-то ходил кругами вокруг притихшего лагеря, срезая сочную высокую траву тонким, остро отточенным лезвием косы.

Ш-ш-ш-ш. Ш-ш-ш-ш.

Свист то приближался к самым телегам, то отдалялся на почтительное расстояние, но не утихал. Я приподняла голову, затем села, оглядываясь по сторонам. Лагерь караванщиков спал беспокойно – кто-то ворочался во сне, кто-то зычно, раскатисто храпел, кто-то бормотал вполголоса. Вряд ли кому-нибудь из наших пришло в голову косить траву среди

ночи, да еще и за телегами, где и с факелом дальше собственной руки ничего толком не видно, а уж без света обойтись мог только такой нелюдь, как железный оборотень или же золотая шасса.

Значит, там чужие. А если чужие – то вряд ли люди.

Я опустила ладонь, на ощупь нашла плечо харлекина, спавшего рядом, и легонечко встряхнула. Искра шевельнулся, поднял отяжелевшую ото сна голову и глянул на меня чуть сощуренными лисьими глазами.

Ш-шись. Ш-шись. Ш-шись.

Свист из неторопливо-размеренного стал частым, с неровным, рваным ритмом, а самое главное – начал стремительно приближаться! Харлекин мгновенно очутился на ногах, в глазах вспыхнули морозные огоньки, в низко опущенной руке блеснул тяжелый меч, выхваченный из ножен. Я поднялась следом, сжимая в мгновенно вспотевшей руке Ровинин посох, оглянувшись через плечо.

– А костры-то у нас гаснут! – ахнула я, хлопывая себя по поясу и срывая заранее заготовленный мешочек со смесью шалфея, соли и кое-каких травок, которую я замешала на ночь глядя по ромалийскому рецепту, пользуясь неожиданной щедростью Ховрины, разрешившей мне покопаться в ее лекарственных запасах.

Пригоршню остро пахнущей пряностями смеси – в затухающий костер. Вспышка зеленого огня вычерняет губы спящих людей, разгоняет тьму, пока Искра пинками и руганью поднимает задремавших часовых, едва успевает бросить охапку сушняка в костер перед «воротцами» – и тотчас перемахивает через занявшееся пламя, скрываясь в темноте за телегами. И шагу не успел сделать – тьма будто бы подалась вперед сама, скрыв харлекина даже от шассьего взгляда.

– Куда?! – взвыла я как ненормальная, перехватывая посох поудобнее, торопливо сбрасывая обувь и бегом, не обращая внимания на проснувшуюся в толком не зажившем колене боль, понеслась к «воротцам».

Кто-то пытался меня остановить, перехватить поперек талии – я увернулась, ни на миг не сбившись с шага. Рыдали золотые кольчужки на браслетах, ставшая сухой трава колола босые ноги, но я уже ступила на круг танца, на тот самый, который когда-то создал связь между мной и железным оборотнем. Только тогда я танцевала на заснеженной поляне, а Искра пытался залечить дыру на месте вырванного сердца в переулке города Загряды...

А сегодня между нами лежала степь, заполненная тьмой, как кубок – дорогим красным вином, которое вот-вот да и польется через край, запятив и пальцы, держащие кубок за вычурную золотую ножку, и белоснежную скатерть. Искра канул в эту степь, как в чернящий, затянутый бурой тиной омут, и сейчас сквозь крики перепуганных людей, сквозь команды, отдаваемые спокойным, чуть звенящим от напряжения голосом старшего охранителя, до меня доносился лишь неравномерный свист, к которому добавился неприятный скрежет металла по металлу.

Резкий взмах посохом – и пламя послушно пригибается к земле, впитывается в раскаленные докрасна уголья, на которые я и ступаю, не сбиваясь с ритма. В черное небо летят снопы искр, они складываются в единый знак, в бережный символ, отталкивающий мягко наплывающую из степи мглу, но мне этого мало. Посох, непрерывно вращающийся у меня в руках, цепляет на оголовье алый уголек и превращается в ослепительно-яркое огненное колесо, которое вырывается у меня из рук и катится над пригнувшейся травой прямоком в черноту, на лязг металла и тонкий посвист.

Я не чувствую собственного тела, я – это золотая огненная птица, поднявшаяся из пепла и плещущая острыми звенящими крыльями над головой. Мгла стекает с раскаленных перьев, недовольно шипит, как разогретый докрасна железный брус, брошенный в холодную воду, но все-таки отступает, вначале на полшага, потом на шаг, отпуская то, что по праву принадлежит мне.

«Искра, вернись!»

Степь безмолвствовала, но свист начал удаляться. Потихоньку, по спирали, так же, как

и приближался, пока совсем не пропал. Утром мы еще наверняка будем гадать, что за жнец проходил совсем рядом, а пока...

Руки-крылья тянутся в темноту, золотая нить трепещет на ветру. От огненного колеса зажглись длинные кисточки ковыля, и где-то на этой дорожке, совсем рядом, всего в двух шагах от «воротец» между телегами, проступил силуэт до боли знакомой фигуры, сверкающей всеми цветами алого с мазками золота на груди.

– Вот дурочка! – Сильные руки выхватили меня из столба обжигающего жара, прижали к остро пахнущей потом и мокрым железом груди. Искра не устоял на ногах, покачнулся, падая на колени и едва не роняя меня обратно в костер, который запылал с удвоенной силой, стоило мне только сойти с угольев. – Другого места для своих плясок найти не догадалась?

– Не догадалась. – Я по-глупому улыбнулась, привычно проведя ладонью по колючей щеке харлекина, и тихонько ахнула, когда пальцы заделли корочку уже подсыхающей крови.

– Ерунда. – Оборотень устало улыбнулся, неловко сел на землю, по-прежнему не выпуская меня из рук. – Царапина. Задел меня малость наш свистун. Мимоходом. Не беспокойся, шкура у меня крепкая, но вот кусочек уха, кажется, он мне все-таки смахнул. Ты-то как, дурная голова? Ноги не сожгла?

Чуткие пальцы скользнули по моим пяткам, легонько пощекотали гладкую кожу, вымазанную в черной саже. Удивительно – во время танца я ощущала жар только как теплый ветер, поднимающийся от земли и щекочущий прядки на висках, а под ступнями чувствовала только колкие сминающиеся комочки, будто плясала не на угольях, а по иссушенной жаром сухой придорожной глине.

– Утром промоем как следует и посмотрим, – вздохнула я, на ощупь отыскивая в слипшейся от крови мешанине рыжих волос поврежденное ухо. И в самом деле – верхний кончик надрезан так глубоко, что едва держится, но к утру наверняка успеет прирасти обратно.

– Думаешь, нам дадут тут остаться до утра? – нехорошо усмехнулся Искра, аккуратно спуская меня на землю и нашаривая брошенный в траву меч. Я подняла голову – люди сгрудились на почтительном расстоянии от нас, а охранители, еще днем перебрасывавшиеся грубоватыми шутками с харлекином, подняли оружие, глядя на Искру с подозрением, от которого и до скорого суда рукой было подать. – А я ведь предупреждал, что у местных весьма своеобразное понятие о благодарности.

– Помолчал бы, – коротко отозвался старший охранитель. – Чем докажешь, что человеком вернулся?

Рыжий лишь едко ухмыльнулся, медленно поднимаясь во весь свой немалый рост. Да уж, непросто доказать свою человечность тем, кто перепуган до тщательно скрываемой дрожи в коленках, к тому же железному оборотню, который и человеком-то никогда не был.

– А ты, уважаемый, чем докажешь, что человеком остался? Когда моя бесценная «зрячая» проснулась, почуяв беду, все часовые спали. Это она подняла тревогу, разбудила и меня, и вас. А ты ведь утверждал, что не ляжешь спать до самого рассвета, да и другим часовым уснуть не дашь. И получается, что ты оставил лагерь без защиты. Может, это ты в сумерках вернулся не совсем человеком, а? И дружков своих привел, чтобы с наступлением темноты нас всех перерезали, как куриц на насесте?

– Да как ты... – Возмущение, чуть-чуть окрашенное непонятным, непрошеным стыдом, проступило из-под тщательно удерживаемой маски спокойствия.

– Потому, что не единожды видел собственными глазами, – Искра потянул за прочный кожаный шнурок, вытаскивая из-за пазухи бронзовый знак Ордена Змееловов, – как люди уходили в дозор, а возвращались уже измененными, совсем не такими, какими должны были бы вернуться. Потому со мной и ходит «зрячая» ромалийская гадалка, которая обладает даром отличать людей от нелюди.

Харлекин усмехнулся, одним движением поднял меня на ноги и впился мне в губы крепким, сочным поцелуем. Я удивленно охнула, стукнула Искру по плечу, скорее по

привычке, чем всерьез, и поспешно отвернула лицо.

– Дурак, люди ж смотрят.

– Пусть. – Он широко улыбнулся. – Зато будут знать, что я пришел таким же, каким уходил, иначе ты не смутилась бы, а пришла в ярость, поняв, что вместо мужа явился подменыш. А что такое ромалийские женщины в гневе, думаю, рассказывать не надо.

Я только фыркнула.

– И показывать – тоже.

– Хватит разговоров. – Недовольный гомон разом перекрыл хорошо поставленный голос старшего караванщика, того, кто и собрал торговцев в этот переход от реки Валуша до морского порта на юге, за лиходольской степью.

Трудно было поверить, что в этом низкорослом, коренастом мужчине лет пятидесяти от роду, с густой, аккуратно подстриженной бородой и легкой проплешиной на макушке скрывается столь могучий, хорошо поставленный гулкий голос, который было слышно даже на самой последней телеге в караване. Фир – а именно так называли старшего караванщика и охранители, и торговцы – в молодости, сказывают, служил в славенских войсках то ли сотником, а то и тысячником. Успел и в простых вояках ноги оттоптать, и понаемничать вволю, а когда годы начали брать свое, подался водить торговые караваны через Лиходолье до Южного моря. От Чернореченской переправы до Риэннского порта и обратно, весной и осенью водил Фир и тяжело нагруженные телеги с товарами, и легкие повозки, а то и конные отряды охранителей, отправленные в Риэнну оберегать от вторжений южную границу Славении. И хорошо, сказывают, водил – брал не намного дороже, чем другие проводы, но и людей уберегал лучше, и товары не пропадали почем зря. Странное, особое чутье было у этого человека – когда остановиться на ночлег, когда пуститься в дорогу, когда свернуть на объездной путь, чтобы беды не случилось. И редко случалось, чтобы это самое чутье его подводило.

Вот и сейчас – старший караванщик, единственный, помимо Искры, в чьем ореоле я не увидела и тени страха, окинул нас взглядом и убрал ладонь с тяжелой, окованной железом палки, висящей на поясе. Почему-то мечом Фир не пользовался – носил на поясе лишь широкий охотничий нож да две короткие палки, усеянные с одной стороны серебряными шишечками, а с другой – железными шипами. Следуя примеру старшего караванщика, охранители тоже опустили оружие, после чего Фир принялся наводить порядок в лагере – заново расставлять часовых, проверять костры и лошадей, которых согнали в небольшой загончик между телегами с дровами. Всем, кроме часовых, было велено ложиться спать, но покой в лагере восстановился не скоро, а нарушился раньше, чем я надеялась.

Казалось, что я только-только заснула, с грехом пополам устроившись на тонком соломенном тюфячке, который дала мне Ховрина, как меня снова трясли за плечо, пытаюсь разбудить.

– Эй, гадалка! – Голос чужой, грубый. Сильные, жесткие пальцы до боли впились в плечо, тряхнули от души, так, что я ахнула, резко садясь на подстилке и растирая глаза сквозь шелковую ленту поперек лица.

– Что стряслось? – Я завертела головой, пытаюсь отыскать взглядом Искру. Заметила алое с золотом сияние на другом конце лагеря, с облегчением выдохнула и посмотрела на разбудившего меня охранителя. Бледный, напуганный – лицо так и светится тревогой в серой предрассветной мгле.

– Надеемся, что ты скажешь. Идем, провожу.

Меня подхватили под локоть и повели к одному из костров, у которого уже толпились вполголоса переговаривающиеся люди. Охранитель, с некоторым трудом растолкавший собравшийся народ, остановился в шаге от затухающего костра, у которого валялась скомканная тряпка, больше похожая на чей-то плащ или одеяло. Опустился на колени, заставив меня сделать то же самое, и положил мои руки на тряпку, под которой ощущалось что-то твердое и холодное.

– Какая-то плита, – вполголоса пробормотала я, ощупывая старый, кое-где

растрескавшийся камень. Попыталась откинуть скомканный плащ в сторону, но не тут-то было – кусок ткани в одном месте будто приклеился к каменной плите, не желая отделяться.

Нет, не приклеился.

Я всмотрелась повнимательнее, наклонившись пониже, – и на мгновение расплывчатые, едва заметные линии на шершавом граните сложились в единую картинку. Столь четкую и пугающую, что я невольно отпрянула, с трудом сдерживая подкатывающий к горлу тошнотворный, брезгливый страх.

– Поднесите поближе факел, – глухо пробормотала я, сдвигая в сторону плащ, середка которого была будто бы затянута в одну из трещин в камне – да там и осталась, застряв намертво.

– И зачем тебе? Ты ж слепая, – с вызовом прозвучал чей-то голос за спиной.

– Это не для меня. Это вам видеть надо. – Я сглотнула ставшую кислой слюну и провела ладонью по шершавой поверхности чуть теплой плиты. – Мне свет не нужен.

– Принеси. – Короткий приказ Фира разом пресек ненужные вопросы, и вот уже старший караванщик стоял рядом, держа надо мной факел.

– Хорошо вам видно? – тихо спросила я, глядя на черное угольное пятно по центру плиты. Провела по нему пальцем – действительно, самая обычная сажа. – Костер тут жгли, что ли?

– Да это... Весий разводил. – Я обернулась на голос, глядя на пузатого торговца, того самого, что согласился взять нас с Искрой в свою телегу. А Весий, получается, тот молодой парень, что сидел на месте возницы и расспрашивал, почему надо поворачивать у тернового куста. – Он сказал, что, видать, набрали на старую дорогу, вот тут плиты и валяются. Ведь каждый знает, что, если на камне развести огонь, а потом сдвинуть угли в сторону, всю ночь можно спать на теплом... Вот он и спал... на тепленьком. А потом пришли будить, чтобы к часовым направить, а его и след простыл, только плащ, которым он укрывался, и остался...

Торговец развел руками, а я глубоко вздохнула и медленно, с присвистом выдохнула сквозь стиснутые зубы.

Лиходолье не любит наглых, глупых и наивных. Впрочем... Нет, таких-то оно как раз любит. В качестве пищи.

Я неторопливо, как во сне, начала рисовать прямо на черном угольном пятне, оставшемся от кострища, знак «проявления», которому меня научила Ровина. Этот символ, если знать, как его применить, покажет скрытое – ловушку, тайные письмена, потайной ход.

Или пленника.

Правой рукой я медленно и тщательно выводила каждую завитушку, а левой методично отстукивала ритм по каменной плите. Мне помогали колокольчики на золотом браслете, вот только звон у них оказался приглушенным, совсем тихим...

Последняя завитушка.

Обе мои ладони легли на растрескавшийся от времени гранит, и его поверхность начала светлеть, становиться полупрозрачной, как кусок серого мутного льда, и из его глубины начало подниматься нечто черное, бесформенное...

Не знаю, что увидели люди, подавшиеся назад. Люди, которые начали то ругаться вполголоса, то шептать молитвы. Люди, которые осознали, что опасность таилась у них под боком и была незрима и неслышима. Мертва, как придорожный камень, пока не пришел ее час.

Я видела человеческий силуэт в глубине каменной плиты, видела изломанную, изуродованную тень, туго оплетенную красной сетью. Видела распахнутый в отчаянном беззвучном вопле рот, видела руки с укороченными, будто бы обрубленными пальцами, которые легли изнутри камня на те же места, где мои ладони прикасались к шершавому граниту.

Вспышка осознания – живой! – и сразу же меня кто-то бесцеремонно оттолкнул от плиты. Дрожащие блики пламени осветили угрюмое, кажущееся усталым лицо Фира, когда он наклонился, чтобы стереть символ и накрыть плиту приросшим к ней плащом.

– Что-нибудь можно для него сделать?

Я покачала головой. Перед глазами все еще стоял образ поломанного, сдавленного алой паутиной человека, оказавшегося в каменной ловушке.

– Только похоронить... плиту, – негромко пробормотала я, кое-как поднимаясь на ноги и брезгливо обтирая руки о степеняцкие штаны. – Это теперь гроб. Если не похоронить по всем правилам, рано или поздно вылезет нежить... А этому... уже ничем не поможем.

– Значит, похороним, – кивнул Фир. Поднял факел повыше, осматривая людей. – Эй, кто покрепче, как солнце встанет, отнесем плиту подальше от дороги и похороним, как полагается. Помянем Весия – пускай его дорога к предкам будет легкой, и в путь. Нечего здесь задерживаться.

Факел опустил ниже, освещая мое лицо и обдавая его жаром. Старший караванщик несколько мгновений присматривался ко мне, потом качнул головой.

– Отдыхай, «зрячая». Похоже, ты нам в пути еще пригодишься.

Я передернула плечами и сразу же ощутила, как меня накрыл тяжелый плащ, согретый чьим-то теплом. Искра осторожно обнял меня со спины, крепко прижал и сразу выпустил, шутливо огладив по затылку.

– Ну вот, теперь покоя ни днем ни ночью не сыщешь. – Харлекин улыбался, но лисьи глаза остались настороженными, встревоженными.

Неудивительно.

Ведь если даже шассьи глаза не смогли распознать опасность, затаившуюся в обычной с виду каменной плите, что еще я могу пропустить по незнанию или невнимательности? А Искра, направляясь в дозор? Харлекины крепче людей, сильнее и быстрее – но и они далеко не неуязвимы.

Я попятилась от гранитной плиты, с виду мертвой и холодной, но каким-то образом поглотившей живого человека, и потянула Искру за собой, к ближайшему костру, оставаясь рядом с ним и вслушиваясь в тишину окружающей нас степи.

Тревога немного улеглась лишь с первым лучом солнца, вызолотившим степь. Кажется, что пока мы не окажемся в Огнеце, я буду очень плохо спать по ночам...

Глава 8

Утром в караване только и было разговоров, что о невидимом жнеце да о гранитной плите, ставшей гробом для веселого молодого возницы, на чье место пришлось усесться нанявшему парня торговцу. Правил лошадыми он из рук вон плохо, сразу видно, что дело это для немолодого, раздобревшего на сытой жизни мужика нелегкое и непривычное, но что поделать. Нанять с собой второго помощника, помимо Весия, торговец поспешил, понадеявшись на великий славенский «авось» и на то, что молодого парня лихая беда обойдет стороной. В итоге пришлось, тихо ругаясь под нос, садиться на возничью лавку самому. Впрочем, торговец надеялся нанять кого-нибудь в ближайшей деревне, до которой оставалось каких-то несколько верст. Позади – заросшие травой две версты «проклятой» дороги с разбросанными по обочине осколками гранитных плит и выглаженными временем булыжниками, и люди, выехавшие на укатанный десятками телег и подвод торговый путь, наконец-то повеселели.

– А сказывают, будто бы этот самый жнец, которого мы слышали ночью, – это сама смерть, что бродит по степи. – Ховрина, в телегу которой я перебралась со всем добром рано утром, подняла на меня чуточку настороженный взгляд от недовязанного чулка. После того как я на глазах у половины лагеря прыгнула в костер и принялась танцевать на углях, смотрели на меня, как на настоящую ромалийскую ведьму. На ту, что в воде не тонет и в огне не горит, способную одним взглядом как исцелить смертельно больного, так и уложить в могилу молодого и здорового. И относиться стали соответственно – с опаской и почему-то необъяснимой надеждой. Будто бы одним своим присутствием «зрячая» ромалийская женщина могла сделать путь через лиходольскую степь вдвое легче и безопасней. – Если

слышен ночью этот посвист, значит, утром кого-нибудь недосчитаются. И в этот раз сбылась примета.

Я неопределенно пожала плечами, продолжая тасовать нагретые теплом моих ладоней деревянные пластинки-тарры. Рано утром, когда только-только рассвело, а караван неторопливо вытягивался в цепочку, выезжая на дорогу, ко мне подошел Искра, державший в опущенной руке чуть испачканный сажей Ровинин посох. Харлекин помог мне взобраться на коня впереди себя и, пока мы ехали неспешным шагом в хвосте каравана, рассказал, что он видел ночью за пределами лагеря. А точнее, чего он не видел. По словам Искры, выходило, что стоило ему ступить за границу света от костра, как он словно провалился в самую густую тень, какую только можно себе представить. Не видно было почти ничего, только едва подсвеченные серебром метелки ковыля, а ярко освещенный лагерь словно пропал. А тут еще жнец этот – харлекин не видел, что это было, только слышал свист вспарывающего воздух лезвия, шелест падающей на землю срезанной травы, да шум крови в ушах. Больше ничего. От смерти его спасла только нечеловеческая ловкость и чутье: он едва успел дернуться в сторону, когда мимо него будто прокатился тяжелый мельничный жернов, утыканный острейшими лезвиями, срезавшими волосы на виске, скользнувшими по уху и превратившимися в лохмотья рукав рубашки. Хуже было другое: крутанувшись в сторону, Искра понял, что не может определить, в какой стороне лагерь, хоть и помнил, что отошел от него всего на несколько шагов. Трава, едва-едва подсвеченная каким-то неживым серебристым сиянием, идущим как будто из-под земли, колыхалась, сбивая с толку и не давая ни единого ориентира. Запахи смазались, пропали; воздух, по-весеннему теплый, казался вымороженным, выхолощенным, и отыскать собственные следы Искра также не мог.

Если бы не выкатившееся невесть откуда огненное колесо, подпалившее метелки ковылей, харлекин так и топтался бы на месте, пытаясь понять, в какую сторону ему возвращаться. Но стоило ему встать на пахнущую горелой травой тропинку, как в ее конце, всего в двух шагах он увидел вначале краешек тележного колеса, а потом и пляшущую на алых от жара углях босоногую девицу с повязкой на глазах. Он тогда и рванулся вперед, едва удержавшись в человеческом облике, потому что тропинка быстро гасла, исходя белесым дымком, и лагерь будто бы тускнел, таял в накатывающей со всех сторон мгле, как в черном тумане. Но стоило Искре добежать до костра, попутно сдернув меня с угольев, как наваждение схлынуло, а звенящий мельничный «жернов» прокатился мимо. Вряд ли жнеца спугнула ромалийская магия, скорее, по какой-то причине он не пожелал связываться с людьми. А может, просто наигрался и ушел прочь. Хорошо хоть, что стороной, а не сквозь лагерь, через людей...

Я подняла голову от тарр, с резким щелчком собирая их в стопку и глядя на притихшую Ховрину.

– Тетушка, а не найдется ли у тебя в поклаже веревки? – неожиданно поинтересовалась я. – Длинной такой, чтобы весь лагерь опоясать по кругу можно было. И колышков побольше, вроде тех, к которым шатры привязывают, чтобы ветром не опрокинуло? Тех, что у Искры в поклаже есть, не хватит.

– Веревка-то найдется, а вот колышков разве что из дров наколоть можно, если Фир позволит, – пожала плечами Ховрина, принимаясь за вязание. – А зачем тебе? Загон лошадям сделать хочешь, что ли? Так они у нас и без того не разбегаются.

– Зачаровать хочу попробовать, – вздохнула я, пытаясь отогнать навязчиво всплывавшую в памяти картину черного вала, накатывающего на степь с востока по мере того, как таял отблеск солнечных лучей за горизонтом. – Не защищены мы по ночам, никак не защищены. Костры, телеги – это все ерунда, я тебе как ромалийка скажу. Огонь отпугнет зверье, слегка отодвинет тьму – но не более того. Ночью даже круга из соли никто не сделал, чтобы нежить близко не подходила.

– Так это... дорогая нынче соль-то, – как-то испуганно пробормотала немолодая женщина, с беспокойством оглядываясь по сторонам, хотя днем в Лиходолье и бояться было особенно некого. – Кто ж ее разбрасывать на каждой ночевке будет? Это и мешка не хватит.

– А жизнь не дороже обойдется? – поинтересовалась я, пряча тарры в мешочек на поясе, на ощупь нашаривая в лежащей рядом дорожной сумке коробочку с мазью, подаренной дудочником, и аккуратно закатывая штанину. Колено при ходьбе уже почти не болело, отек спал еще утром, а вот синяк от Виковой трости оказался шикарным – сочным, густо-сиреневым, отзывающимся болезненными уколами на малейшее прикосновение. На него я и принялась аккуратно накладывать мазь, от которой вначале слегка припекало больное место, а потом по всему колену расплылась приятная прохлада. – Огонь отпугнет наиболее слабых, тех, кто посильнее, он только привлечет.

– Так на каждой телеге же оберег орденскими служителями вырезан. И борта холодным железом обиты, – возразила торговка. Спицы застучали быстрее, белесый шерстяной клубок дважды провернулся на полу, подпрыгнул и перекатился ближе ко мне.

– Что-то не слишком Весию помогли те обереги...

Какое-то время мы ехали молча. Ховрина отсчитывала петли, беззвучно шевеля губами, Настасья, оказавшаяся дальней родственницей бойкой торговки, штопала прожженную в нескольких местах женскую накидку – похоже, что вчера в лагере переполох все-таки был немалый, вот на расстеленную одежду и смахнули несколько угольков. Я машинально перебирала тарры и маялась бездельем – никакой «женской» работой я заняться не могла, а на коня Искра меня больше не брал, поскольку его, как «орденского служителя», позвали в самое начало каравана – высматривать беду и проверять безопасность дороги перед неторопливо едущими телегами.

Скучно, тоскливо. Степь, раскинувшаяся по обе стороны от дороги, угнетала своим однообразием – если раньше, у реки, это были луга, поросшие высокой травой вперемешку с яркими цветочными венчиками, то сейчас это было сплошное зеленое озеро. Солнце с каждой минутой палило все жарче, ветерок, приятно обдувающий лицо с раннего утра, как-то незаметно ослабел, а потом и вовсе пропал – вот тогда-то и раздался высокий, звонкий звук рога. Одна долгая нота, затем короткая пауза – и еще один гудок, отрывистый и низкий.

– Поселение впереди, – с облегчением выдохнула Ховрина, пряча недовязанный чулок со спицами в дорожный мешок. – Рановато что-то, обычно мы к Пшеничной Заломе только под самый закат приезжали, да и то если налегке. С таким длинным хвостом, как сейчас, мы еще день ехать должны были бы.

– Может, новую деревеньку поставили? – предположила я, нетерпеливо ерзая на месте и провожая взглядом охранителя, скачущего в хвост каравана, чтобы предупредить об остановке. – Долго, что ли, степняцкие шатры поставить?

– Да не шатры там. – Настасья поднялась во весь рост, ловко удерживая равновесие в трясущейся на неровной дороге телеге. Левую руку приложила козырьком ко лбу, правую отставила чуть в сторону. – Деревня как деревня. Домики с крышами, и даже забор хороший есть.

По крепкому, загорелому запястью Настасьи скатился узкий железный браслет, блеснул отполированным узором-узелком на солнце и остановился у основания ладони. Непростой браслет, заговоренный – вон едва заметно сияют зеленью прозрачные бусины, оттенки золотистую кожу. Впрочем, мало кто в караване обходится без оберегов. У каждого второго крест или ладанка на шее болтается, кто-то украдкой перебирает каменные четки, а кто-то нет-нет да и достанет из кармана старую славенскую монету с дырочкой посередине, посмотрит на нее, подышит на тусклое серебро, аккуратно потрет о рукав или штанину и спрячет обратно. Вообще удивительно, сколько можно заметить, когда люди вокруг считают тебя слепой: любопытные или подозрительные взгляды, жесты, вроде как отводящие беду, личные амулеты. Смешно мне становилось, когда люди на вечерней стоянке в какой-то момент начинали думать, что я не только слепая, но еще и глухая, поэтому начинали делиться сплетнями и домыслами, то и дело показывая в мою сторону и рассказывая байки о «зрячих» одну страшнее другой.

Телега, в которой я ехала, развернулась и остановилась в двух десятках шагов от плетеного забора высотой чуть больше человеческого роста, за которым виднелись с десятков

коричневых покатых крыш. О таких домиках, которые строили в степи из прочных веток и глины, я только слышала от Михея-конокрада, но вживую никогда не видела. Потому сейчас и глазела с любопытством на коричневые крыши, покрытые ветками и рогозом, ломким и хрупким. Кинь на такую крышу зажженный факел – через минуту весь дом запылает. Да и вообще в степи с огнем шутки плохи – пока весна и трава стоит сочная, зеленая, не выжженная солнцем и не высушенная ветрами, еще куда ни шло, а вот как только лето начинается, костры на земле уже никто не разводит. Снимают дерн, окапывают будущее кострище землей, обкладывают глиняными кирпичами, потому как достаточно одного уголька, затерявшегося в сухой траве, плохо затушенного костра – и вот уже пожар идет по степи сплошной стеной огня и черного удушливого дыма, в котором гибнут и люди, и животные. Сама я никогда не видела степных пожаров, но Михей, в молодости побывавший даже в Лиходолье, очень красочно рассказывал, как это бывает.

Это черный от дыма горизонт, сухой горячий ветер в лицо, заставляющий захлебнуться кашлем. Чувство беспомощности, когда окидываешь взглядом ровную, как стол, широкую степь и понимаешь, что бежать некуда – огонь опоясал кольцом небольшую рощицу, выросшую вокруг маленького водоема, и, куда ни кинься, всюду одно и то же. Открытый огонь, невыносимый жар и ядовитое облако дыма, стелющееся над землей. Страшное и одновременно завораживающее зрелище.

Ромалийцу повезло – ветер сменил направление, и огонь прошел стороной, не тронув рощицу, в которой укрылись люди, а там его остановили степняки, разведя костры широким полукругом перед своими поселениями. Пожар захлебнулся сам собой – на почерневшей, растрескавшейся от жара земле уже нечему было гореть, вот он и угас, когда добрался до выжженной степняками полосы...

– Эй, «зрячая»!

Телега, вздрогнув, остановилась, и я обернулась на звучный, раскатистый голос Фира, подъехавшего вплотную к деревянным бортам на высоком сером коне. Старший караванщик хмыкнул и протянул мне руку.

– Давай перебирайся ко мне, отвезу поближе к деревне. Посмотри на нее повнимательней и скажи, стоит нам тут останавливаться или лучше ехать дальше и ночевать в степи на обочине дороги. Женщины, помогите ей.

Ховрина с Настасьей даже спорить не стали, подхватили меня под руки и помогли подобраться к обрешетке, откуда Фир и поднял меня в седло, попросту обхватив за пояс крепкой, будто бы из железа отлитой рукой. Усадил перед собой по-женски, боком, дождался, пока Настасья передаст мне ромалийский посох, и лишь после этого легонько тронул коня пятками, пуская того неспешным, плавным шагом напрямик к раскрывающимся деревенским воротам.

– Мама, смотри – настоящая лошадка!

Я повернула голову на звонкий детский голос и невольно вздрогнула, ощутив, как мгновенно напряглась рука старшего караванщика, придерживающая меня за пояс.

На шее залиристо хохочущей, белокурой девочки, точнехонько в ямочке меж ключицами, багровело яркое пятно, вокруг которого тускнел ореол ребенка. Я перевела взгляд на мать, поднимающую девочку на руки и подносящую ее к лошадиной морде поближе, давая рассмотреть сильное, красивое животное. Та же метка между ключицами, вот только если у девочки это был маленький синячок, то у женщины – как родимое пятно, расплывшееся по шее и выглядящее как жутковатая ухмылка или шрам от удара ножом, вскрывшего горло. И у мужчины с короткой клочковатой бородой, хмуро взиравшего на нас с Фиром исподлобья, и у парня, с улыбкой встречающего караван у ворот деревни, и у всех тех, кто вышел посмотреть, что за караван идет мимо их деревни по торговой дороге, – у всех была эта странная метка. У кого-то крошечная, почти незаметная, будто алая точка меж ключиц, а кому-то это пятно застилало половину груди и превращало яркий зеленый ореол здорового человека в нечто тусклое, мутное, неприятное. Мне почему-то вспомнилась каша из перегнивших водорослей и ряски, которую я видела в почти пересохших лужах

на дне осушенного озера – такая же склизкая, зеленовато-бурая и с резким, переслащенным запахом.

Гадость.

Наверное, лицо у меня скривилось, потому что Фир наклонился ко мне и тихонечко спросил, что не так. Я невольно передернула плечами и покачала головой. Объяснить было трудно, я не могла сказать, что означали эти метки, но вот на ночь я бы тут не рискнула остаться. Не в самой деревне – точно. Только если отъехать в сторонку, отгородиться заговоренной веревкой, натянутой на деревянные колышки, и просто наблюдать за происходящим, не высываясь за границу обережного круга.

Лиходолье, как я уже успела понять, ошибок не прощает. Излишней глупости, доброты или милосердия к ближнему – тоже. Придется привыкать к тому, что всех спасти невозможно, суметь бы уберечь тех, кто путешествует с тобой в одном караване, делится хлебом и греется у одного костра. Не в силах золотой шассе в одиночку вычистить огромную степь, отгороженную от мира верстовыми столбами с красными верхушками, да и кому это нужно? Мне? Искре? Людям?

Харлекина вообще мало волнуют человеческие проблемы с Лиходольем, он сам сюда стремился только потому, что железному оборотню здесь гораздо легче смешаться с толпой и можно жить, не боясь дудочников из Ордена Змееловов. Искру вполне устраивала привольная жизнь, пусть даже связанная с опасностью угодить твари покрупнее в пасть, и если я хотя бы заикнусь о том, что было бы неплохо немного проредить нежить в Лиходолье своими силами, меня свяжут по рукам и ногам и не выпустят из телеги до самого Огнеца. Что же касается самих людей – еще свежи были воспоминания о «русалочьей» деревне, где никто не ждал от нас с Искрой избавления от водяной нечисти. Напротив, нас бы попытались на вилы поднять, если бы мы всерьез задели кого-нибудь из ведьм, прижившихся в Овражьем.

Белокурая девочка, которую мать все-таки не смогла утихомирить, вдруг шлепнула лошадь по шее маленькой ручкой, будто бы прихлопнула комара или мошку, и заливисто рассмеялась, глядя на то, как животное отпрянуло в сторону и встряхнулось, словно пытаясь сбросить невидимую паутину.

Я присмотрелась.

На гладкой, блестящей лошадиной шкуре медленно проступало ярко-алое пятно в форме узкой шестипалой ладошки...

От «нехорошей» деревни мы все-таки уехали после долгих споров и пререканий, остановившись в полуверсте дальше по дороге. Особенно много крику поднялось, когда я сказала, что нужно оставить «меченую» лошадь у поселения – хоть продать, хоть даром отдать, но обратно в караван принимать ее нельзя. Торговец, у которого эта лошадь была основной тягловой силой, заупрямился, а под конец и вовсе сказал, что заночует в этой деревне за крепким забором, в теплом доме и мягкой постели, тем более что его уже пригласила на постой миловидная вдовушка. А караван, дескать, может катиться дальше в степь, поутру, как рассветет, торговец его непременно догонит, если только полоумная слепая девка не заведет всех куда-нибудь на дно глубокого оврага, а то и к гнезду полуночной твари.

Семеро одного не ждут, потому Фир на исходе положенного на обед времени объявил, что пора ехать дальше.

– Змейка! – Я вздрогнула, отрываясь от раздумий, и посмотрела на харлекина, неслышно подошедшего ко мне со спины. Вот сколько раз он так уже делал – не сосчитать, а все равно никак не могу привыкнуть, когда из-за плеча неожиданно раздастся низкий, глубокий голос с рокоющими нотками. Каждый раз вздрагиваю. – Как колено? Сможешь прокатиться со мной верхом?

– Наверное, смогу. – Я повернулась, взгляд уперся в бронзовый кругляшок с оттиском в виде пронзенной змеи, висящий на шее у Искры. – А что?

– Поговорить бы. – Харлекин протянул руку, осторожно огладив меня по щеке кончиками жестких, шершавых пальцев. – А то вокруг тебя то тетки эти скачут, словно ты не мужняя жена, а юная девица на выданье, то Фир за собой таскает, будто своих глаз у него нету, то меня на другой конец каравана погонят... Надоело. Я им не пастушья собака, чтобы бежать, куда укажут!

– Искра...

– Что?!

От приглушенного рыка я невольно попятилась, посмотрела в сторону каравана. На нас и внимания-то не обратили – что невероятного-то, что муж повышает голос на жену? Мало ли в чем провинилась перед супругом слепая баба, если каждый раз вмешиваться, рано или поздно нарвешься так, что костей не соберешь. К счастью, Искра быстро взял себя в руки. Резко отвернулся, так, что взметнувшиеся рыжие волосы занавесили лицо, глубоко вздохнул и медленно выдохнул, а потом опустил на корточки, опираясь одной рукой о землю.

– Прости. Люди меня... раздражают. Особенно такие настырные. – Он понизил голос почти до шепота, так, что мне пришлось сесть рядом с ним, чтобы разбирать слова. – От них все время несет страхом, почти ото всех. Мне хочется выйти на охоту, чтобы хоть немного утолить свою жажду, успокоиться.

– Мы одни до Огнеца можем и не добраться, – вздохнула я, кладя ладонь на плечо харлекина. Горячее, согревающее пальцы даже сквозь тонкий лен рубашки. – А уж с погоней из обозленных охранителей верхом на лошадях тем более.

– Думаешь, я этого не знаю?! Но ты привела волка в стадо овец и велела ему быть собакой. Думаешь, мне просто находиться среди них, особенно если от этих людей пахнет, как от легкой добычи? – Искра поднял на меня тяжелый, усталый и чуточку безумный взгляд. Ореол харлекина трепетал, будто бы распираемый изнутри, сиял ослепительно-ярким пламенем, которое почти затмевало очаг расплавленного золота у него под сердцем. И как же я не замечала раньше? – Змейка, я, быть может, и железный, но терпение у меня на исходе.

– Это видно...

– Да ты что? – усмехнулся оборотень, неожиданно подсекая меня ладонью под колени и подхватывая на руки раньше, чем я успела упасть на землю. – Золото мое ненаглядное, да некоторые вещи ты в упор не замечаешь, хоть тебя носом в них ткни!

Он прижал меня к себе, зарываясь лицом в мешанину косичек на моем затылке, пальцы скользнули по рубашке, вытягивая ее из пояса широченных степняцких штанов, коснулись голой кожи.

– Украду тебя ночью, – тихонько, хрипло прошептал Искра, оглаживая мою поясницу, чуть царапая ее заострившимися ногтями. – Никто не заметит. А если и заметит, то бес с ними. Круг только пошире сделай...

– Хорошо.

Оборотень недоверчиво отодвинулся, заглядывая мне в глаза, будто бы не ожидая, что я так легко соглашусь. А мне было любопытно, что следует за этими мимолетными объятиями и короткими, зачастую неуместными поцелуями. Ради чего люди забывают о себе и своей безопасности, почему готовы и предавать, и соперничать даже с близкими друзьями и родственниками за предмет страсти? Ведь должно же быть что-то, ради чего люди готовы так рисковать? Не может же у людей быть столь сильным инстинкт размножения – ведь я до сих пор помнила заградскую нечисть, помогавшую женщинам и незамужним девкам скинуть здоровый плод еще до срока, чтобы уберечь от некоего «греха». Значит, не в деторождении дело, а в чем-то еще...

Искра обнял меня крепче, теплые, потрескавшиеся на ветру губы осторожно скользнули по моей шее, вызвав приятную дрожь, прокатившуюся по спине, как со стороны лагеря раздались крики. Не тревожные или напуганные, а удивленные, потом – требовательные.

– Тебя ищут, – с тихим рокотанием в голосе пробормотал харлекин, поднимаясь вместе

со мной на руках и разворачиваясь в сторону телег, нагруженных мешками с добром. – Вот неугомонные. Если им так нужна была ворожея, что ж в Черноречье не наняли? Была там гадалка, и не одна. Сам на базаре штук шесть в разных углах видел.

– Потому что не все базарные тетки и гадалки обладают даром «зрячей», а как узнаешь о вранье? Правильно, когда поздно станет, а в Лиходолье поздно может оказаться уже на границе, – вздохнула я. – Да и денег за такое путешествие пришлось бы отвалить немерено. Ровине при мне как-то полмешка золота предлагали, только чтобы лирха ромалийского табора согласилась проводить чью-то невесту до северного морского порта.

– Как я понимаю, наставница твоя отказалась, – усмехнулся оборотень, направляясь к машущим руками охранителям помоложе, которых, судя по всему, послали на поиски. – Денег мало посулили?

Я пожалала плечами.

– Отказалась. Только не в деньгах дело было.

– Ну, это да, конечно. Дело всегда не в деньгах.

– Ты шутишь или всерьез? – на всякий случай осведомилась я, покрепче хватаясь за шею оборотня и вслушиваясь в нарастающий гомон.

Интересно, что же там так живенько обсуждают натренированные в перекрикиваниях соседи на базаре торговцы? Судя по долетающим до меня обрывкам – что-то весьма возмутительное, иначе к чему требование «этого на кол и поехали отсюда от греха подальше»?

Мальчишку я увидела не сразу. Длинный, худой как жердь, с коротко остриженными светлыми волосами, рассыпающимися соломой, он стоял чуть в стороне от возмущенных, кричащих торгашей, крепко прижимая к впалой груди небольшой узелок и будто бы готовясь в любой момент дать стрекача.

– Пропустите «зрячую»!

Голос Фира не без усилий перекрыл все-таки гомон разошедшихся не на шутку торговцев, и они неохотно расступились, позволяя Искре поднести меня поближе к пареньку, настороженно глядевшему на меня исподлобья, и поставить на землю в трех шагах от пришлого. Глаза у него были синие-синие, как раскаленное от июльской жары безоблачное небо, а вот на горле, сразу над воротником длинной рубахи, подпоясанной куском веревки, алело незаметное обычному взгляду пятно. Как расчесанный комариный укус.

– Ты зачем пожаловал? – поинтересовалась я, забирая у харлекина свой посох и по привычке встряхивая правой рукой, поддевая скатившийся к локтю рукав блузки. Паренек затравленно оглянулся в сторону деревни, перевел на меня пронзительный, недетский взгляд.

– Увезите меня отсюда, а? Что угодно делать буду, только увезите! В деревне новый человек появился, значит, меня и отпустить может. Один пришел, один ушел... Она не увяжется! Не должна увязаться!

Голос у него дрожал и с каждым словом становился все звонче и звонче. Сколько этому пареньку лет? Пятнадцать? Шестнадцать? Или еще меньше? Я глубоко вздохнула, подойдя к парнишке ближе и легонько тыкая его в ямку меж ключиц наверху посоха.

– Вот здесь у тебя стоит метка. Как и у тех, кто вышел встречать наш караван у ворот. Ты уверен, что за тобой не придет поставивший эту метку?

– Она на всех наших стоит, – пробормотал паренек, отодвигаясь подальше от Ровинино посоха. – А если не возьмете меня с собой, и на вас на всех стоять будет.

– Угрожаешь? – обманчиво-ласково поинтересовался подошедший ближе Фир, положив ладонь на рукоять палки, висящей на поясе.

– Предупредить хочу. Как стемнеет, эта тварь и за вами придет. Только вот сначала подойдет меченого. Днем-то она прячется в ком-то, ночью выходит и охотится. А перед рассветом – опять прячется в человеке, только в другом. И не угадаешь, в ком эта гадина засела. У кого рука подымется потащить на костер своего ребенка или беременную жену? А тварь днем не высовывается, но метку свою она в любой момент поставить сможет – и потом

от нее уже не скроешься. – Мальчишка отвернулся, принялся теребить истрепанный, испачканный пятнами от раздавленной травы подол рубашки. – Забрел к нам как-то в начале зимы охотник один, дичь стрелял. Так эта гадина его как-то пометила – мы это поняли, когда он ни с того ни с сего вдруг горло себе расчесывать начал, а потом уйти попытался. Отговорить не сумели, а на рассвете мужики, кто покрепче рассудком, со всех заборов его кишки снимали... Повеселилась, подлючая! Дернул же нас нечистый прошлой осенью с обратной дорогой припоздниться и на орденском слугителе деньги приберечь! Всей вереницей так к ней в логово и угодили... И уйти никак, и оставаться, служить этой твари жратвой, тоже тошно. Она, конечно, не убивает сразу, а вот жизнь и здоровье потихонечку тянет...

...Вот уже второй день, как меня не отпускала лихорадка. То и дело к голове подкатывал сухой жар, хрупкое человеческое тело ломило, а в затылок будто бы кто-то злой и нехороший вбил здоровенный раскаленный гвоздь, да так там его и оставил. И суток не прошло после встречи с дудочником, оставшимся для меня безымянным, и Голосом Загряды, как я слегла в постель с сильной простудой, и теперь была уже очередь Ровины ухаживать за мной. Большие никого она ко мне не подпускала, сидела у моего изголовья, то заставляя меня выпить горячее, остро пахнущее травами и пряностями питье, то кладя мне на лоб тряпочку, смоченную уксусом, а после того, как жар ненадолго спадал, – бережно снимала с моего лица и шеи отслоившиеся кусочки змеиной чешуи. Иногда я слышала за дверью низкий голос Искры, но даже его лирха не подпустила ко мне близко, только раз дала ему заглянуть в комнату, чтобы харлекин убедился, что я еще жива, и не пытался сорвать дверь с петель.

– Ему надо учиться терпению, – негромко произнесла Ровина, усаживаясь на низкий табурет у изголовья моей постели и аккуратно кладя мне на лоб прохладную, легкую, как пушинка, ладонь. – В жизни пригодится. Не всегда можно добиться успеха напором и силой, иногда нужно уметь выжидать.

– Думаю, что выжидать-то он как раз неплохо умеет, – вздохнула я, кое-как садясь на постели и принимая из рук лирхи чашку с горячим питьем, сладко пахнущим малиной. – Опять горькое?

– На этот раз – с малиновым вареньем, – неожиданно тепло улыбнулась Ровина, оглаживая меня по спутанным, слипшимся от пота кудряшкам. – Ты пей, пока не остыло. А я...

– Расскажешь что-нибудь? – попросила я, делая первый глоток и сразу сморщившись и высунув язык, – снадобье оказалось хоть и сладким, как было обещано, но при этом настолько пряным, что язык мгновенно зашипало, а из глаз полились слезы. – Ой, жуть какая...

– Это еще не жуть, – вздохнула лирха, поправляя теплое лоскутное одеяло, которым были накрыты мои ноги. – Жуть... это совсем другое.

– И какое же? – Я подула на снадобье, а потом все-таки отпила еще глоток под строгим взглядом ромалийки. Не такая уж и гадость, как показалось поначалу. Язык по-прежнему щиплет, зато боль в простуженном горле сразу унялась.

– С пустым белым лицом, – тихо отозвалась Ровина, глядя куда-то в сторону. – Без единой морщинки. Только едва заметная полоса от уголков губ до мочек ушей. И глаза – черные, пустые. Крошечные огонечки в глубине глазниц. Приходит такая вот жуть в деревню поздней ночью, к людям... а иногда они и сами к ней приходят, молятся, как позабытому божеству... или же просто оказываются не в том месте и не в то время – и все. На каждом человеке или звере свою метку оставит, вот здесь. – Лирха показала себе на шею, прикоснувшись кончиком пальца к межключичной ямке. – Поначалу это просто красная точка, незаметное со стороны пятнышко, которое разрастается по мере того, как человек начинает отдавать свою жизнь и здоровье, подкармливая эту тварь. Или след шестипалой ладони, маленькой, как у ребенка. Если стоит такая метка на человеке – все,

далеко ему от белолицей не уйти.

– Почему? Разве нельзя от нее убежать, пока светит солнце?

– Если нет на тебе ее метки, то можно. А если есть... – Ровина передернула плечами, плотнее закуталась в теплую шаль. – Никуда ты от нее не денешься. С заходом солнца найдет везде, даже на освященной земле.

– А потом что? – Я и не заметила, как выпила половину чашки.

Лирха покачала головой, посмотрела на меня как-то странно, с прищуром.

– Ничего. Даже костей не найдут. Так... затертую цепочку крови на полу увидят... – Ровина глубоко вздохнула, будто встряхнувшись, и резко выпрямилась, расправила плечи. – Как выздоровеешь, скажу, как от таких огораживаться. Распознать, в случае чего, ты и без меня сможешь, ты у нас по-особому смотришь, даже больше меня видишь. Но иногда мало увидеть врага, нужно уметь не подпустить его к себе или тем, кто рядом.

Я кивнула. Сделала большой глоток из согревающей пальцы глиняной чашки и задала еще один вопрос – как называют эту самую «жуть».

Лирха ответила не сразу, но потом все-таки назвала звонкое, короткое прозвище, от которого у знающего человека пробегает мороз по коже...

– Глада, – тихонько пробормотала я, невольно стискивая заледеневшими пальцами нагретый посох. – Глада это у вас завелась. Или вы у нее завелись, это уж как посмотреть. Я с такими никогда не сталкивалась, только рассказы слышала, да и те какие-то невнятные.

– И как нам с этой тварью разбираться, если она к нам вдруг в гости пожалует? – поинтересовался Фир, задумчиво пощипывая коротенькую бородку. – Ведь я так понял, что благодаря пацану непременно пожалует, даже если мы его сейчас пинками выгоним. Что тогда?

Я неопределенно пожала плечами. Все, что я знала о гладах, – это то, что они не могут переступить через просоленную веревку. Сложи из такой веревки круг, затяни ромалийский узел на концах – и спи себе спокойно. Глада может беситься вокруг хоть всю ночь, а в круг ей не попасть. Пока человек сам гладе воротца не откроет, развязав узел или перерезав веревку, нежити не подобраться. Но если подберется...

Ровина мне как-то рассказала историю из собственного детства, когда пробовала объяснить, как же молодые девки, красивые и безобразные, статные и не очень, становились «зрячими» и выходили на дорогу, на которой их непременно подбирала ромалийская лирха, давно искавшая себе преемницу. «Зрячесть» – она ведь не с рождения всем этим девкам давалась, а проявлялась после того, как рвались нити, связывавшие человека со знакомой с раннего детства жизнью. Кого-то оставляли родители в лесу в голодный год в надежде, что неведомый мне человеческий бог брошенное дитя либо прокормит, либо к себе приберет, кто-то сам сбегал, распрощавшись с родней, что собиралась продать девушку «в замужество» за семейные долги, а кто-то попросту оставался сиротой и был вынужден искать лучшей доли. Как я сама. Как Ровина, которая когда-то звалась не ромалийским, а славенским именем, звонким и чистым, как серебряный колокольчик – к ней-то в деревню и пришла глухой ночью беда под именем «глада». Белая дева с оскалом от уха до уха, с черными провалами глаз, худая едва ли не до прозрачности. Ее не удержали ни тяжелые засовы на прочных дубовых ставнях, ни подкова из холодного железа, подвешенная над порогом комнаты. В сундук, где тогда притаилась маленькая Лидия, глада почему-то не заглянула, но вот отца поутру будущая лирха так и не нашла. Впрочем, она и не слишком старалась – торопилась убраться подальше от проклятого места, где ей на каждом доме и на каждом человеке чудилась алая метка. А про веревку ей змеелов рассказал, пока забивал очередной колышек в основу вешкового круга, который должен был отгородить еще вчера живую, а ныне проклятую деревню от Славенского царства...

– Попробуем веревку с колышками, – подумав, ответила я. – Нальем воды в кадку, засыплем соли побольше и положим туда веревку подлиннее, отмокать. Вечером достанем, и я круг поставлю. Только учтите, как только я узел на концах завяжу, через круг никто не

переступает – обратно может уже не попасть.

– А этого куда? – Искра приобнял меня за плечи, прижимая к себе и кивая в сторону сгорбившегося, сжавшегося, будто в ожидании приговора, паренька.

– С собой взять можем? – негромко поинтересовался у меня старший караванщик.

Я в ответ покачала головой, краем глаза наблюдая, как полыхнул отчаянием ореол души человека, которому я только что отказала в помощи. Но не могу. Не так уж и редки случаи, когда люди впускали в надежно защищенный дом существо, которое уже давно не было любимым мужем, родственником или ребенком, после чего беда настигала уже всех.

– Глада может и в нем находиться, он же меченый. Его и круг-то не пропустит.

Паренек как-то сник и сел там, где стоял, прямо в колючую траву, уронил голову на скрещенные руки, да так и застыл. Я не стала к нему подходить и пробовать утешить, пусть даже на краткое мгновение такая мысль и возникла.

Лиходолье не терпит слабых и чересчур мягкосердечных. Всех все равно не спасти, кто-то обязательно останется в числе брошенных, оставленных на обочине...

Искра обнял меня крепче и увел подальше от дрожащего мальчишки, а следом за нами начали расходиться торговцы – собираться в дорогу, затапывать, засыпать землей еще тлеющие уголья кострищ. Защелкали поводья, телеги одна за другой выезжали на дорогу, выстраиваясь в более-менее ровную линию, удаляющуюся на юг, прочь от проклятой деревни. Харлекин посадил меня в седло, взобрался следом и пустил коня неспешной рысью слева от торгового каравана.

Напоследок я оглянулась и невольно вздрогнула – сжавшегося в комок подростка на месте оставленной нами стоянки уже не было. Только низкая степная трава, чуть подсвеченная зеленью, волнами колыхалась на ветру до самого горизонта...

Глава 9

Я закончила вбивать очередной колышек высотой мне где-то по колено, вокруг которого была обвязана тонкая, с мизинец, бечева, еще мокрая и резко пахнущая солью, и с трудом разогнулась, покачиваясь из стороны в сторону и разминая затекшую поясницу. Казалось бы, задача проще некуда – взять длиннющую бечеву, которой торговцы обычно перематывали тюки с шерстью или хлопком, навязать на колышки и натянуть вокруг стоянки так, чтобы концы расположились напротив «воротец», перед которыми обычно горел самый большой сторожевой костер. Вот только колышков оказалось не меньше полусотни, а поскольку делали их наспех, то я уже два или три раза успела занозить пальцы, пока затягивала узлы и вбивала колышки с помощью деревянного молотка в сухую, твердую землю. Монотонная, нудная работа, помочь в которой мне никто, кроме Искры, почему-то не вызвался. И ведь никакого чарования пока еще не было – ромалийское обережное колдовство начинается с момента, когда концы веревки завязываются в хитрый узел, крепкий и прочный, но легко развязывающийся, если знать, за какую петельку поддеть и потянуть. Но все равно люди смотрели на меня с опаской, считая, что я уже колдую что-то несусветно страшное и могучее, хотя я на самом деле попросту тихонько ругалась себе под нос, вытаскивая очередную занозу.

Тихо вокруг. Непривычно тихо. Обычно степь полна звуков – шелестит травяное море, тихонько стрекочут сверчки, шумит нескончаемый ветер, донося откуда-то издалека отрывистое звериное ворчание. Шуршат полевые мыши, щебечут какие-то птицы... постоянная, непрекращающаяся возня под названием «жизнь». А сейчас все как будто пропало, затаило дыхание, спряталось поглубже и подальше, пережидая нечто, надвигающееся с востока и идущее следом за закатившимся за горизонт солнцем.

– Как продвигается труд на благо спасения человечества?

Я подняла голову, глядя на приближающегося ко мне харлекина, беспечно помахивающего пустым драным мешком, в котором он уволок свою часть колышков за раз, чтобы не бегать постоянно к сваленной у телег занозистой горке.

– Ты еще не устал от этих подначек? – поинтересовалась я, вставая с земли и оглядывая получившуюся оградку. Держалось вроде неплохо, хотя будет достаточно одного хорошего пинка, чтобы опрокинуть любой из кольшков, а то и сломать его пополам. – Лучше помог бы.

– А ты не устала еще от собственного благородства, а, Змейка? – Искра подошел ближе, взял меня за правую руку, развернул ладонью кверху и начал придиричиво ее рассматривать. – Иголка потоньше у тебя есть?

– Вроде была, – озадаченно отозвалась я. – А зачем?

– Ты две занозы пропустила, – вздохнул оборотень. – Сейчас не вытащим, палец может загноиться, а приятного в этом будет мало, поверь моему опыту.

– Еще успеем. – Я торопливо высвободила ладонь и пошла к «воротцам», расправляя лежащую в траве веревку. Руки уже саднило и щипало от соли, но надо было успеть до темноты.

С темнотой придет глада или же еще что-нибудь, не менее опасное и неприятное, а оставлять лагерь без какого-либо оберега, защищенный одними лишь кострами, мне не хотелось. Слишком много нечисти, которая не боится света и открытого огня и может бродить рядом с людьми, поджидая удачного момента для нападения. Вспомнить ту же «водяную лошадку», которая днем преспокойно разгуливала у ромалийского лагеря в табуне, а ночью приманивала к себе всадника и уносила его подальше в степь, где некому было помешать пиршеству.

– Вот упрямая дурища, – беззлобно ругнулся харлекин, подбирая оставшиеся кольшки и собираясь идти за мной, как вдруг замер, пригнулся и склонил встрепанную рыжую голову набок, будто бы прислушиваясь.

– Что?

В ответ Искра только негромко шикнул, торопливо опускаясь на колени, а потом и вовсе ложась на траву, прижимая ухо к земле.

– Всадник приближается. Или повозка. Лошадь идет тяжело – либо устала, либо тянет за собой телегу. – Оборотень поднял голову и легко поднялся на ноги. Широко улыбнулся, так, что в сгущающихся сумерках мне почудилось, что во рту у него блеснули треугольные железные зубы. – Кажется, едет наш отставший купец. Вот и сможем проверить, тащит он на себе проклятие или все-таки в рубашке родился.

– Надо круг закончить! – Я сорвалась с места, едва ли не бегом направляясь к «воротцам», у которых деловито сустились дозорные. Оттолкнула одного из них, молодого совсем парня, да так, что тот оступился и едва не угодил в костер, и, подхватив концы веревки, начала вязать на них ромалийский узел, то и дело поглядывая на дорогу. Теперь уже и я разобрала сквозь возмущенную ругань стук подкованных копыт по утоптанной земле, щелканье кнута и резкие, отрывистые окрики.

– Опа, гляди! Кажись, передумал Лис у вдовушки оставаться, – хохотнул кто-то у меня за спиной, шагнул вперед – и сразу же ойкнул от звонкой оплеухи.

– Куда собрался? – Голос Фиры, глубокий и спокойный, как омут на дне реки, раздался у меня над ухом. – А вдруг тебя нежить заманивает? Постучала тварь зубастая копытом по дороге, посвистела погромче, а ты уже к ней прямоком в пасть бежать? Ну так беги поскорее, дураки мне тут не нужны.

Затянуть узел покрепче, не обращая внимания на шум.

Сдернуть с плеч легкий плащ, торопливо расстелить на земле, прямо под узлом, рассыпая на плотную ткань мешочек с мукой, позаимствованный у Ховрины.

Стук копыт все ближе – краем глаза я увидела выплывающую из темноты лошадь, из последних сил тянущую с горкой нагруженную телегу по дороге, и купца по прозвищу Лис, вставшего во весь рост и машущего рукой.

Торопливо вывести прямо по муке обережный символ, четкий, хорошо заметный. Один раз ошибиться, торопливо затереть все ладонью и начать заново. Спокойнее надо быть, спокойнее.

Еще раз, только теперь более медленно, тщательно.

Торговец останавливает лошадь, громко здоровается и быстро идет к стоянке, будто бы и не видя направленного на него взведенного арбалета в руках одного из охранителей.

Я закончила последнюю завитушку, отчего осторожный знак едва заметно засиял зеленью, приподнялась и дернула за концы плаща, встряхивая его так, чтобы заговоренная мука осела на веревке и хитром ромалийском узле.

Подошедший было к «воротцам» купец вдруг резко остановился в шаге от круга, будто бы натолкнувшись на невидимую стену. Склонил голову набок, задумчиво почесывая сильно выступающий кадык, и перевел недовольный, злой взгляд на меня.

– А эта ромалийская ведьма что тут делает? Порчу на меня наводит?! А ну сгинь, проклятая! Сгинь!

– Лис, ты чего беснуешься? – На плечо мне легла теплая жесткая ладонь старшего караванщика. Фир помог мне подняться, сунул в руки Ровинин посох и посмотрел на бледное, перекошенное от злости лицо торговца. – Ты веревочку-то переступи и давай к костру поближе. Отогреешься, отдохнешь, бабы тебе медовухи нальют, я ж знаю, что у Ховрины бочоночек на дне телеги припрятан. Что стоишь и трясешься?

– Она все. – Длинный тонкий палец с острым крючковатым ногтем вытянулся в мою сторону, будто бы поскреб воздух над веревкой и торопливо отдернулся.

Лицо торговца побелело, словно в него кто сыпанул горсть муки, рот неожиданно растянулся до ушей, а в глазницах залегли глубокие черные тени. Лис неожиданно хихикнул – тоненько так, мерзко – и повернулся к «воротцам» спиной.

Свет от костра осветил невесть откуда взявшийся горб, из-за которого беленая рубашка вздувалась большим, едва заметно шевелящимся пузырем, а когда кто-то из охранителей посмелее выхватил из огня горящую головню, чтобы осветить пришедшего, я впервые пожалела, что вижу сквозь повязку.

Затылка у Лиса больше не было: вместо него из редяющих, коротко остриженных волос выглядывало плоское, как блин, лицо с крохотным носом, огромными, как у совы, немигающими глазами и длинной горизонтальной щелью вместо рта. Держащий головню охранитель приглушенно охнул, выронил горящую палку прямо в траву и закрестил воздух перед собой сложенными щепотью пальцами, но существо за веревочным кругом никуда и не подумало деться. Более того – в темноте стало видно, как в совиных глазах загораются ярко-красные огонечки, как раскрывается черная щель рта на белесом лице, а потом над притихшим лагерем поплыл мерзкий, скрежещущий шепот. Вначале я не могла разобрать слов, но потом прислушалась, и по спине у меня поползли мурашки – раз за разом глаза повторяла одно и то же, все громче и громче.

– Где ты?

Ищет кого-то! Неужели в лагерь пробрался меченый, а мы пропустили? Или глаза успела пометить кого-то еще у проклятой деревни, а я была настолько занята собственными переживаниями, что недостаточно внимательно смотрела по сторонам?

– Не прячься, – неожиданно ласковым, совершенно человеческим голосом проворковала глаза. – Все равно найду, и тебе будет хуже.

Нежить качнулась из стороны в сторону, тело Лиса неуклюже попятилось вдоль границы осторожного круга, неловко, жутковато наклоняясь к просоленной веревке каждые несколько шагов, недовольно морща нос и двигаясь дальше. Я мельком глянула себе за спину – те, кто не успел лечь спать до прихода глаза, теперь до побелевших от напряжения пальцев стискивали оружие или хватались за оберег, висящий на шее. Охранители держали наготове легкие арбалеты с короткими, почти неоперенными болтами, пристально следя за бродящей по ту сторону круга нежитью. Эти были если не спокойны, то хотя бы не слишком напуганы – все-таки не впервой им идти через Лиходолье, и уж навидались, судя по всему, они всякого. Пока круг не нарушен, глаза может хоть до утра болтаться поблизости и завывать на все лады, но ощутимого вреда, помимо нарушенного сна, она причинить не сможет, а с первым лучом солнца ей все равно придется искать убежище, где можно будет

переждать день.

– Малы-ы-ыш!

Нежить подалась вперед, туго натянутая на спине Лиса рубашка лопнула, и глаза выскользнула из чужого тела на волю, белая, тонкая, с длинными, кажущимися хрупкими руками. Упала на землю, на миг скрывшись в высокой траве, а потом поднялась – белоснежная обнаженная дева с красными, будто бы перепачканными в крови шестипалыми ладонями. Тело торговца за ее спиной грузно осело на землю, безвольно, безжизненно. Глаза даже не обернулась, только передернула хрупкими плечиками, как красавица, небрежно отмахнувшаяся от надоевшего своей назойливостью поклонника, и ее лицо раскроила горизонтальная щель рта с неожиданно крупными желтоватыми зубами.

– Ну иди же сюда!

Что-то заныло, захныкало, застонало откуда-то из глубины лагеря. Меня прошиб холодный пот, когда я сообразила, что это может быть, оттолкнула в сторону мешавшего мне пройти охранителя и побежала вдоль ряда телег, выставленных подковой.

Дура я, что сразу не сообразила! Пацан человеком был, пусть и «меченым», а значит, просто так исчезнуть в ровной, как стол, степи он тоже не мог. А вот спрятаться, прицепившись к днищу одной из телег, которые как раз тогда ехали мимо него, запросто! Другой вопрос, как паренек умудрился не свалиться по дороге, как он вообще дотянул до ночевки, но выяснять это мне не хотелось. Охота, как известно, она пуще неволи будет.

Вот только с голой ночью в силе воли «меченому» не тягаться.

Я едва успела подбежать и схватить паренька за руку, когда тот уже пилил веревку невесть где подобранным обломком ржавого лезвия ножа. Дернула на себя, оттаскивая отчаянно сопротивляющегося подростка подальше от круга.

Да откуда ж в нем сила-то такая?! Рвется так, что пальцы, плотным кольцом охватившие худое, непрестанно дергающееся запястье, покрываются золоченой чешуей. А иначе не удержать – парень вырывается хоть и неловко, неумело, зато сильно. Настолько, что мы с ним закружились, затоптались на месте, как в каком-то странном танце.

Краем глаза я увидела выплывший из темноты белесый силуэт, увидела вспыхнувшие в непроглядной мгле лиходольской ночи точки зрачков и спустя мгновение осознала, что мои пальцы сжимаются не на лихорадочно горячем юношеском запястье, а на тоненькой, холодной ручке...

– Моя-а-а-а...

Шепот, пробирающий могильным холодом до самых костей.

Я смотрела на гладу, чью руку я сжимала в чешуйчатых пальцах с золотистыми когтями, впившимися в бескровную белесую кожу, и неожиданно страх пропал. Исчез, как будто его и не было никогда. Так человек просыпается от тяжелого сна и с облегчением осознает, что гнетущее беспокойство осталось где-то на скомканной подушке, на сбитых простынях.

Это – всего лишь нежить. И сейчас я смотрю на нее шассьими глазами, смотрю сквозь черноту, что составляет ее тело, сквозь ту зыбкую тень, что она собой представляет, и вижу слабую, едва мерцающую искорку ее не-жизни. Загасить ее так же просто, как раздавить в кулаке светлячка... только руку протянуть...

Кажется, глаза это поняла, потому что отчаянно начала рваться прочь.

Не упустить! Только бы не упустить, потому что, если у нее в круге окажется больше одного «меченого», это будет как чума, которую уже не остановишь иначе, кроме как уничтожением всех зараженных!

С мерзким, противным скрипом острые когти прошли по шассье чешуе, покрывшей плечо, желтые лошадиные зубы клацнули прямо перед моим лицом, заставляя отшатнуться, и глаза с высоким, протяжным визгом повалила меня на землю.

Мы покатались по жесткой траве, смели котелок, стоявший рядом с телегой, что-то острое больно впилося под ребра в бок.

Да что же... не поможет никто?

Я ощутила жар костра совсем близко, рывком перевернулась, увлекая гладу за собой, и с размаху вдавила истошно вопящую нежить прямиком в полыхающие ветки, в багряные, легко сминающиеся угли. В лицо мне полетел сноп искр, нежить мгновенно загорелась, как соломенная кукла, но все продолжала молотить в воздухе руками, извиваться и пытаться вырваться. Висок обожгло болью – глада все-таки дотянулась, и распоротая надвое шелковая повязка соскользнула по лицу и упала в разгорающееся пламя.

Хватит.

Рука, покрытая золотой чешуей, пробивает грудь нежити так легко, будто бы та была сделана из тонкой бересты. Красноватое пламя гаснет в моих пальцах, и глада мгновенно рассыпается подо мной облаком жирного черного пепла, которое окутывает меня со всех сторон, заставляя расчихаться и раскашляться, уткнувшись лицом в уцелевший, провонявший дымом изодранный рукав рубашки.

От криков нежити все еще звенело в ушах, а когда я все же прочихалась и подняла голову, то поняла, почему в лагере до сих пор стояла такая тишина.

Люди, с которыми я еще утром делила пищу у общего костра, чьим не самым смешным шуткам улыбалась и с кем делилась опасениями по поводу предстоящей дороги, – все они смотрели на меня с плохо скрываемым отвращением, презрением и подступающим страхом. Я смотрела на ореолы, из глубин которых поднималось фиолетовое сияние, тронутое по краям чернотой, и внезапно осознала, что эти – не отпустят. Не вспомнят о том, что я их только что защитила от хищной нежити, возненавидят только за то, что я скрыла от них яркие золотые глаза и нечеловечью природу. Осудят не за поступки, а за чешую на руках, которая блестела в свете разворошенного костра ярче полновесных золотых монет.

Искра оказался рядом со мной так быстро, что никто даже опомниться не успел. Молча вздернул меня с колен, сунул в руку оброненный посох, задвинул себе за спину и с тихим шорохом вытянул меч из ножен. Ярость дрожала внутри него тугим клубком, и если эти люди не дадут нам уйти без боя, если хоть один болт сорвется с направленного в нашу сторону арбалета, то живых людей в этом лагере уже не останется. Харлекин положит всех, и даже я не смогу ему помешать, не смогу остановить, а все потому, что буду сама считать такой ответ справедливым.

Напряженную тишину разорвал нестройный хор голосов, раздающихся, как мне показалось, со всех сторон. Я обернулась – из тьмы лиходольской степи к кругу приближались опутанные алой паутиной силуэты. Не один и не два, а десятки «огоньков», которые с каждой секундой становились все ближе и ближе.

– Вам не меня бояться сейчас надо, – усмехнулась я, поудобнее перехватывая посох, обходя Искру и наклоняясь, чтобы вытащить из костра горящую головню. – А тех, кто собрался на вопли глады. Есть смельчаки, чтобы попробовать их отогнать?

Тишина. Недоумение, непонимание, беспокойство в чужих глазах.

– Ну, как хотите. Там, похоже, очень разношерстная компания собралась. Всех круг может и не удержать.

С этими словами я перешагнула через размахившуюся веревку, с головой окунувшись в студеную, ставшую беззвучной лиходольскую ночь...

Люди.

Раньше это слово обозначало для Искры лишь желанную добычу, легкую, не слишком хитрую и опасную, только когда она вооружена тонкими узорчатыми свирельками. Теперь же приходилось с ними считаться, потому что его Змейка считала, что этих существ зачем-то надо не просто оберегать, но еще и успокаивать, искать слова утешения. Для чего? Для того чтобы эти создания, едва завидев блеск золотых змеиных глаз, тотчас забывали обо всем том, что она для них сделала, и были готовы поднять шассу на колья и бросить в огонь?

Глупо. Ее табор ушел по колдовской дороге, она сама сменила облик, но все равно осталась той же ромалийской лирхой, которая безоглядно бросается защищать тех, кто выплевывает ей в спину проклятья и совершенно не ценит ее усилий. Это злило. Это

вызывало лютую, едва сдерживаемую ненависть ко всем тем, кто копошился рядом с его Змейкой и кому она улыбалась, несмотря ни на что. И вот сегодня, в эту лиходольскую ночь, наконец-то случилось то, чего харлекин ждал с момента отбытия каравана из Черноречья: Змейка показала всем и свои чудесные глаза цвета расплавленного золота, и крепкую чешую, и коготки, которыми она играючи вспорола грудь нежити, к которой людишки боялись даже приблизиться, чтобы не стать «мечеными». И результат был предсказуем.

Искра даже поразился, что не успел расседлать коня из-за этой возни с веревочным кругом – значит, даже если придется прорываться с боем, это будет сделать легче. Охранители каравана неплохо вооружены – это он успел рассмотреть, пока ходил с ними в дозор, пока высиживал свою смену у костра, – но они совершенно не готовы к тому, что рядом с ними внезапно окажется бронированное чудовище, остановить которое способен только дудочник. Их арбалеты слишком малы, а болты слишком легкие, чтобы пробить железную броню харлекина, ни у кого из охранителей нет достаточно тяжелого топора на длинной ручке или меча, чтобы дотянуться до уязвимых мест на теле Искры. Если они сделают хоть одну попытку напасть...

Право слово, Искра бы этого очень хотел.

Потому что тогда можно было бы с чистой совестью перебить их всех. Всех, кто держал оружие и пытался бы обороняться, – и Змейка не стала бы впоследствии обвинять его в излишней кровожадности. И отталкивать бы не стала, позволяя находиться рядом. Очень близко. Так, как она позволяла, засыпая рядом с ним у костра, тихонько, почти неслышно отзываясь на каждое его изучающее прикосновение.

Приближающуюся из темноты лиходольской ночи беду он услышал несколько раньше, чем шасса, прячущаяся за его спиной от недоумевающих, испуганных, ненавидящих людских взглядов. Услышал – и медленно опустил меч. С тем, что стекалось к лагерю из степи, в человеческом виде ему не справиться – слишком непрочная кожа, слишком медленное, неповоротливое тело, слишком узкое восприятие.

– Есть смельчаки, чтобы попробовать их отогнать?

Харлекин с изумлением посмотрел на девушку, которая спокойно вытаскивала из костра горящую ветку для того, чтобы поднять повыше над головой этот трескучий, плюющийся искрами факел. Неужели она не видит, что стекается к лагерю из темноты?!

Недолгий, мимолетный взгляд золотых змеиных глаз, мягко сияющих в тусклом оранжевом свете разворошенного костра на измазанном жирной черной сажей лице. Видит. И понимает. Но почему-то не может удержаться от геройствования. Чем Змейке эта дрянь настолько мешает, что она стремится уничтожить ее всюду, где только увидит?

Шасса опустила пылающую ветку пониже, отведя руку в сторону, и перешагнула через веревку, разом погрузившись в густые лиходольские сумерки.

В груди слева ощутимо кольнуло, словно управляющий блок чуть-чуть сместился или изменил форму, задев болевую точку. Там, за бережным кругом, в сплошной тьме затанцевало рыжее пламя, закружилось, выписывая причудливые восьмерки, круги и узоры, и в этом неверном, кажущемся невероятным посреди лиходольской ночи свете мелькала то золотая чешуя на тонких руках, то край когда-то белой рубашки, то длинные косички. Каждое движение, каждый шаг Змейки как вспышка, а танец завлекал, гипнотизировал, отбирал волю, притягивал к себе внимание...

Наваждение схлынуло, только когда огненный росчерк осветил чью-то оскаленную морду, припавшую к земле в шаге от кружащейся в причудливой пляске шассы. Харлекин вздрогнул, подался вперед, сбрасывая мешающуюся перевязь вместе с широким мечом, как его кто-то окликнул.

Фир, старший караванщик, держащий в одной руке жарко горящий, хорошо просмоленный факел, а в другой тяжелую, окованную серебром и железом палку, следом за Змейкой переступил через веревку, и почти сразу же раздался звук удара, хруст и предсмертный визг нечисти, оказавшейся у него на пути.

Ну, хоть один смельчак нашелся.

Искра усмехнулся и пошел следом, через голову стягивая истрепанную рубашку и снимая крепкий пояс. Кто-то из дрожащих от страха людей попытался его одернуть, твякнуть что-то нелестное, но харлекину было достаточно лишь обернуться и звонко клацнуть железными зубами, чтобы от него шарахнулись подальше, чем от рассыпавшейся пеплом глады.

Сбросить разболтанные сапоги, небрежно развязать пояс штанов, позволяя остаткам одежды соскользнуть на землю – и кувыркнуться через невысокую веревочную оградку, с шелестящим звоном перекатываясь по мокрой от росы траве и поднимаясь с нее уже полностью покрытым броней. Картинка перед глазами слегка изменяется, степь вокруг уже не кажется такой черной, такой непроглядной – она становится дымчато-серой, а мельтешащие вокруг пляшущей госпожи тени вдруг вспыхивают тусклым багрянцем...

Кровь у нежити горькая, холодная, мерзко воняет смертью и сыростью. Она не насыщает, а вызывает брезгливость и желание поскорее извергнуть из себя проглоченное. Острые железные когти скребут по прочным, будто бы каменным костям, одного взмаху рукой уже недостаточно, чтобы располосовать кинувшуюся прямо в горло тварь, которую харлекин оттащил подальше от своей танцующей госпожи. Пришлось помочь себе зубами, иначе существо, отдаленно напоминающее истрепанное ветрами и побитое морозами дерево, не остановилось бы, продолжая тянуть пальцы-ветки, усеянные тонкими шипами, к кружащейся шассе.

А она все не останавливалась, она сияла в этой дымчатой мгле, в этих сумерках, как золотой маяк, свет которого затмевал собой робкое, испуганное биение жизни там, где за бережным кругом прятались люди. Звон колокольчиков на ее браслетах сплетался в странную зовущую мелодию, туманил разум, ускорял пульсацию в груди.

Защитить. Не дать никому ее даже коснуться.

Инстинкт, первичный рефлекс, базовое непреложное правило.

Все, что представляет для нее опасность, пусть даже потенциальную, должно быть уничтожено.

Здесь. Сейчас.

Железные когти со свистом вспарывают воздух, зубы вгрызаются поочередно то в твердую, хрусткую, будто бы промерзшую плоть, то в мягкий желеобразный кисель. Потрескивают голубоватые искры на кончиках «волос», отчего очень быстро запах погибающей нежити забивается послегрозовой свежестью. Что-то маячит в уголке сознания, какой-то голос – но его практически не слышно, видна лишь цель. Угроза жизни его госпоже, его золотой богине. Пока он жив, никто не смеет...

Краем глаза заметить блеск стали за тоненькой веревочкой, уловить запах страха, запах нервного холодного пота. Там тоже угроза, пусть и неявная.

Убрать. Уничтожить. Зачистить.

Рывок вперед. Потребуется всего две секунды, чтобы пересечь смехотворную границу и ворваться в сгрудившуюся толпу, от которой пахнет добычей.

Тьма в глазах, резкая, болезненная остановка, как будто харлекин с размаху влетел в прочнейшую стену, невидимая игла, вогнанная под ребро и парализовавшая его на краткое мгновение...

Искра пришел в себя, уткнувшись лбом в мокрую холодную траву. Приподнял тяжелую голову, с трудом осозная, что остановился на расстоянии вытянутой руки от бережного круга. Вернее, что его остановили. Взгляд с трудом сфокусировался на старшем охранителе, который загородил собой людей, выставив перед собой тяжелую, забрызганную потеками темной крови нежити палку.

– Хватит, – голос Фира звучал непривычно низко, глубоко, с каким-то странным присвистом, – враги закончились. Забирайте свое – и уходите. Оба. Мешать не будем.

В голове туман, густой, непроглядный. Мысли то лениво перетекают одна в другую, то хаотично перескакивают с места на место. Искра даже не заметил, когда успел сменить облик, почувствовал только, как на покрытое испариной и едкой кровью нежити плечо

осторожно, будто бы опасливо ложится узкая чешуйчатая ладошка. Тихонько тренькнули бубенчики на золотом браслете, когда харлекин осторожно, нарочито медленно отвел Змейкину руку – нечего ей мараться о ту дрянь, что щиплет его человечесью кожу – и поднялся с земли. Оглянулся – вокруг стоянки трава вытоптана, кое-где дерн вывернут с корнем, пряный аромат растертых в кашицу травяных стеблей почти заглушает едкую вонь, поднимающуюся от изломанных, сокрушенных тел нежити. Сколько их было? Судя по тому, как ноют руки от кончиков пальцев и до самых плеч – много.

– Ты и ты, – Фир полуобернулся, ткнув окровавленной дубиной поочередно в сторону двух охранителей, – приведите коня и соберите их вещи. Все до единой. И не приведи Создатель чего-то стащить – все равно узнаю и выгоню из каравана. – Он скосил взгляд на Змейку, которая молча стояла в шаге от веревочного круга, опустив к земле будто бы отяжелевший ромалийский посох. Головня, что горела у нее в руке, уже давно погасла, и шасса небрежно бросила ее тут же, в мокрую от росы траву. Чешуйчатые руки потемнели от сажи, лицо все в черных разводах, одежда порвана, истрепана, один рукав, оторванный от плеча, свисает излохмаченной тряпкой. – Дневной паек еще на дорогу соберите. И рубашку лишнюю прибавьте...

К тому моменту, как один из отряженных Фиром охранителей, едва заметно морщась не то от брезгливости, не то от запаха погибшей нежити, которая в Лиходолье разлагалась на удивление быстро, перебросил через веревочный круг две плотно набитые сумки, а второй привел коня, Искра уже немного пришел в себя. Виски все еще ныли, в груди неприятно покалывало при каждом вздохе, но харлекин хотя бы уже мог твердо стоять на ногах. Осталось торопливо натянуть штаны и сапоги, покрепче завязать пояс с мечом, посадить Змейку в седло вместе с вещами и кое-как забраться следом, подобрав поводья и бросая последний взгляд на покидаемый караван.

На секунду возникло неистовое желание выхватить меч и перерубить зачарованную шассой веревку, но Искра сдержался – не хватало еще прорываться с боем. Если его остановили раз, что помешает сделать это снова? И тогда Змейка окажется практически беззащитной: это железнному оборотню не страшны ни стрелы, ни мечи, а шассью чешую пробить куда проще.

Он тронул лошадиные бока пятками и пустил коня небыстрым шагом в сгущающуюся темноту. Где-то неподалеку должна быть приметная скала, похожая на торчащий из земли палец великана, – он видел ее на горизонте, когда вечером совершал обход вместе с охранителями, – у ее подножия раньше протекал небольшой ручеек. Правда, летом он почти пропадал, вода оставалась только в небольшой ямке, но сейчас еще весна, и воды должно хватить, чтобы наполнить кожаные фляги и умыться.

Искра перевел взгляд на Змейку, сидящую впереди и кое-как удерживающую постоянно сползающие мешки с вещами. Она не сказала ни слова с того момента, как переступила через обережный круг и начала ромалийский танец, а сейчас сидела сгорбившись и устало опустив плечи, став маленькой и жалкой. Угнетающее зрелище.

– Чувствуешь, что тебя предали?

Она вздрогнула, упрямо тряхнула головой. Ну да, конечно. В лохмотьях, зато гордая.

– Здесь вода неподалеку, скоро доедем. Тебе надо умыться, а то на чертенка похожа.

В ответ лишь невнятное пожатие плечами. Искру на мгновение обожгла злость. Захотелось остановиться, сдернуть ее с седла и как следует встряхнуть. Или обнять покрепче. А потом вернуться к людям, которые ее предали и выгнали без малейшего сожаления в лиходольскую ночь, разом забыв обо всем том, что она для них сделала, и не оставить там в живых никого. Но вместо этого харлекин лишь крепче сжал колени, направляя коня к одинокой скале, которая едва виднелась на фоне темного неба. Хорошо хоть, что тучи немного разошлись и стали видны звезды – их света было уже вполне достаточно, чтобы не плутать кругами по степи, не видя ничего дальше собственного носа.

Еще четверть часа – и харлекин остановил коня чуть в стороне от одиноко торчащей скалы, снял Змейку с седла и, отыскав на ощупь в одной из сумок простую льняную рубашку

и кусочек мыла, вручил девушке это нехитрое богатство и подтолкнул ее в сторону журчащего у каменного подножия ручейка.

– Иди, а то ты вся в саже, чернющая, как трубочист. – Харлекин старался говорить мягко, негромко, но Змейка все равно боязливо передернула плечами, но все-таки направилась к воде. Через минуту уже раздался плеск и тихое восклицание – кажется, ручей оказался холодным, а искупаться Змейка решила целиком. Понять ее можно – Искре самому нестерпимо хотелось счистить с себя застывшую неприятной липкой корочкой кровь нежити, но пришлось ждать, пока девушка не вернется к кое-как разведенному из низкого кустарника и двух расколотых в щепу осиновых колышков костерку.

– Тебе уже лучше?

Она поплотнее закуталась в рубашку, которая оказалась слишком широкой и доходила ей до колен, и кивнула. Золотые глаза с узким вертикальным зрачком в свете костра показались Искре неприятно тусклыми, застывшими, как отшлифованные стеклянные пуговицы.

Вдох. Выдох. Усилием воли проглотить низкое раздраженное рычание, поднимающееся из груди. Встать, набросить на узкие Змейкины плечи широкий плащ и усадить у костра, пообещав быстро вернуться.

Вода в ручье и в самом деле холодная, такая, что зубы ломит. Искра сначала вдоволь напилась, избавившись наконец-то от прогорклого вкуса крови нежити на корне языка, а потом принялся оттирать почерневшую липкую корочку с рук, лица и груди с помощью тряпки, в которую превратилась Змейкина рубашка, забытая девушкой на камнях. Вокруг стояла тишина – не вязкая и гнетущая, когда нутром чуешь накачивающую из глубины степи опасность, а самая обычная, живая, наполненная журчанием воды, стрекотом сверчков, шумом ветра в траве. Негромко всхрапывал конь, которого Змейка не слишком ловко пыталась расседлать, тихо потрескивали корявые ветки кустарника, сгорая в огне...

Искра вернулся к огню довольно быстро, встряхивая мокрой рыжей гривой и чувствуя, как по спине и плечам стекают холодные капли воды. Сел рядом с девушкой, которая устала в пламя немигающим взглядом золотых змеиных глаз, осторожно дотронулся кончиками пальцев до ее бледного плеча, показавшегося в сползшей набок незатянутой горловине.

– Они так испугались, когда меня увидели, – пробормотала она, безучастно глядя в огонь. – Я никого из людей не обидела, я их защищала – а они все равно боялись.

– Ты не такая, как они, я много раз тебе говорил. – Искра осторожно привлек девушку к себе, прижался щекой к влажным, холодным косичкам. – Люди боятся и ненавидят то, что не могут понять или поработить. Шасс в свое время не смогли, вот и насочиняли побольше страшных сказочек, чтобы вас и стар и млад гоняли сразу же, как только увидят, или в Орден доносили. Тяжко, сказывают, орденцам без змеелюдовых шкур придется – от чарований нечем защищаться будет. К тому же я уверен, что этот караван доберется куда следует и без твоей помощи.

Она встрепелась, подняла голову, ловя его взгляд:

– Почему ты так думаешь?

Харлекин как можно равнодушнее пожал плечами:

– Потому что среди них был твой сородич. Только он мог меня остановить, когда я... несколько увлекся дракой и практически перестал отличать нежить от людей. Он заставил меня остановиться на полном ходу и упасть на колени одним словом, а значит, и с другими нелюдями так поступить сможет. Дойдет караван в Огнец с такой защитой, никуда не денется.

– Кто?! – Змейка моментально вскочила, заметалась, будто бы не зная, за что сначала хвататься – за седло, небрежно брошенное на землю, или за разворошенные сумки. – Ты уверен, что это был змеелюд?

– Отвечаю по порядку – кто именно, не знаю. Уверен только в том, что приказ остановиться отдавала не ты, но звучало очень похоже. Это даже не столько услышанное

слово, это ощущение – как будто тебя парализует изнутри и ты с разбегу ударяешься о невидимую стену. – Оборотень усмехнулся, подходя ближе к растерянной девушке. – Поверь мне, я это чувство благодаря тебе хорошо запомнил.

– Нам надо вернуться! Я хочу найти его, хочу поговорить! – Она опять засуетилась, а харлекин сумел выдохнуть только одно-единственное слово:

– Нет.

– Нет? – Змейка остановилась, в золотых глазах мелькнуло непонимание. – Почему?

– Тебя попросту убьют, – тяжело вздохнул оборотень. – И вряд ли твой сородич вмешается – позволил же он тебя прогнать. – Искра подошел еще ближе, осторожно взял холодные узкие ладошки, с которых уже сползла золотая чешуя. – Ты мне лучше скажи вот что – почему ты так болеешь за людей, для которых ты – никто, грязь, нелюдь, недостойная жизни? Люди вырезали твою первую семью, чуть было не уничтожили вторую, а ты все равно на их стороне. Почему не на моей?

– Искра... – Она моргнула, будто бы просыпаясь ото сна, склонила голову набок странным, знакомым еще с Загряды жестом, который сохранился у нее и в новом облике.

– Ведь разве не я сейчас твоя единственная семья? Я защищаю тебя, забочусь о тебе, но почему, стоит только кому-то из людей отнестись к тебе по-доброму хоть раз, поделиться хлебом или спеть песенку у костра, как ты забываешь обо мне и только и думаешь, как бы уберечь их?!

Немигающий, кажущийся неизменно спокойным и холодным взгляд змеиных глаз на лице, которое поначалу вызывало у Искры лишь оторопь и желание разбить его в кровавую кашу, только бы больше не видеть никогда.

– А знаешь что... – Харлекин встряхнулся, ощущая, как левая рука до самого плеча покрывается бронепластинами, как изменение затрагивает грудную клетку, которая тоже становится металлической, покрытой еле заметной насечкой. Как сдвигается в сторону часть брони, открывая отверстие, из которого показывается пульсирующий мягким свечением кристалл, оплетенный золотыми нитями. Тот самый, который Змейка когда-то вложила ему в грудь, научив тем самым не притворяться, а быть. Управляющий блок, который в значительной степени усовершенствовал его конструкцию и наконец-то структурировал разрозненные фрагменты памяти. Источник энергии, позволявший осуществлять переход из маскировочной модификации в боевую без необходимости подпитки извне. Незаменимая деталь, без которой он очень быстро станет тем, кем был раньше, – железным оборотнем, живущим от охоты до охоты. Без цели, без смысла, без назначения. Простой машиной для убийства, заикленной на одной-единственной простенькой программе выживания в чуждой, неблагоприятной среде. – ...Если я занимаю в твоей жизни столь незначительное место, забирай его, свой подарок. Прямо здесь и сейчас. Обещаю, что успею отойти от тебя достаточно далеко до того, как начну снова воспринимать тебя как добычу.

Змейка уставилась на мерцающий золотистый камень так, будто бы впервые увидела. Покачала головой – и мягко надавила на него ладонью, возвращая на место.

– Ты мне нужен, Искра. Такой, какой ты есть сейчас...

Ликование. Непонятное, ранее не ощущаемое – но сразу узнанное. С резким звоном встала на место защитная панель, закрывающая управляющий блок, и харлекин потянулся к ней, златоглазой, стоящей совсем рядом, почти позабыв о том, что левая рука и часть грудины у него до сих пор металлические. Такая мелкая, ничего не значащая деталь...

Острые железные когти очень бережно, очень точно разрезают рубашку – без нее Змейка гораздо соблазнительнее, гораздо лучше! – живая рука обхватывает ее за талию, прижимает к разгоряченному телу.

Надо бы поосторожнее, надо бы...

Но золотые озера ее глаз подчиняют сильнее, чем орденские дудки, в них так легко провалиться и остаться навсегда пленником этого «змеино-го золота». Добровольным пленником, не желающим более свободы...

Она откликается на каждое касание, как хорошо настроенный инструмент. Золотая

чешуя покрывает узорчатыми извивами ее щеки, грудь, живот, блескучими ручейками «растекается» по бедрам. Змеиные глаза горят ярко, куда как ярче, чем затухающий, прогоревший до рыжих углей костер. И по-хорошему надо бы поначалу быть более осторожным и неторопливым, но она подгоняет его каждым движением навстречу, каждым жестом или касанием, каждым вздохом и взглядом, и он поневоле подстраивается под этот ее ритм – рваный, быстрый, сложный, как ромалийский танец, что отплясывают лирхи на раскаленных угольях. Звон колокольцев на ее браслетах создает иллюзию еще одного танца, очень личного, предназначенного только для них двоих...

«Ты мне нужен, Искра» .

Системное сообщение о достижении второго уровня развития харлекин проигнорировал...

Глава 10

Чем дальше в степь, тем становилось суше и жарче. Трава стлалась низко над землей, яркие пятна цветов почти полностью исчезли, сменившись белесыми метелками «пастушьей сумки» и длинными прядями ковыля. Ветер дул нескончаемо, изредка меняя направление, но оставаясь одинаково сухим и холодным. Пейзаж угнетал своей однообразностью: всюду, насколько хватало глаз, тянулось одно и то же зеленоватое травяное море, над головой небо с утра и до вечера было одинаково синим и высоким с редкими клочками облаков. Изредка попадались жиденькие заросли кустарника, одиноко стоящие деревья с разросшимися в разные стороны крепкими узловатыми ветвями или небольшие каменистые холмики, усеянные белесыми окатышами. К одному такому холму я хотела подойти поближе, чтобы рассмотреть получше, но Искра меня не пустил – сказал, что это древние могильники, в которых хоронили павших воинов еще в те далекие времена, когда Лиходолье было обычной степью, а нечисти в ней водилось куда как меньше, чем кочевых народов. Мелкие стычки, которые легко могли перерасти в кровопролитную войну между двумя многочисленными родами, в то время случались часто, и на местах побоищ люди воздвигали такие вот курганы – попросту стаскивали тела в одну большую братскую могилу и засыпали землей и камнями, выстраивая холмики. Шаман племени три ночи совершал у свежего могильника какие-то обряды, после чего мертвецы считались запертыми в подземном мире и не могли выбраться в мир живых, пока их не потревожат первыми.

Я слушала харлекина, который спокойно шел по едва намеченной в траве тропке, ведя коня в поводу, и только диву давалась, откуда Искра набрался таких историй. О степняках даже Ровина знала немного, в основном те байки, которые передавались из уст в уста на перекрестках дорог, где иногда встречались ромалийские таборы, а железный оборотень рассказывал уверенно и много, как будто сам несколько лет жил со степными кочевниками.

– И откуда ты столько знаешь, а? – поинтересовалась я, свесившись с седла и наклоняясь к Искре. Он равнодушно пожал плечами и едва заметно улыбнулся.

– Я же говорил про Огнец. Можно сказать, что та, которая приняла меня под свое крыло, очень любила поболтать об истории здешних мест. Ей было интересно учить меня не только охоте на людей, но и более традиционным наукам. Чтению, письму. – Харлекин замедлил шаг, обернулся, глядя мне в глаза. – Обращению с женщинами.

Я торопливо отвела взгляд, между делом поправляя рубашку, опять сползшую набок и приоткрывшую небольшой синяк от слишком крепкого поцелуя на плече. Значение такой «метки» Искра пояснил поутру, в промежутке между одеванием и завтраком, после чего мне почему-то было уже неловко показывать эти отметины. Шассы не проявляют повышенный интерес к чужим отношениям между разнополыми особями, пока они не вредят общине, а в особенности детям, и потому демонстрация особой близости была как-то не принята и никого особенно не интересовала. У людей оказалось совсем иначе – близкие отношения между мужчиной и женщиной, стоило им только начаться, сразу же подвергались неуместному обсуждению, а то и публичному осуждению, если пара не была связана

брачными узами. Осуждались и слишком чувственные проявления симпатии, и холодность, и неумение выбрать кого-то одного, хотя, казалось бы, какое дело всем этим людям до того, что творится в чужой постели? Ведь никого из них свечку в спальне держать не звали, горестями или радостью не делились – но все равно находились любители посудачить на тему, кто с кем сошелся, а потом и кто от кого сбежал. То ли от зависти, то ли от желания хоть как-то приукрасить собственную жизнь, серую, неприятную и лишенную ярких эмоциональных всплесков, но зачастую люди бесцеремонно влезали в чужую близость. Жадно разглядывали все то, что успевали разглядеть, пока их не прогоняли, а потом строили догадки, спеша поделиться с соседом об увиденном и подслушанном. О том, что у кого-то, оказывается, все не так серо, уныло и буднично, как у большинства. «Не по-людски», – как со смешком выразился Искра, принимая из моих рук кривовато, но крепко зашитую рубашку, которую сам и распорол железными когтями в первую нашу ночь, поленившись снять ее с меня, как полагается.

– Далеко нам еще? – негромко поинтересовалась я, отирая рукавом испарину со лба и украдкой покосившись на небо.

– Не слишком. – Искра пожал плечами, указывая в сторону небольших каменистых холмов, видневшихся на горизонте. – Нам туда. До Огнеца есть и короткая дорога, надо просто знать, как по ней добираться. И ехать только налегке, без нагруженных с верхом телег и толпы сопровождающих.

Солнце еще высоко, но уже начинает клониться к закату. Четвертый день пошел, как мы ушли из каравана и поехали по едва различимой тропе прочь от наезженного тракта и не встретили пока что ни людских поселений, ни нечисти. Дни проходили спокойно, а черная непроглядная мгла, которая накатывала откуда-то из сердца Лиходолья с наступлением сумерек, будто бы обходила нас стороной. Понаблюдав за этим пару дней, вчера я поделилась с харлекином своими размышлениями, на что тот недолго думая ответил, что хищники всегда идут следом за добычей, а нас с ним в данном случае добычей назвать было сложно. Скорее, нас могли рассматривать как конкурентов, но пока мы не нарушаем границ чужих «охотничьих угодий», не отбиваем чужую «пищу», нас вряд ли тронут.

Холодный сухой ветер скользнул по нагретому солнцем затылку, и я невольно поежилась, покрепче стягивая воротник рубашки. Высокие могильники из белых окатышей стали попадаться все чаще – как целые, засыпанные пылью и заросшие колючим бурьяном и жесткой травой, так и разрушенные у основания, с развороченной стенкой или разобранной верхушкой. И тянуло из таких открытых курганов ледяным холодом и затхлой сыростью.

– Гробокопатели, – со смесью брезгливости и злости выдохнул Искра, отворачиваясь от очередного могильника с зияющей дырой и сплевывая через левое плечо. – Вот ведь нейдет людям. Серебра отроют в лучшем случае горсть, а потом удивляются, отчего по Лиходолью нежити бродит все больше с каждым годом.

Я сощурила глаза, вгляделась в черный зев разворошенного кургана.

Из темноты веяло жутью. Первобытной, застарелой, той, которая зародилась в стародавние времена, когда шассы еще не были призваны богами Тхалисса к сохранению Равновесия и жили не в темных пещерах, а на вершинах скалистых гор, под холодным, ослепительно-ярким солнцем. Нечто такое, из-за чего люди начали бояться прихода ночи, хотя, казалось бы, что страшного в сгустившемся мраке, особенно когда его разгоняет свет луны и звезд?

– Искра, постой.

Харлекин сбавил шаг, удивленно посмотрел на меня, приподняв рыжую, выгоревшую до золотистого медового оттенка густую бровь. Лисьи глаза блеснули на солнце прозрачным янтарем, в котором навеки застыли мелкие коричневые крапушки древесной трухи.

– Что?

– Да тут... – Я кое-как слезла с недовольно всхрапнувшего жеребца, подошла поближе к развороченному могильнику, присаживаясь на корточки, чтобы получше рассмотреть дыру с неровными краями, поросшими жесткой пожухлой травой.

– Ближко не подходи. – Искра поудобнее перехватил поводья, внимательно наблюдая за тем, как я на карачках подползаю к провалу в ровной когда-то стене из сероватых окатышей, глины и тонких полусгнивших прутьев.

Ощущение, будто бы лезу в медвежью берлогу.

Что-то блеснуло у самой дыры – не то медальон, не то монета. Я поначалу подалась вперед, вытянув шею, чтобы рассмотреть получше, но мгновенно оказавшийся рядом Искра бесцеремонно щелкнул меня по уху и оттащил подальше от могильника.

– Ты прям как сорока, – недовольно выдохнул оборотень, выпуская рукав моей рубашки из крепко сжатых пальцев. – Увидела что-то блестящее и сразу нос свой любопытный сунула. А откуда в безлюдной степи такая чистенькая побрякушка, тебе и дела нет. О том, что это может быть приманка для любителей легкой наживы, не подумала?

Действительно сорока.

Я опустила на колени в жесткую, уже потихоньку желтеющую на палящем солнце траву напротив провала в стене кургана, поудобнее перехватила Ровинин посох и потянулась к блестящему предмету. Деревянный, стесанный о камни кончик аккуратно раздвинул низкие пожухлые стебельки, в которых запутался серебристый кругляшок, подцепил за петельку тонкий кожаный шнур...

Первая попытка не увенчалась успехом – шнурок соскользнул с гладко отполированного посоха, даже не приподняв медальон над землей. Я услышала за спиной тихий смешок, обернулась – Искра с любопытством наблюдал за моей «рыбалкой», не скрывая насмешливой, чуть снисходительной улыбки. Похоже, что моего спутника забавляло, как я возилась с «ловлей» заинтересовавшей меня штуковины, не желая бросать затею.

Холодный ветер качнул степные травы, шевельнул волоски на моем затылке, чуть-чуть остудил нагретую солнцем голову. Из могильника дохнуло сыростью, тьма всколыхнулась, будто бы маслянистая лужа, подалась вперед и зацепила угольно-черной тенью самый кончик лирхиного посоха.

Теплое дерево неожиданно остыло у меня в руках, а потом рванулось в темноту кургана, увлекая меня, не успевшую разжать пальцы, за собой.

Мгновение растерянности, когда я ощутила силу, крепко ухватившуюся за посох и затаскивающую его в зияющий провал вместе со мной. Камешки, неприятно царапающие тело сквозь льняную рубашку. Тьма, голодно и жадно смотрящая мне в глаза из-под низкого земляного свода, куда не проникает солнечный луч, – я не видела ее, но чувствовала, что она рядом, почти слышала, как она скребет длинными крючковатыми когтями на границе света и тени, подтаскивая меня все ближе и ближе...

Неожиданно посох перехватывает железная рука, покрытая узорчатыми латами. Острые когти со звоном сталкиваются, разбивая свет на ослепительные блики. Искра дернул покрепче, высвобождая посох из невидимой хватки, и толкнул меня в плечо, отчего я кубарем откатилась прочь от кургана. В копчик неожиданно больно впился невидимый в траве камешек, я ойкнула и поспешила подняться, нарочито тщательно отряхивая одежду.

– Дура, – тихо, с еле слышными рычащими нотками обронил харлекин, подходя ближе и раздраженно роняя мне под ноги отвоеванный посох. Встряхнул рукой, возвращая ей человеческий вид. Посмотрел исподлобья. – Предупреждал ведь. Лезь в седло, и чтобы без разрешения не спешила.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но заглянула в потемневшие лисьи глаза с холодной голубой искоркой на донышке зрачка и передумала. Молча кивнула и послушно забралась на смирно стоящего коня под мрачным взглядом харлекина, наблюдая за тем, как в его золотисто-алом ореоле потихоньку тают фиолетовые мазки.

Он испугался. Действительно испугался. Вот только за себя ли?

– Извини, – негромко пробормотала я, наклоняясь, чтобы дотронуться кончиками пальцев до напряженного, твердого, как камень, плеча Искры. – Я и правда сглупила.

– Приятно, что ты способна это признать. – Он глубоко вздохнул, повел плечами, будто

сбрасывая невидимый плащ, а потом неожиданно потянулся ко мне, ухватил за рукав рубашки, заставляя наклониться, и крепко поцеловал в губы. – И слушай меня почаще, ладно? Я все-таки несколько лет прожил в этой проклятой степи и знаю о ней немного больше, чем ты.

– Хорошо, я постараюсь. – Я невольно улыбнулась. – Но тебе придется стать интересным рассказчиком.

– С этим проблем не будет. – Искра усмехнулся и отстранился. – Заговаривать зубы я умею почти так же хорошо, как и охотиться. Подвинься-ка, дальше поскачем, а то до холмов этих к вечеру не доберемся.

– А что там, за этими холмами? – поинтересовалась я, дождавшись, пока харлекин усядется в седло передо мной, и покрепче вцепившись в его пояс.

– Старая дорога к Огнецу, – отозвался Искра, трогая конские бока пятками. – Если она совсем не заросла быльем, то до города, считай, рукой подать будет.

Да уж, рукой подать.

Я перевела взгляд на могильники, мимо которых мы проезжали, и только сейчас начала замечать брошенные, темные от ржавчины лопаты с поломанными рукоятками рядом с поврежденными курганами, грязные тряпки, которые когда-то наверняка были одеждой. Кажется, что далеко не все гробокопатели ушли отсюда целыми и невредимыми, да еще и обогатившимися за счет погибших – куда как больше сгинуло в неизвестности, отправившись на поиски старинного клада. Над редкими курганами еще реяли на длинных шестах грязные обрывки, бывшие когда-то знаменами, – эти могилы гробокопатели не тронули. То ли сохранилась в людях толика уважения к павшим героям, то ли просто побоялись соваться – теперь уже не разберешь. Да и надо ли?

Желтовато-серые каменистые холмы были все ближе, тропа под лошадиными копытами превратилась в подобие дороги, когда солнце померкло, укрытое невесть откуда набежавшими облаками, и стеной хлынул не по-летнему холодный дождь...

Ливень прекратился только под утро, а на рассвете я проснулась от холода. Приподняла голову с теплого Искрова плеча, осмотрелась. Густой белесый туман затопил все вокруг, накрыл и степь, и холмы, и наш крохотный лагерь, разбитый под небольшим каменным козырьком, ледяным молочно-белым одеялом. Туман заливал все вокруг, но почему-то таял на высоте колена, отчего казалось, будто бы мы с Искрой лежим под самыми облаками. Костер в двух шагах от нас, разведенный у ноздреватой, похожей на кусок хлеба скалы из желтого песчаника, чадил, потрескивал и отбрасывал на стену трепещущие отблески света. Чуть дальше были видны колышки с навязанной на них просоленной веревкой – как оказалось, Искра стащил несколько сажень, когда помогал мне ставить обережный круг у каравана, – из нее я и соорудила «заборчик», переступить который далеко не всякая нежить сумеет. Еще дальше, почти теряясь в тускло-серых сумерках, был едва заметен стреноженный конь, которого харлекин на ночь завел внутрь обережного круга, привязав к оставшемуся колышку, вбитому в землю. Точнее, из-за тумана мне были видны только неподвижные лошадиные ноги, уходящие куда-то в белесое облако, – похоже, Вереска мы укатали, вот он и спит стоя, как полагается лошади.

Тихо, спокойно. Бесшумно.

Я зевнула и опять устроилась на Искровом плече, теснее прижавшись к большому теплому телу под плотным шерстяным плащом. Просыпаться не хотелось совершенно, тем более что от клубящегося прямо над головой тумана веяло холодом и сыростью, отчего хотелось зарыться поглубже под плащ и не показывать оттуда даже кончика носа.

Рядом послышался негромкий сосущий звук, будто бы кто-то тянул воду через соломинку.

Вроде ничего страшного, да вот только разом нахлынувшее беспокойство мгновенно дало о себе знать. Интересное дело – в Лиходолье я провела без году неделю, а уже любая мелочь, не вписывающаяся в привычную картину, настораживает и заставляет хвататься за лирхин посох.

Снова тишина. Я приподняла голову, вслушиваясь в предрассветную мглу, и на ощупь принялась искать лежащий где-то рядом ромалийский посох.

Что-то звякнуло, с шелестом прокатилось по траве. И снова странный сосущий звук, только теперь более шумный – как будто вода в чашке заканчивается, а некто по-прежнему продолжает тянуть жидкость через тоненькую трубочку.

Туман оборачивает холодным пушистым одеялом, скрадывает звуки и очертания предметов, поэтому я даже не могла сообразить, что это и откуда раздается.

Гадость какая.

Я брезгливо передернула плечами и несильно ткнула Искру в бок, а когда тот заворчал, просыпаясь и распахивая янтарно-карие лисьи глаза, торопливо надавила ладонью ему на грудь, не давая сесть. Указала на туманное озеро, заполонившее все вокруг, но почему-то так и не спустившееся на стоянку ниже осиновых кольев и протянутой между ними веревки, склонилась к самому уху харлекина и тихонько шепнула:

– Искра, слышишь этот странный звук? Как думаешь, что это может быть?

Оборотень медленно, очень осторожно приподнялся на локте, склоняя голову набок и прислушиваясь. В лисьих глазах полыхнули синие морозные огоньки, верхняя губа поползла вверх, приоткрывая железные зубы.

– Не знаю. Но это мне не нравится. Очень не нравится.

Грудь харлекина под моей рукой шевельнулась, упругая живая плоть дрогнула, сменяясь холодным твердым металлом. Я запоздало отдернула руку, неловко откатилась в сторону, чтобы не попасть под разметающиеся железным веером волосы-струны. Искра взглянул на меня жутковатыми пронзительно-синими глазами без зрачков и белка, со звоном тряхнул тяжелой головой, весь подобрался и сел на корточки, по плечи утонув в туманном мареве. В груди, покрытой гладкими узорчатыми пластинами, зародилось низкое животное ворчание, харлекин громко клацнул зубами, как сторожевой пес, учуявший чужака... И туман неожиданно поредел, начал рассеиваться, откатываться прочь по степи, открывая моему взгляду совершенно целого и невредимого Искру и иссушенный, больше похожий на древнюю мумию труп коня, который рухнул набок сразу же, как только его перестало прятать белесое облако.

– Вампир-р-р-ры! – с искренней ненавистью выплюнул харлекин, встряхиваясь, как выбравшаяся из травы собака, и вновь принимая человеческий облик. – Кровососы местного разлива. Дрянь редкостная! Нагнали туману в прямом смысле этого слова, подобрались так близко, насколько смогли, и выпили нашего коня досуха. Ур-р-роды. И на людей-то уже не похожи, а кровь пьют, как комары, через особую трубочку, которая в зобу прячется. – Искра скривился и посмотрел на меня, продолжая гораздо более спокойным голосом: – Увижу снова – порву в клочья, их порода мне еще в Загряде поперек горла встала, похуже дудочников будут. Змейка... ты что, испугалась?

– А? – Я с трудом отвела взгляд от сморщенного, будто бы высохшего конского трупа, обтянутого некогда красивой, а ныне изодранной в трех местах шкурой. Подумать только, а я ведь их даже не почуяла, более того – туман даже меня заставил обмануться. Как разглядишь сквозь белесое марево и без того плохо заметные угольно-черные тени вампиров? А если бы мы не были защищены кругом, что тогда? Нас сожрали бы спящими? – Нет. Не испугалась.

– Врешь же. – Искра подобрался ближе, скользнул кончиками пальцев по моему голому плечу, ухватился покрепче и притянул меня к себе. – Мне-то зачем?

– Я забеспокоилась, – уклончиво произнесла я, прижимаясь щекой к груди харлекина. – Как мы дальше будем до Огнеца добираться?

– Ножками, золото мое змеиное, ножками, – усмехнулся оборотень, целуя меня в макушку и отстраняя. – Здесь недалеко деревня когда-то была, может, и сейчас есть. Доберемся до нее, а там видно будет. До города всего ничего осталось, если не найдем лошадь, я перекинусь и донесу тебя за одну-две ночи. Мне сил хватит, главное тебе держаться за меня покрепче. Броня скользкая, еще свалишься на полдороге.

– В крайнем случае, привяжешь меня к себе веревкой, вон ее у нас сколько, – улыбнулась я, нашаривая сорочку и торопливо натягивая ее, путаясь вначале в рукавах, а затем и в завязках горловины.

И зачем люди такую неудобную одежду называют «дорожной»? В нее же быстро не влезешь, шнурки путаются и рвутся, рукава слишком длинные, постоянно приходится закатывать повыше, чтобы не мешали. То ли дело ромалийские вещи, которые я носила в таборе. Рукава либо до локтя, либо с узкими манжетами, ворот свободный, юбка надевается легко – достаточно дважды обернуть цветастое широкое полотнище вокруг талии поверх длинной сорочки, завязать концы пояса – и можно идти. А подол, если что, и как сумку можно использовать, если завязать хитрым узлом и конец через плечо перебросить.

Искра уже давно оделся и теперь наблюдал, как я собираюсь в дорогу, вешая на пояс мешочек с таррами и по привычке закатывая рукава до локтя. Сам он успел и костер затоптать, и все добро наше походное в седельные сумки собрать, только веревку на колышках не тронул. И правильно, круг надо в последнюю очередь снимать, чтобы потом уже ни на что другое не отвлекаться...

– Не тяжело будет? – поинтересовалась я, глядя на то, как Искра перебрасывает через плечо набитые сумки и выпрямляется, глядя на меня с высоты своего почти что саженного роста.

– Я тебя могу на другое плечо посадить, – ухмыльнулся харлекин. – Как раз добро наше уравновесишь. Хочешь?

– Пожалуй, в другой раз. – Я с сомнением покачала головой и принялась выдергивать из земли колышки, не снимая с них веревку.

Искра протянул мне пустой мешок с кое-как зашитой дыркой в нижнем уголке:

– Кидай сюда, еще пригодится. И пойдем отсюда побыстрее – рассвет, конечно, уже на носу, но лучше судьбу не испытывать. То, что вампирам не по вкусу железо моих доспехов, еще не означает, что они не попытаются напасть на тебя. Лучше побыстрее убраться с их территории от греха подальше.

– Боишься? – попыталась съязвить я, заталкивая колышки с веревкой в мешок.

– Боюсь, – неожиданно согласился харлекин, отбирая у меня и эту ношу. – За тебя.

Он замолчал и больше не проронил ни слова. Я торопливо подхватила Ровинин посох, по привычке стукнула нижним концом о землю, как бы обозначая начало нового пути, и устремилась за Искрой, который, едва услышав стук посоха, двинулся вперед, даже не оборачиваясь, чтобы проверить, иду ли я следом. Да и зачем ему оборачиваться – он и так прекрасно знал, что иду. Даже иногда переходя с быстрого шага на бег, чтобы не слишком отставать.

Харлекин шел очень быстро по одному ему ведомой тропе, на любые вопросы только отмалчивался или невнятно пожимал плечами. Как будто бы он успел сболтнуть что-то лишнее, что-то очень личное или важное, а теперь жалел об этом. Или же о том, что я не поняла этой самой важности сказанного.

Он за меня боится. Почему это оказалось настолько значимым для железного оборотня, что он боится за кого-то больше, чем за себя?

– Не отставай, Змейка!

Я спрошу у него. Чуть позже, когда он остановится, чтобы дать мне передохнуть.

Пустые надежды.

Нам пришлось идти и после полудня, в самую жару, и единственное послабление, которое сделал для меня Искра, – это немного сбавил шаг, чтобы я не слишком отставала. Однообразие пейзажа начало угнетать, могильники павших в давным-давно отгремевшей войне героев остались далеко позади вместе с желтыми скалами, а впереди опять была ровная, как стол, травянистая степь до самого горизонта.

– Я уже начинаю скучать по нашему коню, – вздохнула я, устало опираясь на посох едва ли не на каждом шагу. – Далеко еще?

– Еще пара верст, – ободрил меня харлекин, поправляя сцепленные сумки с вещами. –

Вон, видишь, впереди что-то вроде маленьких холмиков? Нам туда.

– Опять могильники? – скривилась я, вытирая рукавом пот со лба и ослабляя шнуровку на воротах. Душно, жарко – сил нет. По вчерашнему проливному дождю я уже тоже успела соскучиться.

– Не совсем. Это дома осевших кочевников. Стены они строят из прутьев, обложенных толстым слоем глины, а крышу покрывают войлоком. Удобный такой домик, теплый и прочный, но если надо, то его и покинуть не жаль. Снял войлок с крыши, уложил на телегу и уехал куда глаза глядят. А на новом месте очередную хатку сделал. Уж чего-чего, а глины да земли в степи много.

Он отвернулся. Не глядя, нащупал мою влажную от пота ладошку, осторожно сжал ее в большой и крепкой своей ладони и потянул меня за собой к видневшейся далеко впереди деревеньке. Я сверлила взглядом его затылок, прикрытый встрепанными рыжими волосами, отросшими чуть ниже плеч и потому начавших свиваться в кольца.

– Ты изменился, Искра.

Рыжий затылок мне, разумеется, не ответил, но пальцы, сжимавшие мою ладонь, чуть дрогнули и легонечко огладили мою кожу.

– Это из-за того, что между нами случилось?

Харлекин остановился. Отвернулся, и лицо его показалось мне скорее задумчивым, обескураженным, нежели раздраженным.

– Я изменился раньше. Гораздо раньше. Просто ты заметила это только сейчас. Идем скорее, я не хочу провести очередную ночь под открытым небом. Рядом с человеческими поселениями это может быть весьма небезопасно.

– Почему так?

Искра улыбнулся. Нехорошо, некрасиво, сверкнув железными зубами.

– Легкая добыча, которая собралась в одном месте.

Меня передернуло, я отвернулась и, рывком высвободив свою руку, чуть ли не бегом направилась в сторону деревни.

И первое, что мне не понравилось, когда мы подошли к покосившейся редкой околице, – это отсутствие названия.

Обычно у поселений, которые ставились у дороги, уже на второй год появлялась табличка на крепком столбе, которая возвещала о том, что здесь отныне живут люди. А здесь не было ни таблички, ни какого-либо намека на название – только скрипучие дощатые ворота да плетеная околица, которая годилась разве на то, чтобы мелкая скотина и домашняя птица не разбрелись кто куда.

Мы с Искрой постояли минут десять у ворот, покричали для приличия, возвещая о своем прибытии, а потом все-таки решились зайти, тем более что солнце стояло еще высоко. Харлекин легонько толкнул створку ворот, и та поддалась с громким омерзительным скрипом, который ввинтился в уши и заставил меня сморщиться, как от зубной боли.

– Гадость какая, – пробормотала я, поправляя повязку на глазах, наспех сделанную из тонкой холстины, и ныряя в образовавшийся проем.

– Скорее, лень человеческая, – вздохнул Искра, шагая следом и предусмотрительно подхватывая меня под локоть, напоминая, что здесь мне придется опять разыгрывать слепую и надеяться, что в этой безымянной деревне люди не слишком наблюдательны.

Второе, что меня удивило, как только мы отошли от ворот, – это полное отсутствие окон в домах. Кажется, что когда-то они были – сквозь повязку я видела едва заметные линии ставен, – но сейчас были наглухо замурованы.

– Интересно они тут живут, – негромко произнес Искра, оглядываясь по сторонам.

– Если живут, – в тон ответила я. – Я не вижу ни одного человека.

– Зато я чую по меньшей мере два десятка, – усмехнулся оборотень, направляясь к самому большому дому, стоящему в центре безымянной деревушки, на маковке которого еще был виден потемневший от времени деревянный крест. – Они просто прячутся, а сквозь стены ты их, разумеется, не видишь.

– Хотелось бы мне знать, от чего прячутся, – невольно поежилась я, оглядываясь по сторонам, но не замечая ничего подозрительного. День как день, солнечный и жаркий, на ярком синем небе пушистые клочки облаков.

– А нам-то какая разница? – беспечно пожал плечами харлекин, поднимаясь по скрипучему порогу. – На нас местная нечисть вряд ли охотиться начнет, только если мы сами на рожон не полезем.

Искра присмотрелся к крепкой, тяжелой двери, обитой железными полосами, примерился и пару раз гулко бухнул по ней кулаком.

– Эй, люди добрые, есть кто живой? А то день на дворе, а народа не видать!

Ему пришлось повторить воззвание еще раз, прежде чем по ту сторону двери загремел отодвигаемый засов. Точнее, засовы – судя по звуку, чья-то щедрая рука прикрутила к добротному косяку как минимум четыре запора, каждый из которых отодвигался неохотно и тяжело. Наконец дверь приоткрылась, и Искра едва успел перехватить летящую прямо в лицо острую двузубую рогатину, дернуть на себя и выволочь на солнечный свет бледного жилистого мужика с коротко остриженной бородкой.

– Ой, а ведь и вправду солнышко на дворе, – с искренним удивлением произнес мужичок, выпуская древко рогатины из рук, поднимаясь с пыльного двора и деловито отряхивая широкие штаны из домотканины. Посмотрел на нас, подслеповато щурясь в ярком дневном свете, и как ни в чем не бывало поинтересовался: – Вы откуда взялись, а?

– Мимо проходили, – усмехнулся харлекин, разглядывая грубо сработанную, но крепкую рогатину с коричневыми остриями, обожженными в огне для пущей твердости. – Путники мы. Переночевать пустите?

– Отчего бы не пустить? Вот только места у нас маловато, но есть брошенный дом на отшибе, вон там, у забора. Хотите – ночуйте там. Не хотите – ищите ночлег где-нибудь еще.

– И давно дом брошен? – поинтересовался Искра, отбрасывая рогатину подальше и глядя поверх востроумной мужицкой головы внутрь небольшой молельни, куда набились не два, а три десятка человек. Молодые и старые, мужчины и женщины, матери с младенцами и ребятишки постарше. Все сгрудились в душном домике без окон с одной-единственной дверью, и почти у каждого в руках была зажженная свеча.

Я вышла из-за спины Искры, нарочито громко постукивая ромалийским посохом по твердой утоптанной земле, вгляделась в темноту молельни сквозь частое плетение льняной повязки. И едва сдержалась, чтобы не отшатнуться от густого фиолетового пламени, отблески которого сияли внутри. Это даже не страх или ненависть – это застарелый ужас, смешанный с отчаянием и уже покрывающийся прочной коркой равнодушия. Человек привыкает ко всему, даже к постоянному страху, который в Лиходолье клубится вокруг каждого маленького поселения, не способного выстоять против нечисти, кружащей поблизости и выискивающей легкую добычу. Привыкает к опасности, которая сопровождает наступление ночи, и так изо дня в день. Душа костенеет, а прежде яркий ореол тускнеет, и человек превращается в существо безразличное, живущее скорее по привычке, чем по желанию.

Я видела таких людей в Загряде – спокойных, смилившихся со своей участью жертвы и живущих одним днем, от рассвета до заката, без особой надежды на то, чтобы пережить грядущую ночь. И так изо дня в день, из года в год. Эти люди ходят по своим делам, работают по надобности, а не по призванию и даже заводят семьи, воспитывают детей, но лишь для того, чтобы создать видимость этой самой жизни. И к детям они не слишком привязаны – вдруг не сегодня завтра отпрыска уволочут через неплотно прикрытое окно, и друг к другу тоже – зачем прирастать душой и сердцем к мужу или жене, если та может стать жертвой непомерно расплодившейся нечисти, заплонившей город? Не мертвые были те, загрядские, люди, но уже и не живые. Потому как что остается от человека, если душа его прогорела, истлела, засыпанная багряными угольями постоянного страха? Одна оболочка, внутри которой лишь пустота и белесый пепел...

Люди из безымянного поселения в лиходольской степи напомнили мне тех загрядских

жителей. Вот только их страх еще не успел притупиться привычкой, значит, не так уж и давно пришла к ним беда. Вижу ведь, что теплится еще голубой огонек надежды, особенно в детях. Сбежать, бросить все, скрыться подальше от того, что по ночам бродит вокруг поселения с домами без окон. И ведь спасение недалеко – в двух-трех днях пути раскинулся Огнец. Город, если верить рассказам Искры, с высокими стенами, крепкими засовами на воротах, хорошо обученной стражей и терпимостью к приезжим. И всего делов-то – набраться духу, побросать в дорожную суму самое необходимое и дать деру. Может быть, кто-нибудь и решится. Не сегодня, но, быть может, завтра. Или послезавтра – если изнуряющий страх не возьмет верх над решимостью и не задавит надежду.

– Да не, недавно. – Мужичок ответил не сразу, поскребывая узловатыми пальцами в затылке, будто разбирая колтун. – Недели две, как съехали хозяева. Добыли где-то лошаденку, взяли старую телегу и уехали в сторону Огнеца. Все не увезли, так что ночевать там есть на чем. Кровать-то уж точно есть, да и печка там хорошая, хоть и маленькая.

– А своих лошадей у вас, стало быть, нет? – как бы невзначай поинтересовался Искра, кладя ладонь мне на плечо.

– Окстись, какие лошади, путник. – Селянин как-то неестественно, натужно рассмеялся. – Овцы разве что, целых семь штук на всю деревню. И куры. Но на них далеко не уедешь.

Тем временем служба в молельне закончилась – по крайней мере, одна за другой стали гаснуть свечи и люди с плохо скрываемым облегчением выбирались из душного помещения на свежий воздух. Кое-кто украдкой отирал пот со лба застиранным рукавом, у одной из женщин заплакал некормленный младенец, подростки – те и вовсе едва ли не бегом уносились подальше от молельни, стоило им только переступить порог. Обычные люди, с которых будто сдернули весь страх, как обветшалую простыню, – оказавшись на солнце, они словно пробуждались от нехорошего сна, встряхивались и оживали.

– А пойдете, я вас провожу до дома, – неожиданно деловито предложил мужик, казалось, начисто позабыв о том, что минут пять назад тыкал Искре рогатиной в лицо. – Домики-то у нас одинаковые, еще не в тот вломитесь, хозяева рады не будут.

– Ну, проводи-проводи, добрый человек, – усмехнулся харлекин, как бы ненароком поправляя тяжелый меч на поясе и беря меня под локоть. – Заодно и Расскажи тогда, как живете? Тяжело, наверное, в степи-то? Пахать без лошади тяжело, до города неблизко, дичи мало.

– Да справляемся помаленьку, справляемся, – ответил местный, поворачиваясь к нам спиной и скоренько направляясь по пыльной дорожке между двумя хатами с широко распахнутыми дверями. И в самом деле, к чему запирать двери на такой жаре, когда нет окон? Не воровства тут боятся. – Чуть подальше у нас и колодец есть, он до нас еще тут стоял, воды много, на всех хватает. Да и хлеб вырастить можно, если подгадать со временем. Как раз до засухи урожай собрать успеваем. А ты, путник, у этой девицы поводырем?

– Мужем я ей, – спокойно ответил Искра, чуть-чуть замедляя шаг и осматриваясь по сторонам. Не нравилось ему тут что-то, и я его понимала. Самой было неуютно. Дома эти без окон, люди, набившиеся в молельню так, что не продохнуть... Не надо быть ромалийской гадалкой, чтобы понять, – деревню уже кто-то присмотрел в качестве «охотничьих угодий», а люди, не имея сил или возможности уйти, превратили свои дома в небольшие крепости.

Или же заключили договор.

– Вот оно как, – протянул наш провожатый, беззаботно насвистывая какую-то незатейливую мелодию. – А мы пришли. Вон тот домик. Целехонький, только засов на двери сломан, пришлось палкой подпереть, чтобы зверье внутрь не забиралось и не гадило. Да вы не бойтесь, воров у нас здесь отродясь не было, на добро ваше не позарится никто.

Навершие Ровининого посоха дернулось, нижний конец с силой ударился о землю. Я остановилась и торопливо перехватила Искру за рукав, не давая взойти на низкий деревянный порожек.

– А на нас самих? Тоже никто не позарится? – негромко поинтересовалась я, ударяя

посохом о землю и встряхивая лирхиным браслетом так, что в воздухе расплылся тонкий мелодичный звон. Качнулась из стороны в сторону, присматриваясь к дому, который казался мне построенным из пчелиных сот.

Прореха на прорехе, дыра на дыре, и все это кое-как залатано глиной, да так умело, что обычным взглядом присмотришься – и не увидишь ничего. Стены как стены, а если ударить посильнее...

Я размахнулась и вроде бы несильно стукнула деревянным посохом по глиняной стене, но тонкая, высушенная солнцем корочка разлетелась мелким крошевом, и наверху скрылось в небольшой дырке, куда я могла бы с легкостью просунуть руку. Изнутри пахло холодом, сыростью и чем-то болотным, словно в доме давным-давно застоялась и загнила не слишком чистая вода.

Искра сделал шаг назад, склонил голову набок и медленно повернулся лицом в сторону притихшего, испуганного мужика, нервно комкающего шапку в чуть дрожащих руках. Улыбнулся, отчего человек покрылся холодным потом.

– Хлипкий домишко-то, раз стену палкой проковырять можно.

– Да уж какой есть. Не нравится – ищите другой ночлег!

– И поищем. – Я повернулась к Искре, нащупала рукав его рубашки. – Этот дом покинут не две недели назад. Он нежилой уже полгода, если не больше.

– А ты почему знаешь? – неожиданно тихо, испуганно поинтересовался мужик, а потом вдруг крикнул во все горло, так, что из соседних домов люди выбежали посмотреть, что случилось. – Откуда ты знаешь, если слепая?!!

– Ромалийским лирхам не нужны глаза, чтобы видеть невидимое, – ответил за меня Искра, выходя вперед и как бы ненавязчиво пряча меня за широкой спиной от неприязненных взглядов. – И потому мы сейчас уйдем. А вы останетесь с той дрянью, которую по глупости прикормили, один на один. И платить придется из собственного кармана.

По тому, как полыхнуло отчаяние в людях, которые столпились рядом с ветхой хибаркой, которая вряд ли могла служить нам с Искрой защитой, я поняла, что харлекин ткнул пальцем в небо и попал куда надо. Похоже, что нами действительно надеялись откупиться от той неведомой твари, которая прижилась в безымянной деревне и от которой люди прятались в наглухо законопаченных домах без окон. Очень надеялись.

Настолько, что были готовы напасть.

Я не сомневалась, что Искра легко одолеет кучку сельчан, вооруженных только рогатинами да ножами, но лить человеческую кровь без острой на то нужды мне не хотелось.

– От кого вы прячетесь? – негромко спросила я, выходя из-за спины харлекина и вставая рядом с ним.

– От зла, на которое нельзя смотреть! – раздался откуда-то звонкий мальчишечий голос, вслед за которым послышался звук оплеухи и строгий окрик.

– Что за зло? – Я шагнула вперед, опираясь на ромалийский посох. Люди прятали глаза, отворачивались. Кто-то спешил скрыться в доме, кто-то сделал вид, что его происходящее не касается. Искра положил мне на плечо тяжелую ладонь, ощутимо сжал.

– Здесь твоей помощи не хотят. Пошли отсюда, пусть сами тонут в своем болоте...

Догнали нас только у самых ворот. Бледная, рано постаревшая женщина с маленьким ребенком, завернутым в чистое льняное полотно. Она окликнула меня, когда харлекин уже открывал противно скрипящую створку, а когда я обернулась – подбежала ближе, поминутно оглядываясь через плечо, и протянула мне спящего ребенка.

– Заберите ее, пожалуйста! Хотя бы до Огнеца донесите, там есть приют для брошенных детей, там она вырасти сможет, кровиночка моя. – Женщина беззвучно заплакала, пытаясь сунуть мне в руки сверток с младенцем. Я невольно попятилась, а Искра, глубоко вздохнув, отпустил створку и подошел к женщине вплотную, глядя на нее сверху вниз.

– До города несколько дней пути. Ты предлагаешь мне охранять не только слепую

женщину, но и чужого младенца, который своим плачем в любой момент может созвать нежить со всех окрестных нор? Не обманывайся на мой счет. Если надо будет, то, чтобы спасти жену, я, не задумываясь, брошу этого ребенка в пасть чудовищу в качестве закуски. — Он наклонился, глядя прямо в глаза женщине холодным, спокойным и абсолютно серьезным взглядом. — Ты все еще хочешь, чтобы я взял твою дочь с собой?

Отчаяние, разом затопившее женщину, было почти ощутимым. Ее ореол угас так стремительно, будто бы кто-то забросал яркий костер черными остывшими угольями и пеплом. Она отвернулась, прижала к себе малышку так крепко, словно Искра уже собирался отдавать ее ребенка на съедение нежити, и медленно пошла прочь.

Мать, которая готова отдать свое любимое дитя, единственный свет посреди мрака застарелого страха, только чтобы оно жило... Мать, которая смирилась с тем, что ей из этой ямы уже не выбраться, но не смогла принять то, что ее ребенку придется жить в этом же ужасе, не зная спокойствия...

Я окликнула ее раньше, чем Искра успел увести меня прочь.

— Расскажи, что за зло, на которое нельзя смотреть?

Она остановилась. Платок соскользнул с ее головы, позволяя увидеть раннюю седину в когда-то красивых каштановых волосах. Посмотрела на меня со смесью надежды и безразличия.

— Зло, которое приходит с заходом солнца. Мы его не видим, но хорошо слышим. Оно боится света, потому в наших домах огонь горит всю ночь. Говорят, оно вначале ловит за взгляд того, кто имел глупость на него посмотреть, и только потом превращает в себе подобного. Я один раз оказалась рядом с этим. Оно стрекочет, как сверчок, и находится то спереди, то сзади. Но если ты его не видишь, если твои глаза закрыты, — зло будет только слепо шарить вокруг, пытаясь тебя отыскать, но все равно не сможет найти. Но оно способно просочиться в любую щель, которая шире мизинца у ребенка, поэтому мы прячемся в домах без окон, а дверь запираем, затыкаем все щели... и ждем рассвета... Но ты...

— Я слепа, и потому мне это ваше зло вреда не причинят, — вздохнула я.

— Да. Оно тебя не увидит, не найдет. — Ребенок завозился на руках у матери, расплакался. — Ты же ромалийская ведьма... Поможешь?

Я промолчала. Обернулась в сторону Искры.

Харлекин коротко, зло выругался и с треском захлопнул ворота, в сердцах едва не сорвав их с проржавевших петель...

Не смотри на зло, и оно не увидит тебя.

Поговорка, которая в этой крошечной деревеньке, затерянной в лиходольской степи, стала законом. Не смотри на страшное, великое зло, и, быть может, оно тебя не заметит. Не почует в глухой безлунной ночи среди шелестящего травяного моря, не проберется в дома, где давным-давно наглухо замурованы все окна — осталась лишь одна-единственная дверь и дымоход, который на ночь во всех домах запирали на тяжелую заслонку и железный засов. И сидели тихо-тихо, как мыши, вслушиваясь в степь, которая иногда оживала пугающими потусторонними звуками.

Искра стоял, прислонившись к грубой стене у наглухо запертой двери небольшого «предбанничка», то и дело сжимая и разжимая кулаки. Змейка там, одна, в кольце из соли и горячего масла, слепая и не имеющая никакой другой защиты, кроме ромалийских побрякушек и посоха, доставшегося по наследству от человеческой наставницы. Зачем она полезла, какой бес дернул ее за язык, когда она пообещала людям встретиться с этим самым «злом», объясняя, что слепую неведомая нечисть не сможет заметить?! Не сможет, как же! А если это всего лишь очередное заблуждение, которым люди огородили свой слабенький разум от осознания того, что все усилия тщетны? Что любые предосторожности с наступлением темноты превращают их в стадо овец, загнанных в запертые хлева, которые не столько защищают, сколько приглушают жадность местных хозяев? Ведь в самом деле, если прирезать весь скот за одну ночь, пируя до отвала и удовлетворяя жажду убийства ради

самого убийства, то завтра или послезавтра есть будет нечего. А когда еще сюда придут люди, чтобы волей-неволей поселиться в опустевших домах, понимая, что степь слишком велика, а день не так длинен, чтобы можно было убежать достаточно далеко из охотничьих угодий этих тварей?

Очень и очень нескоро.

Харлекин скрипнул зубами, чувствуя, как в глубине тела пульсирует управляющий блок, как все инстинкты настаивают, требуют, чтобы он начал действовать, чтобы перестал подпирать стену в этой треклятой опустевшей хижине и выбрался на волю, в ночную степь, туда, где находится его Змейка, его хозяйка, его золотая богиня.

Но был дан приказ – оставаться здесь, пока не позовут. Или, как он понял для себя, пока Змейке не будет грозить серьезная опасность. О том, что он это почувствует, как чувствовал уже неоднократно как дребезжащую от напряжения перетянутую струну, протянутую сквозь то, что заменяло железному оборотню сердце, Искра даже не сомневался. Боялся только одного – что зов придет слишком поздно, что даже вся сила и скорость не помогут успеть вовремя.

Впрочем, до сих пор он пока успевал. Много раз. Успеет и в этот, если будет на то необходимость.

Глухой удар в дверь раздался столь неожиданно, что харлекин, глубоко погруженный в свои мысли, вздрогнул, руки дернулись, обращаясь в металл, с тихим звоном столкнулись железные когти, увенчавшие пальцы. Тихий шорох где-то на крыше – и следом раздался странный тикающий звук, неестественный, непонятный. Будто бы над головой квакает неисправная механическая жаба, и из-за этой неисправности равномерное кваканье то и дело прерывается звонким бульканьем.

Шелест за спиной – будто бы ровнехонько за тем местом, где Искра прислонился к стене, кто-то водит шершавыми лапами, очерчивая контур человеческой фигуры. В горле харлекина поневоле начало подниматься низкое, раздраженное рычание – больше всего ему сейчас хотелось перекинуться, дать ход боевой модификации, снести плотно запертую дверь и вырваться на волю. И там будь что будет – после заградской подземной твари Искра не думал, что может столкнуться с чем-то более страшным. Раздражающим – да. Вынуждающим беспокоиться за шасси в слабом и хрупком человеческом теле – еще как да. Но не пугающим. Страх словно отсекся, ушел куда-то, остался позади вместе с тем незавершенным проектом, которым он был когда-то давно, до встречи со Змейкой и ее управляющим блоком.

Ш-ш-ш-шась!

Гул пламени Искра разобрал даже сквозь стену. И сразу следом за ним – бодрый, частый перезвон золотых колокольчиков на ромалийских браслетах. В степи звуки разносятся очень далеко, слышны четко и хорошо, и сейчас приятный металлический перелив умудрился заглушить даже кваканье-бульканье, раздававшееся уже со всех сторон, ото всех щелей, забитых тряпками и паклей.

Танцует. Танцует, как и собиралась, – в кольце из огня и соли, танцует старый, давно забытый большинством людей танец, на который, как рассказывала сама Змейка, в свое время выходила и нежить, и гораздо более пугающие и опасные создания. Ворожит этот танец, затягивает и манит каждого, кто не принадлежит к живущим под солнцем, а огненный круг вынуждает всех, кто собрался на звон колокольцев, держаться на почтительном расстоянии от плясуньи.

Что-то болезненно дернуло в груди, пошатнулось из стороны в сторону, будто бы кто-то вогнал харлекину в грудь острую заржавленную спицу и принялся неторопливо расширять рану.

«Искра!!»

Дверь из предбанника он все-таки снес, даже толком не заметив препятствия, на ходу сдирая одежду и оборачиваясь в существо, покрытое железными узорчатыми латами. Вылетел, выкатился во двор, туда, где от вытоптанной земли тянулись к темному ночному

небу светло-зеленые от соли лепестки пламени.

Картина перед глазами как вспышка, намертво запечатлевшаяся в памяти.

Высокое, почти до пояса, огненное кольцо, внутри его мечется в танце тоненькая хрупкая фигурка, вооруженная посохом, оголовье которого блестит пойманной звездой. Золотые браслеты почти неразличимы на фоне блестящей чешуи, покрывшей руки девушки, меж тонких степняцких косичек чудятся гладкие янтарные шипы, которые вырастают только у взрослых змеелюдов, а лицо у Змейки уже не человеческое, но еще и не шассье. Жутковатая и одновременно прекрасная маска, в которой гармонично сочетаются нежная, незагорелая кожа и узкие полосы золотой чешуи. Широко распахнутые глаза затянуты бельмами – бывшая ромалийская лирха танцевала вслепую, каким-то чудом умудряясь не подходить слишком близко к огненной границе, не наступать на раскаленные уголья, обдающие жаром.

А вокруг костра горбятся непроглядно-черные тени, видимые лишь благодаря зеленому огню. Угловатые, несуразные. С разным числом конечностей, с приплюснутыми, едва намеченными над плечами головами. Они неторопливо бродят по кругу в жутковатой пародии на хоровод, тянут бесформенные руки к пламени, замирают, будто натываясь на непреодолимое препятствие, и понуро бредут дальше. Ищут лазейку в непрерывном круге.

Бок харлекина обдал порыв холодного ветра, что-то заскрежетало по латам – и скользнуло в сторону, так и не сумев пробить защиту. Тени у костра замерли, повернув головы в сторону Искры, как один.

Посреди угольно-черных, почти невидимых в темноте лиц кое-где тускло поблескивали белки обычных человеческих глаз.

Поговорка о невидящем зле внезапно обрела совершенно иной смысл. Зло действительно слепо, но только до того момента, пока не поймает твой взгляд и не украдет его. Вместе с глазами...

Танцовщица замерла, воздев руки к небу, и зеленое пламя повторило ее движение, полыхнуло высоко вверх, сравнившись с крышами домов, став на мгновение ярче полуденного солнца, таким ярким, что даже харлекину пришлось спрятать лицо в сгиб локтя, чтобы защитить глаза.

Щелканье и клетот мгновенно стихли, обратившись в стремительно угасающее эхо. Искра поднял голову и увидел, как Змейка на нетвердых, дрожащих ногах переступает через кольцо из стремительно затухающих, рассыпающихся на глазах угольев, в которые превратились «тени», услышал, как под ее босыми ступнями, поросшими чешуей, что-то еле слышно хрустит и сминается, как высушенный под жарким солнцем камыш.

– Искра... – Голос у нее слабый и до того жалобный, будто бы она была готова вот-вот расплакаться. Он метнулся вперед и успел подхватить свою Змейку раньше, чем она рухнула на землю, усыпанную сухим колким пеплом. Подхватил, поднял на руки, осторожно прижал к груди, чувствуя, как она начинает трястись всем телом, по-прежнему цепко держа посох в тонких пальцах. – Я боялась, что они набросятся... когда я остановилась... если бы ты не появился...

– Тише. – Харлекин со звоном передернул плечами, возвращаясь в человеческий облик, и торопливо понес Змейку в дом, входная дверь у которого теперь сиротливо висела на полуоборванной кожаной петле. – С тебя чешуя сейчас начинает слезать клочьями. И на ногах ты не стоишь. И вот-вот заснешь.

– Не засну, – упрямо возразила она, уже закрывая глаза. Не пугающие пустые бельма – привычно-золотые, с узкой щелью зрачка.

Ну да, конечно...

Искра осторожно прижал ее к себе и, пригнувшись, скользнул под покосившуюся крышу домика. Понять причину фанатичного стремления излечить мир людей от страшной и непонятной заразы, которую Змейка почему-то упорно называла «нарушенным Равновесием», он так и не мог. Будто гнало ее что-то подальше от обжитых людьми мест в самое пекло и еще дальше.

– Я тебя понесу, – негромко пробормотал он, оглядываясь по сторонам и осторожно

кладя шассу на брошенный на пол плащ. Встряхнулся, потянулся, ощущая, как в очередной раз меняется его облик, как тихо звенят, сталкиваясь, длинные железные когти. Людишки из этой безымянной деревни до рассвета не посмеют даже дверь приоткрыть, так что оглядываться было не на кого. – Я тебя понесу, – повторил харлекин, неловко пристраивая через массивное плечо сцепленные седельные сумки с вещами. Кое-как повесил на сгиб локтя меч в ножнах и осторожно поднял с пола Змейку вместе с плащом. – Иначе ты непременно еще куда-нибудь влезешь.

Харлекин в природном металлическом облике может бежать быстро и долго, это Искра успел узнать еще в те годы, когда жил в проклятой степи один, часто перемещаясь с места на место, чтобы не сталкиваться с хозяевами «охотничьих угодий». До Огнеца он доберется меньше чем за два дня, даже с шассой на руках, чей вес сейчас почти не ощущался. Только бы его золотая богиня больше не рисковала собой, не оставалась один на один с «неведомым злом», которому она даже не знала названия. Только бы больше не ждать ее зова вот так, в стороне, чувствуя, как в груди все переворачивается от мысли, что в этот раз он может не успеть, невзирая на всю свою силу и проворство...

Говорят, есть где-то там, посреди Лиходолья, некий оплот людской силы и веры, который нерушимо стоит уже много-много лет, и что каждый, кто войдет в него через золоченые ворота, имеет право остаться, будь то человек или нелюдь. Не выдадут такого путника ни властителю Славении, ни змееловам, никому, пока пришелец соблюдает правила, установленные в Огнеце еще в те времена, когда город был всего лишь большой крепостью, одиноко стоящей посреди лиходольской степи.

Да и кто посмеет заявиться с подобным требованием в город, где, по слухам, обитает та, которая приходит за каждым? Только глупец или сумасшедший, который быстро поймет свою ошибку, но, как правило, уже слишком поздно.

Многие уходили в ту сторону, за Черноречье.

Вот только никто не возвращался...

Часть вторая Призвание

Отрывок из прошения ганслингера Катрины Гатч в Орден Змееловов.

Сохранено в архиве приемной

«...Таким образом, доклад, полученный из Черноречья, недвусмысленно показывает, что золотая змеелюдка, считавшаяся погибшей во время инцидента в городе Загряда, выжила и на данный момент пытается скрыться в Лиходолье. Более того – стало известно, что дудочник в ранге «первого голоса» Викториан Зимич, по собственному желанию направившийся в пограничные земли между Славенией и Лиходольем, позволил предполагаемой золотой змеелюдке скрыться. К тому же если верить сведениям, полученным от стражника Чернореченского порта, «первый голос» снабдил змеелюдку своим орденом знаком, что можно расценивать как предательство либо как желание выследить шассу по магическому следу лично и получить золотую шкуру в качестве трофея для себя.

Учитывая вышеизложенное, я обращаюсь к главе Ордена Змееловов с просьбой направить отряд служителей количеством семьдесят человек в Лиходолье для поиска золотой шассы и дудочника-отступника и включить меня в эту группу на правах ганслингера с большим опытом. Проводник найден – это Ризар Мечник, который уже находится в Лиходолье на Чернореченской заставе и ждет возможности присоединиться к отряду.

Считаю этот поход необходимым для сохранения не только безопасности Славении, но и для восстановления репутации Ордена, в чьих рядах не должно быть места для предателей, и потому искренне надеюсь на положительное решение главы Ордена Змееловов. Последний раз зачистка Лиходолья проводилась более десяти лет назад, и лишь в районе

Чернореченского порта, а события недельной давности на южном берегу реки Валуша наглядно продемонстрировали, что таких локальных мер было недостаточно. Требуется более обширная зачистка степи с выжиганием всех зараженных нечистью поселений и уничтожением заключивших договор преступников, формально все еще считающихся людьми. Поэтому в состав карательной группы предлагаю включить не менее десяти «первых голосов» для стягивания нечисти в один район и последующего ее уничтожения, по возможности повторив успешный опыт первых зачисток Лиходолья, а именно подвиг орденцев в Сторожевой Башне столетней давности.

Сама я готова выступить на следующий же день после получения приказа, опыт охоты в лиходольских степях имею, хоть и небольшой, но есть огромное желание зачистить эти земли и вернуть их людям Славении. Поход может быть трудным, расход человеческих ресурсов и боеприпасов предполагается больше обычного, но считаю освобождение стремительно разрастающихся проклятых земель от чрезвычайно расплодившихся нелюдей насущной необходимостью, оправдывающей все возможные риски.

Предложения о составе группы и список необходимого довольствия прилагаю».

Резолюция главы Ордена Змееловов: «В просьбе о формировании отряда отказать. При повторном обращении обеспечить индивидуальную бессрочную командировку Катрины Гатч в Лиходолье – фанатикам место в степях, а не в Славении».

Глава 1

Лето в степи оказалось приятно жарким, солнечным и ветреным. От Соленого озера, раскинувшегося вдоль южной стены города Огнеца, вечером поднималась душная испарина, а вода в самом озере к закату становилась теплой, как парное молоко. Ветер дул непрестанно – на белесые от соли берега он приносил приятную прохладу, сквозняком проскальзывал на узкие каменные улочки с отполированными до блеска камнями мостовой, разгоняя нарастающую к полудню духоту.

Удивительное дело, но Огнец и в самом деле оказался оплотом тишины и спокойствия посреди проклятой степи. Высокие каменные стены, сложенные много лет назад, были по-прежнему крепки, выглажены непрестанными ветрами до стеклянистого блеска и защищены тоненькой сеточкой непонятного мне колдовства. Крепкая железная решетка на входе в город, поднять которую помогал хитроумный механизм из прочных канатов и блоков, за ней – ворота из мореного дуба, обитого стальными полосами, которые открывали четверо стражников. Внутри город показался мне странным лабиринтом – три внутренние круговые стены, одна внутри другой, разделяющие Огнец на районы, хитросплетения улиц и переулков, среди которых я не увидела ни одной прямой линии, одноэтажные и двухэтажные домики с покатыми черепичными крышами, и вдалеке, в самом центре города, виднелись башенки крепости.

Районы были разделены соответствующим образом: за Третьим Кольцом находились мастерские, казармы, скотобойни и хлевы, между Третьим и Вторым Кольцами – жилые районы для простых горожан, крупные торговые ряды, лавки и рынки, гостиницы попроще и постоялые дома. Туда же отправляли и новоприбывших, всех тех, кто только-только приехал и желал остаться надолго. Район Первого Кольца считался «высшим» – там жили богатые, уважаемые горожане, местная аристократия, купцы и люди «благородных» профессий: ювелиры, кружевницы, златошвейки. А в центре стояла крепость, с которой и начался город Огнец. Большая, просторная, независимая, в случае беды она могла бы вместить очень многих, дать укрытие женщинам, детям и старикам, принять раненых, слабых и больных и выдержать долгую осаду. Хотя, честно говоря, я не была уверена, что найдутся безумцы, которые рискнут напасть на Огнец, город, в котором как минимум треть населения – нечисть.

А по вечерам город начинал сиять – рыжими огнями в небольших каменных чашах на

крепостной стене, лепестками голубого пламени в фонарях на высоких чугунных столбах, расставленных вдоль улиц, золотистыми огонечками в светильниках под стеклянными колпаками, висящими почти над каждой входной дверью. Густая ночная тьма попросту не проникала на эти улицы, напуганная десятками, сотнями огней. Потому, видать, и название у города такое звонкое, светлое, говорящее...

Я сидела на широком подоконнике, подобрав подол пестрой ромалийской юбки, лузгала жареные тыквенные семечки, сплевывая шелуху в кулак, и наблюдала за дневной суетой. Без надоевшей повязки на глазах – как оказалось, в Огнеце желтые глаза с чуть вытянутым зрачком на девичьем лице не вызывали страха или неприязни. Да и с чего бы, если на улице можно было встретить куда более необычно выглядящих прохожих, которые не слишком-то и таились.

Вон идет водяная ведьма с корзиной, полной свежих цветов, торопится успеть на рыночную площадь, чтобы занять место получше, – благодаря колдовству ее цветы не увядают как минимум неделю даже в пустой вазе, а уж если не пожалеть чистой колодезной воды, то и месяц простоять могут. Искра десять дней назад купил для меня у этой торговки красивую белую розу с золотистой середкой – вон до сих пор стоит в узкой высокой вазочке на тумбочке рядом с кроватью, мясистый стебель по-прежнему крепкий, а пышно распустившийся бутон даже не думает опадать.

Рядом с торговкой цветами идет златоволосая красавица в длинном, очень длинном зеленом платье, подметающем и без того чистую мостовую узорчатым подолом. Тихое костяное цоканье «каблучков» по камням мне было слышно даже от окна – у девицы, что легко несет перед собой широкий деревянный противень со сладкой домашней выпечкой, ноги оканчиваются копытцами. Да и лицо, если приглядеться, кажется слегка вытянутым, а крепкие желтоватые зубы слишком крепкие. Степная овна, нечисть, которая частенько появляется на пшеничных полях, топчет стебельки, завязывает колосья узлом. Незлая, в общем-то, но очень уж шкодливая – обожает завлекать что парней, что девиц в середину поля, зацеловать, а потом со смехом перекинуться через плечо и показать свой настоящий облик жутковатой овцы со свалывшейся длинной шерстью песчаного цвета, огромными отвисшими грудями до самой земли и человеческим лицом. Не самый приятный сюрприз оказывается, особенно парням, которые к тому времени успели и сами раздеться, и с чрезвычайно покладистой девицы платье стянуть.

– Эй, соседка! Семечками не поделишься? – Я обернулась на писклявый голос, перегибаясь через подоконник, и увидела невысокого гремлина в яркой двуцветной шапочке гонца с большим заплочным рюкзаком, из которого торчали кожаные футляры со свитками. Все же в том, чтобы жить на первом этаже, есть свои недостатки – любой может постучать в окно или заглянуть в комнату, чтобы проверить, дома ли хозяйка.

– Держи. – Я наклонилась и ссыпала в подставленную зеленоватую ладошку с аккуратно спиленными коготками остатки семечек – у самой в мешочке на поясе еще горсть, отчего б не поделиться.

– Благодарю! – Гремлин смешно поклонился, щелкая подношением и украдкой сплевывая шелуху на мостовую. – Вечерком заходи на чай и громилу своего приводи.

– Он не громила, – привычно усмехнулась я, но гремлин уже скрылся в людском потоке, стремительно лавируя между горожанами.

Действительно, из гремлинов в Огнеце получилась весьма неплохая курьерская служба – они довольно быстрые, небольшие и практически не устают, целый день мотаясь по городу какими-то невообразимыми путями. Нам с Искрой «повезло» соседствовать с домом, где жила целая стая таких вот «курьеров» – мелкая нечисть оказалась на удивление мирной и вежливой, но до ужаса шумной. К сожалению, тут уже ничего поделать было нельзя – либо закрывать окно и жить в тишине, но духоте, либо наслаждаться вечерней прохладой и слушать тоненькие визгливые голоса, которыми гремлины переговаривались, стараясь перекрыть друг друга в большой стае. Правда, временами соседи вспоминали, где находятся, и воцарялась блаженная тишина. Часа на два-три. Впрочем, я уже почти

привыкла, а Искра вообще не обращал на эти вопли внимания.

В этом городе были другие правила, которым нужно было следовать.

Не охотиться в городской черте и близлежащих землях. Приносить городу пользу. И еще с полдюжины запретов и указаний, которые следовало соблюдать, если не желаешь навлечь на себя наказание. И боялись в Огнеце не городскую стражу, не управляющий городом Совет Достойнейших, а пожилую женщину, живущую в районе Второго Кольца в небольшом аккуратном домике с кружевными занавесками на больших окнах и с пурпурной геранью в длинных расписных ящиках на каждом подоконнике. Сама я в этом доме не была и хозяйку его не видела, но услышать успела очень многое. Народ поговаривал, что «бабушка Морей», как уважительно называли эту женщину в Огнеце, на самом деле не человек и не нелюдь. Она – некая сила, древняя и очень могущественная, которая по неведомой прихоти приняла человеческий облик и поселилась в маленьком одноэтажном домике с геранью на подоконниках. Именно эта неведомая сила и являлась залогом столь безмятежного сосуществования горожан, она примиряла вампиров, гремлинов, харлекинов и прочую нелюдь с людьми, и пусть кто-то позволял себе прошептать что-нибудь нелицеприятное вслед – до драки, а уж тем более убийств дело доходило крайне редко. Выяснять отношения горожане ходили в мирской суд, который в каждом Кольце был свой и дотошно разбирался с каждым делом, или же старались разобраться своими силами как можно быстрее с привлечением «мирового» – вампира, способного весьма тонко распознавать малейшую фальшь и выводить спорщиков на чистую воду. Правда, расплачиваться за подобные услуги приходилось кровью – помирившиеся спорщики смешивали свою кровь из небольшого пореза на руке в особой чаше, которую и преподносили «мировому» в качестве благодарности за труды. Получалось, что, решив две-три проблемы за ночь, вампир насыщался, без необходимости охотиться с риском получить деревянный кол в грудь на месте, а в Огнеце становилось меньше недовольных друг другом горожан.

Я зевнула – ночью Искра мне опять не дал толком выспаться, продолжая неспешно раскрывать мне приятную сторону наших «особых отношений» – и полезла в поясной мешочек за остатками семечек. Жара чуть-чуть спадет, и к вечеру можно будет опять выйти на одну из рыночных площадей – кому погадать, кому судьбу предсказать, а на кого-то просто пристально посмотреть и поведать, к чему беда пристала. Но не успела я щелкнуть семечком, как в дверь постучали. Громко так, сильно, как будто незванный гость долбил даже не кулаком, а тяжелым железным кистенем, надетым на руку поверх крепкой кожаной перчатки.

– Да иду я, иду!

Я торопливо слезла с подоконника, сунув семечки обратно в мешочек, но не успела даже подойти к двери, – коротко, зло прозвучала высокая, отрывистая трель, и железная кованая задвижка сама собой отодвинулась, да так резко, будто бы по ней наотмашь ударили ладонью.

Дверь распахнулась – и на пороге показался человек в потертой, запыленной одежде, полы которой были забрызганы не только грязью, но и еще чем-то, явно похуже. В нос ударил запах немытого тела, вошедший поднял голову – и я с трудом узнала в худом, заросшем щетиной и осунувшемся мужчине дудочника Викторiana. Я бы и не узнала вовсе – настолько ореол его души изменился, стал отличаться от того, что я видела ранее, – если бы не разные глаза, потускневшие, ввалившиеся от усталости, но по-прежнему пронзительные. Левый прозрачно-зеленый, как вода в лесном ручье, правый – темно-карий, почти черный, цвета плодородной земли на полях.

Змеелов, даже не поздоровавшись, ввалился в комнату, торопливо захлопывая за собой дверь, закрывая ее на задвижку и рассыпая на пороге остро пахнущую чабрецом травяную смесь. Точно так же Вик поступил и с подоконником – вначале закрыл окна, отчего в комнате сразу стало темнее, а потом рассыпал остатки смеси из мешочка тоненькой полоской, будто подводя последнюю черту.

Повернулся, глядя на меня усталым, больным взглядом.

Я же смотрела на него шассыми глазами, и мне делалось жутко. Вокруг змеелова, почти полностью задавив некогда яркую синеву спокойствия, клубилась густая тьма, кое-где облепленная багровой паутиной. Гуще всего эта гадость оплетала левое запястье дудочника и тянулась куда-то в пустоту, шаря в воздухе едва заметно светящимися обрубленными кончиками, будто бы живыми щупальцами. Я невольно попятилась, оглянулась в поисках Ровининого посоха.

Что бы орденский музыкант ни притащил за собой из Лиходолья, здесь ему явно не место.

– Вик, – я осторожно окликнула затравленно оглядывающегося по сторонам дудочника, все еще сжимавшего в правой руке тоненькую, неожиданно изящную серебристую свирельку, – ты знаешь, что проклят?

– Да ты что?! – нарочито изумленно, с легкой истерической ноткой в голосе отозвался змеелов, стаскивая через голову ремennую лямку дорожной сумки и роняя ее на пол. – А я, по-твоему, об этом не догадываюсь?

Он кое-как расстегнул истрепанный по краю плащ, бесцеремонно спихнул со стоящей у окна лавки аккуратно сложенные в стопку чистые полотенца и сел, глядя на меня исподлюбья.

– Слушай, я смертельно устал за последние трое суток. Я посплю у тебя немного, а потом, если захочешь, уйду. Но сейчас я просто не в состоянии.

– Я вижу, – вздохнула я, разворачивая ромалийский посох и ударяя нижним концом об пол, так, что эхо от стука заметалось под потолком под перезвон золотых колокольчиков на браслете. Багряная паутина, слепо шарившая в воздухе, пугливо отпрянула и нырнула обратно в черное облако, сгустившееся над левой рукой дудочника. И ведь даже не разглядишь, что там, под этой тьмой, – метка, укус или что-то еще. – Оставайся.

– Спасибо. Наверное, я совсем опустился, если ищу убежища у золотой шассы. – Викториан коротко, хрипло усмехнулся, повалился на скамейку, даже не пытаясь снять грязный, испачканный камзол и, похоже, моментально провалился в сон, как в глубокую пропасть.

Я покачала головой, опуская посох и подходя ближе к дудочнику. Подобрала сброшенный на пол плащ, свернула его и кое-как подсунула под голову Викториану вместо подушки – тот даже не шелохнулся, заснул так крепко, что его сейчас не только перезвоном колокольцев, а и выстрелом из револьвера над ухом не разбудишь.

Да уж. Видать, и в самом деле прижало нещадно, если единственное место, куда он успевал добраться за помощью, – это мой дом. Как он меня разыскал, я непременно узнаю позже, когда Вик проснется, а пока...

Я подтащила табуретку поближе к лавке и уселась рядом с дудочником, тихонько напевая одну из любимых Ровининых песен. Да оставят тебя кошмары, змеелов. Спи. Потом разберемся с той дрянью, которая к тебе прицепилась. Если сможем разобраться.

Тихий стук посоха по доскам пола, плач колокольчиков на ромалийских браслетах.

Дыхание дудочника становится ровнее, бледное, осунувшееся лицо постепенно разглаживается. Черная тьма проклятия слегка рассеивается, будто бы звон ее отпугивал, как разлитая святая вода оголодавшего вампира.

Ох, и как я буду Искре объяснять, откуда Вик тут взялся и почему мы не можем его выгнать? Как мне сказать вспыльчивому, легко злящемуся харлекину, что есть просьбы, в которых нельзя отказать? Ситуации, когда невозможно не помочь?

Потому, что, если не поможешь сегодня просящему защиты или избавления, то завтра, послезавтра, а может, и через полгода или год от тебя отвернется удача в тот самый миг, когда она будет тебе нужней всего. Меч сломается, не успев отвести смертельный удар, подвернется нога, когда будешь уходить от погони, враги нападут именно в тот момент, в который ты меньше всего готов дать отпор.

Все сделанное и несделанное вернется к тебе. Иногда в точности, а иногда и с лихвой.

Дудочник уже отпускал меня дважды, оба раза – по собственной воле, тем самым уберегая меня от опасности быть пойманной, когда я была не готова сражаться за свою жизнь. Сейчас его судьба в моих руках – он пришел ко мне проклятый, обессиленный, неспособный встретить своего преследователя лицом к лицу и уж тем более – драться со мной или с Искрой. Он знал, что рискует, знал, что два нелюдя могут весьма неласково его встретить и выгнать на улицу, где усталость не позволит ему противостоять проклятию. Знал – но все равно пришел, потому что идти ему было больше некуда. Значит, на этот раз моя очередь сохранить ему жизнь, пока он не будет готов за нее биться.

Я глубоко вздохнула и положила дудочнику на лоб прохладную, покрытую золотой чешуей ладонь.

Когда-нибудь ты тоже умрешь, Викторян, как и любое живое существо.

Но не в этот раз.

На берегу Соленого озера было прохладно, спокойно и почти тихо. Со стороны общественной бани, выстроенной на пологом галечном берегу, тянуло сладковатым печным дымом. Раз или два настежь распахивались ставни, и тогда до меня доносился залиvistый женский смех, перемежающийся с мужским басовитым хохотом. Как оказалось, не все горожане используют бани, только чтобы помыться, – отдыхают в них тоже с размахом. То проводы холостяцкой жизни устроят, да так, что до глухой ночи над озером плывет густой пьяный смех и мужские голоса, то, напротив, девичья компания придет с гаданьями, грустными песнями да нарочитым плачем. Эти медовуху почти не пьют, голыми в прохладное озеро скакнуть не торопятся, но и не спят до самого утра.

Я невольно улыбнулась собственным мыслям – неудивительно, что желающих заселиться в свободную половину дома, стоящего на берегу озера, не оказалось. Когда соседи – стая гремлинов, а тишина над водой – это скорее исключение, чем правило, то любой разумный человек пойдет искать место поспокойнее, пусть и похуже. Но мы-то с Искрой не люди...

Красноватый солнечный диск тем временем все ниже клонился к горизонту, тени становились все гуще и темнее, и я начала с некоторой опаской посматривать в сторону бани. Приближались сумерки, а вместе с ними, если верить дудочнику, приходит преследующая его тварь. Викторян очень неохотно и очень кратко поделился со мной впечатлениями от встречи с этим созданием – как оказалось, он его и не видел толком. Слышать слышал, несколько раз ощущал холодок на затылке, тяжелое, нетерпеливое дыхание над самым ухом, но каждый раз не спешил оборачиваться. И правильно, в общем-то, делал – когда к человеку прилипает проклятие, приманивающее какую-нибудь хищную тварь, редко когда смерть наступает сразу. Обычно тварь несколько дней кружит где-то поблизости, пугая жертву и иногда доводя ее до сумасшествия, наслаждается страхом, превращая его в прелюдию к пиру. Змеелов, как я поняла, на своем веку чего только не повидал и потому накрепко запомнил, что, если что-то сверлит взглядом затылок, если хрипит и дышит в спину, не пытаясь сразу же открутить тебе голову, то сначала надо достать оружие и, по возможности, пустить его в ход и лишь потом обернуться. А то и не оборачиваться вовсе...

Я вытянулась на теплой, нагретой за день жарким июльским солнцем гальке и прикрыла глаза, ощущая себя змеей, нежащейся на скалах высокой-высокой горы. С острыми, как шассий гребень, склонами, вздымающимися так высоко над землей, что облака текут у лениво спущенного вниз кончика хвоста туманной призрачной рекой. Холодное солнце сияет так ярко, что глазам больно, небо кажется нависшим над головой фиолетовым дымчатым сводом, и создается ощущение, что весь мир состоит из бескрайней облачной реки, ледяного ветра, щекочущего бронзовую чешую, и слепящего света. Внизу остались лабиринты каменных туннелей, извилистые, неровные, будто бы червоточины, столбы золотистого сияния, проникающего через многочисленные оконца-воздуховоды, и сверкающая всеми мыслимыми и немыслимыми цветами радуга каменного сада...

Кровь, залившая каменный пол темными, остро пахнущими железом лужами, тонущие во мраке каменные деревья с мертвыми, будто бы выжженными сердцевинами...

Глаза неожиданно зашипало, к горлу подкатил ледяной болезненный ком.

Дурацкая, чисто человеческая привычка – расколупывать заживающие раны...

– Эй, Змейка, ты там уснула, что ли?

Я открыла глаза и приподнялась на локте, глядя на Искру, неслышно подобравшегося ко мне по галечному берегу. Позади него по россыпи выглаженных водой белесых камушков неторопливо шел дудочник, посвежевший, раскрасневшийся после хорошей бани и одетый в чистую и просторную, явно с чужого плеча снятую одежду.

Облако тьмы, роем черных мушек кружившееся вокруг Викторiana, никуда не пропало, но слегка проредилось – теперь мне были видны более привычные проблески синевы и изумрудной зелени с тонким ободком раскаленного добела огня, от которого воздух, казалось, плавился и дрожал, будто бы над горячими угольями. Злитесь дудочник, не на других – на себя. И кажется, уже готов к тому, чтобы постоять за свою жизнь еще раз. Вот только тьма проклятия с каждой минутой все гуще, все сильнее, как будто наступающие сумерки помогали ему окрепнуть и разрастись.

– Не уснула. – Я взялась за руку харлекина и поднялась, глядя на приближающегося змеелова.

Зря я думала, что Искра ринется в драку, едва увидит Вика у нас в горнице. Странное дело, но харлекин только презрительно фыркнул, когда обнаружил, в каком жалком состоянии находится дудочник, и мимоходом заметил, что обессиленного противника ему убивать неинтересно, после чего бесцеремонно растолкал нашего незваного гостя и потащил его в общественную баню. Не самая плохая идея, я бы сказала – по крайней мере, музыкант как-то приободрился и выглядеть стал значительно лучше, чем когда появился на пороге нашего с Искрой дома.

– Ты как? – поинтересовалась я у подошедшего Викторiana, который в ответ лишь невнятно пожал плечами и поддернул рукав слишком свободной рубахи.

– Я еще жив. Такого ответа достаточно?

– Если ты планируешь пожить подольше, то нет. Что у тебя с левой рукой?

– А ты сама не видишь?

Голос у змеелова злой, едкий, как щелочь. Я поморщилась, а харлекин с трудом проглотил поднимающееся к горлу раздражение – Искра тоже не любит, когда на вопрос отвечают вопросом, а терпения у него еще меньше, чем у меня.

– Вижу, что она черная, как у нежити, но не могу понять из-за чего. Но времени у тебя все меньше, полагаю, что в лучшем случае – до наступления темноты. В свете грядущих перспектив тебе все-таки помочь или не мешать?

– Помочь. – Вик быстро, но без суетливой спешки засучил рукав и протянул мне руку запястьем вверх. – На мне метка, похожая на чернильную кляксу размером с серебряную монету. Только она постоянно чешется, как будто под кожей возится мелкое насекомое, и чем ближе к ночи, тем сильнее.

– И кто тебя так? – Я осторожно взялась за его запястье чешуйчатыми пальцами, медленно провела по едва ощутимому бугорку на коже кончиками ногтей. Вик дернулся, как от удара плетью, зашипел сквозь стиснутые зубы, но руку не отнял. – Больно?

– Нет... – Глухое, с трудом проглоченное ругательство. – Щекотно.

– Я серьезно!

– Я тоже! – Вик посмотрел на меня с возмущением. – Давай я тебе за шиворот горсть живых капустных гусениц высыплю, а? И спрошу, больно ли, когда они по тебе начнут ползать.

– А будет больно? – поинтересовалась я, продолжая осторожно ощупывать крепкое запястье. Искра у меня за спиной тихонько закашлялся, а дудочник глубоко вдохнул и медленно, с легким присвистом, выдохнул.

– Если выживу, непременно продемонстрирую. Думаю, мне только спасибо скажут за

освобождение капустной грядки от этих вредителей.

– Обязательно, – кивнула я, сунула руку в мешочек на поясе и достала оттуда ярко-зеленую крученую веревочку с узелками. На торопливо сплетенном амулете, помимо ромалийских воздушных узлов, болтались еще разноцветные бусинки, потрепанное птичье перо, золотой бубенец с моего браслета и оловянная пуговица, которую я тайком срезала с рубашки дудочника, пока тот беспробудно спал на лавке. – Надень на левое запястье и не снимай, пока метка не исчезнет.

– Вот так просто? – усмехнулся Викториан, забирая у меня веревочку и прокручивая ее в пальцах так, что она стала похожа на извивающегося зеленого червяка, обвешанного всяким хламом. – Надеть амулетик и носить, пока все само не отвалится?

– Если не наденешь, то голова у тебя отвалится еще до полуночи. Или еще что-нибудь ненужное, – неожиданно обиделась я. – Ты ко мне зачем пришел? Если за помощью, то делай, как тебе говорят, и не спорь.

– Так ведь я и не спорю, – устало улыбнулся змеелов, оборачивая веревочку вокруг запястья. – Я просто спросил. Поможешь узелок завязать?

– Спросил он, – пробурчала я, накрепко затягивая нитяные «хвостики» амулета. Коротковато вышло, ну да ничего. Потерпит. – А теперь рассказывай подробно, кого и как обидел и что с тобой после этого было. Время у тебя еще есть – эта веревочка тебя ненадолго скроет от проклятия, спрячет, будто под плащом-невидимкой. Когда тварь придет с наступлением ночи, она сможет тебя увидеть далеко не сразу. Чуть, возможно, будет, но плохо. Не будешь делать глупостей – до рассвета протянешь. Наверное.

– Наверное? – Вик нарочито-изумленно приподнял выгоревшую на солнце пшеничную бровь. – То есть ты сама не знаешь?

Я глубоко вздохнула, устав препираться по мелочам, и Искра молча отвесил дудочнику подзатыльник. Несильный, но Вик пошатнулся, с усилием выпрямился, а потом резко развернулся лицом к харлекину. Чистая, незамутненная злость плеснула от музыканта во все стороны, на миг почти полностью разогнав танцующую черноту.

– Еще раз ты меня тронешь...

Горло на миг свело судорогой, голосовые связки задрожали, перестраиваясь, а потом я зашипела. Низко, длинно, с присвистом, так, как никогда не смог бы зашипеть человек, – звук, как от брошенной в холодную воду заготовки из раскаленного добела металла. Викториан вздрогнул, а Искра невольно подался назад и опустился-упал на корточки, упираясь одной рукой в мелкую гальку, а вторую кладя на колено. Поза подчинения, будь она неладна...

Сглотнуть, вернув себе возможность говорить по-человечески.

Успокоиться.

Терпеливо продолжить прерванный разговор.

Право слово, иногда я жалею, что дудочнику нельзя просто приказать – и он сделает хотя бы раз именно то, что от него просят, без передергиваний, уточнений, расспросов и неуместных подколов. Просто возьмет и сделает.

Судя по тусклому свечению вокруг музыканта – не в этой жизни.

– Вик, за что тебя проклинали?

– За дело, – просто и коротко ответил змеелов, после чего замолчал. Ненадолго – ровно настолько, чтобы я снова начала закипать от раздражения. – Меня проклинала мать за то, что я стал причиной смерти ее сына.

Даже так... Я искоса взглянула на Викториана – нет, о содеянном он совершенно не жалеет. Может быть, досадует, что попался так глупо, но угрызениями совести не мучается. Осуждаю ли я его? Тоже почему-то нет. Мать есть у каждого. И мстить за смерть своего ребенка будет каждая женщина. Даже если этот ребенок – нечисть, охотящаяся на людей.

– И как это вышло? – Я подумала – и села рядом с Искрой на гальку, осторожно погладила застывшего, как каменное изваяние, харлекина по плечу. Тот вздрогнул, будто бы очнувшись от глубокого сна, и медленно, неохотно переместился из позы подчинения в

более привычную, по-степняцки скрестив ноги и усаживаясь на галечный берег.

– Как обычно оно и выходит – случайно. – Вик пожал плечами, осмотрелся, будто выбирая место поудобнее, и в конце концов устроился на почерневшей от сырости коряге чуть в стороне от нас, почему-то поджав ноги так, чтобы поношенные башмаки не касались белесых галечных окатышей. – Я путешествовал вместе с караваном – он выехал спустя пару недель после того, к которому присоединились вы, но по тому же маршруту. В конце концов Огнец – это ближайший крупный развитый город на торговом пути к морю, его мало кто объезжает стороной, и я был уверен, что сюда вы как минимум заглянете, потому и попросился в сопровождающие. Играть в полную силу я еще не мог – за это, кстати, тебе отдельная благодарность, Ясмия. После твоих выкрутасов у реки я не то что играть, говорить неделю был не в состоянии, но и того, что мне удавалось вытянуть, вполне было бы недостаточно. Если бы не тот дурацкий случай...

Змеелов как-то странно посмотрел на зеленую веревочку, обвившую его запястье травяным стебельком, невесело усмехнулся и запустил пальцы в еще влажные, не успевшие высохнуть после купания волосы.

– Оборотень это был. Я таких уже видел много раз – знаешь, бывает такое, что перезрелая девица, некрасивая собой, а попросту – дурнушка, да еще и со скверным характером, уже отчаявшаяся выйти замуж, внезапно встречает кавалера. Причем встречает его именно ночью, при полной луне – на сельской дороге, у озера, не важно. И молодец, вместо того чтобы пройти мимо, привычно не обратив внимания на страшненькую, уже не юную девку, вдруг останавливается и заводит беседу. Знакомится, расспрашивает. И вот уже девка сама не понимает, как оказывается на сеновале или в кустах с юбкой, задранной выше пояса, а ее тем временем активно сношает тот самый молодец-раскрасавец. Продолжаются эти встречи с задранной подолом еще несколько ночей, потом кавалер бесследно пропадает, а брошенная девица оказывается беременной бабой, у которой живот растет в месяц, как за два. Вот тогда-то, – Викториан наставительно поднял кверху указательный палец, на котором блеснуло простое серебряное кольцо с неровно ограненным темно-красным камнем, – самое интересное и начинается. Все-таки, как ни старайся, а выпирающее пузо с определенного срока уже не спрячешь. Наученный горьким опытом народ быстро понимает, что, если в начале лета девка была худая, как щепка, а к сбору урожая в сентябре едва ходит, переваливаясь с ноги на ногу, и несет перед собой раздутый живот, то дело здесь ой как нечисто. Выгнать такую рука не поднимается – если вытолкаешь из деревни от греха подальше, то на следующую же ночь весь скот окажется задран не то волками, не то кем побольше и пострашнее. И хорошо, если только скот, а то, бывало, и людям доставалось...

– Это все, конечно, безмерно интересно, – Искра демонстративно зевнул, как бы между делом оглядываясь на горизонт, – но нельзя ли покороче и ближе к делу? Мне-то, в общем, все равно – гонять с приходом темноты начнут тебя...

Музыкант нехорошо улыбнулся, ненароком оглаживая себя по груди, где под тонкой рубашкой с распахнутым воротом виднелся чехол с тонкой узорчатой свирелькой, и неожиданно весело рассмеялся.

– Если покороче, то не повезло мне захватить в «петлю» музыки плод именно вот такой «сеновальной» любви. Женщины, забеременевшие от оборотня, очень тяжело рожают, выживают в лучшем случае две из пяти, но если выживают, необъяснимым образом накрепко привязываются к своему ребенку. Это не простая материнская забота, это чувство, превращающее мать в скалящуюся тварь, которая попытается выцарапать тебе глаза или вцепиться в горло, если ты хотя бы заманешься на ее отпрыска. И не важно, что натворил этот «ребенок» – потоптал грядку, всерьез подрался с детворой или замучил до смерти кошку или собаку. Мать всегда будет на его стороне. Еще будет щенят приносить для умерщвления, только бы дитячко лишний раз со своими дурными наклонностями на людях не показывалось. В Лиходолье таких обычно казнят – потому что водятся в этих местах охотники пострашнее оборотней, но они все за забором, а этот выродок сидит под боком, и неизвестно, когда он с кошек и собак перейдет на людей. Но тот, кого я зацепил музыкой во

время вечернего обхода каравана, был почти взрослый – значит, уберегла его мать как-то. Может, сбежала вовремя, а может, просто прятала слишком хорошо, да еще вдали от деревни. Парень вообще никого и ничего не боялся – как только попал в «петлю», сразу на зов побежал, как будто там легкая добыча, а не охотник. А встретили его стрелами и мечами. – Дудочник вздохнул, выпрямился, поерзал, усаживаясь поудобнее на корявом, высохшем дереве. – По-моему, он даже не понял, что с ним случилось. Лежит на земле здоровенный такой лоб, прям как твой спутник, весь обросший шерстью и, похоже, застрявший между обликом человека и песчаного волка, утыканный стрелами, с топором промеж лопаток и обиженно так скулит. Странно, что отец его не забрал сразу после первого превращения, не научил, как менять облик, как охотиться. Погиб, видимо. А мать его и воспитала, как сумела, – не человеком и не зверем. Его из жалости добили, потому что плакать начал...

– Потому его мать тебя и прокляла? – тихо спросила я, осторожно беря Искру за руку. Пальцы харлекина дрогнули и медленно сжали мою ладонь. За ним ведь в свое время тоже никто не пришел. Конечно, железный оборотень отличается от того, кто становится волком, но суть-то одна. Ведь меняется не только тело, но и разум, и если рядом нет никого, кто не позволит этим изменениям накапливаться хаотично, выжить практически невозможно. Хорошо, что Искра когда-то встретил себе подобного... и встретил раньше, чем превратился в тупое, не осознающее ничего, кроме собственных желаний, существо.

– Видимо, да. Я проснулся от того, что эта ведьма ухватила меня за левую руку. И как только мимо дозорных прошмыгнула... – Змеелов покачал головой. – Я ее даже оттолкнуть сразу не сумел, она как увидела, что я проснулся, начала орать. О том, чтобы меня земля не носила столько дней, сколько стрел в ее сына вошло, а если я все-таки научусь ходить по воздуху, то меня сожрет моя собственная тень. Ее оттащить пробовали, а потом как-то отшвырнули неудачно, и она прямо в костер упала. Не в тот, который еле теплится и способен разве что задницу подпалить, а который горит пламенем в мой рост, чтобы дрянь всякая к дозорным незаметно не приблизилась. Странно, но эта чокнутая даже не пыталась из него выбраться, вспыхнула разом, как бумага, – из огня ее уже мертвой доставали. А через день я ушел из каравана.

– Выгнали? – не удержался Искра, и я запоздало шлепнула его по макушке.

Вик в ответ только криво улыбнулся.

– Сам ушел, когда почувствовал, что при каждой остановке начинаю погружаться в сухую и твердую, как камень, землю, будто в трясину. Поначалу незаметно было – вроде постоял минут пять на привале, обсудил что-то, а ботинки уже вдавились в грунт, будто во вспаханную грядку. Это еще полбеды. Но когда я вечером уснул у костра, то, проснувшись через пару часов, почувствовал, что вместе с плащом куда-то медленно сползаю. Вскочил, схватил плащ, смотрю – а на земле выемка в форме моего тела глубиной в ладонь где-то. Но стоило мне встать, как она выровнялась, – знаешь, как болото над утонувшим в нем камнем выравнивается. Чпок – и будто не было ничего. И никого. А теперь, похоже, вдобавок ко всему, за мной и в самом деле начала охотиться моя собственная тень. Днем еще ничего, самое веселье начинается с приходом темноты...

Я слушала дудочника не перебивая. И если он не врал и не преувеличивал, а мне почему-то казалось, что сочинять на ходу змеелов не стал бы, то тяга к жизни у Викторiana просто потрясающая. Мало кто вот так сумеет идти весь день, чувствуя, как упруго проседает под ногами наезженная дорога, высматривая впереди небольшую скалу, на которой можно было бы отдохнуть хотя бы пару часов, а ночью бежать от собственной тени, огораживаясь от нее украденной в одном из обозов ведовской смесью. И все для того, чтобы попасть в Огнец, идя на еле ощутимый зов от орденского медальона, который сейчас валялся без дела в ящичке нашей с Искрой спальни. Вик почему-то был уверен, что мы не потеряем и не выбросим эту бронзовую безделушку с оттиском пронзенной змеи, и потому уверенно шел по этому следу. Зачем? Надеялся, что я захочу вернуть долг и помогу ему избавиться от проклятия? Или что полночная тварь, прицепившаяся к его тени, испугается и отступит, едва

окажется рядом со мной?

Вот только нехитрая правда состоит в том, что я не знаю, как от таких проклятий избавляться. Не успела меня научить этому лирха Ровина, смогла только между делом рассказать, что подобные вещи намертво приклеиваются только в случаях, когда проклятие заслужено. Материнское слово не разбирает, была вызвана смерть ребенка нелепой случайностью, вынужденной защитой от нападения или осознанным злодеянием. Горе застилает женщине глаза и вызывает самых страшных преследователей – незримых, неживых, превращает виновника в жертву, к которой будут липнуть всевозможные несчастья и притягиваться хищная нечисть. И как разогнать туго обвившуюся вокруг проклятого человека тьму, я не знала.

Но догадывалась о том, кто может знать. Вот только согласится ли она поделиться знанием, и если да, то какую цену запросит?

Я оглянулась на запад – солнце уже касалось горизонта нижним своим краем, из золотисто-желтого став медно-рыжим и потихоньку заливая горизонт красноватым цветом. Встала с галечного берега, по привычке, нежели по необходимости отряхнув подол широкой цветастой юбки. Легонько тронула Искру за плечо, махнула рукой дудочнику.

– Пошли.

– Куда? – поинтересовался змеелов, с видимой неохотой поднимаясь с насиженного места и привычно переступая с ноги на ногу на шуршащей и тихонько поскрипывающей гальке.

– В один очаровательный домик, – вздохнула я. – С кружевными занавесками на окнах и геранью на подоконниках.

На поклон к бабке Морее, о которой в Огнеце говорят с оглядкой, шепотом и с неизменным уважением абсолютно все – и ведьмы на базаре, и «мировые» вампиры, и, что удивительно, простые люди.

Потому что все как один думают, что бабка Морей – едва ли не сама смерть в немощном с виду и безобидном обличье...

Глава 2

Район Второго Кольца по праву слыл наиболее спокойным и приветливым из всех в Огнеце. Говорили, что здесь можно пройтись глухой ночью с кошельком, полным золота, и никто не попытается отнять честно нажитое, а девица может сколь угодно долго плясать на площади, а потом направиться домой – и вернуться целой и невредимой. И дело было вовсе не в стражниках, которых во Втором Кольце и не было почти, а в пожилой, хрупкой на вид женщине, которая жила в маленьком доме с красной черепичной крышей, построенном рядом с городской стеной.

Когда мы с Искрой впервые вошли в ворота внешней стены города Огнеца, нас сразу предупредили, что придется прогуляться по району Второго Кольца, и, если все будет в порядке, нам будет позволено остаться. Я запомнила пару стражей, которые водили нас по чистеньким улочкам, и то, как они внезапно скрылись где-то в подворотне, оставив нас напротив того самого одноэтажного домика, на подоконниках которого пламенела пурпурная герань в длинных деревянных ящиках. Кто-то смотрел на нас из-за белых кружевных занавесок, и этот взгляд вначале давил, а потом каким-то образом проник внутрь, будто высматривая притаившуюся гниль, дурную болезнь, которая может поразить жителей этого города. Я ощутила легкое удивление, потом нечто, похожее на довольство, а затем ощущение чуждого тяжелого взгляда пропало, и мне отчего-то стало легко и свободно, будто бы я получила одобрение близкого мне существа. Искра же выглядел подавленным, на лбу у него выступили бисеринки пота, но лишь спустя несколько дней, уже после того как нас разместили в свободном крыле дома, где соседями оказалась стая гремлинов, он признался, что боялся быть отвергнутым. Ведь когда-то давно он преступил закон в этом городе, и его выгнали в тот же день, не дав возможности оправдаться или собрать вещи. Просто

выставили за городскую стену и велели не возвращаться. А он все же вернулся на свой страх и риск...

– И кто эта пожилая леди, к которой мы идем? – ненавязчиво поинтересовался дудочник, поминутно оглядываясь через плечо и, похоже, едва сдерживаясь, чтобы с быстрого шага не перейти на бег. – Тоже лирха, как и ты? «Зрячая» женщина или что похуже?

– Слухов много ходит, – пожала плечами я, ловко убираясь с пути торговца, толкающего перед собой тележку, нагруженную слегка увядшими за жаркий день овощами и зеленью. – Может, она и «зрячая», может, и похуже что. Но если она не подскажет, что с твоей бедой делать, то уже никто подсказать не успеет.

– Перевожу. – Искра положил руку мне на плечо, подтянул к себе, покрепче прижимая к теплему, крепкому боку. – Если бабка Морея, перед которой вся огнецкая нечисть ходит на цыпочках, не сможет снять с тебя эту гадость, то единственное, чем мы со Змейкой тебе сможем помочь, – это умереть легко и быстро, если сам не решишься.

– Вот спасибо, а то я бы без тебя не догадался, – саркастически усмехнулся Викториан, как бы невзначай кладя ладонь на пояс, поближе к дудочке, скрытой в потертом кожаном чехле.

– На здоровье, – совершенно серьезно ответил харлекин, сворачивая на узкую улицу, расположенную вдоль городской стены.

Здесь почти не горели огни, только далеко впереди виднелся ярко-желтый свет фонаря, подвешенного над домиком бабки Мореи, своего рода путеводный маяк, указывающий дорогу всем отчаявшимся. Я скосила взгляд на музыканта и невольно вздрогнула: по мере того как ночь спускалась на город, тьма вокруг Вика становилась все гуще. Она свивалась тугим коконом, почти полностью скрывая змеелова, и только ярко-зеленая полоска на левом запястье сияла все ярче, показывая, что человек еще жив и готов к борьбе. Что-то мелькнуло на границе зрения, что-то черное, как выжженная дыра на ярком вышитом полотне, что-то бесформенное, устремившееся к дудочнику и в последний момент вильнувшее в сторону, едва дотронувшись до зеленой полоски оберегающего амулета.

– Оно здесь, – тихо прохрипел музыкант, хватаясь за грудь и озираясь по сторонам, не зная, откуда ждать нападения.

– Здесь, – негромко подтвердила я, без лишних слов беря Вика за запястье и бегом устремляясь к поблескивающему впереди маяку, к золотистому огоньку надежды над узорчатой деревянной дверью.

Колотушку, висящую на тонкой цепочке, я проигнорировала, от души стукнув по двери чешуйчатым кулаком, чувствуя, как тьма, ледяной паутиной облепившая руку Викториана, шарит по моей ладони, безуспешно пытаясь приклеиться и сделать меня еще одной жертвой материнского проклятия.

– Откройте! Пожалуйста!

Тишина упала на улицу, как гигантская птица, усмотревшая добычу. Закаменевшее от напряжения запястье дудочника начало мелко дрожать, Искра низко, предупреждающе заворчал, и в этот момент дверь неожиданно распахнулась. Я дернула музыканта за собой, переступая высокий порог, и следом за нами шагнул харлекин, едва ли не вталкивая нас в маленькую, аккуратную прихожую. Дверь за нами бесшумно закрылась, и я почувствовала, как пропадает мерзкое ощущение холодной паутины, облепившей ладонь.

– Вроде бы отпустило, – неуверенно пробормотал Викториан, с трудом высвобождая запястье из моих пальцев и оглядываясь по сторонам.

– Неудивительно, – низко, хрипло усмехнулся харлекин. – Здесь у тебя почему-то нет тени, потому и преследовать тебя некому.

– Даже так?

– Именно так, дорогие мои.

Негромкий, чуть надтреснутый старческий голос раздался из ниоткуда. Я завертела головой, пытаясь найти взглядом хозяйку, но видела вокруг лишь предметы обстановки,

яркие, неестественно четкие, будто бы нарисованные красками и кистью на плотном холсте. Не сразу, но я сообразила, почему подумала о рисунке: ни у старинного комода, ни у длинного стола, накрытого белой скатертью, ни у узорчатой лавки не было столь привычного мне едва заметного цветного ореола, окружающего любую вещь или живое существо.

– Вечер добрый, госпожа. – Викториан выпрямился и церемонно поклонился, глядя куда-то в сторону длинного стола, накрытого ярко-красной скатертью с вышитыми в уголках крупными белыми цветами. Искра тоже как-то подобрался и смиренно опустил голову, здороваясь с пустым местом у стола.

Одна я застыла как вкопанная, обшаривая взглядом горницу и не понимая, почему не вижу их собеседницу. Не было еще такого, чтобы шассьи глаза видели пустоту вместо человека или нелюди, всегда было хоть что-то. Либо цветной контур, либо выжженное пятно на ярком фоне, но ни разу не было *ничего*.

– Змейка? – тихо, настороженно окликнул меня Искра, легонько дотрагиваясь кончиками пальцев до моего плеча. – Что ты?

– Ей непривычно меня не видеть. – Тот же голос, раздающийся отовсюду, негромкий, шелестящий смех, и передо мной неожиданно возникла пожилая женщина в светлом узорчатом платке, наброшенном на хрупкие старческие плечи. Просто появилась из ниоткуда – стоило мне моргнуть, и вот Морея уже стоит передо мной на расстоянии вытянутой руки. Темные глаза внимательно осмотрели меня с головы до ног, на тонких губах наметилась улыбка, не добрая и не злая. Довольная. – Дети Тхалисса, наблюдающие с изнанки, не могут видеть то, что не принадлежит этому миру.

Она протянула ко мне узкую изящную ладонь с тонкими, иссушенными пальцами, и я невольно подалась назад. У бабки Морей не было ни ореола души, ни темноты, скрывающей ее сущность. Ничего. Будто бы стоявшая передо мной пожилая женщина была лишь ожившим наброском, раскрашенной тенью чего-то иного, грандиозного, великого, непостижимого. Пугающего – но при этом неуволимо знакомого.

Тяжелые руки харлекина легли мне на плечи, пальцы чуть сжались, будто бы Искра ощущал мое смятение и тревогу, но понимал, что здесь и сейчас он вмешаться не может. Как и защитить, если вдруг Морея действительно захочет напасть.

– Ну, здравствуй, золотая. Я все ждала, когда нужда наконец-то приведет кого-нибудь из вашего народа ко мне на поклон. И дождалась.

Я невольно вздрогнула, оглянулась на дудочника, стоявшего чуть в стороне. Кашлянула и шагнула вперед, высвобождаясь из объятий Искры.

– Здравствуй, госпожа Морей. Я пришла просить не за себя, а за вот этого человека. На нем...

– Проклятие, сотворенное отчаявшейся матерью. Неприятная вещь, согласна, – кивнула женщина. Улыбнулась простой, ничего не выражающей улыбкой, и меня бросило в дрожь. Так улыбается кукла, стоящая в витрине дорогой лавки, – в такой улыбке нет ни чувства, ни эмоции, ничего. Просто изображение, имитация. – Я хочу поговорить с тобой наедине. Твои спутники пусть подождут здесь, за столом. Уверяю, что пока вы находитесь у меня в гостях, вам ничего плохого не грозит. Можете быть спокойны. Я хочу только поговорить. Идем, золотая.

Она протянула мне руку, и я после секундного колебания приняла ее. Взялась за легкую, почти невесомую ладонь, которая показалась мне сотворенной из воздуха или из тумана. Прохладная, почти неосязаемая плоть.

Морея провела меня через горницу за занавес из шелестящих стеклянных бусин в маленькую светлую комнатку, и мне почудилось, будто бы за спиной у меня сомкнулись не частые сверкающие нити, а тяжелые дубовые двери, окованные железными лентами, которые не пропустят ни единого звука. Женщина указала мне на низкий трехногий табурет, стоящий у окна, за которым, несмотря на спустившиеся на город густые сумерки, было ощутимо светло, и сама села напротив в глубокое, обитое потертым бархатом кресло. Я

мельком выглянула в окно – ничего, кроме белого тумана, липнущего к стеклу клочковатыми извивами.

– Значит, ты хочешь помочь человеку, – задумчиво произнесла женщина, сидящая в кресле напротив. Я подняла на нее взгляд: по-прежнему никакого намека на ореол души, Морея казалась лишь искусно выполненным рисунком, объемным,двигающимся, но при этом совершенно неживым. – Давно уже золотые не стремились помогать отдельно взятым людям. Пожалуй, в последний раз это случилось в те времена, когда благословенный нами народ пытался этих самых людей научить кое-чему стоящему.

Нами?!

Неожиданная, непрошенная догадка обожгла легким, но весьма болезненным прикосновением бича, вдоль позвоночника пробежали мурашки благоговейного ужаса, и я торопливо отвела взгляд, уставившись на сцепленные в замок собственные пальцы, покрытые золотистой чешуей. У моих рук светящийся ореол был, и он казался единственно реальным, настоящим во всей этой странной комнате.

– Тебе не стоит *нас* бояться, золотое дитя. – Голос Мореи звучал негромко, со странным успокаивающим присвистом. – Когда-то давно твои предки, загнанные в угол и много раз преданные теми, кого считали если не братьями, то союзниками, обратились к *нам*, чтобы испросить особый дар – умение видеть Истину. *Мы* согласились одарить шасс таким зрением, взамен попросив их стать нашими наблюдателями, нашими глазами и ушами, чтобы *мы* могли наблюдать за миром с изнанки вместе со змеиным народом. Но оказалось, что умения видеть Истину недостаточно, – через какое-то время к *нам* обратилась малая часть змеиного народа с еще одной просьбой. Шассы попросили в дар возможность изменять и исправлять те несовершенства, что они начали замечать слишком часто в окружающем мире. И *мы* снова согласились.

– Но цена была выше, ведь так? – тихо спросила я, не осмеливаясь более поднимать взгляд. Пусть даже Морея – лишь набросок, созданный великой сущностью, которую шассы прозвали божеством Тхалисса, но кто из живущих обладает достаточной смелостью, чтобы смотреть в лицо даже тени своего великого создателя без особого дозволения?

– Цена была приемлема. *Нам* были нужны не только соглядатаи, *нам* требовались стражи порядка. Те, кто с помощью дарованной силы сумеет удержать этот хрупкий мир в равновесии, принося добро туда, где зла стало слишком много, хаос в места чрезвычайного порядка и застоя, смятение в закостеневшие души, умиротворение тем, чья скорбь стала чересчур велика. *Мы* не можем вмешиваться напрямую, но можем запросить служение в обмен на дар. *Мы* даровали тем шассам, кто обратился к *нам* во второй раз, силу изменять мир вокруг себя, и их чешуя стала золотой, яркой, как солнце, а их потомки обрели великое наследие и великую обязанность – поддерживать Равновесие. И сейчас дитя золотого народа приходит к *нам* с просьбой в третий раз. И *мы* готовы выслушать эту просьбу, но будь готова к тому, что *мы* попросим об ответной услуге.

В комнате повисла тишина. Не гнетущая или пугающая – ожидающая.

Что можно попросить у божества, которому когда-то поклонялся ты сам и твои предки? У божества, которое снизошло к тебе и готово не только выслушать, но и помочь. Правда, в обмен на исполнение просьбы придется выполнить то, от чего не удастся отвертеться никогда. Можно играть в игры с людьми, с нечистью, иногда даже с судьбой и самой смертью, но невозможно сыграть в нечестную игру со своим создателем. Вернее, с той сущностью, на поклон к которой пришли когда-то твои предки, признав тем самым себя ее «детьми». Ничем хорошим это не кончится – ни для тебя, ни для твоего рода.

Я с трудом разлепила онемевшие будто от холода губы. Язык едва ворочался во рту, слова с трудом формировались из невнятного, отрывистого шипения.

– Хочу научиться видеть сквозь тьму и неведомое... чтобы уметь снимать материнские проклятия.

– Сквозь тьму и неведомое... – Морея, как мне показалось, довольно прищелкнула языком и еле слышно рассмеялась. – Хорошая просьба, золотое дитя. Твои потомки, когда

увидят свет, смогут не только достойно поддерживать Равновесие, но и исправят наконец-то ошибки своих предков.

Она встала с кресла, я услышала, как скрипнула половица, как зашуршал подол ее платья, и подошла ко мне вплотную. Я успела увидеть ее ноги в полосатых вязаных чулках, потертые ярко-зеленые туфли без задников, когда мои глаза накрыли узкие прохладные ладони.

– Мы дадим тебе то, что ты просишь, золотое дитя. Но взамен ты отправишься в путешествие.

Меж сомкнутых век будто бы вошли раскаленные иглы. Я тихонько завывала, зашипела от нестерпимой боли, но не смогла шевельнуть даже пальцем, чтобы стряхнуть со своего лица чужие, ставшие тяжелыми и ледяными руки.

– Когда ты снимешь проклятие с человека, обернись через левое плечо – и увидишь, куда будет лежать твой дальнейший путь. Ты не ошибешься, ты сразу поймешь, где именно тебе нужно будет восстановить Равновесие этого хрупкого, почти расколовшегося надвое и почти разрушенного изнутри мира.

Голос Мореи стал громче, он ввинчивался в уши раскатами грома, пробиваясь даже сквозь ошеломляющую боль, и каждое произнесенное ею слово будто бы выжигалось раскаленным железом в моей памяти. Мне казалось, что у меня больше нет глаз – только две черные пустые дыры на лице, пульсирующие жгучей болью, в которых неохотно проворачивалось узкое ржавое лезвие...

– Ты можешь не уходить из города сразу – у тебя будет время, чтобы подготовиться. Но как только ты поймешь, что не можешь больше оставаться в Огнеце, как только выйдешь за городские стены, тебе придется отправиться в дорогу и сделать то, что должно. Это – цена твоей просьбы.

Яркая вспышка – и боль превратилась в удовольствие, в экстаз, прокатившийся огненным клубком по всему телу. Я хрипло застонала и почувствовала, что лежу на полу и щеку не слишком приятно колет разноцветный шерстяной коврик с вытертой бахромой. Холодные руки больше не касались моего лица, а тело казалось вялым и непослушным, как после смены облика. Я глубоко вздохнула и попыталась открыть глаза – и сразу же зажмурилась, увидев лишь круговорот цветных пятен в нестерпимо ярком свете.

Руки Мореи подхватили меня под мышки и легко, будто перышко, подняли и поставили на ноги. Негромкий, чуть надтреснутый старческий голос раздался у меня над ухом:

– Иди, золотое дитя. Только не оглядывайся на меня. Увидишь больше, чем сумеешь воспринять, и ничем хорошим это для тебя не закончится. Иди к своему человеку, теперь ты поймешь, как отделить от него тьму. Только знай, что долго ты ее в своих руках не удержишь, тебе придется отдать эту смертоносную тень кому-нибудь еще. Врагу или другу, который согласится принять ее по доброй воле или по принуждению. До рассвета она вас не тронет, а уж потом справляйтесь, как знаете.

Морея подтолкнула меня в спину, и я пошла вперед на нетвердых, негнущихся ногах, слепо шаря вытянутыми перед собой руками. Пальцы натолкнулись на шелестящие нитки, унизанные гранеными бусинами, я развела их, как полог, и прошла в горницу, где слышались негромкие мужские голоса, которые мгновенно стихли с моим появлением.

– Мия? – удивленный, неуверенный голос, принадлежавший дудочнику. Будто бы он смотрел на меня – и не понимал, что произошло. – Что с твоими глазами?

Я покачнулась, и сразу же меня подхватили надежные, сильные руки харлекина. Пальцы Искры скользнули по моим щекам, приподняли мое лицо за подбородок, поворачивая из стороны в сторону.

– Что эта старая ведьма с тобой сделала?! – Низкий, короткий рык, который уже не мог принадлежать человеку.

Открыть глаза я смогла не сразу, было ощущение, что они залиты чем-то клейким, липким, чуть солоноватым. Комната на мгновение качнулась перед глазами, а потом все

предметы вокруг стали зыбкими, нереальными и чуть прозрачными – как будто они были нарисованы красками на стекле, сквозь которое едва-едва пробивался солнечный свет. Настоящими выглядели только Искра и Викторинан, яркие, плотные, окруженные разноцветными ореолами. Я опустила взгляд ниже и впервые смогла разглядеть сквозь просветлевшую туманную дымку, окутавшую запястье дудочника, небольшую метку. Как место, куда пророс корешок наведенного проклятия. Казалось, выдерни этот корешок – и вся эта тьма, вся эта неестественная дрянь, притягивающая нежить, останется у тебя в руках, как выполотый сорняк.

– Она научила меня видеть сквозь тьму и неведомое, – пробормотала я, проводя ладонью по лицу и отнимая пальцы, перемазанные чем-то алым.

– Да, и заодно заставила тебя плакать кровью, – зло выплюнул Искра, рывком прижимая меня к себе, обнимая так крепко, что казалось – еще немного, и захрустят кости. Я обняла харлекина за пояс, но обратилась к змеелову:

– Я теперь знаю, как тебя освободить. Но тебе может не понравиться.

– Что, неужто еще больше, чем сейчас? – усмехнулся тот, но быстро посерьезнел, осознав, что это не шутка. – Пояснишь?

– Непременно. – Я принялась вытирать лицо рукавом, но, судя по тому, как ткань прилипала к коже, умыться было все-таки необходимо. – Вот только не здесь. Морея обещала, что до рассвета нас никто не тронет, значит, есть время немного отдохнуть и подумать, как быть дальше.

– Как скажешь, Мия. – Музыкант первым подошел к двери и широко распахнул ее, напоследок поклонившись пустой комнате и вежливо поблагодарив хозяйку дома за гостеприимство.

Мы вышли из дома, и дверь бесшумно закрылась за нашими спинами.

– Выглядишь ты просто жутко, – вздохнул Искра, не снимая руки с моего плеча. – И когда только бабка Морея успела тебя чему-то научить? Ты ж вроде только заглянула за эту шторку – и почти сразу оттуда вышла, уже с потеками крови на лице.

– Почти сразу? – усомнилась я. – Мне показалось, что я пробыла там несколько дольше.

– Секунд десять, если быть точным, – серьезно ответил Вик, настороженно оглядываясь по сторонам. – Хоть что это была за женщина? Еще одна «зрячая» или очередной монстр?

– Не то и не другое, – пожала плечами я.

Некоторое время мы шли молча, а потом дудочник все-таки поинтересовался, что же ему теперь делать.

Оказалось, найти в Огнеце что друга, что врага – нелегкое дело...

Прошлое никогда не исчезает бесследно, оно всего лишь остается в крошечной тьме у тебя за спиной, откуда иногда долетает шепот почти забытых голосов, обрывки когда-то произнесенных фраз. Воспоминания, которые считал давно похороненными, встают из бездны памяти, как неупокоенные мертвецы из могил, и набрасываются с новой силой, заставляя просыпаться в холодном поту.

У каждого есть то, что хотел бы раз и навсегда оставить в прошлом. Закопать поглубже в памяти и накрыть тяжелым ледяным камнем забвения.

Вот только не каждому это удается.

Искра сидел на краешке постели, на которой крепко спала Змейка, и осторожно перебирал ее волосы, заплетенные в тонкие косички, украшенные ненужной мишурой. Большую часть его спутница обобрала еще по дороге в Огнец, ухитрившись снять все перышки и выпцветшие узкие ленты, но вот до бусин, намертво вплетенных в волосы, пока не добралась. Не раз и не два Искра предлагал просто состричь половину длины и расплести то, что останется, но Змейка каждый раз почему-то упрямилась. Впрочем, сейчас, когда волосы отросли и начали пушиться у корней, делая шассу похожей на забавный белокурый одуванчик с косичками, девушка перестала спорить. Еще немного – и наверняка согласится исправить это безобразие, доставшееся от Голоса Загряды вместе с телом, которое одно

время вызывало в харлекине весьма противоречивые ощущения.

Кончики его пальцев бережно скользнули по щеке спящей уже привычным жестом. Поначалу Искре было очень трудно привыкнуть к тому, что лицо Голоса Загряды, которое он запомнил раз и навсегда, лицо, которое он когда-то сам измолотил в кровавую кашу, покидая проклятый город вслед за шассой, теперь принадлежит его золотой госпоже. Что тело, к которому сейчас стремился прикоснуться при любой возможности, он сам когда-то изрезал когтями так, что всерьез опасался донести до золотой шассы не новую человеческую оболочку для смены облика, а две ее половинки с потерявшимися по дороге частями.

Столько изменений – и так быстро...

Что с ней сделала женщина, чье улыбчивое старушечье лицо до сих пор пугало его до глубоко затаенной дрожи? Что случилось со Змейкой за те несколько мгновений, что она пробыла за шелестящим бисерным занавесом? Ведь уходила она спокойной, лишь слегка обеспокоенной, а вернулась...

Харлекина передернуло, когда в памяти всплыло лицо шассы, медленно, на ощупь выходящей в горницу из соседней комнаты. Две кровавые дорожки на щеках, плотно сомкнутые веки, из-под которых сочились багряные капли. В первое мгновение ему показалось, что Змейке выкололи глаза и вытолкнули прочь. Было желание перекинуться и разнести в клочья этот проклятый дом, лишь издалека кажущийся милым и уютным, а заодно и его хозяйку проучить, но потом шасса с трудом разлепила склеенные подсыхающей кровью веки и взглянула на него.

Глаза у нее были уже не золотые – вместо радужек в них плескалось отражение яркого полуденного солнца, которое будто бы осветило его изнутри, выжигая все, что сочло ненужным и недостойным. Змейка смотрела на него, сквозь него, а он чувствовал себя под этим взглядом так, будто бы остался не то что без доспехов или одежды, а и даже без кожи под палящим зноем. И не шевельнуться, не вздохнуть под этим взглядом – словно смотрит на тебя Создатель и решает, достойным ли оказалось создание, следует ли оставить его продолжать намеченный путь или все-таки начать все заново, избавив мир от неудачного образца.

Потом она моргнула – и все прошло. Сияющая радужка потухла, оставив в ее глазах привычное золото, чуть тронутое медной рыжиной у самого зрачка. Дудочник, ошивающийся рядом, даже и заметить ничего не успел, а Змейка лишь устало провела по лицу рукавом, не столько стирая, сколько размазывая подсохшую кровь, и неожиданно как ни в чем не бывало попросилась домой...

Искра покачал головой и расправил плечи. Посмотрел за окно – сплошная темень, третий час ночи. Даже гремлины на соседней половине дома уgomонились, а вот ему все не спится. Что-то мешает расслабиться, снять с себя мешающую движениям одежду и уютно устроиться рядом со Змейкой, охраняя ее сон. Странное, почти позабытое ощущение, будто что-то скребется изнутри, неприятно холодит затылок, заставляя поминутно оглядываться через плечо, прислушиваться к окружающему миру, состоящему из запахов и звуков, и быть все время настороже.

Прошлое ощерилось треугольными железными зубами и словно огрело по спине ледяным колючим бичом, да так явственно и ощутимо, что харлекин вскочил с кровати, зацепив ногой складку на коврикe, и едва не покатился кубарем по полу. На ногах он кое-как удержался, но хрупкую глиняную вазочку с белой розой с прикроватного столика все-таки смахнул.

Ваза с приглушенным звоном разбилась о доски пола, рассыпавшись веером черепков и залив водой краешек ковра. Душистая белая роза, которой Змейка любовалась уже вторую неделю, тоже не пережила падения, осыпавшись горкой пожухлых лепестков. Искра с тревогой оглянулся на спящую, а потом принялся торопливо собирать осколки в ладонь. Вода-то ладно, сама высохнет, но воткнувшийся в босую ступню острый глиняный черепок здоровья и хорошего настроения шассе поутру явно не добавит.

Тихонько скрипнула дверь, и на пороге появился встрепанный дудочник в

расшнурованной рубаше, держащий в одной руке свечу, а в другой тускло блеснувший узкий клинок, вытасченный из трости.

– Что у вас? – шепотом поинтересовался змеелов, поднимая свечу повыше над головой и настороженно осматриваясь по сторонам.

– Вазу разбил, не видишь? – так же шепотом ответил Искра, торопливо сгребая последние черепки и поднимаясь с пола. Подошел к музыканту едва ли не вплотную, кивнул в сторону кровати. – Посидишь с ней?

Тот кивнул и посторонился, пропуская харлекина в коридор, а потом все же окликнул:

– А ты куда собрался?

Искра только усмехнулся, передернув плечами, которые уже стягивала знакомая легкая судорога. Предвкушение встречи.

– Прогуляться.

Осколки вазы вместе с останками цветка отправились в стоящее у выхода мусорное ведро, и харлекин выскользнул на улицу, бесшумно прикрыв за собой дверь. Прислушался к ощущениям и устремился к узкому переулку, ведущему к маленькой, будто бы стиснутой стенами домов площади, в центре которой находился небольшой колодец с питьевой водой.

Она сидела на каменном бортике рядом с откинутой деревянной крышкой и беспечно болтала ногами, обутыми в остроносые красные сапожки. Единственный на всю площадь фонарь выхватывал из ночной тьмы чуть полноватые округлые колени, едва прикрытые синей юбкой с кружевным краем, и красивые руки – изящные, маленькие, с длинными тонкими пальцами без единого кольца, – оставляя лицо женщины в густой тени. Впрочем, Искре не нужно было видеть лица незнакомки, чтобы понять, кто перед ним.

Харлекины начинают ощущать друг друга с момента первого превращения в поначалу неуклюжее, бряцающее железом вечно голодное чудовище. Ощущают как приятное тепло, расползающееся по всему телу. И чем раньше случилось превращение, тем острее и лучше харлекины чувствуют себе подобных даже на большом расстоянии. Молодняк инстинктивно ищет себе учителя, наставника – того «старшего», который поможет научиться жить в новом облике, сосуществовать с новыми, доселе неизвестными ощущениями. «Старшего», который научит охотиться и скрываться, выжидать и нападать из засады, пользоваться преимуществами железного тела и слабостями человеческой оболочки. Кому-то везет, и наставник находится довольно быстро. Кому-то приходится, как Искре, выживать самостоятельно, на свой страх и риск познавая вначале тонкости охоты на животных, а затем и на людей.

До зрелости доживают очень немногие – мало кто из молодых, недавно обратившихся харлекинов, способен усилием воли, без помощи «старшего», сдерживать охотничьи инстинкты и голод. А значит, очень быстро на них начинается облава, и молодые не успевают ничего понять, как из охотников превращаются в жертв, которых либо загоняют в ловушку с помощью собачьей своры, либо отдают на милость дудочнику из Ордена Змееловов, которому, как известно, и в лес-то ходить не надо. Встать у околицы вместе с наемниками да поиграть на своей дудочке подольше и погромче – молодой харлекин сам выйдет из укрытия, сам подставит шею под тяжелый топор с широким лезвием и погибнет, даже не успев понять, как это произошло.

Искре в свое время очень повезло: устав охотиться на животных и прятаться по лесам, он всеми правдами и неправдами добрался до Черноречья и там уже перебрался в Лиходолье, по дороге поживившись каким-то бродягой. В караване, к которому ему посчастливилось прибиться, ехала она. Та, которую он мог назвать «старшей».

Ализа.

Правда, тогда она выглядела иначе – смуглая, чернявая, роскошная баба лет сорока с глубоким грудным голосом и сочным залиvistым смехом. На ее грудь, напоминавшую две некрупные дыни, спрятанные под простой белой блузой на шнуровке, глазела почти половина ошивавшихся в караване мужиков, а другая половина хмыкала в усы и торопливо отворачивалась в другую сторону, пока их жены не заметили неподобающий интерес к

смешливой ромалийской бабе, отставшей от табора. Кажется, в то время один только Искра смотрел на нее не как на объект вожделения, а как на что-то родное – с надеждой и какой-то робостью. Он так и не решился подойти к ней, заговорить – позже она сама пришла, сверкнула морозной синевой, прячущейся на доньшке карих глаз, и бесстрашно потащила за собой в лиходольскую степь, подальше от людских голосов и света больших походных костров.

Тогда же он впервые познал женщину, а на рассвете они оба скрылись до того, как караван проснулся и обнаружил пропажу. Искра тогда умудрился свести лошадь, к которой был приставлен ухаживать, а Ализа принесла с собой едва живую девочку – та накануне умудрилась съесть какие-то неизвестные ягоды с придорожного куста, которые оказались ядовитыми, и к ночи уже почти не дышала. Ализа унесла ее, когда измученная за день и целую ночь мать ненадолго заснула. Сказала, что девчонка все равно умрет – сердечко у подростка билось едва-едва, да и в сознание она с полудня уже не приходила, а превращение вот-вот случится у обоих харлекинов. И тогда их будет мучить голод. Но зачем охотиться на здоровых и полных сил людей, если есть уже добыча, больная и ослабленная?

Мучила ли его тогда совесть? Нет. Кажется, к тому времени это слово уже почти ничего не значило для молодого харлекина. Тем более когда «старшая» утверждает, что так лучше, – ее надо слушаться. Ни к чему рисковать, охотясь на здоровых и сильных мужчин, если под рукой есть умирающий от яда ребенок без надежды на исцеление.

Так охотятся волки – выбирают из стада того, кто стар, болен или слишком слаб, чтобы дать отпор или убежать. Чистят породу, так сказать, оставляя в живых лишь сильных и выносливых.

Харлекины, как оказалось, были теми же волками по отношению к людям...

– Сколько лет, сколько зим! – Женщина грациозно соскочила с каменного бортика колодца и присела в реверансе, приподняв кончиками пальцев подол юбки. Свет фонаря наконец-то выхватил ее лицо из темноты – на Искру смотрела дама средних лет с приятным округлым лицом, на котором ярко выделялся пухлый красный рот и большие, подведенные особой краской синие глаза. – Ты так изменился! Я тебя и не узнала поначалу, приняла за «старшего». Как ты решился вернуться, тебя ведь насовсем изгнали из этого чудесного города?

Она подошла ближе, пританцовывая на месте и выстукивая каблучком на левом сапожке странный ритм по камням мостовой. Дурацкая, на взгляд Искры, привычка, от которой Ализа так и не смогла избавиться с момента их последней встречи восемь лет назад.

– Как видишь, не насовсем, – усмехнулся харлекин, спокойно глядя на бывшую наставницу сверху вниз. Маленькая она какая-то стала, никчемная. И если раньше ощущалась как сосредоточие грубой, напористой животной силы, то сейчас это было лишь слабенькое неяркое мерцание. Такое же, как и многие. Видать, потому и не сразу ощутил ее в городе – так, маячило что-то знакомое на горизонте. – А вот ты, как мне кажется, осталась прежней. До сих пор охотишься дважды в месяц?

– Каждое воскресенье! – радостно рассмеялась оборотница, отступая на шаг и проворачиваясь на мыске в простеньком, явно где-то подсмотренном па. Искра лишь покачал головой – Змейка двигалась гораздо лучше, начиная каждый танец как ритуал, а здесь было лишь дешевое фиглярство. Пародия на ромалийские пляски, которые, как известно, способны при необходимости и нечисть зачаровать, и течение реки повернуть. – Сам знаешь, с возрастом потребности растут, время между превращениями все короче. Становится все труднее находить подходящую добычу за стенами города, но пока мне везет. К счастью, запрет на охоту известной всем нам старушки не распространяется на тех, кто по доброй воле вышел за городские стены, а иначе мне совсем туго пришлось бы.

– Ты показалась, чтобы просто поболтать или что-то еще? – довольно скучающим тоном поинтересовался Искра, внутренне подбираясь, когда в синих глазах Ализы блеснули жадные харлекиньи огоньки.

Кажется, превращение у нее несколько ближе, чем она думает: если глаза начали

меняться произвольно, значит, уже завтра оборотница утратит человеческий облик, а жить в Огнеце железным зверем ей никто не позволит. Чудовищам место в степи, а внутри городских стен место только для людей и еще для тех, кто может заставить себя выглядеть по-человечески и подчиняться определенным законам.

– А если это «что-то еще»? – вкрадчивым тоном промурлыкала Ализа, переступая с ноги на ногу и чуть покачиваясь на каблуках. Раньше Искра счел бы это соблазнительным, теперь эта попытка отвлечь внимание вызвала лишь глухое раздражение. – Знаешь, я не первый день за тобой наблюдаю, а ты меня даже не заметил. Это непривычно – видеть тебя настолько увлеченным женщиной, что ты даже позабыл о необходимости оглядываться через плечо. Я завидую.

Последние слова были произнесены мягким, шелестящим тоном, настолько сладким и томным, что Искре стало немного не по себе. Не страх, нет – первый признак нарастающей тревоги.

Женщина, которую он помнил, женщина, которая научила его когда-то быть харлекином, охотиться на людей в моменты, когда их одолевала слабость после выпивки, болезни или же бурно проведенной ночи, – она практически не умела контролировать собственные желания. Если ей чего-то хотелось, она стремилась это заполучить. Уговорами, силой, обманом – не важно. Главное – добиться желаемого, и пусть оно будет через пять минут сломано и выброшено, как ненужный мусор. Для Ализы был важен сам процесс, а не успешный результат, и столь нечасто испытываемое ею чувство зависти, пусть даже мимолетное, почти всегда служило толчком к действиям.

– Подари ее мне, малыш, – неожиданно холодно и требовательно произнесла оборотница, отступив на шаг назад и слегка пригибаясь, будто бы готовясь к прыжку. – Я хочу ее. Ту женщину, которая была с тобой. Ты ни разу не ходил на охоту с момента появления в Огнеце, но до сих пор выглядишь как человек. Почему? Она тебя как-то кормит? Я хочу знать, как именно! Впрочем... Нет, не хочу. Я хочу ее съесть. Прямо сейчас. Выведи ее за город, я буду ждать за воротами. А потом отблагодарю тебя, как раньше.

Она произнесла это привычным, не терпящим возражения тоном, которому Искра когда-то давно подчинялся примерно так же, как послушные, запуганные дети подчиняются суровому родителю. Но сейчас в нем ничего не дрогнуло, чтобы выполнить ее желание, а ведь раньше такого не случалось.

– Ты чего-то не понял? – В голосе Ализы промелькнуло нарастающее раздражение. Кажется, с годами она стала еще более несдержанной. Удивительно, как она еще жива, с таким-то взглядом на мир. – Иди за ней.

– Нет.

– Я же поделюсь, как раньше, – снисходительно бросила Ализа, проходя мимо него. – Впрочем, мне настолько не терпится, что я сама за ней схожу...

Мгновенный разворот вокруг оси, полотняный рукав с треском расходится по шву, когда Искрова правая рука отяжелела, покрылась крепкими латами и с силой ухватила женщину за плечо, чуть-чуть запуская в податливую живую плоть кончики железных когтей.

– Я сказал – нет. – Голос упал до низкого горлового рыка, но звучал все еще спокойно. – Ты к ней не приблизишься.

– Железным зверям тут места нет, – негромко хохотнула Ализа, не обращая внимания на собственную кровь, запачкавшую блузку. – А ты вот-вот обернешься полностью! И тебя снова выставят!

Харлекин лишь снисходительно улыбнулся, показав острые треугольные зубы. Убрал руку и привычно встряхнул ею, возвращаясь в полностью человеческий вид. Демонстративно облизнул кончики пальцев, испачканные кровью, и совсем невежливо сплюнул в сторону.

– У тебя вкус гнили и ржавчины. Ты распадаешься, милая наставница. Скоро и охотиться тебе смысла не будет: человеческий облик начнет сползать с тебя сразу же, как только ты отойдешь от места трапезы.

– Как ты этого добился? – тихо прошептала она, сверля взглядом его руку. – Ведь не вкусив человеческой плоти, обратно ее себе не вернешь!

– А кто тебе это сказал, Ализа? Почему ты в этом настолько уверена? – вкрадчиво поинтересовался Искра, всматриваясь в побелевшее, заострившееся на скулах лицо оборотницы. – Может быть, тот, кто убедил тебя в необходимости охоты, просто не знал иного способа выжить? А ты, судя по всему, не слишком утруждала себя поисками. И в самом деле – зачем искать, если есть готовый, проверенный кем-то еще ответ? Пусть даже он и неправильный. Иди домой, Ализа. Здесь тебе делать нечего.

Харлекин обошел неподвижно застывшую женщину и направился прочь, когда на краю площади возникла слегка пошатывающаяся хрупкая женская фигурка, кутающаяся в цветастую ромалийскую шаль и сонно пытающаяся пригладить непрестанно лезущие в лицо длинные степняцкие косички.

Сердце ухнуло куда-то вниз, застряв под грудиной ледяным, не дающим дышать комом.

– Искра? – Сонный голос Змейки он бы никогда не спутал с чьим-то еще, и надежда на то, что произошла ошибка и на площадь вышел кто-то чужой, окончательно растаяла.

За спиной у него раздался треск рвущейся одежды, и харлекин рванулся на перехват раньше, чем успел это осознать, перекидываясь в мгновение ока и сбивая с ног хрипло дышащую, мерзко скрежещущую заржавленными сочленениями железную тварь всего в двух шагах от неподвижно застывшей шассы.

Тварь, в которую он сам мог бы превратиться, если бы не повстречал на старом заброшенном кладбище ромалийскую девчонку в грязной нижней сорочке, отчаянно прижимавшую к груди завязанный узлом цветастый платок с шелковыми кистями...

Удержать вырывающуюся из рук оборотницу, перевернуться на бок и отбросить ее подальше мощным толчком, прямо в невысокую стену колодца.

Встать на ноги, пригнувшись пониже и закрывая собой ранимую, непрочную оболочку золотой своей госпожи от существа, которое легко оправилось от удара и коротко, зло рыкнуло, клацнув запятанной ржавчиной, но все еще крепкой челюстью.

Искра не счел нужным отвечать на вызов – молча прыгнул вперед, пропуская со свистом вспоровшие воздух когти над головой и вгрызаясь в столь неосторожно открытый бывшей наставницей бок...

Я смотрела – и не могла понять, что же видят мои глаза. На меня навалилось какое-то странное оцепенение, которое мне никак не удавалось стряхнуть, а в голове крутилась одна-единственная мысль: «Как же так?»

Как же так вышло, что я сейчас смотрю сквозь Искру, как сквозь каменное дерево, росшее когда-то в огромной пещере неподалеку от родного, ныне давно разоренного гнездовища? Четкий, будто бы нарисованный чернилами контур тела – и жидкое сияние, переливающееся из золотисто-желтого в кроваво-красное, заполняющее этот контур. А в груди – яркая живая искорка, совсем как в каменном древе, выращенном взрослой шассой. На миг мне почудилось, что вот оно, мое так и не выращенное дерево, вот доказательство моей зрелости, доказательство принадлежности к роду детей Тхалисса. Оно живет, растет и хранит в себе частичку меня самой, которая угаснет и обратится в черную выжженную дыру только с моей смертью. И при этом оно двигается, разговаривает, улыбается, защищает меня и делится ласковым обжигающим теплом по ночам.

Как же так получилось, что у моего каменного древа оказалось не только имя, но и гулкое название «харлекин»?

И почему я этого раньше не замечала?

– Искра? – Я позвала его, не задумываясь, растирая лицо ладонями и пытаюсь разогнать сон, который не желал отпускать меня, даже когда я вылезла из теплой кровати и на цыпочках прокралась мимо задремавшего на стуле дудочника в поисках своего харлекина, исчезнувшего невесть куда посреди ночи.

А в ответ – лишь тихий, чуточку напуганный стон, который почти сразу же был

заглушен низким, раскатистым рыком.

Не Искра – кто-то другой, похожий на него и до сих пор прятанный за колодцем, одним прыжком одолел половину крохотной площади, зажатой между домами, и кинулся на меня, роняя с массивного, покрытого тусклыми неровными пластинами тела хлопья ржавчины. Я даже не успела испугаться, как наперерез этому существу кинулся рассыпающий голубые искры яркий метеор. Он сбил несущееся на меня с каким-то противным скрежетом существо, со звоном перекатился по мостовой и, наконец, подмял его под себя, не давая шевельнуться. Впрочем, ненадолго – несколько мгновений, и Искра отшвырнул противника в стену колодца и поднялся, загораживая меня собой, низко пригибаясь и не издавая ни звука. Золотое сияние почти полностью скрылось под яростным багрянцем, но и его постепенно заключала в себя холодная синева спокойствия.

Искра был готов убивать. Не из ненависти, ярости или желания отомстить. Я впервые наблюдала у него, такого порывистого и несдержанного, это спокойствие перед боем: когда ты понимаешь, что стоящего перед тобой противника просто надо уничтожить. Стереть с лица земли. Так, чтобы ничто более не напоминало о нем миру. Потому что так надо, чтобы защитить тех, кто тебе дорог.

Нечто похожее я ощутила, когда из-под земли в серое весеннее небо, затянутое тучами, поднималась ужасающая Госпожа Загряды. Меня колотило от страха, когда я пробивалась в полыхающее огнем и жаром зимовье, думая о том, что, когда сломаю наконец эту проклятую дверь, внутри я обнаружу только трупы – и никого живого. Я тряслась от ужаса, когда выбралась из ледяной реки на отмель, загребая гальку и жесткий слежавшийся песок золотыми чешуйчатыми руками и вспоминая о том, что осталось у меня за спиной за высокими каменными стенами ставшего ненавистным города.

Но в тот момент, когда я поймала посох, переброшенный мне Михеем-конокрадом, в момент, когда я начала ромалийский танец в шассьем теле, прекрасно понимая, что бежать уже некуда и что за спиной люди, которых без моей помощи ждет ужасающая по своей жестокости смерть, – тогда я была спокойна. Страху попросту не нашлось во мне места – я знала, что Господу Загряды надо остановить. Уничтожить, загнать обратно под землю или же усыпить – не важно. Но остановить. И тогда злость, горечь и страх стали холодными, как могильный камень, они опустились куда-то на глубину моей души, да так там и остались – ледяными тяжелыми камнями, которые я почувствовала лишь после того, как выбралась из проклятого города.

Существо, которое Искра отбросил к колодцу, тряхнуло большой головой, отчего ворох железных волос-спиц тихонечко, переливчато зазвенел, и громко, протяжно завывало. Харлекин, закрывавший меня собой, не ответил – он просто кинулся вперед, в последний момент пригибаясь, уходя от взмаха когтями и вцепляясь противнику под мышку, туда, где не было крепких доспехов, защищающих тело.

Я склонила голову набок, внимательно рассматривая Искрова противника. Странное, неведь откуда навалившееся на меня оцепенение все не проходило, я почему-то не могла заставить себя ни сдвинуться с места, чтобы помочь Искре, ни позвать на помощь. Только наблюдать за тем, как два харлекина, сцепившись, катаются по площади в сопровождении громкого металлического звона, скрежета и воя.

Они одинаковые. Искра и тот, другой, который попытался на меня напасть. Но при этом очень сильно отличаются друг от друга. Разница как между живым существом и его зыбким отражением на поверхности воды. Искра полыхал изнутри, ореол его «души» горел и переливался десятками, сотнями оттенков, тогда как второй харлекин сиял тускло, кое-где сияние было поглощено неровными пятнами с расплывчатым краем, а в середине тела зияла чернота. Как будто у него извлекли сердце и забыли вложить обратно, оставив незаживающую рану.

А может, его там и не было, этого «сердца»?

Харлекины наконец расцепились, Искра припал к земле, выгнулся дугой и резко опустил голову вниз, едва не впечатываясь лбом в мостовую. Длинные волосы-струны, в

мешанине которых уже мерцали бело-голубые огоньки, напомнившие мне запутавшихся в густых зарослях осоки светлячков, взвились сплошным шелестящим веером и со странным глухим треском обрушились на спину противника тысячехвостой плетью.

Вспышка белого огня, столь яркая, что у меня перед глазами заплескали черные пятна. Искрова противника подбросило, а в ночном воздухе запахло послегрозовой свежестью. Будто бы молния ударила, вот только она оказалась порождена железным телом моего спутника.

Он все-таки запомнил, как уничтожил кэльпи на ночном лугу. Запомнил это шассье движение и сделал его именно так, как сделала бы я в змеином теле: упираясь обеими руками и основанием живота в неровную поверхность...

Сквозь залепившую уши вязкую тишину пробился тонкий противный скрип – так скрипит только пробитый металл, сквозь который продолжают проталкивать что-то большое и острое, неторопливо расширяя отверстие. Искра пошатнулся, подался назад, отступая на полшага от противника, и только тогда я разглядела странный штырь, вошедший ему в бок чуть ниже грудины. «Штырь» шевельнулся, изогнулся так, будто был живым, и резким движением вошел глубже, заставив Искру глухо взвыть.

– Хорошо, но недостаточно. – Голос второго харлекина был скрежещущим и уже совершенно не похожим на человеческий. Мерзкий, скрипучий, раздражающий слух – как будто звуки извлекало не горло оборотня, а две трущиеся друг о друга заржавленные железяки. – Как я рада, что научила тебя не всему, что умела.

Научила?

– Знаешь, недавно осознавший себя харлекин чувствует себя хуже, чем шасса в чужой шкуре. Стирается грань между родовой памятью и теми воспоминаниями, которые были накоплены во время человеческой жизни, чувства выцветают и блекнут, как дешевые краски на ярком солнце. Оборачиваясь в железное чудовище, ты приходишь в себя в другом, гораздо более взрослом теле, которое навязывает тебе совершенно иные потребности. И знаешь, что самое страшное? Нет никого, кто бы объяснил тебе, еще недавнему подростку, что с тобой случилось и как с этим жить дальше. И родовая память – плохая замена наставнику. Поэтому я отчаянно искал хоть кого-нибудь, кто поможет мне разобраться с собой, понять, кем я стал и что с этим всем делать.

– И, как я понимаю, нашел его в Лиходолье?

– Скорее, она сама меня нашла. И обучила таким тонкостям охоты на людей, о которых я даже не догадывался.

– «Она»?

– Первая любовь редко у кого бывает удачной, но запоминается на всю жизнь. Даже у харлекинов...

Так этот, второй, и есть та самая «наставница», про которую мне когда-то рассказывал Искра по дороге к Лиходолью? Та самая «первая любовь», которая навсегда остается в памяти сладкими воспоминаниями или горьким, тяжелым уроком, который пришлось выучить?

Тихий, тренькающий звук – это волосы-струны «наставницы» сплелись в тугой жгут с острым кончиком и неожиданно быстро, так, что я даже не успела увидеть это движение, ударили в горло Искры, все еще удерживающего обеими руками проталкивающийся в бок «штырь», не давая ему проникнуть еще глубже. Харлекин захрипел, но все же попытался стряхнуть с себя усевшееся на грудь железное чудовище, обросшее хлопьями ржавчины, дернулся, на свой страх и риск освобождая обе руки и одним толчком отбрасывая противницу в сторону, к колодцу.

Вот только на этот раз Искра не поднялся, оставшись лежать на мостовой и дыша с каким-то жутким бульканьем и присвистом.

Из оцепенения меня вывел именно этот звук. А еще – топот за спиной и резкий

предупреждающий окрик Викторiana в момент, когда оборотница встала, опираясь кривоватой, будто бы неровно сросшейся рукой с обломанными когтями на выщербленный бортик колодца, и двинулась ко мне.

Быстро. Очень быстро.

– С-с-с-стой!!

Искаженная морда харлекина с темными, кое-где стершимися железными зубами, с покореженной челюстью замерла на расстоянии ладони от моего лица. От этого существа пахло сыростью, мокрой ржавчиной и болотом, оно казалось таким тусклым, что было заметно лишь благодаря четкому контуру ореола души. Оно застыло, пристально всматриваясь в мое лицо, и я видела, как внутри него разгорается огонек-одержимость. Желание столь сильное, что было не удержать ни здравому смыслу, ни инстинкту самосохранения. Вот только этот огонек очень сильно отличался от того, что я видела у Искры или Вика. Не золотой и не рыжий – багряно-красный с фиолетовыми подпалинами.

Голод. Лютый, ничем не сдерживаемый голод, грызущий изнутри и толкающий на отчаянные поступки.

Краем глаза я заметила густую черную тень, ползущую по стене к дудочнику, появившемуся в узком переулке между домами и уже подносящему к губам свою волшебную свирельку, тонкую, как серебристый лунный луч, яркую, перемигивающуюся огоньками всех цветов радуги.

Все верно, мы первыми нарушили перемирие, установленное Мореей. И за Виком пришла тень материнского проклятия, сделанного на смерть.

Запела волшебная дудочка, заматалась между тесно сдвинутых домов пронзительная мелодия – и потянувшийся ко мне железный оборотень застыл, скованный невидимой удавкой.

Тень соскользнула на мостовую, заматалась вокруг Викторiana, как волк у овчарни. Ведь вот она, добыча, совсем рядом, надо только найти лазейку...

– Вик!! Дай мне руку!

Он посмотрел на меня, бегущую к нему во весь дух, поверх инструмента, но послушался.

Отнял дудочку от губ и протянул мне ладонь, вокруг которой густым облаком клубилась непроглядная тьма...

Глухой рев за спиной, оскорбленный, озлобленный.

Я успеваю только дотронуться кончиками пальцев до мерцающей сквозь черноту метки на запястье змеелова, перехватывая «зерно» проклятия, стаскивая его, уже проросшее, с руки Вика, как меня сбивает с ног что-то тяжелое, холодное. Плечо и ключицу пронизывает острая боль – харлекин вгрызается в него, как собака в кость. Слишком торопится, слишком голоден – и потому промахивается мимо уязвимой шеи, хватаясь за то, что оказалось ближе. Он даже не пытался вырвать кусок плоти – просто держал, как заржавленный железный капкан, боясь разжать челюсти, чтобы не упустить добычу.

Где-то кто-то кричит, голоса сливаются в неясный гул.

«Зерно» проклятия, зажатое в моем покрытом золотой чешуей кулаке, выскальзывает из ослабевшей, раскрывшейся ладони и приземляется на ворох длинных волос-струн, разметавшихся по мостовой рядом со мной.

Мгновенно прорастает, впитываясь в них, как вода, попавшая на иссушенную, превратившуюся в песок почву.

Харлекин замирает, тяжелые челюсти разжимаются, и в уши мне ударяет тонкий, обиженный и почти человеческий вой.

Кто-то хватает меня за руки, выволакивая из-под оборотня. Мельком успеваю заметить белое, как бумага, лицо дудочника, торопливо оттаскивающего меня в сторону, и лишь потом мой взгляд падает на харлекина, к которому перешло наложенное на Вика материнское проклятие.

Его уже почти не видно за густым черным облаком, которое втягивалось в узкую

полоску тени, отбрасываемой колодезным журавлем. Втягивалось вместе с харлекином с мерзким, противным скрежетом, будто бы металл доспехов железного оборотня сплющивало, сминало с огромной силой, чтобы протолкнуть огромное существо в узкую дыру шириной с мою ладонь...

– Вот тебе и материнское проклятие, – потрясенно пробормотала я в наступившей тишине после того, как облако исчезло в полоске тени, унеся с собой бывшую «наставницу» Искры. Викторян, все еще державший меня обеими руками за запястья, только судорожно выдохнул, так и не произнеся ни слова. Пальцы он сумел разжать только после того, как в переулке загрохотали тяжелые, подкованные железом сапоги и зазвучали голоса огнецкой стражи, появившейся, как всегда, уже после того, как драка закончилась.

Я кое-как встала и подошла к Искре – тот лежал на спине в свете фонаря, и было видно, как стремительно затягивается дыра в горле. Еще немного, и он сможет сменить форму на человеческую, не рискуя истечь кровью.

– Все будет хорошо, – тихо шепнула я, осторожно кладя ладонь на поцарапанную щеку харлекина. Тот скосил взгляд на мое окровавленное плечо, уже покрывшееся золотой чешуей, и тяжело отвернулся.

– А я что говорю – милые бранятся, только тешатся, – услышала я обрывок разговора. Повернула голову, с удивлением глядя на Викторяна, объяснявшегося с рослым огнецким стражником по поводу ночного погрома. – Вон все разнесли как, выясняя отношения.

– И что, выяснили? – едко поинтересовался стражник, оглядываясь по сторонам. Но поскольку мертвых тел, равно как и луж крови, на площади не было, приходилось верить на слово. Или хотя бы делать вид.

– Как видите. – Дудочник усмехнулся, кивнув в нашу сторону. – Странная у них любовь, нелюдская. Мне, как человеку, не понять.

Любовь?

Я посмотрела на Искру, который глубоко вздохнул и приподнялся на локте, по-прежнему глядя куда-то в сторону. Синеву спокойствия затопило темное, непроглядное чувство вины с фиолетовым оттенком злости не то на себя, не то на меня, не то на всех сразу.

– Придется возмещать ущерб. – Стражник возвысил голос, обращаясь уже к нам с Искрой. – Эй, вы двое! Завтра с утра к мировому судье. Либо платить будете, либо на общественные работы отправим! И в следующий раз отношения выясняйте за городской стеной, вам понятно?

Понятно. Куда уж там не понять?

Вик подошел ко мне и присел рядом на корточки, осторожно отклеивая от золотой чешуи пропитавшиеся кровью обрывки сорочки.

– Надо промыть и перевязать, слышишь? Ты ж в отличие от него не железная. Да и зараза от ржавых зубов та еще может быть.

Я растерянно кивнула, позволяя поднять себя с мостовой. Посмотрела на поддерживающие меня руки змеелова – ни следа от метки проклятого, осталось лишь небольшое пятнышко размером с серебряную монетку, блеклое, неяркое, – как будто шрам от зажившей раны. Сразу отчего-то вспомнились слова Мореи о том, что как только сойдет проклятие с человека, нужно обернуться через левое плечо, чтобы увидеть, куда будет лежать мой путь.

Надо – значит надо. Каждому приходится платить свою цену.

Я неохотно обернулась, глядя вначале на улочку за спиной, потом на дом с покатою крышей и, наконец, поверх него, невысокого, на небо.

Всмотрелась, пытаюсь понять, что же за гигантские извивы, закрывающие звезды на востоке, я вижу, а когда осознала, взвыла от отчаяния, пряча лицо в ладони и едва сдерживаясь, чтобы не выцарапать себе ставшие в одночасье ненавистные змеиные глаза...

Глава 3

В начале июля на степь вместе с жарой обычно надвигается засуха, и город Огнец, выросший когда-то на берегу обширного водоема с соленой водой, не избежал этой участи. Соленое озеро ощутимо обмелело и отступило от берега на целых два шага, обнажив дно, покрытое белесыми кристалликами, мелкой галькой и красноватыми водорослями, которые гнили и высыхали на жарком солнце, наполняя воздух запахом соли и йода.

Вечерело, и солнце, медленно спускающееся за гору, забирало с собой хотя бы часть удушливого зноя, позволяя горожанам вздохнуть посвободнее, и на улицах, которые в дневные часы словно вымирали, снова закипела жизнь. Торговцы на Приозерной площади наперебой нахваливали товар – живых раков, вяло копошившихся в сетчатых коробах из тонкой лозы, рыбу, которая уже всплывала к поверхности мутной тепловатой воды, накануне залитой в бочку, широко распахнув рот и судорожно приподнимая и опуская жаберные крышки. Запах над площадью стоял соответствующий, и рыбную вонь не разгонял даже горячий сухой ветер, дувший с озера.

Странное дело, но Викториану этот город все равно нравился. Жару он переносил куда как лучше, чем холод и сырость, и, пожив в Огнце всего пару недель, неожиданно избавился от необходимости использовать трость по назначению, таская ее с собой скорее по привычке и как дополнительное оружие, о котором мало кто догадывался. Больное колено, словно прогревшись, наконец, как следует, перестало напоминать о себе даже после длительной прогулки, и Вик обнаружил, что в кои-то веки бродит по запутанным улочкам просто так, из любопытства, отстраненно наблюдая за прохожими и не пытаясь выискивать в веселых, хмурых, подавленных или довольных лицах признаки врага. Кое-кто нехорошо косился на знак Ордена Змееловов, вышитый на уголке воротника его рубашки, но все заканчивалось на этом самом неприязненном взгляде и презрительно поджатых губах. Нападать никто не торопился, более того – когда Вик подошел к лотку с пирогами, придирчиво выбирая тот, что позажаристее, молодая торговка, даже не пытаясь скрыть мелкие иглоподобные зубы, расплылась в улыбке и совершенно искренне поблагодарила за покупку медовика, даже не обратив внимания на значок с пронзенной змеей.

Удивительный город. Интересно, какие усилия пришлось приложить, чтобы нечисть мирно уживалась с людьми? Ведь в Ордене Змееловов высмеивают даже идею подобного сосуществования, на все вопросы юных учеников отвечая, что единственный способ давным-давно известен – это договор. Впрочем, кто сказал, что нет его, этого огнецкого договора? Ведь недаром молодую шассу беспокоила, почти пугала предстоящая встреча со смешливой бабкой в полосатых вязаных гетрах и старомодном выцветшем от времени платье с кружевным воротником. Вот только кем надо быть, какой властью и силой обладать, чтобы удерживать лиходольскую нечисть, живущую бок о бок с людьми, от неминуемого кровопролития? Все равно что загнать волчью стаю в овечий загон, закрыть калитку и посмотреть, что дальше будет. И как ни старайся – рано или поздно либо волки загрызут овец, либо стадо с перепугу затопчет лесных хищников.

В Огнце же как в детской сказке. Овцы мирно щиплют траву. Волки лежат поодаль и даже не смотрят на легкую добычу. Если бы чуточку похуже дела обстояли, может, и можно было поверить. А так – слишком уж гладко, так не бывает.

Смеркалось. День в лиходольской степи почему-то очень быстро уступал свои права ночи: кажется, что солнце только-только коснулось горизонта нижним своим краем и прошло от силы минут десять, а ты уже едва можешь разглядеть в густой тьме собственные руки, поднесенные к лицу. Не раз и не два во время путешествия к Огнцу Вику чудилось, что солнце будто падает за горизонт, тонет, как в трясине, скрывается так быстро, словно его подгоняет неведомая сила, а темнота с востока накатывает столь стремительно, что поневоле начинаешь верить в «проклятую землю». Раз уж даже солнце не торопится задерживаться здесь по вечерам, видать, и в самом деле место нехорошее.

Вдоль городской стены уже зажигали первые фонари, когда взгляд дудочника зацепился за хрупкую фигурку, неподвижно стоящую у каменного зубца на самом верху. Ветер теребил подол яркой ромалийской юбки, и даже снизу, с улицы, был слышен тонкий

перезвон колокольцев, нашитых на широкую оборку. Шассе, похоже, тоже нравились вечерние прогулки в гордом одиночестве.

– Мия?

Девушка наверху вздрогнула и обернулась, неловко пытаясь отвести от лица непослушные, растрепанные порывистым ветром и остриженные по плечи волосы. Все-таки избавилась от своих дурацких косичек, на которые он уже не мог смотреть без содрогания – слишком уж хорошо ему врезалась в память эта прическа, которую носила Голос Загряды.

– Можно составить тебе компанию?

И зачем он об этом спросил? Нет бы кивнуть в ответ на приветствие и идти по своим делам, но шасса уже махнула ему рукой, указывая на неприметную в сгущающихся сумерках каменную лестницу, ведущую на стену. Пришлось нарочито медленно подниматься, не забывая при каждом шаге припадать на больное колено и усилием воли стараясь задушить невесть откуда взявшееся волнение.

Она ждала его, прислонившись спиной к широкому каменному зубцу. Золотые змеиные глаза постепенно тускнели, затягиваясь непрозрачной пленочкой, пока не превратились в слепые, ничего не выражающие бельма. Только тогда шасса глубоко вздохнула, передернула плечами, будто сбрасывая невидимый груз, и оттолкнулась от стены, поворачиваясь лицом к Викториану.

Что же она такое увидела там, в степи, если предпочла остаться с незрячими человеческими глазами?

– Странно тебя видеть одну, без твоего ручного чудовища. – Змеелов подошел ближе и оперся плечом о стену. Жутковато смотреть в неподвижное, напряженное лицо Голоса Загряды со столь близкого расстояния. Очень хочется выхватить клинок из трости и рассечь это пугающее лицо пополам. Но нельзя: теперь в этом «домике» совершенно иная хозяйка. – Он хоть оклемался?

– Почти. – Шасса отвечала устало и как-то не слишком охотно. – Искра только пару дней назад сумел вернуться в человеческий облик. До того раны не позволяли.

– Даже так? – Вик с изумлением присвистнул. Ему казалось, что для харлекина дырка в боку и полтора десятка небольших порезов – мелочь и что железный оборотень довольно быстро придет в себя после той драки, а поди же ты. Странно, ему от орденских палачей в свое время сильнее доставалось. – Я думал, что его колотая рана даже в постель не уложит.

– Я тоже так думала. – Мия покачала головой и уселась на пыльный деревянный ящик, стоящий у стены. – Но у него только снаружи была небольшая аккуратная дырка. А внутри... знаешь, там некоторые... детали словно нашинковали. Мелко-мелко так. Я руку туда сунула, чтобы помочь как-то... залечить, собрать, соединить, а у него там... просто каша. – Ее передернуло, тонкие пальцы переплелись, судорожно сжались. – Я не знала, что харлекины могут свои волосы сначала свить в жгут, а потом... наверное, когда она пробилла Искре броню, каждый такой «волосок» стал действовать отдельно и кромсать все, до чего дотягивался.

– Полагаю, твой друг об этом тоже не знал, – мягко произнес дудочник, присаживаясь рядом с шассой на ящик и осторожно накрывая ладонью ее стиснутые холодные пальцы. – Но он же выкарабкался.

– Выкарабкался, – согласилась девушка, будто бы не заметив жеста музыканта. – Если бы вышел на охоту, то давно бы выздоровел. Но он не захотел.

– Интересно почему?

И ведь в самом деле – интересно. Чараны, которых Змейка упорно зовет харлекинами, – прирожденные хищники. Они не упускают случая добить слабого или больного, поживиться «впрок», да и просто погонять «добычу» в свое удовольствие. Это стремление к охоте у них в крови, и инстинкт этот лишь усиливается, если железный оборотень голоден, а уж тем паче – серьезно ранен. А придумать ранение серьезней, чем «внутренности в кашу», довольно трудно. Любой лекарь, да даже его ученик, прекрасно знает, что гораздо проще вылечить аккуратный, ровный разрез от меча или ножа, чем рваные раны, нанесенные диким

зверем или нежитью. Потому что пока соберешь воедино все эти лоскутки-лохмоточки, в которые превратилась податливая человеческая плоть, пациента можно будет уносить на кладбище.

Так почему же этот харлекин, по приказу шассы вытаскивавший людей из леса щупалец в Загряде, отказал себе в самом доступном и легком способе исцеления? Ведь запрет на убийство действует только в городе, а выйдешь за стену – и кормись сколько хочешь. Насколько охотничьего умения и удачи хватит.

– Сказал, что в этом нет необходимости.

Вик ничего не ответил, только еле слышно усмехнулся.

Это что-то новенькое. Может, Огнец так действует на своих весьма необычных жителей, что волки и в самом деле могут спокойно лежать рядом с пасущимися овцами? Разумеется. А еще свиньи отращивают крылья и летают по небу, если им скормливать птичьи перья два раза на дню.

Молчание затягивалось. Шасса сидела, сгорбившись, подобно древней старухе, и смотрела перед собой пустыми глазами. Устала. Нечеловечески, невозможно устала – для того чтобы это понять, особых талантов не нужно.

– Мия, а я ведь тебя так и не поблагодарил. За снятие проклятия.

Она вздрогнула, повернула голову на звук.

– За это не благодарят. Не у ромалийцев. Просто постарайся не растрачивать попусту жизнь, которую было не так уж и просто сберечь. Этого будет вполне достаточно.

Снова молчание. Тяжелое, напряженное.

– Мия, а почему ты сейчас незрячая? – невпопад поинтересовался дудочник. – Тебе ведь нет нужды прятаться в этом городе.

Девушка неожиданно запрокинула голову назад и расхохоталась. Отчаянно, громко, обхватывая себя руками за плечи, и казалось, что этот нездоровый, истеричный смех вот-вот перейдет в рыдания.

– Ты даже не представляешь, что я теперь вижу! Что могут видеть эти глаза!

– Не представляю, – спокойно согласился Викториан, осторожно кладя ладонь на затылок девушки. – С удовольствием бы посмотрел, но не могу. Не дано.

– С удовольствием? Ты – с удовольствием?!

Смех прекратился так внезапно, будто бы его обрубили тяжелым лезвием меча. Шасса медленно повернулась к нему, сверкая золотыми глазами с черной трещиной вертикального зрачка на бледном, осунувшемся лице.

– Значит, ты хочешь посмотреть на мир моими глазами? – В голосе у нее прорывается недовольное, раздраженное шипение, кожа на правой щеке морщится, грубеет, порастая золотой чешуей с острой янтарной каемкой. Злится, мелкая зараза.

– Ага, всю жизнь мечтал, – иронично протянул дудочник, отодвигаясь подальше и как бы невзначай перекладывая трость поудобнее, так, чтобы в случае чего успеть выхватить клинок. Долги долгами, симпатия симпатией, а вот жизнью рисковать не хотелось. Слишком много на своем веку он повидал случаев, когда люди годами жили бок о бок с нечистью, заключали договора, а то и брачные союзы и свято верили, что милая девушка с ипостасью дикого зверя или жаркий любовник, навещающий долгими зимними вечерами, не причинят вреда. Забывали, что рядом находится не человек, а нелюдь, подверженная неожиданным приступам ярости и кровожадности. А когда вспоминали, то было уже слишком поздно. И через несколько дней на казнь вели ту самую милую девушку, перекинувшуюся в огромную рысь в пылу ссоры и загрызшую подозреваемого в неверности супруга. Или прибивали кольями к земле тело недавнего любовника молодой вдовушки, не рассчитавшего силу и случайно свернувшего шею своей возлюбленной. случаев много, и везде причины были разные, но итог всегда один: нелюдь рано или поздно нападала. И почти всегда убивала того, кто слишком ей доверился.

Вот и сейчас музыкант смотрел на златоглазую девицу с неровной дорожкой чешуи на щеке, больше напоминающей причудливое кружево, и ощущал в себе пустоту. Ничем не

нарушаемый белый шум, густой туман, заполняющий его изнутри и скрывающий все эмоции, все ощущения. Если бы она качнулась к нему, ощерила длинные змеиные зубы или потянулась когтями, он применил бы меч, даже не задумываясь. И не сожалел бы потом. Скорее всего.

– Боишься, – неожиданно усмехнулась Ясмия, поднимаясь с пыльного ящика и отряхивая пыльную ромалийскую юбку. – И потому готов убивать. Станные вы, люди... Я вижу вас насквозь, вижу каждый порыв того, что вы называете душой. Вижу, когда вы лжете, когда ненавидите или когда под сердцем у вас вспыхивает яркий огонь, который почти не гаснет, – и все равно я вас не понимаю. У многих из вас жизнь тусклая, пустая, в ореоле души все краски блеклые, выполосканные – и все равно вы отчаянно цепляетесь за жизнь, в которой ничего ценного уже не осталась. Откуда такой сильный инстинкт?

– Уродились такими, – саркастически усмехнулся змеелов, ласкаясь кончиками пальцев по полированному дереву трости. – Выживает не всегда сильнейший. Иногда это просто тот, кто лучше приспособлен.

– Даже так... – Шасса ухмыльнулась, дорожка из чешуи на ее щеке стала длиннее, спустившись на шею. – Ну, так что, дудочник? Хочешь взглянуть на мир моими глазами?

– После твоего преисполненного страсти монолога о человеческой сути как не согласиться. – Викториан поднялся, глядя на шассу сверху вниз. – И что мне для этого нужно сделать? Вскрыть вену или принести в жертву черную кошку?

– Дурак, – беззлобно и как-то печально вздохнула Ясмия. – Просто встань рядом с ящиком лицом к степи и закрой глаза.

– И подставить тебе спину? Без обид, маленькая змейка, но я не настолько тебе доверяю.

– Как хочешь. – В ее голосе не было ни тени обиды или раздражения. Только усталость. – Значит, урок будет жестче.

Даже так? Теперь дудочник с неожиданно проснувшимся интересом наблюдал за тем, как Ясмия забирается на ящик рядом с ним и как-то странно, отрывисто трясет руками, отчего золотые бубенчики на ее браслетах начали издавать плаксивый, не слишком мелодичный звон. Длинные тонкие пальцы шассы будто жили отдельной от хозяйки собственной жизнью, перебирая невидимые нити под еле слышное глухое бормотание. Что-то похожее Вик видел в далеком, тогда еще беззаботном детстве, когда вместе с матерью пришел на базар – на одном лотке молодой парень во все горло расхваливал дивной красоты кружево. Тонкое, воздушное, похожее на паутинку или морозный узор на стекле. Матушка тогда восхищенно перебирала эту белую паутину, прикладывая то к рукавам, то к груди, а Викториан неотрывно смотрел на сгорбленную старуху, сидевшую в уголке той лавки. Тонкие, узловатые пальцы бабки порхали над подушечкой, утыканной булавами, выкладывая простую тонкую нить в изумительной красоты узор под глухое бормотание. Казалось, что кружевница на самом деле не петельки отсчитывает, а непрерывно читает заклинание, благодаря которому нитки сами собой сплетаются в знаменитый «морозный» узор...

Неожиданно шасса подалась к нему, и узкие теплые женские ладошки накрыли его глаза, на мгновение погрузив во тьму, а потом пальцы раздвинулись, позволяя ему посмотреть вниз с городской стены через тонкую, почти прозрачную пленочку.

Сердце ухнуло глубоко вниз, замерло, а потом заколотилось с удвоенной силой.

Вечерние сумерки, густые тени, медленно спускающаяся ночная мгла – все исчезло. Тьмы не было вообще – только мягкое голубоватое сияние, поднимающееся от травы. Был виден каждый стебелек, каждый кустик – все светилось, вместе и по отдельности. Дорога, убегающая вдаль через степь от городских стен, – темная охряная полоса, рассекающая сверкающее разнотравье. Более яркие голубые светлячки, снующие меж зеленых стеблей, – какая-то мелкая живность, мыши или суслики. Даже редкие камни на обочине дороги и те были очерчены по контуру ярким густо-синим светом. Нет тьмы в этом мире, лишь разные оттенки цвета, искрящееся полотно под названием «жизнь», яркое, с четкими краями и

переливчатым многоцветием.

Кажется, Вик позабыл, что нужно дышать, и из ступора его вывел голос шассы, мягко шелестящий над ухом.

– Это не все. Теперь посмотри наверх.

Он послушался, поднимая голову, и невольно охнул. Вечернее небо, которое он привык видеть темно-синим, почти черным с редким вкраплением звезд, вдруг окрасилось в невероятные цвета. Алые, зеленые, фиолетовые облака, накрывающие отдельные скопища разноцветных огоньков, которых оказалось раз в пять больше, чем обычно, молочно-белая полоса, пересекающая небосвод от края до края, как расшитое бриллиантами подвенечное покрывало, обретенное невестой. Частые сполохи, то и дело расчерчивающие небо яркими длинными извилистыми вспышками. Как будто совсем другой мир, совсем другое небо, такое привычное – и одновременно такое чуждое...

– Ночь приходит, – как-то тоскливо пробормотала Ясмия. Теплые ладони, лежащие на лице музыканта, похолодели, пальцы еле ощутимо задрожали. – Ненавижу.

Дудочник не успел спросить почему – он увидел *это* сам.

Черную пелену, поднимающуюся над горизонтом на востоке. Гигантскую волну глухой непроглядной темноты, пожирающей сверкающие краски звездного неба, накатывающую неотвратно и жутко. Наверное, так выглядит то, чего боятся южные рыбаки, заплывающие далеко в море, – огромная волна, закрывающая небо от края до края. Волна высотой с небольшую гору, волна, от которой не скрыться, не уплыть даже на самом быстроходном корабле, и уж тем более можно даже не пытаться выдержать ее удар. Можно лишь наблюдать, как она катится к тебе по водяной глади, роняя с высокого гребня соленые брызги и ключья белой пены, молиться своим богам и прощаться с теми, кого больше никогда не увидишь.

Неужели змеедева видит это каждый вечер? Видит и понимает, почему ночи в Лиходолье столь стремительны и пугающи, почему вместе с сумерками в душу каждого закрадывается беспокойство, страх, а то и откровенный ужас?

– Дальше тебе смотреть не надо. – Прохладные руки подались назад, но Вик торопливо прижал их обратно к лицу. Прошло то время, когда он был согласен на полуправду, на недомолвки и недоговоренности. Время, когда он отводил взгляд, отворачивался, чтобы не знать, не видеть и не понимать, что окружающий мир на самом деле не такой, каким кажется.

Ясмия вздрогнула, попыталась убрать ладони, сжать пальцы, но Вик все-таки увидел. На мгновение, краем глаза, но этого было достаточно, чтобы он шарахнулся от стены, отталкивая шассу и неловко падая, запнувшись о собственную трость. Правый локоть пронзило острой болью от удара о камень, но Вик этого будто и не заметил. Он ошарашенно переводил взгляд с черного ночного неба на мрачное, застывшее лицо шассы, на котором ярким золотым огнем горели змеиные глаза с узким вертикальным зрачком.

– Что это было? – еле слышно выдавил он.

– Мое призвание. – Она горько усмехнулась, указывая тонким чешуйчатым пальцем на сияющие глаза. – За новое зрение пришлось заплатить обещанием.

– Обещанием?

– Да. Сделать так, чтобы это больше не существовало. Никогда.

– Как?! – Вик поднялся, растерянно потирая ушибленный локоть и неохотно поглядывая на небо. Обычное, южное, с низко висящими над головой звездами. Вот только теперь, когда знаешь, что может прятаться в этой безмятежности, становится как-то жутко.

– Пока не знаю. Но долго отсиживаться в Огнеце я все равно не смогу. Не позволят.

Ясмия глубоко вздохнула, и змеиные глаза начали тускнеть, затягиваясь белесыми бельмами. Ее правда – если бы он постоянно видел то, что видит она, тоже предпочел бы слепоту.

Дудочник шагнул вперед, рывком сдернул девушку с ящика и крепко обнял, прижимаясь щекой к коротко остриженным, торчащим во все стороны волосам, пахнущим печным дымом и едва ощутимо – корицей.

Шассы все-таки покрепче людей будут. Если бы он каждый вечер видел на горизонте ворох призрачных щупалец с миножыми ртами вместо присосок, жадно шарящих вокруг, подгребающих к себе мерцающие огоньки чужой жизни и способных дотянуться до неба, его бы не просто трясло. Он бы спрятался в самый глубокий подвал, который только нашел, и никогда больше не поднимал бы взгляд к небу.

А она просто дрожит в его руках как осиновый лист, цепляется тонкими, крепкими пальцами за его одежду, но все равно собирается туда идти. Сумасшедшая.

И он, судя по всему, такой же.

– Я пойду с тобой, когда придет время.

Она дернулась, будто от удара, вскинула лицо, едва не стукнув его макушкой по подбородку. В слепых глазах блеснули непролитые слезы. Не верит и правильно делает. Он сам не верит в то, что говорит. И в то, что собирается сделать.

Вот только если шасса пойдет на охоту за близнецом Госпожи Загряды, угнездившимся где-то в Лиходолье, в компании одного только харлекина, он окончательно и бесповоротно перестанет себя уважать.

Потому что как может уважать себя человек, если за его род, кроме нелюдей, постоять больше никому?

Утро выдалось знойным, сухим и очень душным. Ветер, еще на рассвете занесший в опрометчиво распахнутое окно мелкую желтоватую пыль, будто бы умер, и жаркое южное солнце поднималось над замершим городом, раскаляя и без того горячий воздух над черепичными крышами и каменными мостовыми.

Ночью я спала плохо – снилась какая-то тяжелая, бесцветная муть, заполняющая пустоту вокруг. От духоты голова гудела, как потревоженное осиное гнездо, я не могла спать в комнате, выходящей окнами на восточную, солнечную, сторону, потому и перебралась в коридор вместе с подушкой и колючим соломенным тюфяком, где было пыльно и не менее душно, зато хоть немного прохладнее. Отдельную зависть вызывал харлекин – оправившись после ранения и сменив жутковатую личину звенящего сегментами доспехов железного чудища с зияющей в боку дырой на более привычный и приятный взгляду человеческий облик, он даже в удушающую жару выглядел весьма бодрым и свежим. На память о последней встрече с «наставницей» у Искры остался только неровный округлый шрам, который едва-едва можно было накрыть ладонью – накануне я по сложившейся привычке осматривала этот след, уже покрывшийся новой ярко-розовой кожей, с облегчением понимая, что и в этот раз обошлось. Харлекин, будто бы желая меня успокоить, пару раз перекинулся из одного облика в другой, демонстрируя новую накладку на боку, крепкую, еще лучше и толще прежней, изрисованную какими-то завитушками и зигзагами, но тревога моя не улеглась, стала только сильнее.

Искрова броня изменилась. Я не обратила на это внимания, когда сидела рядом с лежащим на полу железным оборотнем, часами наблюдая за тем, как с еле слышным металлическим скрежетом восстанавливаются поврежденные детали внутреннего механизма, как закрывается уродливая дыра между ребрами, как тонкие металлические волоски-нити переплетаются меж собой с тихим звоном и уплотняются, формируя часть крепкого защитного панциря. Меня беспокоила только непривычно медленно заживающая рана, но вот разглядеть, как изменился харлекин внешне, я сумела только накануне.

Его доспехи больше не были тускло-серыми – они потемнели, став глубокого черного цвета, на дневном свете отливающего в едва заметное золото. Щели между сочленениями почти пропали – теперь шестигранным копьём туда было попросту не пролезть, части доспеха оказались подогнанными друг к другу так же плотно, как чешуйки на шассьем хвосте. Не защищенные ранее места на сгибах локтей и коленей оказались закрытыми плотной гибкой сеткой, да и сам доспех более не напоминал громоздкую защитную одежду из железа наподобие той, что носили человеческие воины. Теперь это был изящный, гармоничный панцирь из множества небольших, плотно подогнанных друг к другу

сегментов. Он более не стеснял плавные движения харлекина, не делал громоздкую фигуру неповоротливой и неуклюжей, а еле слышным металлическим звоном отзывался лишь на соприкосновение с волосами-струнами, по-прежнему свободно рассыпавшимися по широким плечам.

Харлекин стал явно совершеннее, лучше, сделавшись похожим на воина-шассу, только на двух ногах вместо хвоста, но меня беспокоила своевременность этого улучшения. Как будто Искра знал, что в скором времени нам придется совершить нечто практически невозможное – и тщательно готовился к этому...

– Змейка? – Я вздрогнула от глубокого, низкого голоса Искры, раздавшегося совсем рядом. Неохотно перевернулась на спину и скосила взгляд на харлекина, сидящего на корточках рядом с тюфяком, на котором я угнездилась прямо в коридорном проходе. – Ты что тут делаешь, не могла найти себе места получше?

– В спальне было слишком жарко, – пробурчала я, приподнимаясь и пытаюсь как-то умять колючую соломинку, нещадно раздражающую поясницу даже сквозь простыню и льняную сорочку.

– И только? – Рыжий недоверчиво приподнял бровь, спутанные волосы, отросшие за время шатания по степи ниже плеч, соскользнули вперед, практически занавесив серьезное, чуточку сонное лицо.

– Почти, – попыталась отвертеться я. На самом деле жарко мне было еще и потому, что Искра, едва сумев сменить облик на человеческий, спал, держась за меня по ночам так, как будто меня кто-то мог похитить прямо из кровати, стоит ему убрать руки. А тепла от большого тела харлекина, еще находящегося на пути к выздоровлению, шло столько, что можно было запросто согреться даже в сугробе, но вот и без того душной летней ночью этого было слишком много. – Как ты себя чувствуешь?

– Голодным, – подумав, признался харлекин, усаживаясь на краешек тюфяка рядом со мной и легонько проводя кончиками пальцев по моей лодыжке снизу вверх. – И тебя не хватает.

– Охота в городе запрещена. – Я чуть подвинулась, чтобы Искре было удобнее сидеть, но тот даже не шевельнулся, продолжая задумчиво оглаживать крепкими шершавыми пальцами мое колено, как бы невзначай задирая подол сорочки все выше и выше. Сам харлекин, с тех пор как мы с ним стали близки, не снимал на ночь одежду только в походе и все посмеивался над моей закрепившейся еще в ромалийском таборе привычкой ложиться спать одетой. Дескать, толку в этой сорочке, если каждое утро она все равно оказывается на полу? Я не спорила, но с привычкой расставаться не желала. Как и с золотыми браслетами Ровины, которые давно перестала снимать перед сном – будто бы тихий, еле слышный звон бубенчиков отгонял не только кошмары, но и подбирающееся несчастье.

– Мне хватит плотного завтрака в ближайшей кормильне, – улыбнулся Искра. Широкая ладонь уже скользила вверх по моему бедру, оставляя полосу горячего тепла на коже. Я вздохнула и отодвинулась.

– Тут слишком жарко для этого.

Неровно остриженные по плечи волосы занавесили мне глаза, когда я села, ожесточенно растирая лицо сухими ладонями. Просыпаться не хотелось, но и лежать без сна с гудящей от духоты головой было сущим мучением. Рыжий подвинулся ближе, как-то странно передернул плечами, глубоко вздохнул и положил мне на лоб ставшую прохладной ладонь. Я вздрогнула от неожиданности и посмотрела на Искру – в полумраке коридора его лицо казалось бледным овалом, посередине которого двумя ярко-синими огоньками блестели глаза. Харлекин подобрался ближе и притянул меня к себе, крепко обнимая и прижимаясь щекой к моим волосам.

– Ты... холодный! – изумленно прошептала я, обхватывая его за пояс и чувствуя, как от неожиданной прохлады перестает ломить затылок, а по телу прокатывается облегчение.

– Холодный, – согласился Искра низким, рокочущим голосом, поднимающимся откуда-то из груди. – Ты почти перегрелась, и тебя нужно охладить.

– Ты так раньше не делал.
– Не было необходимости. А сейчас она появилась.
– Ты мог так делать раньше? – поинтересовалась я, вздрагивая, когда приятно-холодные пальцы скользнули под сорочку и провели по напряженной, взмокшей спине снизу вверх.

– Я не пытался, поэтому не могу сказать точно.

Тишина. Слышно, как на соседней половине дома просыпается стая гремлинов и начинает бренчать посудой и перекрикиваться тонкими, визгливыми голосами. По улице с грохотом прокатилась первая за утро телега, хлопнула дверь булочной, находившейся напротив.

Ставшая ненужной сорочка с тихим шорохом соскользнула на пол.

– Теперь тебе не слишком жарко?

Я посмотрела Искре с глаза с очень близкого расстояния и покачала головой.

Он улыбнулся довольной, открытой, чисто мужской улыбкой, которую лишь слегка портили ставшие чрезвычайно острыми зубы. Но мы к этому времени уже привыкли к осторожным поцелуям.

В пиковый момент где-то очень далеко, на грани восприятия зазвенела флейта – и этот звук выдернул меня из расслабленного удовольствия, заставил сжаться и вцепиться до крови в спину Искры удлинившимися ногтями.

Вот и все.

Время нашей передышки, время нашего спокойствия подходит к концу.

Потому что флейта была чужая, не та, что принадлежала Вику, – да и не стал бы единственный в Огнеце дудочник играть на своем инструменте в этом городе. Звук доносился откуда-то издалека, из-за внешних городских стен, но он неуклонно приближался.

– Змейка, ты что? – Искра дышал тяжело, бурно, с присвистом, удерживая свой вес на локтях. – Я слишком разогнался под конец?

– Нет. – Я провела кончиками пальцев по его лицу, убирая рыжие волосы, прилипшие ко лбу. – Просто сюда идут чужие. Змееловы.

Он замер, всматриваясь в мое лицо пронзительно-синими глазами, а потом нехорошо, хищно улыбнулся, демонстрируя железные харлекиньи зубы. Перекатился вместе со мной на бок, а потом и на спину, так что я оказалась сверху.

– Пусть приходят. А пока – не отвлекайся от меня на такие мелочи.

Флейта смолкла, растаяв в звуках просыпающегося города.

Я улыбнулась и выпрямилась, глядя на Искру сверху вниз.

Он совершенно прав – пусть приходят...

Глава 4

Катрина недовольно покосилась на юнца, с гордым видом стоявшего посреди дороги в полумиле от стен Огнеца и старательно выводившего мелодию «поиска». Даже глаза прикрыл, демонстративно показывая сосредоточение на процессе. Тьфу, зелень нестреляная, даже непонятно, каким чудом такой оболтус, ищущий славы, выжил в Лиходолье целых полгода. Не иначе благодаря провидению и огромной удаче, которую судьба отсыпала пареньку в двойном, а то и в тройном размере, ощутимо сэкономив на разуме и здравом смысле.

Мелодия подпрыгнула на полтакта выше, чем требовалось, и девушка едва удержалась от презрительного фырканья, лишь поджала губы и отвернулась, глядя на второго своего спутника. Ризар Однорукий стал легендой Ордена Змееловов еще лет пять или шесть назад, после того как потерял руку в бою, но сумел после выздоровления отстоять свое право вернуться в ряды орденских служителей. Этот высокий, худощавый человек с огромным длинноствольным револьвером на правом бедре был когда-то лучшим мечником Ордена, а сейчас слыл самым отчаянным ганслингером. Уже давно никто из опытных «первых

голосов» не желал работать с ним в связке, не понаслышке зная о его одержимости в бою: дело в том, что стоило Ризару напасть на след нелюди, как он превращался в полубезумного, хитрого и расчетливого охотника, единственной целью которого становилось убийство намеченной жертвы. О напарниках в такие минуты ганслингер забывал начисто, и сколь либо реального прикрытия от него ждать не приходилось. Впрочем, Ризару было откровенно наплевать на то, есть у него за спиной работающий дудочник или нет. Он всегда шел к цели, не замечая препятствий, и наверняка останется в строю до тех пор, пока способен был отличать своих от чужих. И Катрина не стала бы делать ставку на то, что этот ганслингер лишится головы раньше, чем разума.

Словно почувствовав на себе пристальный взгляд девушки, Ризар покосился в ее сторону, чуть заметно качнув головой. Катрина торопливо отвернулась, сделав вид, что ее безмерно интересует поросшая желтой высохшей на солнце колючей травой пыльная обочина. Взгляд у ганслингера был тяжелым и совершенно равнодушным – так могла бы смотреть шасса на свою жертву. Без малейшего интереса, готовая в любой момент нанести смертельный удар в ответ на неверное движение, а то и просто на не вовремя изданный звук. Правду говорят – чем дольше охотишься на нелюдь, тем больше становишься на нее похожим. С другой стороны, а какой еще безумец потащится следом за ней в сердце Лиходолья, в город Огнец, где нелюди по слухам живет чуть ли не больше, чем людей, едва заслышав о золотой шассе? Только Ризар Однорукий, чья глубокая и неискоренимая ненависть к этим созданиям известна каждому, кто служит в Орденом Змееловов.

Мелодия «поиска» стихла, молодой дудочник, чье имя Катрина постоянно забывала, распахнул серые, неприятно прозрачные глаза и посмотрел на своих спутников с изумлением, смешанным с каким-то щенячьим нетерпением.

– Ох, сколько же там нелюди! Прямо зови армию и выжигай это место целиком! Город аж светится весь от зла, как болотная гниль в темноте.

Катрина с трудом подавила в себе желание отвесить пареньку подзатыльник – вместо этого она покачала головой и лишь глубоко вздохнула. Другого дудочника, обладавшего необходимыми знаниями и готового отправиться в «увлекательный поход» в Черноречье, за столь короткий срок было попросту не найти, а без музыканта, который смог бы хоть ненадолго отвлечь железного оборотня, каждый раз грудью встающего на защиту одной конкретной неуловимой шассы цвета расплавленного золота, тяжело пришлось бы даже Ризару. Слишком уж непонятной оказалась беглая змеелюдка, слишком много знала о людях и даже в чем-то понимала их, потому и ускользала каждый раз из расставленных Орденом сетей. А еще, как оказалась, кто-то обучил змеедевку ромалийскому колдовству, что само по себе кощунство. Это же такой плевок в лицо всему человечеству, всему Ордену! Жаль, что старуха-гадалка, с которой шасса таскалась по Славении, померла еще зимой в Загряде, – таких надо казнить публично и очень, очень показательно, чтобы другим неповадно было обучать нелюдь колдовству, способному противостоять музыке орденских дудочников.

– Не надо никакой армии, – выдохнула Катрина, сжимая лошадиные бока коленями и пуская усталую кобылу шагом к медленно открывающимся городским воротам Огнеца, у которых уже вытянулась очередь из телег, торговых подвод и конных всадников. – Орден по отношению к этому городу соблюдает нейтралитет. Это оказалось проще и дешевле, чем пытаться установить в нем свои порядки.

– Тогда зачем мы туда направляемся, если охотиться там нельзя? – с легким недоумением произнес парень, пряча дудочку в кошель на поясе и взбираясь в седло смирно стоящей низенькой лошадки.

– Потому что там живет шасса, которую научили ромалийским пляскам, – нехорошо улыбнулась Катрина, ласково поглаживая новой, созданной лекарем Кошем правой рукой кобуру револьвера.

Она прошла через пытку, чтобы обрести эту металлическую руку вместо той, которую раздавила шасса, превратив ее правое запястье в мешанину крохотных костяных осколков и кровоточащей плоти. Ампутировать конечность пришлось почти до локтя, а как только

Катрина отошла от дурмана и осознала, что вместо правой руки у нее теперь лишь туго забинтованная культия, появился Кош и предложил ей протез. Вот только ставить его нужно было немедленно, не дожидаясь, пока рана затянется. Девушка согласилась сразу же, но забыла, что лекарь Кош никогда не предупреждает пациента о том, что ждет его в белой комнате, выложенной мрамором.

Ее ждала боль. Очень много боли.

Свой чудо-протез Кош ставил ей «на живую». Дурмана выдавал ровно столько, чтобы Катрина не умерла от боли прямо на холодном железном столе. Чувства были притуплены, но не настолько, чтобы перестать ощущать ввинчивающиеся в кости железные штыри, тысячи иголок-проволочек, проникающих в открытую рану... Сколько раз она теряла сознание – не счесть, время тоже перестало существовать – в памяти сохранились лишь проблески разума между беспомощностью и одуряющей болью. Помнился ледяной железный стол, от которого мерзла обнаженная спина. Помнился льющийся откуда-то с потолка ослепительный белый свет, который при каждом пробуждении на миг заставлял Катрину думать о том, что она уже умерла. И постепенно притупляющаяся боль в правой руке...

Девушка посмотрела на свою правую руку, скрытую плотной кожаной перчаткой до локтя, осторожно перебрала удлиненными, гибкими пальцами. Если не знать, что скрывается под потертой, хорошо выделанной кожей, можно и не заметить разницы. Но главное – что Катрина снова в строю, снова может держать револьвер, а самое главное – ушло чувство увечности из-за плохо гнувшихся, искалеченных пальцев. Это стоило всего того ада, через который ее по шассей милости провел лазарет лекаря Коша.

И золотая шасса непременно заплатит за все неудачи, случившиеся по ее вине. Очень долго и очень мучительно платить будет.

Катрина еле слышно рассмеялась и стукнула лошадь пятками по бокам, направляя ее к хвосту очереди, неторопливо продвигавшейся в Огнец...

Викториана разбудило смутное беспокойство. Он долго ворочался на жаркой, нагретой теплом его тела простыне, то комкая тощую подушку под щекой, а то и вовсе отпихивая ее в сторону, но ровный, глубокий сон как испарился ранним утром, так больше и не вернулся. С огромной неохотой дудочник сел, с хрустом потянулся, пару раз наклонил голову из стороны в сторону, разминая затекшую за ночь шею, и глубоко вздохнул. С каждым днем солнце палило все немилосердней, после полудня превращая стройные каменные улочки в раскаленные добела сковородки, на которых с легкостью можно было пожарить яичницу. Вик уже подозревал, что Огнецом город прозвали не за вечернее освещение, столь непривычно яркое в лиходольской ночи, а за дышащие жаром улицы, когда тепло нагретых на солнце камней ощущалось даже сквозь кожаные подметки дорожных сапог.

За окном послышался звонкий голос булочницы, всю нахваливавшей свежую выпечку, красиво уложенную ровными рядками по простому деревянному подносу с ремешком через шею. Дудочник успел нашарить в кармане брошенного на спинку кровати камзола две медные монетки и высунуться из окна, чтобы подзвать булочницу, еще не отошедшую далеко. Принял из ее красных, натруженных рук с короткими ногтями два чуть липких узорчатых пирожка, в самом деле горячих, едва остывших до той степени, чтобы можно было спокойно есть, не опасаясь обжечь язык или нёбо. Приветливо улыбнулся, сделав вид, что не заметил выглянувшее из-под длинного подола крупное исцарапанное копыто, и торопливо скрылся в комнате, прикрыв за собой ставни. Сел на короткую лавку у стены, откусывая сочащийся брусничным вареньем кусок, задумчиво прожевал, глядя на развороченную дорожную сумку, стоящую на столе. Из сумки торчал краешек деревянной рукояти «продуктового» ножа и мятый рукав второпях сложенной рубашки.

И чего он вчера ни с того ни с сего начал собираться так, как будто вот-вот придется хватать, что успеешь, и нестись неведомо куда сломя голову? Но ведь пока не начал сборы – скреблось что-то под ложечкой, нехорошо так скреблось, будто над головой уже навис тяжеленный камень, который вот-вот – и непременно рухнет вниз, похоронив под собой

всех, кто не успеет вовремя обратиться подальше. Интуиция, чутье, опыт – как ни назови это нехорошее предчувствие, но если оно все же возникает, лучше к нему прислушаться. Уже не раз и не два Викторян ходил по краешку пропасти со своей дудкой, и каждый раз от последнего, рокового шага в пустоту его сберегало именно это наработанное за многие годы чутье, которое сейчас твердило ему «беги».

Музыкант торопливо проглотил остатки пирожка, отхлебнул воды из стоящего на краю лавки кувшина, по-простецки вытер рот рукавом и без того не слишком чистой рубашки и принялся одеваться. Тщательно, будто собираясь на орденский парад «первых голосов», а не в гости к змедеде. Чистая, почти новая рубашка с вышитой на уголке воротника эмблемой, чуть вытертые на коленях штаны с кожаными накладками, походные сапоги. Бронзовый знак Ордена, который вернула ему Мия, вначале холодил грудь, а потом нагрелся и перестал ощущаться. Тяжелый пояс пришлось застегивать аж на две дырочки дальше, чем обычно, – отошал дудочник все-таки, пока шлялся по степи, да и проклятие едва последние силы не отобрало вместе с жизнью. И ведь это он еще немного оклемался и отъелся за те две недели неожиданного отдыха, что ему тут выпали.

Кошель с орденским инструментом занял свое привычное место на правом боку, на левом оказался короткий нож с широким острым лезвием. Волосы, отросшие ниже плеч и выгоревшие на жарком степном солнце, Вик зачесал в аккуратный гладкий хвост на затылке, перехватив его тонким кожаным шнурком. Перебросил через плечо короткий летний плащ, камзол кое-как сложил и убрал в значительно раздавшуюся походную сумку. Подобрал прислоненную к стене трость и окинул взглядом чистенькую гостиничную комнатку, едва заметно улыбнулся. Надо было, конечно, присесть на дорожку, но вот чувствует сердце – нет на это лишнего времени.

Викторян вышел за дверь, аккуратно прикрыв ее за собой, прошел по пустующему по случаю еще слишком раннего часа коридору через обеденный зал, в котором было уже душно и жарко, и выбрался на улицу. Ненадолго замер на пороге, вглядываясь в прозрачное синее небо, которое к полудню еще успеет раскалиться добела, и торопливо пошел по выглаженным миллионами шагов булыжникам в сторону района Третьего Кольца, где жила Змейка со своим железным ухажером. Интересно, успел ли он окончательно исцелить свои раны или возможности этого харлекина не так велики, как кажется?

Поворот, пересечь заполненную народом торговую площадь, свернуть в крохотный узкий переулочек, на удивление чистый и почти не загаженный, если не считать нескольких потемневших яблочных огрызков, по которым лениво ползали мушки.

Чувство балансирования над пропастью стало острее, и Вик невольно ускорил шаг, выходя на очередную улицу, широкую и многолюдную, вливаясь в поток прохожих и цепко вглядываясь в чужие, незнакомые лица. Сонные и бодрые, человеческие и не очень – все они выглядели странно обеспокоенными. Улица гудела, будто бы потревоженный улей, и дудочник понял природу этого беспокойства, только когда взгляд его зацепился за высокую, худошающую мужскую фигуру, идущую ему навстречу. Лицо прохожего, несмотря на надвигающуюся жару, наполовину было скрыто широкими полями потрепанной фетровой шляпы, узкие губы плотно, неприязненно сжаты, но дудочнику и этого было достаточно.

Каждый, кто хотя бы неделю проработал с Ризаром Одноруким в «связке», узнает его с первого взгляда. По походке, по презрительно-равнодушно поджатым губам, по шраму на подбородке. И гадать, кого выслеживает в Огнеце люто ненавидящий золотых шасс ганслингер, не приходилось.

Вот как знал, право слово!

Дудочник остановился, и сразу же кто-то врезался ему в спину, пробормотал что-то нелицеприятное и оттер плечом в сторону, обгоняя. Ровное течение людского потока нарушилось, Вик превратился в камень, который не слишком плотная толпа обтекала с двух сторон, то и дело толкая локтями и успевая одарить одним-двумя крепкими словечками. Надо бы Змейку предупредить – с Ризаром не договоришься, не объяснишь, что далеко не все шассы – кровожадные чудовища. Он из тех, кто сначала будет стрелять из своей адской

пушки, способной пробить насквозь каменную кладку, а только затем задавать вопросы. Наверное. Но скорее всего, просто заберет очередной трофей.

Слева, совсем близко, раздался до ужаса знакомый звук – щелчок взводимого курка на револьвере ганслингера Вик уже никогда ни с чем не перепутает, – и дудочник, не раздумывая, метнулся в сторону, споткнулся о чью-то ногу и тяжело упал на мостовую, едва успев убрать руки, чтобы ненароком их не повредить. Плечо пронзило болью, но это неловкое падение, как оказалось, спасло ему жизнь – грянул выстрел, и над змееловом, роняя горячие хвостатые искры, с ревом пронеслось огненное облако, окутывающее «зажигательную» пулю.

Раздался громкий хлопок, запахло горелым, и рядом с музыкантом на камни шлепнулось безжизненное тело – вместо головы был обугленный остов шеи, заканчивающийся раздробленным позвонком.

Мгновение тишины было разорвано истошным женским воплем, который сразу же подхватили десятки голосов. Улица стремительно пустела, люди разбегались в разные стороны, скрывались в узких подворотнях и домах. Хлопали, закрываясь, ставни, гул людских голосов стремительно утихал в отдалении, а по булыжникам, подобно отрубленной голове, катился, подпрыгивая на неровностях, выроненный кем-то кочан капусты...

Посреди опустевшей улицы, широко улыбаясь и держа револьвер дымящимся дулом к небу, стояла Катрина. Слегка потрепанная, с длинной косой, кончик которой сбился в паклю, с полоской грязи на щеке и совершенно безумным взглядом ярко блестящих глаз. Поймав на себе взгляд дудочника, она улыбнулась еще шире и подмигнула, картинно сдувая сизый дымок.

– Давно не виделись, Вик! Смотрю, дела у тебя идут неплохо – вон живой, здоровый. Даже загорелый.

– А ты, похоже, обзавелась новыми друзьями, – в тон ответил музыкант, медленно поднимаясь с мостовой и нарочито тяжело опираясь на трость. – Да еще какими знаменитыми.

– О, это у нас взаимовыгодное сотрудничество, – усмехнулась Катрина, но прозрачные голубые глаза оставались холодными как лед. И такими же безжизненными. – Ему тоже хочется заполучить шкуру золотой шассы, и мы уже сошлись с ним во мнении, что сдирать эту шкуру нужно непременно живьем.

Катрина чуть отвела револьвер в сторону, и Вик только сейчас заметил, что то, что он поначалу принял за латную перчатку, на самом деле протез. Отлично сделанный протез, в запястье которого мерцал оправленный в бронзу рыжеватый прозрачный камень.

– Так, значит, ты все-таки потеряла правую руку...

– Да. И мы оба знаем, что спасибо за это следует сказать твоей златоглазой подружке.

Револьвер развернулся, и теперь черный зев дула смотрел точнехонько Вику между глаз, и дудочник с какой-то спокойной отрешенностью понял, что сейчас Катрина нажмет на курок. Просто потому, что она хотела убивать – и ей, в общем-то, было все равно, кого именно. Незнакомого человека, просто шедшего по своим делам и случайно оказавшегося на линии огня, бывшего наставника, в которого была когда-то не слишком тайно влюблена, или же золотую шассу, которую ненавидела так страстно и глубоко, как, наверное, никого и никогда в жизни не любила.

– Мне тебя жаль, детка.

В кои-то веки он сказал ей это вслух.

Ее ресницы даже не дрогнули, когда она выстрелила.

Вик успел ощутить на лице нестерпимый жар от приближающейся «зажигательной» пули, а потом перед ним словно из-под земли выросла коротко стриженная девушка в цветастых ромалийских тряпках. Посох в ее руках гудел, как разозленный шмель, и вращался так быстро, что Вик сумел увидеть его, лишь когда огненный шар на мгновение «прилип» к оголовью, нарисовал в воздухе красивое пылающее колесо, рассыпающее во все стороны алые жгучие искры, а потом сорвался и полетел обратно в Катрину.

Грохот, едкий дым пополам с поднятой пылью от рассыпавшейся мелким крошечком стены дома затянул улицу густым облаком. Вик почувствовал, как на его запястье крепко сомкнулась узкая, чуть дрожащая чешуйчатая ладошка и потянула за собой, в ближайшую подворотню.

– Живей!

Мия тянула его за собой все сильнее, петляя в лабиринте улочек, и он едва поспевал за ней, слыша за спиной голоса и долгий, разочарованный, протяжный крик. Вопль хищника, в очередной раз упустившего желанную добычу.

– Подожди... Мне тяжело...

Змейка замедлилась, перешла на шаг и лишь тогда оглянулась.

На перепачканном копотью лице ярко сияли серьезные золотые глаза с вертикальным зрачком. Сердце у дудочника колотилось так, что казалось, еще немного – и он не выдержит и просто разорвется. Но вот от бега ли...

– Ты снова спасаешь мне жизнь, – хрипло, с усилием выдохнул он, протягивая руку и осторожно стирая со щеки девушки черное пятно. Брови у нее были опалены и топорщились жесткой короткой щеточкой, лицо покраснелось, волосы надо лбом завились от жара и стояли дыбом, но в целом девушка выглядела не пострадавшей. Змеелюды поголовно были славны тем, что магической пулей их не убьешь, – выстрел просто срикошетит в сторону, едва коснувшись волшебной чешуи, но вот чтобы шасса и в человеческом облике могла отводить «зажигательные» пули, об этом Викториан еще не слышал. Теперь увидел воочию, что и такое может быть. – Какая-то неправильная ты шасса. Я не знал, что ваш род и в человеческом облике может вот так запросто отбить заколдованную пулю...

Она лишь неопределенно пожала плечами, отводя взгляд.

– Я тоже об этом не знала до сегодняшнего дня.

И торопливо пошла дальше по улице, негромко постукивая при каждом шаге о камни мостовой деревянным посохом с обгоревшим, все еще дымящимся оголовьем...

В доме у нас с Искрой царил такой бедлам, коего видеть еще не приходилось. Харлекин еще с утра, как только я вышла за дверь «по делам», принялся на всякий случай собирать дорожные сумки с самым необходимым, и, когда я ввалилась в горницу, едва дыша от бега по жаре, которая с каждой минутой становилась все сильнее, даже не слишком удивился. Только окинул привалившегося к стене дудочника неприязненным взглядом, сдернул с кровати лоскутное одеяло, торопливо свернул его в трубку и перебросил Вику.

– Пригодится в дороге, ночи в степи даже летом прохладные. Змейка, когда успела лицо в костер сунуть? У тебя брови опалены.

– Это не костер был. – Я оставила посох у двери и метнулась к подоконнику, снимая с него небольшой плетеный короб с травяными сборами. И зачем я только ползала по траве, выискивая нужные корешки и тоненькие, как ниточки, стебельки, которые росли, спутываясь в плотный клубок, отвар из которых снимает жар, ломоту в костях, а припарка помогает открытой ране не воспалиться? Для кого старалась-то, если Искре не страшны подобные недуги и его тело само справляется с подобными неприятностями? – Это Катрина.

– Та чокнутая орденская баба, которая открыла пальбу в ромалийском зимовье? – как бы между делом поинтересовался Искра, пинком выталкивая на середину комнаты сундук с вещами.

– Она самая, – подтвердила я, вытряхивая ломкие сухие стебельки на чистое полотенце и пряча получившийся сверток в свою дорожную ромалийскую сумку с длинным ремнем, яркую, увешанную вылинявшими лентами и шнурками. Купила неделю назад на базаре, не смогла устоять. Вот и пригодилась. – Затеяла здесь охоту, причем даже не на нас с тобой, а вот на него.

Музыкант, на которого я указала пальцем, встрепнулся и тяжело вздохнул, продолжая молча увязывать доставшееся ему одеяло невесть откуда выуженным обрезком тонкой бечевы. Искра нехорошо ухмыльнулась, вынимая из сундука два широких шерстяных плаща

и перекидывая их через крышку.

– Змейка, ты не будешь против, если при следующей встрече я ее все-таки съем? Хочу быть уверен, что она перестанет с завидной регулярностью возникать у нас на дороге в самое неподходящее время.

– Не против, – в тон отозвалась я, забираясь в раскрытый Искрой сундук едва ли не по пояс и вытаскивая оттуда грубые, но на редкость удобные дорожные башмаки с подбитыми железом каблуками. – Только подожди, пока я хотя бы отвернусь, боюсь, что зрелище будет не самое приятное.

– Я вам не мешаю? – вежливо поинтересовался дудочник, подходя к окну и выглядывая на улицу. – О, сюда местная стража идет. Неужели в тюрьму посадят за нарушение общественного порядка?

– Нет, просто выгонят за пределы города, – охотно пояснила я, сбрасывая туфли и торопливо обматывая ступни чистыми портянками. – Нас через одни внешние ворота выставят, стрелявших – через другие, и дальше мы все будем предоставлены сами себе. В Огнеце запрещены драки, и уж тем более стрельба – только за его пределами.

– И вернуться вам не дадут? – негромко поинтересовался Викторин, отодвигаясь от окна и наблюдая за тем, как я затягиваю шнурки на башмаках и одергиваю подол яркой ромалийской юбки в мелкий цветочек.

– Дадут. Через месяц. Если выживем, – ответил за меня Искра, впрягаясь в лямки большого дорожного ранца, к которому уже были привязаны два свернутых в плотные трубки походных одеяла, и сгреб плащи с крышки сундука.

В дверь постучали. Громко, не особенно стесняясь. Открывать стражникам тоже не потребовалось – они зашли сами, держа наготове оружие.

– Правила вы знаете. Со своими врагами разбирайтесь за стенами Огнеца.

– Через какие ворота нас выведут? – поинтересовался Искра, беря со стола завязанный в чистое полотенце ржаной хлеб, свежий, только утром купленный в пекарне по соседству, и сунул его мне в руки. Подхватил мою сумку, в которую я едва успела забросить деревянную солонку, и шагнул к двери.

Я заметила, как харлекин, проходя мимо десятника, командующего отрядом, сунул ему в руку худой кошелек с монетами. Не слишком много, да больше-то у нас и не было. Десятник, не слишком скрываясь, подбросил кожаный мешочек на широкой, похожей на лопату ладони, прислушался к звону.

– Через Северные, – недолго подумав, сообщил тот. – Там скрыться проще: обойдете озеро, за ним до гор рукой подать будет. Все лучше, чем по ровной, как стол, степи улепетывать, трава-то уже пригнулась, как на ладони этим проклятым стрелкам издалека видны будете.

– Спасибо. – Искра чуть склонил рыжую голову, дождался, пока я выйду за порог, держа в одной руке обуглившийся, растрескавшийся посох, а в другой узелок с хлебом, и лишь потом вышел следом, даже не оглянувшись на замешкавшегося музыканта.

Я тоже не стала оглядываться. Потому что тяжело будет оставить место, которое я уже успела привыкнуть называть «домом». Место, в котором мне не требовалось скрывать золотые шассьи глаза под тонкой полотняной лентой, где я могла чувствовать себя в безопасности и быть собой – хотя бы частично. Я только-только повесила новые яркие занавески на окнах, выбросив старые, пыльные и поеденные молью, обустроила кухню, купив мелких глиняных горшочков и чашек, – Искра собирался научить меня готовить какое-то блюдо, которое делали в тех местах, откуда он был родом, но не успел. Мы с харлекином только привыкли друг к другу в новом качестве, только начали изучать друг друга с иной стороны, о которой я раньше даже не думала. У нас был дом, в котором было тепло и безопасно, дом, в котором был покой – и даже какое-то подобие любви.

Пока снова не пришла светловолосая человеческая женщина с оружием и не вынудила меня покинуть обжитое место.

В третий раз.

Я споткнулась, и дудочник, шедший рядом, подхватил меня под локоть, не давая упасть. А у меня перед глазамиплыли алые круги, и золотая, пышущая жаром шасса внутри меня злобно, ненавидяще шипела, поднимая янтарный гребень над гибким хребтом и разворачивая тугие чешуйчатые кольца, готовясь к броску.

– Она не переживет нашей встречи, – тихо пробормотала я, глядя себе под ноги. – Не переживет.

И я не дам Искре сожрать ее – не хватало еще, чтобы харлекин обрел ненавистные черты. Я ее просто уничтожу. Своими руками. Разорву нити, связывающие душу с телом, а потом просто раздавлю тот прогнивший насквозь хрупенький огонек, который был Катриной. Раньше я не могла ни отбросить волшебную пулю в человеческом виде, ни видеть связь сущности с живым, материальным телом. Теперь могу. И вижу. Не только это, но еще многое другое. Пусть даже это все досталось мне ценой, которую только предстоит уплатить.

– Мия, – осторожно произнес голос дудочника над ухом, – у тебя чешуя на лице растет.

Я только криво усмехнулась – пускай растет. В Огнеце не нужно прятать личину так же тщательно, как в других городах, здесь у каждого второго есть нечеловечьи корни.

Нас подвели к массивным воротам, раскрытым нараспашку, сквозь которые заезжали телеги, с верхом нагруженные добром. Соль, мед, вяленое мясо, ткани – много чего завозили в Огнец с севера, с далекого-далекого побережья, отгороженного от сурового моря высокими скалами и густым туманом.

Я еще вернусь сюда. Хоть через месяц, а хоть через год. Вернусь – и останусь навсегда. Буду слушать ветер и смотреть с городской стены на чистый горизонт, который не будет более заслонять призрачное видение близнеца Госпожи Загряды.

На этот раз я обернулась. Окинула взглядом стражников – в ком-то вспыхнула тревога, смутное беспокойство плеснуло пурпуром на «ореол души», кто-то встретил мой взгляд с привычным ко всему равнодушием, – нехорошо оскалилась и переступила границу города, оказываясь за воротами.

Пыльная дорога петляла, огибала берег Соленого озера, с которого несло водорослями и влажной духотой, и устремлялась за невысокие горы, почти лишенные растительности. Нам туда – вначале на север, а потом на восток, до самого горизонта. То, что я вижу там, в вышине, едва зайдет солнце, не даст сбиться нам с пути и уж точно не даст позабыть о цели этого путешествия.

Сделать так, чтобы этот уродливый нарост на ткани мироздания пропал...

– Мия, если хочешь избежать погони, лучше нам поторопиться. – Теплая, изящная ладонь орденского музыканта осторожно тронула меня за плечо. – Если бы Катрина была одна, я бы сам предложил подождать ее в тихом местечке и даже помог сделать мир чище, но она пришла с компанией. Взяла себе в помощники такого же сумасшедшего охотника, как и она сама, разве что гораздо более умелого. Выстрел из его пушки ты не отразишь.

– Значит, уйдем другой дорогой, – пожала плечами я. – А про второго охотника расскажешь чуть позже, когда мы будем далеко отсюда.

– Они наверняка верхом. – Вик ускорил шаг, чтобы идти вровень со мной. В ореоле его души подрагивало беспокойство, тщательно скрываемое за привычной маской невозмутимости. – А Ризар, едва узнает, что ты шасса, не задумываясь, загонит не одного коня, чтобы достать тебя как можно раньше. Пешком мы от них не уйдем, надо искать лошадей.

– Друг мой, – нарочито ласково пророкотал харлекин, с силой роняя тяжелую ладонь на плечо дудочника так, что тот пошатнулся и с трудом устоял на ногах, – ты не забыл, что говоришь с ромалийской лирхой, которые, как известно, бывшими не бывают? Есть у них в запасе тайная тропа лишь для избранных, по которой можно уйти далеко-далеко, хоть на край света – и всего лишь за семь коротких шагов. И пусть твоя чокнутая баба гадает, в какую сторону унесла нас нечистая сила, – следов-то за нами не останется, прервутся там, где начнется дорога берегинь. А степь велика и опасна, пускай рыщут эти голодные до чужой крови орденские псы, – а у нас со Змейкой есть другое дело. Долг нам отдать надо. За

твое избавление, между прочим.

– Обойдем озеро, – торопливо прервала я Искру, видя, как беспокойство Викторiana сменяется глухим раздражением. – Поднимемся на гору, и там я уведу вас обоих по дороге берегинь. Но хорошо бы подняться повыше – мне нужен ориентир, к которому я смогу вас провести, хотя бы примерно, иначе собьемся с пути.

Мы свернули с дороги на узкую тропку, извивающуюся меж мелких, обожженных солнцем желто-серых камней подобно змее, когда вдалеке, у самых городских стен, показалось едва заметное, быстро приближающееся облачко пыли.

– Что-то очень уж они скоро, – разочарованно проговорил дудочник, вешая трость за ременную петлю на пояс и вытягивая из-за пазухи кожаный чехол на прочной цепочке. – Видать, тоже взятку дали.

– Змейка? – не оборачиваясь, спросил Искра, снимая с моего плеча сумку и вешая ее на локоть. Лицо у харлекина оставалось спокойным, но в глазах уже разгорались тревожные, пугающие морозные огоньки.

– Я справлюсь.

Хорошо, что мы не успели подняться высоко, туда, где для моего танца было бы уже слишком мало места. Впрочем, когда бы это смогло помешать ромалийской лирхе? Харлекин правильно сказал – бывшими мы не становимся.

Этот танец, этот звон колокольчиков на многорядных браслетах, тепло, поднимающееся от земли, вольный ветер, бьющий в лицо и оставляющий на губах привкус пыли, – все это въедается в кожу, кости и даже душу и остается с тобой навсегда. Не выбросишь из памяти эту мелодию, не забудешь голос, что выводит песню про дорогу дальнюю, дорогу трудную. Скрипка, играющая даже в проливной дождь. Запах промокшего войлока и дыма от костра. Горячая похлебка с чечевицей в грубой глиняной миске с отбитым краем. Добродушный хохот Михея-конокрада, ласковый, размеренный голос лирхи Ровины. Первый танец по земле, заметенной снегом, и на раскаленных углях. Газовые фонари Загряды, усталые лисьи глаза на человеческом лице...

Звуки, запахи, голоса, прикосновения – все бережно сохранила моя память, ничего не оставила забвению. Лирха не может уйти из табора, потому что табор всегда остается с ней. В каждом повороте дороги, в каждой искре, отделившейся от большого костра, в мимолетной улыбке и душевной песне...

Я танцевала на узкой каменной тропе, а мне казалось, что я пляшу на крохотном пятачке между дорожным костром и крытыми фургонами, стоящими полукругом. Что мне подыгрывает чья-то скрипка, а колокольчики на моих браслетах звенят все громче и уверенней, разрезая воздух невидимыми хрустальными льдинками. Посох в моих руках вращался, как веретено, дрожал, как стрелка компаса, неудержимо показывающая на восток вместо севера.

Мне не нужно подниматься на вершину горы, чтобы направить дорогу берегинь туда, куда захочу. Мне достаточно лишь воссоздать в памяти то пугающее своим отвратительным величием видение, чтобы, пройдя семь шагов, оказаться очень близко к цели.

Посох с гулким, протяжным стуком ударяется о твердую землю – и его узкая длинная тень превращается в длинную ленту, лежащую через обьятое туманом «берегинье царство». Искра толкает на эту дорогу Викторiana, что-то говорит мне, указывая в сторону Огнеца, но я не слушаю. Я отсчитываю про себя шаги дудочника, идущего по незнакомой, чуждой тропе. Четыре удара сердца – два пройденных шага.

Харлекин следующий. Он ступает на дорогу, но не идет по ней. Ждет меня у самого ее начала, протягивает длинную руку с крепкими сильными пальцами, но я лишь качаю головой. Мне надо пойти последней – и самой. Не опираясь ни на чью руку, чувствуя, как пятки щекочат извивы тумана, как дорога дрожит и виляет под ногами, будто бы стараясь меня сбросить, заставить сделать неверный шаг.

Идти последней и не дать дороге берегинь исчезнуть – обязательство каждой лирхи.

И я ступаю на эту зыбкую, прогибающуюся под моим весом серебряную ленту, туго

натянутую над бесконечной пропастью, в последний момент ощутив пулю, которая должна была пробить мне голову, – но прошла лишь пустоту. Посох в моей руке дрожит и угрожающе потрескивает. Под пальцами я чувствую постепенно углубляющиеся трещины. Следующего перехода посох Ровины уже не выдержит – слишком уж серьезным испытаниям он подвергся в последнее время. Я чувствовала, как искра, вложенная в этот ставший теплым и почти живым кусок дерева еще молодой лирхой Ровиной, постепенно угасает. Умирает, уходя вслед за своей создательницей.

Еще шаг.

Впереди призраком маячит широкая спина харлекина. Шагов Викториа́на уже не слышно – он уже на той стороне. Скорее всего, пытается понять, куда нас завела эта тайная ромалийская тропка, и наверняка ругает меня на чем свет стоит, а иначе отчего у меня так отчаянно начинают гореть уши?

Дневной свет, режущий глаза, успевшие привыкнуть к полумраку «берегиньего царства», мужские голоса, спорящие на повышенных тонах. Тайная тропа пропала за моей спиной – и сразу же на меня навалилась удушливая полуденная жара, сопровождаемая раскаленным южным ветром.

– Где мы?

Викториан перестал что-то доказывать Искре и глубоко вздохнул, обращаясь уже ко мне. Разобрать же, что говорит мне человек с пульсирующим всеми цветами радуги «ореолом души», я смогла не сразу – как будто я ненадолго утратила способность воспринимать человеческую речь и, как прежде, еще будучи молоденькой шассой, слышала лишь неприятное, отрывистое тьяканье вместо переливчатого, плавного шипения.

Но одно слово я все-таки разобрала.

«Лихоборы».

Глава 5

Каждому человеку, который желает стать орденом служителем, необходимо пройти обучение. Если хочешь быть змееловом, то недостаточно просто уметь без ошибок играть на дудочке или стрелять из именного револьвера по движущимся мишеням. Нужно знать, где искать нелюдь, учиться ее распознавать в человеческом виде, не прибегая к волшебным инструментам, изучать повадки, а иначе первый же самостоятельный выход «в поле» может оказаться последним.

Потому и учили их, вчерашних мальчишек, как распознать в стогу сена гнездо мелкой хищной твари, портящей домашний скот, как отыскать на заброшенном кладбище могилу, из которой поднимается мертвец, и как избегать встреч с теми, кто тебе пока что не по зубам. Вот только чего взять с подростков – ума еще не нажили, опыта жизненного тоже, зато дури и отваги хоть отбавляй. Таким очень тяжело было вдолбить в голову, что дудочника или ганслингера в первую очередь оберегает наблюдательность, во вторую – осторожность и лишь в третью – умение обращаться с оружием или музыкальным инструментом. И если с наблюдательностью у мальчишек, выросших на улице или проживших всю жизнь в окружении родственников, в любой момент готовых убрать «лишних» наследников, было все в порядке, то вот бдительности жизнь их не научила.

Именно таких юных бунтарей, которые по глупости своей считали, что море им по колено, а любая нежить по зубам, и водили на особые «дополнительные семинары». Там храбрыми мальчишкам очень доходчиво и объясняли, что пока они не змееловы и не ганслингеры, а всего лишь вкусное мясо для тех, кто считает людей изысканным деликатесом и просто легкой добычей. Тем же, кто не верил в такую нелюбезную для самомнения правду жизни, и предстоял спуск в подвал орденового училища, где проходили практику ребята лет на пять-шесть старше.

Викториан стоял под палящим степным солнцем у аккуратной шильды, прибитой к невысокому столбу прямо перед высоким земляным валом, крепким, как камень, и таким же

надежным. Дверь только подкачала – деревянная, на ржавых массивных петлях, открывающаяся внутрь. Зато так плотно подогнана, что ни щелочки, ни скола. И название то самое, которое ему, двенадцатилетнему балбесу, по глупости считавшему, что терять ему уже нечего, запомнилось на всю оставшуюся жизнь.

Лихоборы.

То самое, затерянное на востоке огромной жаркой степи поселение, которое упоминалось в записках столетней давности одного ганслингера. Его имя так и осталось неизвестным, а потрепанный, кое-где подпорченный сыростью дневник случайно нашел торговец из каравана, сбившегося с пути. Прочитал две страницы и спрятал на дно самого прочного сундука, а едва добрался до Черноречья, отдал первому же попавшемуся человеку со знаком Ордена Змееловов на одежде. Самого ганслингера позже нашли в полуразрушенном могильнике – вернее то, что от него осталось. Тело к тому времени высохло, половина черепа оказалась снесена выстрелом в упор, но и того, что сохранилось, было достаточно, чтобы даже у бывалых орденских служителей волосы встали дыбом.

Именно этот труп, сохранный в глубоком подвале училища при Ордене Змееловов, и демонстрировали особо бесшабашным послушникам, считавшим, что смерть – это самое страшное, что может с ними приключиться. Были такие, которые считали, что обращение в нежить – это такая забавная игра. Дескать, стану кровопийцей, так хоть обидчикам отомстить успею, а укус оборотня все равно приводит лишь к временному помешательству, с которым вполне можно ужиться. Вик в те годы думал, что его горе и жажда мщения – достаточно крепкий щит, чтобы уберечь его от беды. Ведь ему и в самом деле везло на «полевых учениях», когда совсем еще молодых ребят водили на охоту в качестве наблюдателей под защитой орденских служителей: дважды разноглазый мальчишка со светлыми вихрами чудом уходил от смерти, оказываясь слишком близко к агонизирующей твари. Вот и решил, дурак малолетний, что такое везенье – знак свыше.

Но именно в том подвале, где горло першило от чрезвычайно сухого воздуха, Викториан осознал, что смерть – не самое страшное наказание за поспешность и неосмотрительность. Кажется, он был единственным из всей группы отчаянно храбrivшихся «экскурсантов», который остался в сухих штанах и сумел удержать завтрак в желудке, но зрелище страшно искореженного, немыслимо изуродованного трупа навсегда врезалось в его память.

Позже, уже вечером, им, уже слегка пришедшим в себя, рассказали о «лихе».

О существе, точный облик которого так и не удалось определить из-за отсутствия выживших свидетелей, которые могли бы о нем рассказать. Ранее от деревеньки Лихоборы долетали слухи о страшных уродствах, которые появлялись у людей, столкнувшихся лицом к лицу с этим самым «лихом», но свидетельств не было, доказательств тоже, а слухи оставались лишь караванными страшилками – до тех пор пока не был обнаружен дневник и труп его владельца. Поначалу то, что было изложено в записях, показалось горячечным бредом сумасшедшего, но после обнаружения тела в Ордене Змееловов всерьез задумались, что это за напасть и как с ней бороться.

Оказалось, что никак, потому как не было желающих умереть столь страшной смертью ради крупиц нового, бесценного для Ордена знания. Пусть всем послушникам еще на стадии обучения вдалбливали в юные еще головы, что, если с ними случится что-то страшное или непонятное, если после нападения неведомой твари они будут в относительно ясном сознании, то они обязаны предоставить в Орден отчет о произошедшем. Написать его чем угодно – пером на страницах полевого дневника, грифелем на тряпке, да хоть собственной кровью на стене, – и лишь потом сдохнуть с чувством выполненного долга. Именно так и в такой последовательности, но никак иначе. Впрочем, было одно исключение – если орденец превращался в живой труп, еще способный мыслить. В таком случае отчет можно было написать и после смерти. И глупой шуткой такое обязательство не было – более половины первичных сведений в bestiариях Ордена Змееловов добывались именно из посмертных дневников погибших. Тела находили не всегда, а вот записи – в трех случаях из четырех,

потому как служители старались всегда оставлять рядом с дневником свой орденский знак или оружие, а уж опытному «первому голосу» не составляло труда найти как пропавший револьвер, так и зачарованный медальон с чеканной змеей.

Вику, как и другим «экскурсантам», зачитывали выдержки из этого дневника, а позже, когда Викторинан стал действующим дудочником и «первым голосом», он сумел попасть в закрытую для послушников секцию орденской библиотеки и перечитать этот таинственный документ под бдительным наблюдением библиотекаря.

Первые страницы дневника не были особо примечательными – ганслингер делал наброски для будущего отчета, и именно там промелькнуло название деревни – Лихоборы, в которой ганслингер планировал остановиться на ночь. Чернила на следующих трех страницах оказались размазанными, поплывшими – сами странички, судя по всему, аккуратно разделили уже в библиотеке, проложили их тонкой папиросной бумагой, но восстановить текст так и не сумели, а вот дальше начинался уже тот самый пугающий бред.

Ганслингер писал о существе, которое было похоже на «человека в одежде с глубоким капюшоном, согнувшегося в поясе и бредущего, глядя в землю». Буквы прыгали, строчки наезжали одна на другую – было понятно, что у человека, писавшего их, очень сильно дрожали руки. И неудивительно. Дальше говорилось о том, как тяжело дышать, когда нос сросся со ртом. Что горячий полуденный ветер обжигает горло, а закрыть рот не получается, ведь это теперь лишь полая трубка, на конце которой торчат немногие уцелевшие зубы. Что было достаточно лишь взгляда на это «лихо», чтобы лицо поплыло, как воск расплавленной свечи, и застыло, обратившись в нелепую, уродливую морду нежизнеспособного чудовища. Боли не было совсем, даже когда он почувствовал, как сминается череп, выталкивая глазницы куда-то на лоб...

На последних страницах было накорябано что-то вроде завещания – просьба передать заработанное им на службе имущество незаконнорожденной дочери, живущей где-то в приморском городке недалеко от южного порта. Судя по тому, в каком виде было обнаружено тело, орденец, дописав последнюю строчку дневника, вложил между его страниц свой медальон, завернул в обрывок непромокаемого плаща и выбросил на обочине дороги. Сам добрел до ближайшего могильника и там уже застрелился из именного револьвера.

Честно говоря, Викторинан надеялся никогда не попасть в эти проклятые места, где когда-то водилось такое... способное так люто и бесповоротно изуродовать человека, оставив ему жизнь и, что хуже, разум, чтобы успеть осознать, что именно с ним произошло, что за лихо стряслось. И вот поди ж ты – все-таки попал.

Дудочник скосил взгляд на шассу, которая пристраивала белую повязку на глаза, пряча сверкающее на солнце змеиное золото под льняной тканью. Выгоревшие с начала лета, неровно стриженные чуть ниже плеч, русые волосы топорщились на кончиках, отчего Мия немного смахивала на одуванчик. Впрочем, как он заметил, одна длинная косичка на затылке у шассы все-таки осталась – она тусклым золотом змеилась вдоль позвоночника, обвешанная всякой ерундой. Две монеты с дырочками, колокольчик, снятый, судя по всему, с одного из браслетов, с которыми Ясмия не расставалась ни днем ни ночью, какие-то красные бусинки и кожаный шнурок с каплей янтаря на кончике.

Странная она все-таки... Защищает людей, живет с железным оборотнем, а тот на нее не надышится, на куски готов порвать каждого, кто хотя бы попытается ее обидеть. И как она такой преданности сумела добиться от чарана? Ведь давно известно, что железные оборотни – редкие по своей циничности притворщики, они хищники, которые втираются в доверие, чтобы легче было убить намеченную жертву, эгоисты, не способные ужиться даже с себе подобными... А Искра добровольно сдал себя на пытки Ордену еще в Загряде, только чтобы оставили в покое ромалийское зимовье, где тогда пряталась эта девчонка с золотыми глазами. И потом, уже в Огнеце, сцепился с еще одним чараном, не подпуская его к Ясмии. Так серьезно сцепился, что едва не отдал концы, получив дырку в боку и мелкую кашицу вместо половины внутренностей. И как только без охоты выкарабкаться сумел, на одном

только внутреннем ресурсе? Живучий, тварь такая. Его бы исследовать, понять, почему же этот конкретный оборотень так разительно отличается от своих собратьев. Отчего может обходиться лишь обычной пищей, не выходя на охоту, и при этом долгое время удерживать человеческий облик? Как возвращается к нему после превращения в покрытое доспехами чудовище, не вкусив человеческой плоти? И, что самое непонятное, почему испытывает столь необъяснимо глубокую привязанность и преданность по отношению к золотой шассе?

Вик усмехнулся – это желание было столь же безумным и невыполнимым, как и то, что выгоняло его на охоту за нелюдью долгие годы начиная с момента, когда он принес присягу Ордену Змееловов.

– Долго еще у забора стоять будем или все же постучимся? – поинтересовался Искра, складывая плащи, до того неровными крыльями болтавшиеся у него на плече, в аккуратные валики и пряча один в сумку Ясмии, а второй подсовывая под лямку собственного ранца.

Дудочнику очень хотелось съязвить в ответ, но пришлось прикусить язык – ни к чему злить того, кто рано или поздно окажется у тебя за спиной.

– Я бы надолго тут в любом случае не задерживался, больно нехорошие слухи до нашего Ордена из этих земель долетали. – Змеелов подошел вплотную к дверце и пару раз стукнул по ней тяжелым оголовьем трости. – Эй, есть тут кто живой?

Ответ пришел незамедлительно – похоже, сторож сидел по ту сторону двери довольно давно, а значит, наверняка успел услышать многое из того, что Вик наговорил про эту местность, не слишком стесняясь в выражениях.

– Живые-то есть. А вы откудова будете? На крыльях, што ль, прилетели? То вас нету, а то из ниоткуда голоса появляются.

– Из Ордена Змееловов мы, – подумав, ответил Вик, на всякий случай отходя на два шага от двери. – В дозор послали.

– Вот уж точно – послали так послали. – Невидимый сторож закрихтел-засмеялся хрипло и надтреснуто, будто не человек, а старый, уже седой столетний ворон. – Чем провинились-то, если в нашу глушь отправили ажно от самого Черноречья?

– Да болтает музыкант наш слишком много, вот и доболтался, – хохотнул Искра, кладя широкую ладонь на плечо Ясмии и ненавязчиво так задвигая ее себе за спину. – Ну, так что, отец,пустишь? Мы надолго не задержимся, передохнем только с дороги, и к вечеру нас тут уже не будет.

По ту сторону двери замолчали, а потом все тот же старческий голос прозвучал скорее задумчиво, чем с насмешливой издевкой.

– Мне кровлю подлатать некому. Сын на заработки еще весной уехал, а сам я староват, чтобы на крышу лазить. Если поможете, впущу, даже покажу, где у меня амбар стоит, там отдохнуть сможете. В дом вас все равно никто не пустит. Боятся народ пришлых – места-то беспокойные.

– А ты, значит, не боишься? – поинтересовался Викториан и невольно вздрогнул, когда старая скрипучая дверь приоткрылась и из узенького проема высунулся горбатый, скособоченный на левую сторону дед, голова которого была покрыта капюшоном, больше похожим на пыльный мешок из-под муки.

– А мне-то чегой бояться, в мои-то годы? – Сторож поднял голову – стало видно, что капюшон полностью скрывает левую половину лица, но через проделанную в грубой дерюге дыру виден огромный выпученный глаз, мутный и с расплывшимся зрачком, похожим на кляксу. – Я ж лихо степное видал, пуцай и одним глазком только. Мне теперь сам черт страшным не покажется.

– Расскажешь? – Вик невольно подался вперед, с трудом отводя взгляд от дыры в мешковине. Мутный зрачок смотрел куда-то в сторону и, казалось, вообще не двигался, даже когда дед переводил взгляд уцелевшего, правого, глаза с одного путника на другого.

– Если кровлю починишь, то не только байку расскажу, но и обедом накормлю. Старуха моя, правда, уже не так хорошо кашеварит, как в молодости, но за достойную работу накормит сытно и от души.

Сторож усмехнулся, показав немногие оставшиеся зубы, и Искра решительно шагнул вперед, ведя за руку Ясмию, которая до того молча стояла чуть поодаль, склонив голову набок и осторожно перебирая кончиками пальцев по длинным занозистым трещинам, почти расколовшим натрое старый ромалийский посох.

— Показывай свой амбар, отец. Жену размещу и почию тебе кровлю. А музыканта ты нашего в расчет не бери, у него руки нежные, к простой работе не приученные, зато нечисть он только так разгоняет, прям как мышей веником. — Оборотень ухмыльнулся и подмигнул дудочнику. — Если б еще язык за зубами держал почаще, вообще б цены не было.

Викториан лишь покачал головой и шагнул следом за сторожем. Так, значит, были все-таки выжившие. И похоже, не всем так сильно доставалось, как тому ганслингеру, — дед вон живет себе, пусть и выглядит так, словно коптит небо чуть ли не сотню лет. Расспросить его надо и в дневник записать. Не себе, так потомкам пригодится.

Быстрый взгляд в сторону Ясмии, спокойно идущей рядом с оборотнем, доверчиво или же просто по привычке держащейся кончиками пальцев за его чуть отставленный в сторону локоть.

Если будут они, эти потомки...

Вечерело на удивление быстро. Еще с полчаса назад Викториан обливался потом в маленькой, душной каморке, тщательно записывая рассказы старика в небольшую походную книжицу, а сейчас солнце уже клонилось к горизонту, унося с собой изнывающую жару и слепящий дневной свет. Дудочник вытер вспотевший лоб рукавом рубашки и сел на крыльцо, машинально перелистывая исписанные мелким, аккуратным и очень разборчивым почерком страницы.

Под домашнюю брагу лихоборский сторож стал излишне словоохотлив, и пусть бесценные сведения о пережитой встрече с «лихом» то и дело перемежались жалобами на старческие болезни и шумных соседей, змеелов сумел получить весьма богатую пищу для размышлений.

По словам старика, «лихо» само по себе незлое. То есть оно не нападает из засады, не подкрадывается со спины — оно просто бродит где-то в окрестностях, почти не показываясь людям на глаза. Есть у местных одно правило — коль завидел вдалеке странно сгорбившуюся фигуру в лохмотьях, падай на землю лицом вниз, накрой голову хоть курткой, хоть рубашкой, хоть мешком и лежи себе смирно, пока «лихо» мимо не пройдет. А идти оно может ой как долго — и час, и два. Это только поймав на себе случайный или любопытный взгляд, оно начинает бежать так быстро, что и на коне не ускачешь, а пока не смотрит на него никто — бредет себе помаленьку, пока сквозь землю не провалится. А Марек, сторож нынешний, в свое время слишком нетерпеливый был. Молодой потому что, да и глупый. Он, завидев как-то «лихо» во время покоса в степи, косякам-то гаркнул, чтобы те попадали. И сам ткнулся лицом в землю, где стоял, а голову, как положено, мешком накрыл. Да вот только в мешке том дырка была. Маленькая совсем, незаметная — орех бы не выкатился. Слышит он — шуршит рядом что-то, обошло его сначала, потом дальше в степь направилось, а потом и стихло все. Совсем стихло. Он-то, дурень, полежал еще минут десять, слышит, товарищи рядом зашевелились, тогда и осмелился в дырку ту в мешке глянуть. А оказалось, что «лихо» никуда и не ушло, — над ним ровнехонько стояло. Только и успел увидеть, что две черные, высохшие, как у мумии, босые ступни с корявыми желтыми ногтями, да и то, что под капюшоном у «лиха» было. На одну лишь секундоchку, одним глазком, но и этого хватило, чтобы молодого парня искалечило. Не шибко сильно и страшно — всего-то левый глаз вдвое больше правого стал, по сравнению с тем, как «лихо» может лицо испоганить, и вовсе ерунда, с таким жить можно, — но и этого хватило, чтобы из родной деревни Марек выгнали. Зато в Лихоборах, где «и не такое видали», крепкого, работающего парня с черной повязкой через половину лица приняли. Даже жениться сумел — на доброй, но некрасивой рябой девке, засидевшейся в перестарках.

Вот только узнать, что же увидел дед под драным капюшоном «лиха», Вик так и не сумел: Марек отказался наотрез, а потом и вовсе раскричался, смахнул пустую глиняную

кружку со стола и потребовал, чтобы его немедленно оставили в покое.

Ну в покое так в покое.

Змеелов закрыл книжечку и убрал ее в плоский кошель, висящий на поясе. Задумчиво пощипал нижнюю губу и посмотрел в сторону амбара. Учитывая, что стук на крыше прекратился уже давно, крышу железный оборотень все ж таки починил, как сумел. А раз шасса из амбара даже носу не показывала, значит, вариантов, где еще искать попутчиков, больше не было.

По правде говоря, засиживаться долго в этом проклятом селе Вику очень и очень не хотелось. Конечно, дед ни словом не обмолвился о том, появляется ли «лиха» в деревне или же просто бродит где-то за забором, но уж больно тут запоры на дверях хороши, а ставни подогнаны так, что лезвие ножа не просунешь. Видать, на земляной вал местные не слишком надеются, потому и оберегают себя, как могут: подковок и амулетов по углам змеелов ни одного не увидел, зато тяжелый засов и крепкие железные петли в доме у сторожа оценил. С тараном такую дверь выбивать придется, если очень понадобится.

Вик неохотно поднялся и пошел к амбару. Ветхое строение, лет которому, судя по рассохшейся двери и кое-как замазанному глиной щелям в стенах, было не меньше, чем деду Мареку, стояло на одном честном слове и надежным укрытием никак служить не могло. Ни против таинственного «лиха», ни против крестьянского самосуда, если вдруг таковой случится.

Дудочник распахнул мерзко скрипнувшую дверь и заглянул внутрь.

Похоже, зерно тут не хранили уже очень давно, а вот сено на просушку закладывали исправно – первый этаж почти до потолка был заполнен приятно пахнущей сухой травой, а на втором, куда вела узкая приставная лесенка, сена было поменьше, иначе местами щели в потолке просвечивались бы не столь явно.

Попутчиков нигде не было видно, но сверху доносилась столь характерная возня, что гадать, куда запропала эта парочка, не приходилось. Не так уж и удивительно. Оборотень, хоть и железный, в человеческом облике определенных мужских наклонностей был явно не лишен, да и Змейка всегда была достаточно любопытной, чтобы рано или поздно обратить внимание и на эту сторону людской жизни. Стоя у дверей, Вик чувствовал себя на редкость глупо. По-хорошему, надо было бы тихонько прикрыть за собой дверь с той стороны и прогуляться с полчаса, но вот мешало что-то просто так развернуться и уйти. И ведь на склонности к шпионажу за влюбленными парочками дудочник себя никогда не ловил, да и смотреть, по сути, тут было не на что, а вот поди ж ты...

Неизвестно, сколько еще продлилось бы это топтание на месте, если бы не случились две вещи. Во-первых, в тонком женском голосе прорезались пробирающие до костей нотки змеиного шипения, а во-вторых, пол второго этажа, доски которого, судя по всему, прогнили еще пару лет назад, не выдержал любовников и с громким треском обрушился вместе с ними в гору сухой травы.

Дудочник застыл на месте, не зная, то ли неприлично рассмеяться, то ли кидаться на помощь, пытаясь выгнать шассу из-под трухлявых досок, опасно ощерившихся гнутыми ржавыми гвоздями, когда из сена послышалась громкая, прочувствованная ругань, проклинающая лентяев-плотников, и показалась встрепанная рыжая голова оборотня. Судя по тексту проклятий и скорее раздраженному, чем сдавленному от боли голосу, ничего важного для мужчины оборотень себе набекрень при падении не свернул. То ли успел отодвинуться, то ли просто повезло.

Следующей на поверхность из зеленого колкого вороха сухой травы вынырнула раскрасневшаяся Змейка с ошалелыми, округлившимися от изумления золотыми глазами, машинально стряхнула с макушки охапку шуршащих травинков, оглушительно чихнула и задрала голову к потолку, созерцая получившуюся дыру.

– Искра, а ведь одежда у нас наверху осталась...

Этой фразы, произнесенной не столько обиженным, сколько растерянным тоном, было достаточно, чтобы Викторян беззастенчиво расхохотался, прислонившись плечом к

дверному косяку.

– Вы хоть закончить-то... успели? – кое-как выдохнул змеелов, пытаясь совладать с рвущимся из груди хохотом и хотя бы для приличия поинтересоваться, не пострадало ли у спутников при падении что-нибудь, помимо гордости.

– Ага, – мрачно отозвался чаран, выкапываясь из сена и, совершенно не стесняясь собственной наготы, начал взбираться по скрипучей лесенке наверх. – В полете.

Значит, все же повезло.

– Тогда собирайтесь, нам хозяева уже обещанный обед на стол поставили. И я бы не стал задерживаться в этой деревне слишком долго – место это нехорошее.

Музыкант сделал несколько глубоких вдохов, успокаиваясь, и все же вышел наружу, аккуратно прикрыв за собой рассохшуюся амбарную дверь. Долго ждать не пришлось – первой на улицу выбралась Ясмия, стряхивая с широкой ромалийской юбки последние травинки и поправляя повязку на глазах, следом за ней – едва сдерживающий улыбку оборотень. Этот даже не удосужился перетряхнуть рыжую гриву, игнорируя торчащие из волос мелкие сухие травинки, зато шассу обирал с таким тщанием, словно ей не к незнакомым людям идти, а к строгой матушке, которая разглядит и плохо затянутый шнурочек на блузке, и слишком яркий румянец на щеках своей дочери. Чего уж говорить о предательски торчащих из кос стебельках.

Уже на пороге дома, стоя у гостеприимно распахнутой двери, шасса замерла, остановилась и обернулась через плечо. Что она увидела там, в небе, девушка не сказала, лишь передернула плечами и торопливо шмыгнула в дом, часто-часто стуча концом деревянного посоха о земляной пол, накрытый плетеным ковриком. Обед тоже прошел второпях и гнетущем молчании. Мия, окончательно войдя в роль слепой, покорно ела то, что ей подсовывал оборотень, на расспросы словоохотливой хозяйки не отвечала, поэтому Искре пришлось еще и трепаться за двоих, на ходу сочиняя столь правдоподобные небылицы, что Вик только диву давался. Этот рыжий проходимец легко сошел бы за человека и на постоялом дворе на перекрестке дорог, и в крохотном селении на пять домов, и в крупном городе. Даже сам змеелов, абсолютно точно зная, кто сидит перед ним, не сумел бы определить нелюдя в этом смешливом, грубоватом мужике, успевавшем и жену слепую покормить, и себя не обидеть, и с хозяевами словом перемолвиться. А едва тарелки опустели, Искра встал, поклонился по-старинному, как уже лет сто не кланяются, поблагодарил за стол и кров и сообщил, что им пора в путь. Хозяйка – так та едва поднос с лепешками из рук не выронила, а Марек лишь головой покачал и принялся раскуривать старую почерневшую трубку с помощью выуженного из печки уголька.

На ночь глядя! В лиходольскую степь! Викториан очень хотел узнать, что за срочность, но спорить не стал – встал с лавки последним, поблагодарил хозяев, да и вышел следом за спутниками за порог.

– Вам, часом, жить не надоело? – как бы между делом поинтересовался он у Мии, когда та шла по утоптанной неровной дорожке напрямик к калитке. – Тут, между прочим, не только нелюдь бродит – она-то вам, как я понимаю, никогда особо страшна не была. Но тут лихо похуже обретается.

– «Лихо»? – переспросила шасса, останавливаясь.

Вик с облегчением выдохнул – ну наконец-то его хотя бы услышали.

– Лихо, – повторил музыкант, наблюдая за лицом змееды. – Не слишком забавная штука. Один взгляд на него – и лицо у человека плывет, как восковая свеча на жару. А потом застывает в таком ужасном виде, что живых свидетелей и не было: не могли люди с таким уродством смириться, искали смерть любыми способами. Дед, который нас на обед позвал, – первый выживший свидетель, да и то лишь потому, что его покорежило едва-едва.

– А это лихо что, только с темнотой появляется? – поинтересовался Искра, как бы между делом поправляя меч, висящий в ножнах на широком поясе.

– Нет, Марек его днем видел.

– Тогда какая разница, ночью идти или днем, если и так, и так с этим твоим чудом-

юдом повстречаться можем? – пожал плечами оборотень. – Я ночью вижу немногим хуже, чем днем, а для Змейки темноты, как я понял за время нашего с ней общения, вообще не существует. Если где черные пятна возникают, так это нежить подтягивается, ну или еще дрянь какая.

– Вам-то хорошо, а я ночью передвигаюсь либо с факелом, либо на ощупь, – раздраженно отозвался дудочник. – Мне что предлагаете делать?

– Завяжи глаза и возьми у Змейки посох, – серьезно посоветовал оборотень, поправляя лямки рюкзака. – Потому как если мы с ней это твоё лихо проглядим, то ты его точно заметишь, лишь когда оно подберется к тебе на расстояние вытянутой руки.

Неприятно признавать, но это правда.

– Вик, – до сих пор молчавшая Мия порылась в складках широченной ромалийской юбки и вытянула оттуда длинный крученный шнур, которым обычно подхватывают волосы или протягивают в штаны, чтобы не спадали, – понимаешь, нам до цели, как оказалось, довольно близко. Ты даже не представляешь насколько. Нам лишь убраться подальше от деревни и пройти по дороге берегинь еще раз, и мы на месте. Возможно, мне кажется, но это существо растет, оно становится все больше и сияет все ярче, как жутковатый маяк в ночи. Я хочу заснуть и больше не видеть это у себя над головой, застилающее половину ночного неба, как огромная колышущаяся зеленоватая волна. Знать, что оно уже не тянется во все стороны, чтобы подгрести под себя как можно больше жизней. Если не хочешь идти, оставайся. Никто тебе и слова не скажет. Тебе, в отличие от нас с Искрой, еще осталось, чего терять в своей человеческой жизни.

Она принялась оборачивать оголовье посоха своим шнуром, затягивая потуже узлы на каждом обороте, чтобы хоть немного сузить трещины и не дать посоху развалиться прямо у нее в руках. А дудочнику казалось, будто его как-то очень обидно, но справедливо отчитали за трусость, – такого чувства он не испытывал очень давно. Наверное, с того дня, как в детстве разбил дорогую вазу, стоявшую в общей столовой, а когда подумали на другого мальчика, сына прислуги, промолчал, боясь наказания. Смог признаться только спустя два дня матери, уже после того, как мальчишку высекли ни за что, а мать, выслушав, лишь покачала головой и сказала, что за свои ошибки нужно отвечать самому.

– Ясмия, посох-то не разломится, когда мы пойдем по этой твоей «потайной дороге»? – вздохнув, поинтересовался дудочник, направляясь к калитке и толкая в бок дремлющего сторожа, сменившего старика на посту, чтобы тот запер за ними дверь.

– Если не сломается в момент, когда путь откроется, то выдержит до конца перехода, – коротко ответила девушка, проскальзывая за Искрой в открывшийся проем.

Змеелов едва успел следом – калитка захлопнулась так быстро, что едва не прищемила краешек его камзола, уже порядком потертого и нуждающегося не только в стирке, но и в двух-трех заплатках.

– Внушает оптимизм, – невольно улыбнулся Викторин, чуточку нервозно оглядываясь по сторонам. Таланта к сглазу за ним прежде не замечалось, но не по слухам было известно, что настоящие проблемы начинаются именно тогда, когда ты решил, будто бы все преодолел и позволил себе расслабиться в краткое затишье перед бурей.

Ничего подозрительного – лишь колышущаяся под порывами прохладного ветра низкая трава да узкая дорога, хорошо заметная в лучах заходящего солнца.

Вот только...

Что-то поднималось с земли, покачиваясь, подобно маятнику, из стороны в сторону. Ни одному человеку не удалось бы спрятаться в столь низко полегшей из-за летней жары траве, как и существу, которое плавно вырастало, уплотнялось, раскачиваясь все быстрее и быстрее. И стремительно приближаясь короткими рывками из стороны в сторону.

Вик открыл рот, чувствуя, как в животе застывает ледяной комок страха. Умом он еще не осознал, что это за «маятник» к ним приближается, рассекая степную траву в жуткой пародии на поклон, а голова, закрытая черными тряпками, столь низко опущена к земле, что кажется, будто существо выискивает чей-то след, вынюхивает...

– На зе...

Горло перехватило, сдавив ледящим спазмом, пальцы так крепко сжали стальное оголовье трости, что на миг почудилось, что закаленный металл вот-вот прогнется вмятинами от такого обращения.

Лихо пропало. На ровной, как стол, степи с низко пригнувшейся, пожелтевшей на летнем солнце травой.

И тишина. Ни шороха, ни ветерка.

Только вот Ясмия, стоявшая рядом с ним, медленно стянула повязку с глаз, глядя куда-то за спину змеелову. По ее лицу пробежала рябь, покрывая загорелую девичью кожу мелкой золотой чешуей.

– Не оборачивайс-с-ся.

Что-то упало ему на голову, накрывая тяжелой, плотной, душной тканью с едва ощутимым запахом полыни и лаванды, и Викторинан почувствовал, как маленькие, покрытые твердой чешуей ладони цепко хватают его за плечи, легко роняя лицом вниз.

Он упал, как поваленное дерево, – неловко, крепко ударяясь подбородком о сухую и твердую, как камень, землю.

Низкое, раздраженное шассье шипение почти заглушает чуждое, хриплое, булькающее дыхание неведомого существа, топчущегося совсем рядом с ним. Вик чувствовал, как натягивается ткань плаща, который Мия набросила ему на голову, будто кто-то наступил на него. Кто-то тяжелый, с немыслимой, нечеловечьей походкой.

Ужас молнией проходит через сердце, ледяным камнем гнездится где-то в животе.

Он-то под плащом, в убежище ненадежном, но проверенном. А Змейка?

Неужели она встретит лихо лицом к лицу?

...Холодный камень мостовой успокаивает ссадину на подбородке. Мамина юбка легкая, воздушная, но очень плотная, она сшита из шуршащего, как папиросная бумага, шелка, и от нее тонко пахнет белыми розами. Гул голосов. Пронзительный, на грани восприятия, свист дудочки.

– Не с-с-смотри!

Рядом с ним корчится что-то большое, тяжелое, часто, с присвистом, дышащее. Бьется, как рыба, угодившая в сеть, старается вырваться. И шипит, как красная от жара головешка, брошенная в холодную воду.

Страх превратил маленького мальчика в камень, в крохотного зверька, в безумной надежде прячущегося под ненадежной защитой большого листа лопуха. Человек, вокруг которого только что вращалась его маленькая вселенная, внезапно исчез в этом свисте и шипении, остался где-то за пределами его темного, ненадежного убежища.

Щелчок – позже он будет различать этот звук спущенной арбалетной тетивы среди сотен других, – за ним сдавленный хрип и оглушающая тишина, в которой что-то шумно падает рядом, тяжело оседая на камни.

Через дырочку в шелке видна лишь тонкая рука, безжизненно распластавшаяся на мостовой, – змеиные чешуйки блестят на солнце очень ярко, как драгоценные камни, а плотный шелк юбки с одной стороны начинает пропитываться чем-то темным и липким, остро пахнущим железом.

Кто-то хватает его, одним рывком сдергивая шуршащее убежище в сторону, и лишь тогда он начинает кричать, захлебываясь плачем, лягаться ногами, силясь освободиться...

Вику на мгновение почудилось, будто бы ему снова шесть лет и его снова прячет шасса, скрывая от того, чего ему никак нельзя видеть. А сама остается, снова смотрит в лицо своей смерти и ничего не просит взамен. И тошно от этого липкого, противного страха, тошно от себя самого, что позволяет ей снова это делать.

Ледяной комок ужаса тает, растопленный горячеей, как огонь, злостью, в первую очередь, на самого себя. Тогда он был ребенком, который ничего не мог сделать. Но теперь

подобных отговорок больше не будет, да и сам он давно не ребенок, кое-что знает и умеет. Значит, и прятаться больше не имеет права.

Лежа на животе, Викторинан нащупал цепочку, потянул за нее, вытаскивая из-за пазухи тоненькую, хрупкую, как лунный луч, свирельку. Кое-как приподнялся на локтях, закрыл глаза, перебирая в уме мелодии, а в итоге заиграл ту, что не призывала, а отгоняла нечисть. Ту, что тихонько шептала – нет здесь ничего интересного, да и вообще ничего и никого здесь нет. Успокаивала, упраскивала идти своей дорогой, не оглядываясь...

Кто-то резко отбросил в сторону прикрывающий дудочника плащ – Вик только крепче зажмурился, но каким-то чудом не сфальшивил, хотя горло сдавило неприятным, болезненным спазмом.

Тонкая жесткая рука очень легко дотронулась до его плеча.

– Вик, – голос у шассы дрожал, прерывался, то и дело скатываясь на едва разборчивое, жутковатое шипение, – оно уш-ш-шло. Чес-с-стно.

Право слово, ему еще никогда не было так до одури страшно открывать глаза.

Ясмия стояла рядом с ним на коленях, упорно отворачивая в сторону лицо, почти полностью покрывшееся золотой змеиной чешуей. Часть прядей, свисавших на лоб, обратилась в короткие янтарные шипы, торчащие из взлохмаченных, неровно остриженных волос, как усики бабочки. С подбородка на шею спускался сложный, вычурный узор из бликующих на солнце чешуек, подогнанных друг к другу плотно-плотно и мерцавших наподобие драгоценного ожерелья. Шасса бросила взгляд на оборотня, сидящего на корточках в куче лохмотьев, которые когда-то были его одеждой, посмотрела на Вика, с огромным трудом сумевшего оторвать свирельку от губ.

– Я чудовище, да? Нелюдь?

Музыкант очень медленно сел, а потом неожиданно сам для себя схватил Ясмию в охапку, не обращая внимания на то, что ее ставшие жесткими волосы больно царапают свежую ссадину на подбородке. Крепко прижал к груди – живую, неискалеченную, драгоценную золотую змею, ощущая, как от неожиданно нахлынувшего облегчения слабеют колени и начинают мелко-мелко дрожать руки. Что-то, что не давало ему покоя много лет, внезапно лопнуло, как распиравший изнутри мыльный пузырь, оставив после себя удивленную, гулко звенящую пустоту. Будто бы исчезла тупая, ноющая боль, с которой уже давно свыкся, – она просто перестала беспокоить, как внезапно излечившаяся старая рана.

– Дурочка, – тихо выдохнул змеелов, глядя бывшую лирху по затылку, покрытому гладкой, скользкой чешуей. – Ты самая красивая.

И в тот момент это было истинной правдой.

Глава 6

Ромалийский посох раскололся по всей длине, едва я сошла с серебристой дороги берегинь на каменистую тропку, выющуюся вдоль обрыва. Острая щепка прорезала мне ладонь не хуже лезвия ножа, я приглушенно вскрикнула больше от неожиданности, чем от боли, слепо шагнула в сторону – и тотчас почувствовала, как неровный край тропы осыпается крупным слежавшимся песком и камушками, увлекая меня следом за собой.

Чья-то сильная рука ухватила меня за запястье и оттащила подальше от пропасти, крепко прижав спиной к неровной шершавой скале.

– Вот дурища, – тихо пророкотал харлекин, переминаясь с ноги на ногу и оглядываясь по сторонам. После превращения в степи он не дал себе труда, чтобы одеться, и сейчас, судя по всему, не слишком радовался мелким камушкам под босыми ступнями. – Вывела нас на какую-то козью тропу, до утра теперь не спустимся. Дудочник, так он точно шею свернет, вот увидишь. Ждать надо, пока солнце встанет. Все равно ни один идиот на ночь глядя сюда не сунется, точно тебе говорю.

Искра шумно вздохнул и пристально посмотрел на меня.

– Кровью пахнет. Ты поранилась?

– Я... – только сейчас я поняла, что все еще сжимаю в опущенной руке посох, который не разваливался на части лишь благодаря веревочке, которой я крепко обвязала оголовье, – поцарапалась... щепка попалась острая.

– Дай посмотрю.

Я лишь упрямо помотала головой, пряча руку с посохом за спину.

– Искра, а куда Вик делся, он же первым шел?

Оборотень указал на небольшой козырек, выступающий из неровного тела скалы чуть в стороне от того места, где мы стояли. Тропа поднималась к нему очень круто, и непонятно было, то ли идти по ней, то ли уже карабкаться, помогая себе руками и стараясь не оглядываться назад, чтобы ненароком не оступиться и не свернуть себе шею при падении.

– Там вроде бы пещера. Змеелов туда только что забрался, а поскольку я не слышал ни воплей, ни звука падения, это означает, что его там ничего не сожрало, да и упасть он тоже не упал. Значит, и для нас безопасно будет. Давай сюда свой посох, иначе ты в жизни туда не заберешься.

Я не успела даже возразить, как Искра перехватил мою руку, которую я прятала за спиной, за запястье и тихонько выругался, увидев щепку, глубоко засевшую в ладони, и кровь, темными капельками стекающую по расколотому посоху.

– Что же ты так цепляешься за эту деревяшку, а? Змейка?

Я не слушала. Я смотрела на то, как тускнеет ромалийский посох, как перестают мягко светиться непонятные значки, читать которые так и не успела меня научить лирха Ровина. Как дерево в моей руке, которое я привыкла ощущать теплым, живым, постепенно остывало, умирало, становясь холодным и тяжелым.

Мертвым.

Когда хоронили лирху Ровину, мою наставницу, которая если и не смогла заменить мне мать, но успела заслужить мое глубокое уважение своей заботой и своим доверием, я почти не ощущала горечи потери. Я стояла среди громко плачущих женщин и угрюмо молчавших мужчин и не могла разделить с ними их горе. Потому что Ровина ушла – и она же осталась в своем посохе, в своем верном спутнике, давно ставшем частью ее и бережно хранившем в себе маленький кусочек ее яркой, сильной, прекрасной души. Тогда, ранней весной, когда снег только-только начал чернеть на каменных ладонях загрядских площадей, я не чувствовала, что наставница меня покинула. Я ощутила это лишь сейчас, прижимаясь спиной к прогретому летним солнцем песчанику, задыхаясь от степной жары, которая не отступила даже с приходом ночи, глядя широко раскрытыми глазами на запад, на полыхающий под большим городом из белого камня зеленый костер, проросший во все стороны призрачными щупальцами.

Только теперь я наконец-то осознала, что осталась одна, без незримой поддержки мудрой моей наставницы, и это неожиданно возникшее чувство потери оказалось столь острым, что я разревелась в три ручья, выронив из ослабевших пальцев бесполезную уже, отслужившую свое палку, чем сверх меры напугала и без того обеспокоенного харлекина.

А потом я оказалась в крепких объятиях, надежных, сильных. Ощутила еле слышимый запах шассей чешуи и подземного гнезда. И тогда страх, который копился во мне с того момента, как я прозрела и стала видеть больше и дальше, чем кто-либо из золотых моих братьев, наконец-то прорвался из меня вместе со слезами, как гной из плохо зашитой раны. Я захлебывалась плачем до кашля, до подступающей к горлу тошноты, цепляясь за Искру, как за последний осколочек своего рода, как за то единственное, что все еще связывало меня с домом, с шассами, за то, что напоминало мне о том, что я все-таки змеелюдка. Что человечья оболочка – лишь притворство, а живет во мне золотая змея с янтарным гребнем, которая выстоит, выдержит там, где человек сломается, падет на колени и откажется продолжать путь. Вот только чтобы переродиться внутренне, мне надо было распрощаться с прошлым, как со старой, отслужившей свой срок и потому ставшей тесной змеиной шкурой...

Когда слезы закончились, я ощутила себя легкой и пустой, как высушенный на солнце

стебель тростника. Болела голова, во рту до сих пор стоял неприятный кислый привкус, но меня слегка отпустило. Мне казалось, что я снова сменила облик, выползла из ветхой кожи, чтобы засиять под солнцем во всем своем обновленном блеске. Что-то во мне изменилось, я это чувствовала, но все никак не могла подобрать этому названия.

– Змейка, – тихо позвал меня Искра, осторожно оглаживая меня по затылку, – что бы ни случилось, пока я жив, я тебя не оставлю.

Я не ответила – лишь повернула голову, чтобы взглянуть в сторону козырька. Там, наверху, сидел Викторинан и задумчиво вертел в руках дудочку, похожую на тоненький обломок лунного луча. Инструмент, где не все украшения удачно гармонировали друг с другом, но все же созданный с большим мастерством, знанием дела и хорошей интуицией мастера, который чувствует свое изделие.

Змеелов смотрел на нас с Искрой, и в ореоле его души плескалось сочувствие. Или же жалость. Или то и другое вместе – я не могла определить значение этого переливчатого золотисто-зеленого оттенка, который был точь-в-точь таким же, как тот, который сейчас ярко сиял в ореоле обнимающего меня харлекина.

– Забраться наверх сможете или принести веревку? – деловито поинтересовался Вик, отводя взгляд куда-то в сторону, будто бы вспомнив, что золотые мои глаза видят насквозь не только ночную темноту.

– Сможем, – глухо отозвался Искра, поудобнее беря меня на руки и спокойно переступая через валяющийся на тропе сломанный посох Ровины. Пустой и холодный. Мертвый, как телесная оболочка, которую уже покинула душа. – Ты только отойди с дороги, а то собью ненароком.

– Собыешь, как же, – хмыкнул Викторинан, но с тропы все-таки отошел, окончательно пропав из виду.

– Так-то лучше, – едва заметно улыбнулся оборотень, прижимая меня к себе и отступая на шаг назад. – Змейка, обхвати меня за шею. А за деревьяшкой твоей я попозже вернусь.

Я послушалась – и железный оборотень в три прыжка взобрался вместе со мной на козырек, где у низкого входа в маленькую пещеру, больше похожую на промоину в песчанике, возникшую из-за зимних дождей, уже были сложены дорожные вещи змеелова. Сам дудочник успел натаскать откуда-то ворох тонких корявых веток, больше похожих на куст с обрубленными корнями. Такие обычно лепятся на скалах в труднодоступных местах, и, глядя на них, остается только гадать, как же крохотное семечко, попавшее в трещину, умудрилось пустить корни и выжить.

Искра осторожно поставил меня на неровную, чуть скошенную в сторону обрыва площадку, торопливо снял рюкзак, к лямкам которого были прицеплены потускневшие ножны с тяжелым мечом, и торопливо скрылся из виду.

– Видать, за один раз все не подобрал, – вздохнул змеелов, отходя к маленькому очагу, наспех сооруженному из камней, где уже стоял смехотворно маленький «шалашик» из веток. – Что у тебя случилось?

Я посмотрела на все еще кровоточащую ладонь. К счастью, дерево посоха не было занозистым – щепка, которая пропорола мне руку, была гладкой и острой, как ошкуренный колышек, а иначе было бы мне развлечение на весь остаток ночи.

Вик чем-то позвенел в сумке, достал небольшую бутылочку, оплетенную бечевкой, плеснул содержимое на ветки и чиркнул спичкой, выуженной из непромокаемого чехла.

– Так-то лучше, – улыбнулся разноглазый, наблюдая за тем, как ярко-рыжее пламя охватывает ветки, покрытые шершавой темно-серой корой. – А то надоело мне сидеть здесь, как слепому котенку, и так уже едва шею не свернул, пока на этот козырек взбирался. Ты к огню-то хоть подойдешь?

А куда я денусь?

Я села на расстеленное одеяло, подальше от костерка и плывущего от него жара, а дудочник протянул мне аккуратно сложенный носовой платок.

– Вытри лицо. И дай мне руку, обработаю хоть. А то на запах крови всякая дрянь

сбежаться может, а я бы хотел в эту ночь поспать спокойно.

– Думаешь, завтра не сможешь? – тихо спросила я, послушно протягивая Викториану поцарапанную ладонь и шумно сморкаясь в предложенный платок.

– Неизвестно еще, наступит ли для меня или тебя завтрашняя ночь, – снисходительно пояснил змеелов, щедро поливая мне протянутую ладонь тем же остро пахнущим снадобьем, которое перед этим плеснул в огонь, чтобы горело получше и жарче. Царапину сразу же нестерпимо зажгло и зашипало, я вскрикнула и попыталась вытереть ладонь о юбку, но Вик держал меня за запястье крепко, как клещами.

– Пощиплет и перестанет, зато ранка не воспалится, – серьезно произнес дудочник, все еще держа меня за руку. – И кровотечение остановится. Потерпи немного, ты же не маленькая девочка.

– А заранее не мог предупредить? – сквозь зубы выдохнула я, чувствуя, как боль и в самом деле отступает, а выступившая на открытой царапине белая пена стала бледно-розовой и подсохла, став похожей на кашицу из лечебных трав.

– Тебе стало бы не так больно от моего предупреждения? – резонно заметил Вик, доставая из сумки тонкую полоску белой ткани и начиная аккуратно заматывать мою ладонь. – Сомневаюсь.

– Вот и я сомневаюсь, – пророкотал совсем рядом неслышно подошедший Искра, кладя на одеяло передо мной сломанный посох, кое-как перетянутый в двух местах бечевкой и сядя рядом. Штаны он все-таки надел, как и обувь, но этим и ограничился. – Что делать будем? От погони мы вроде как ушли, до цели, как я понимаю, нам рукой подать. Змейка, ты как собралась эту дрянь из города выкуривать? Я присмотрелся – поселение там немаленькое, я б сказал. Даже очень-очень большое, еще больше, чем Загряда. Как ты найдешь там эту тварь? Или просто хочешь попробовать ее выманить с помощью дудочки змеелова?

– Выманить – не выманит, разве что отвлечем, – вздохнул змеелов, затягивая аккуратный узелок на кончиках бинта и с явной неохотой выпуская мою ладонь. – Для Госпожи Загряды моя дудочка была все равно что комариный писк – раздражает настолько, что хочется побыстрее прихлопнуть источник этого мерзкого звука, но вряд ли оно ради такого сомнительного удовольствия стало бы покидать город. К тому же я читал донесение, поступившее в Орден Змееловов о том, сколько людей погибло и сколько пропало без вести во время того события в городе. Подозреваю, что некоторые просто ушли по твоей колдовской дороге в светлое будущее подальше от этого кошмара, но и без них жертв было много. Хочешь повторить этот великий подвиг, только на этот раз вывести людей заранее? Думаешь, тебя послушают?

– Я не смогу их вывести, – тихо произнесла я, неторопливо развязывая узлы бечевки, которой был стянут посох. – Ровина, наверное, и смогла бы, но я не знаю, как открывать дорогу берегинь без ромалийского посоха. А этот сломался и уже умер. Даже если его починить, в нем не будет силы. Теперь это просто старая деревяшка.

Узлы веревки наконец ослабли, и посох с тихим треском рассыпался на узкие, тонкие и острые щепки. Но уцелел деревянный шар в оголовье – он всего лишь покрылся сетью глубоких трещин, будто переспелый плод, упавший с высокой ветки.

– Его... нужно просто сжечь, – пробормотала я, кидая первую щепку в огонь, который пугливо прижался к прогорающим веткам, а потом все же начал неохотно охватывать гладкую деревяшку. – Волшебные инструменты никогда не выбрасывают, их хоронят в огне, как и владельцев.

Вторая, третья...

Щепки летели в постепенно разгорающееся пламя, превращая маленький, тусклый огонек в жаркий костер путника, способный обогреть каждого, кто набредет на него. Последним в огонь упало растрескавшееся, почерневшее оголовье, и тогда огонь неожиданно ярко вспыхнул, языки пламени взметнулись высоко в небо, на несколько мгновений окрасившись травяной зеленью, которая была видна не только мне, но и моим

спутникам.

А мне неожиданно стало легче. Будто бы я выполнила свой последний долг, наконец-то отдала все полагающиеся почести инструменту, который верой и правдой служил вначале моей наставнице, а потом и мне. Инструменту, который когда-то стал почти живым, стал опорой и помощником, а ныне обрел заслуженный покой.

Зеленое пламя быстро опало, пугливо прижавшись к ярко-красным угольям обычным рыжим огнем. Искра встрепенулся первым, встал, чтобы подбросить в огонь несколько веток, а дудочник молча положил мне теплую ладонь на плечо. И, заглянув в его разные глаза, я осознала, что он, похоже, действительно понимает эту тонкую, неуловимую и неочевидную для непосвященных связь между мастером и его волшебным инструментом. Между создателем и его творением, выстраданным, известным до мельчайших деталей, надежным и почти бесценным для владельца.

– Тебе надо отдохнуть, – тихо сказал он, убирая руку. – Ты справишься и без посоха, все равно самая большая твоя сила сокрыта не в нем, а в твоих глазах и золотой чешуе. Я тебя видел там, в Загряде. Ты можешь выстоять, где ни один человек не выстоит, с волшебным инструментом или без него. А если пошатнешься – тебя поддержит не только твой железный оборотень, но и я.

– Ты прав, – вздохнула я, снимая с пояса кожаный мешочек с таррами. – Человеческие игрушки завтра мне не помогут.

Я уже хотела бросить в огонь и тарры, но Вик перехватил меня за запястье и осторожно вытащил из моих пальцев эту «игрушку».

– Не нужно избавляться от всей той памяти, которая причиняет тебе боль. Можешь пожалеть об этом в самый неподходящий момент. – Змеелов покачал головой и сунул потертый мешочек в свою и без того раздутую дорожную сумку. – Я сохраню для тебя эту память. И верну, когда она тебе понадобится.

– Тогда уж забери сразу и это. – Я торопливо, будто бы опасаясь, что могу передумать, расстегнула один за другим золотые браслеты с колокольчиками, все четыре, и протянула их музыканту. – Все равно, когда я сброшу человечью шкуру, они, скорее всего, сгорят, а так у них есть шанс уцелеть.

– Значит, я и их приберегу. Хорошие инструменты не заслуживают того, чтобы от них бездумно избавлялись, – улыбнулся он, принимая браслеты из моих рук, а потом неожиданно подался вперед и поцеловал меня в лоб. – Спи, Ясмия. Завтра нам всем будет нелегко.

Удивительное дело, но после этих его слов я заснула легко и почти мгновенно.

И, засыпая, впервые за долгое время ощутила себя затаившейся под личиной шассой, а не человеком...

Разбудил меня солнечный луч, пригревшийся на щеке. Я заворочалась, перекатилась со спины на бок, а потом услышала приглушенные мужские голоса неподалеку. Разобрать слова не удалось – мои спутники говорили довольно тихо, да и ветер сносил их слова куда-то в сторону, но мне уже стало любопытно, о чем могут разговаривать змеелов и железный оборотень, потому открыла глаза и неохотно села.

– О, ты уже проснулась. – Вик, до тошноты свежий и бодрый, поднялся с места и подошел ко мне, держа в руках кусок хлеба, посыпанный солью, и сыр, нарезанный по городской манере тонкими, почти прозрачными ломтиками. – Завтракать будешь?

– Буду, – призналась я, чувствуя необычно сильный голод. – А вы давно встали?

– Часа два как, – ответил вместо дудочника Искра, выкладывая на чистую белую тряпицу перевязанный тонкой бечевой кусок копченой ветчины и берясь за широкий охотничий нож со знаком Ордена Змееловов на светлой березовой рукоятке. – Тебя решили не будить. Куда торопиться? Если та зараза много лет как обосновалась в городе, вряд ли она решит сбежать из него прямо сейчас, не дожидаясь нашего появления. Так что мы с Виком посовещались и решили, что нет смысла торопиться на смертную битву, да еще и на голодный желудок. А то вдруг не добежим, а?

Харлекин улыбнулся, нарезаю мясо толстыми ломтями, а я, взяв у дудочника хлеб и сыр, подседа поближе к Искре, выхватив у него очередной кусочек едва ли не из-под ножа.

– Змейка, ты так не делай больше, а то нож у нашего музыканта такой острый, что не заметишь, как без пальца останешься. Я не шучу.

– И зачем он ему такой острый? – как бы между делом поинтересовалась я, кладя мясо на хлеб и откусывая первый кусок. Дудочник лишь неопределенно пожал плечами, а взгляд харлекина ощутимо похолодел.

Давно я уже не видела у него такого взгляда – усталого, серьезного, полного решимости идти до конца. Взгляд загнанного в ловушку, уже порядком измотанного и израненного лиса, к которому тем не менее не решается подойти ни один охотник. Потому как этот лис, нехорошо зыркающий золотисто-кариими глазами из того самого угла, куда его загнала твякающая собачья стая, непременно попытается вцепиться в горло первому, кто подойдет на расстояние прыжка. Захочет продать свою жизнь подороже, и можно поставить пять к одному, что у него это получится.

– Трофеи легче добывать с помощью хорошо заточенного инструмента. Шкуры снимать, к примеру, – наконец-то произнес Искра таким тоном, что аппетит у меня как-то улетучился, и смотреть на широкое блестящее лезвие, аккуратно нарезающее нежно-розовую ветчину, стало неприятно.

– Мне что, извиниться? – едко поинтересовался Викторин, нарочито беззаботно присаживаясь рядом со мной и беря с расстеленного на камне льняного полотенца краюшку. – Так я запросто, мне не жалко. Только вот странно, почему сидящий передо мной людоед так ненавязчиво намекает, что использовать нож для добывания раненой нечисти плохо, а приобретать новую личину через поедание человеческой плоти – хорошо? И кстати, для «добывания трофеев» у меня есть совсем другое орудие, а это я ношу для хозяйственных нужд.

– Вот только не подеритесь, – вздохнула я, отворачиваясь и глядя с высоты козырька на большой город, раскинувшийся у подножия ноздреватой охряно-желтой горы.

Красивый такой – белые, будто слепленные из снега небольшие домики, похожие на детские кубики с узкими окошками под самой крышей, узкие улочки, переплетающиеся друг с другом и образующие причудливый, сложный лабиринт, а в самом центре города на большой площади стоял не то дворец, не то храм, обрамленный двумя кольцами зелени. Несколько узких башен, каждая из которых была увенчана сияющей в лучах утреннего солнца золотой маковкой, тесно обступали основное строение с воздушным узорчатым куполом, который издали казался переливчатой чешуей всех цветов радуги. Высокая оборонная стена с аркой ворот и опущенным подвесным мостом, в который упирался наезженный торговый тракт. Широкий ров, заполненный мутной зеленой водой, – из-за жары он обмелел, и кое-где над маслянисто блестящей поверхностью показались облепленные грязью и тиной острия кольев.

Город был живым, он дышал и существовал своей собственной суетливой, но в то же время ленивой жизнью. Он уже проснулся, главные ворота были раскрыты настежь, и по подвесному мосту с неторопливой деловитостью ехали груженные добром телеги, запряженные волами, шли погонщики, торговцы, да и просто дорожные люди.

Если не знать, что поднимается над этим местом с каждым закатом солнца, ни за что не поверишь, что под этим бело-золотым городом затаилось нечто опасное, голодное и неестественное. Не злое и не доброе – просто неправильное, искусственно вплетенное в полотно Мироздания. Чуждое семя, пустившее зараженные гнилью корни в плодородную почву. Если такое деревце не выкорчевать вовремя, весь сад может погибнуть.

– А что это за место? – наконец поинтересовалась я, дожевывая хлеб и запивая его водой из заботливо подsunутой Искрой фляги.

– Златополь, – неохотно ответил змеелов. – Был когда-то столицей Лиходолья, богатым и весьма удачно расположенным городом. Под землей у них течет река, которая никогда не пересыхает, даже в самую страшную засуху, поэтому город не испытывает недостатка в

воде. В краях, где к одному колодцу по очереди ходят люди из нескольких деревень, такое обилие воды – это не просто богатство, а неслыханная роскошь. Потому Златополь опоясывают такие толстые и крепкие стены, дома образуют настоящий лабиринт, а ширина большинства улиц такова, что редко два человека, идущие друг другу навстречу, могут разойтись, не столкнувшись плечами. Этот город – одна большая крепость, которую тяжело осаждают, но еще тяжелее брать штурмом. Потому он и стал столицей в лихой степи, где набеги кочевников – обыденное явление. Из него Славенское царство диктовало свою волю и призывало к себе на службу самых лучших, самых сильных и самых талантливых. Воинов, врачей, мастеров. – Викторян пристально посмотрел на меня. – И ромалийцев тоже. Всем табором брали, особенно если с лирхой приходили. И взять этого город так никому и не удалось... Почти никому.

– Но кто-то все же сумел? – тихо спросила я, обеими руками держась за легкую деревянную кружку с потемневшим от времени донцем.

– Не кто-то, а что-то, – поправил меня музыкант, глядя куда-то в сторону. – Лиходолье смогло сделать то, что не удавалось нескольким поколениям кочевых племен. Оно расширялось, рождая все более причудливую нелюдь в своих землях, росло – и однажды так случилось, что Златополь оказался внутри бережного круга. Запертый, отрезанный от «нормального» мира колдовской стеной из верстовых столбов с красными остриями. Ты их видела у Черноречья. Такие же стоят верстах в сорока за Златополем, обозначая восточный край лиходольской степи.

– Но город-то жив, – возразила я, указывая на вереницу повозок, постепенно скрывающихся за воротами.

– Так и Лиходолье не обезлюдело от того, что Орден отсек его от Славении колдовскими столбами, – пожал плечами Викторян, неторопливо жуя хлеб. – Конечно, тут нечисти всякой – под каждым кустом при желании найти можно, но люди все равно сюда приезжают. Торговцы – потому что через степь проходит самый короткий путь до южного морского порта. Каторжники и бандиты – потому что здесь им не грозит виселица. Бродяги, искатели сокровищ, тайные влюбленные, да и просто дураки, которым мерещится слава победителя чудищ, – все они стремятся в Лиходолье, поскольку здесь не станет преследовать власть, кредиторы и суровые родители. Разве что заклятые враги сунутся.

– Тебя послушать, так здесь почти рай, – ухмыльнулся оборотень, тщательно вытирая нож о полотенце и протягивая его Вику рукоятью вперед.

– Для тех, кому Славения стала преисподней, – еще какой, – серьезно ответил змеелов, принимая нож и, не глядя, убрав его в ножны на поясе. – Вас ведь сюда тоже не от хорошей жизни потянуло. Впрочем, вам-то в этой степи и бояться почти никого не стоит.

– Хорошо сказал, – согласилась я. – Почти.

Солнце поднималось все выше, и на скале становилось все жарче. Дудочник уже давно ждал нас у «козьей тропы», прижимая к боку раздутую дорожную сумку, и с любопытством наблюдал, как мы с оборотнем прячем свои вещи в маленькой пещерке, оставив при себе лишь узелок с едой и Искров широкий нож. Все остальное – сумки, одеяла, сменную одежду и все те мелочи, что успели захватить с собой, покидая обжитый дом в Огнеце, – оставили, замаскировав камнями.

Странное дело, но сейчас, оставшись без посоха, без тихо позванивающих при каждом шаге браслетов, без привычной тяжести мешочка с таррами на поясе, я чувствовала себя как шасса, впервые сбросившая шкуру. Тот момент, когда старая чешуя, тонкая и ломкая, уже сползла, оставшись грязными обрывками у ближайшей расселины, а новая, блестящая, гладкая и мягкая, еще не успела окрепнуть и затвердеть. Время, когда с головой окутывает постепенно проходящее ощущение уязвимости и незащищенности. К счастью, чешуя у молоденьких шасс крепнет очень быстро – и дня после линьки не проходит, как шкура становится еще крепче, чем была.

Но после первой линьки все мы запоминаем, какими уязвимыми можем быть...

– Хороший схрон получился. С пяти шагов не разглядеть, – усмехнулся змеелов,

опираясь на трость. – Правда, на шестом шаге можно уже вниз ухнуть, но это мелочи.

– Это тебе в наследство останется, – нарочито весело отозвался харлекин, вешая нож на пояс и сдвигая его за спину. – Если в этот раз нас со Змейкой эта тварь сожрет, все твое будет.

– Сами за бараклом своим явитесь, еще не хватало носильщиком у оборотней подрабатывать, – едко отозвался Вик и, не дожидаясь ответной колкости, принялся спускаться по тропе, да так быстро, что поневоле пришлось последовать его примеру, чтобы не отстать.

Спуск оказался нелегким. Кое-где обрыв так сильно сужал тропку, что приходилось идти, тесно прижавшись спиной к шершавой скале, пачкая одежду желтой пылью и стараясь не смотреть, как из-под твоих ног вниз устремляются ручейки мелких камушков, смешанных с песком. Искра, шедший на этот раз последним, тихонько посмеивался над тем, куда я умудрилась нас всех завести, и спасибо, что оказались мы не внутри скалы, а всего лишь на тропе, где даже харлекин способен сломать и ногу, и шею, и все, что угодно. Ему было беспокойно, если не сказать страшно: в глубине его золотисто-алого переливчатого многоцветья мерцали облачка тревоги, вспыхивающие ярче каждый раз, стоило мне оступиться или чуть поскользнуться на камнях.

Искра прекрасно помнил истинный облик Госпожи Загряды. Его железные доспехи, до того как видоизменились, став похожими на плотно облегающий чешуйчатый панцирь, хранили след от каменных ее челюстей. Да и сама я невольно покрывалась холодным потом, когда перед глазами вставало зрелище щупалец, бьющихся о прозрачную колдовскую границу перед самым моим лицом. Безмолвно разевающиеся круглые миножки рты, усеянные крохотными, но острыми, как бритва, зубами в восемь рядов, розоватая упругая плоть, дрожащая и постоянно сокращающаяся...

Я видела, что становилось с теми, кого Искра не успевал вытащить из тугих колец. Видела и те наполовину объединенные останки, которые харлекин выхватывал с секундной заминкой и почти сразу отбрасывал в сторону, ища тех, кому еще можно помочь.

Больше я такое видеть не хочу. Никогда и нигде.

А значит, той твари, что сонно ворочается под Златополем, нужно исчезнуть раз и навсегда.

– Змейка, не спи на ходу!

Я вздрогнула и посмотрела на Искру. Мы почти спустились – тропа огибала острый выступ и скрывалась в куче булыжников, усеявших степь у подножия горы. Дудочник уже стоял внизу, приложив ко лбу ладонь козырьком, прикрывая глаза от лучей яркого летнего солнца, и терпеливо ждал, когда мы соизволим к нему присоединиться.

– Можно подумать, что это не я хромой, а вы, – усмехнулся Вик. – Как знаете, но мне хотелось бы побыстрее со всем этим покончить, мое пребывание в Лиходолье и так слишком затянулось.

Я не стала отвечать, только вытерла вспотевший лоб рукавом блузки и торопливо сбежала вниз по тропе к ожидающему нас музыканту. Прав он: чем быстрее я выполню обещание, данное в обмен на умение видеть истину, тем скорее мы с Искрой станем свободными.

Что-то коснулось моего лица, будто бы к нему прилипла невидимая паутина. Непривычно холодный, почти ледяной ветер скользнул по моему затылку, заставив задрожать от озноба посреди жаркого степного лета.

Я подняла взгляд на светлые, почти белые стены Златополя, на гостеприимно распахнутые ворота – и неожиданно с какой-то обреченностью осознала, что нас здесь уже ждут...

Один змеелов как-то сказал мне, что очень многое отдал бы, чтобы видеть истину такой, какая она есть. Без туманной дымки приукрашиваний и недосказанности, без тускло-серых пятен лжи. А я с определенного момента то и дело хочу отказаться от этого дара, да

вот только боги Тхалисса не принимают своих даров обратно. Хочешь – не хочешь, а носи в себе этот бесценный, безжалостный подарок до самой смерти, а если повезет, передай потомкам, которые уже родятся с этим знанием и этой истиной и не станут ею тяготиться, потому как не будут знать ничего иного. Но быть первым – или первой – редко когда бывает легко и приятно. Чаще всего это тяжелая ноша и малодушные мысли о том, что лучше б боги одарили своей милостью кого-нибудь еще.

Но отказаться все равно нельзя. И сделать вид, что ничего не получил, – тоже.

Я споткнулась о вывороченный из мостовой камень, безотчетно хватаясь за локоть идущего рядом харлекина. Тот словно и не заметил – шел спокойно и размеренно, не убирая правой ладони с пояса. Вот только рука у него закаменела от напряжения так, что показалась отлитой из металла.

Мы шли в логово чудовища. Вернее, мы уже очутились в нем, вот только что делать, если самого чудовища даже мне не видно, а вокруг вместо запустения и вороха щупалец кипела самая обычная жизнь, настолько мирная и спокойная, насколько она только может быть в лиходольской степи под защитой толстых стен.

Да вот только и Загряда до какого-то момента казалась вполне мирным городом...

– Мия, ты точно с местом не напутала? – тихонько поинтересовался Викторинан, настороженно оглядываясь по сторонам. – Конечно, не мне судить, в прошлый раз я ту подземную тварь тоже в упор не видел, пока она сквозь мостовую не полезла...

– Вик, все гораздо проще. – Я качнула головой, подняла руку, чтобы вытереть пот со лба, а заодно поправить льняную повязку на глазах. – Мы для нее – слишком мелкие и незаметные. Пока не устроим кавардак погромче и помощнее, она даже не проснется.

– Предлагаешь поднять в городе бунт? – усмехнулся дудочник. – Мысль интересная, но мне кажется, что прежде, чем мы разбудим эту тварь, нас схватит местная стража. А если вы с Искрой окажете сопротивление всерьез, то дело дойдет и до местных орденских музыкантов. Тебе-то все равно, но вот оборотня твоего они зацепят.

– Полагаю, что уже не смогут, – задумчиво пробормотала я, внимательно глядя себе под ноги.

Ничего примечательного – камень как камень. Плитки отполированы до блеска тысячами шагов, и если б не тонкий слой песка и пыли, улицы в Златополе сияли бы на солнце не хуже, чем облицовка главных ворот. Я подняла голову – окна в каждом доме закрыты ярко-зелеными деревянными ставнями с частыми прорезями, а над каждой дверью с тяжелым металлическим кольцом вместо ручки висит свой собственный фонарь на железном крюке, глубоко вбитом в стену. Честно говоря, я не могла вспомнить ни единого города, в котором мне удалось побывать, где дома были бы настолько похожими друг на друга. Конечно, стены построек в крошечных переулках мало чем отличались друг от друга, но фасады домов, выходивших на крупные улицы, всегда были украшены – вывесками, цветами, небольшими скульптурами, рисунками или резьбой. Здесь же я перестала понимать, где мы находимся, едва удалившись от городской стены.

– Что мы ищем? – спустя час или два поинтересовался музыкант, видимо устав бесцельно бродить по совершенно одинаковым улицам по послеполуденной жаре. Я кашлянула и неосознанно потерла ладонью влажную от пота шею – в горле пересохло, а последний глоток воды из Искровой фляги я выхлебала еще с полчаса назад.

– Не мы ищем, – неожиданно отозвался до сих пор молчавший харлекин, и голос у него был низкий и хриплый, будто слегка надорванный. На миг мне почудилось, будто в горле оборотня заработали какие-то железные шестеренки, которые в итоге и произвели этот неприятный, скрежещущий голос. – Мы ждем, когда заметят нас. Змейка? Я прав?

– Почти. – Я разжала пальцы, ослабляя паутину заклинания и гадая, научился Искра в конце концов чутать ромалийское колдовство или же просто он слишком хорошо меня знает. – Госпожа Загряды очень чувствительно реагировала на тех, кто приносил легкую смуту в ее город, кто был способен расшевелить людей, ослабив ее контроль. А еще на тех, кто умел менять мир вокруг себя. В конце концов, один-единственный комар, если он

полночи звенит над ухом, способен заставить не только проснуться, но еще и начать дурацкую охоту в попытках отбить себе право на спокойный сон.

– Тогда, быть может, ты будешь звенеть у твари над ухом хотя бы из этой чайной? – Вик указал на жестяную табличку с изображением маленькой чашки и виноградной грозди, висящую на соседнем доме. Гостеприимно распахнутую дверь прикрывала занавеска из разноцветных деревянных бус, и даже через улицу чувствовался сладкий запах свежей сдобы, меда и конфет из жженого сахара.

– Толку-то, – пожала плечами я. – У нас все равно денег нет, все в Огнеце у стражников остались.

– Это у вас нет, – спокойно поправил меня змеелов. – Сегодня я угощаю. Пошли.

Он улыбнулся неожиданно светлой, белозубой улыбкой, ярко блеснувшей на загорелом до смуглоты лице, обрамленном разлохматившимися на вольном степном ветру золотистыми волосами, и шагнул вперед, на другую сторону улицы, по привычке прижимая к боку раздутую до неприличия дорожную сумку. Обернулся, глядя на меня, и неожиданно замер. Застыл как соляной столп с остекленевшими, неподвижными глазами живой статуи, глядя куда-то мне за спину.

Я бросилась в сторону раньше, чем успела что-то подумать. Перекатилась, больно ссадив локоть до крови о мостовую, и резко обернулась, чтобы увидеть, как Искра одним точным ударом сапога давит в мерзкое зеленое крошево какого-то длинного, тонкого, почти прозрачного червяка, извивающегося в пыли.

– Дрянь, – с отвращением выдохнул оборотень, отступая и рывком вздергивая меня на ноги. – Та же, что и в Загряде. Такие же ростки.

– Ну, зачем же так грубо? – мило улыбнулась проходящая мимо нас высокая девушка в темном платье, легонько задевая меня корзиной, из которой выглядывал краешек белой хлебной лепешки, накрытой полотенцем.

Я стиснула зубы и невольно прижалась к Искрову боку, ища у него защиты.

Но девушка уже шла прочь, даже не удостоив нас взглядом.

– Я же не мог не попытаться, – пожал плечами мужчина, ведущий на поводу осла, через спину которого был переброшен тяжелый мешок с мукой.

– Иначе как бы я понял, что вы не простые гости? – спросил третий прохожий, продолжающий чью-то чужую речь и смотрящий сквозь меня пустым, ничего не выражающим взглядом.

Краем глаза я заметила, как Викторинан вздрогнул, будто бы сбрасывая наваждение, и торопливо подбежал к нам, прижимаясь спиной к широкой спине Искры. Дзенькнула, вытягиваясь во всю длину, тонкая свирелька, украшенная драгоценными камнями и узорами, поймала солнечный луч, раздробила его и усыпала бледное, сосредоточенное лицо музыканта разноцветными пятнышками света.

А люди шли мимо, шли по делам, каждый – по своим, но при этом все они, все вместе, были частью чего-то большего. Чего-то объединенного. Чего-то, что играло с нами, заставляя обращаться к нам то одного, то другого прохожего из уличного потока. Один начинал фразу, другой ее продолжал, а третий заканчивал. И у каждого, стоило ему только посмотреть в нашу сторону, взгляд делался пустым и бессмысленным.

– Что с ними? – тихо спросил Вик, нервно перебирая кончиками пальцев по свирельке.

– Они все – одно целое, – наконец проговорила я, снимая с глаз повязку и бесстрашно вглядываясь в лицо каждого, кто шел мимо. – Они все – Госпожа или Господин Златополя.

– Да уж, – невольно хохотнул Искра. – У Загряды в подчинении был всего один-единственный Голос, а тут настоящий хор.

Неожиданно вся улица замерла. Каждый, кто шел мимо, кто занимался своими делами, попрошайничал или просто бездельничал, сидя в тенечке, все они замерли, одним общим движением повернулись к нам. Искра пригнулся, в лисьих глазах вспыхнули морозные огоньки, а рука, за которую я цеплялась, неожиданно затвердела, покрылась звенящей металлической чешуей и стала ощутимо больше. Музыкант глубоко вздохнул, поднося к

губам свирельку, и в этот момент раздались первые хлопки.

Я дернулась, будто от удара. Неожиданный вал аплодисментов распространился в обе стороны улицы, захватив каждого человека, звук метался между домами, и мне чудилось, будто бы на нас катится огромная волна, которая вот-вот сметет нас, утянет за собой и не оставит после нас и следа...

Все прекратилось столь же внезапно, как и началось. Тишина упала мгновенно, люди замерли с поднятыми, разведенными в разные стороны руками, и тогда к нам протолкался невысокий, лысоватый человечек с плоским, невыразительным лицом и тусклыми, больше похожими на стеклянные пуговицы глазами.

Вот только я смотрела на него, не в силах поверить.

У человечка был яркий, мощный, пышущий ослепительным блеском ореол золотой шассы.

Он такой же, как и я. Родич. Старше и сильнее, его ореол выглядит немного странно, он будто бы искусственно очерчен, втиснут в определенные рамки, но, без всякого сомнения, это еще один змеелюд. Здесь, в Златополе.

– Признала все-таки, да? Я уж думал, что ошибся. Ты такими глазами смотрела на мое представление, будто никогда ничего подобного не видела. – Он улыбнулся. Нехорошо, недобро. – Ах да. Забыл. Ты и не могла видеть. Ведь ты дикая, я прав? Самородок, который не успели вовремя отыскать и водворить в сокровищницу величественного золотого города. Мне всегда было интересно, что же из таких, как ты, вырастает.

– Это вообще кто такой? – негромко поинтересовался Вик, наблюдая за тем, как люди вокруг начинают неторопливо разбредаться в разные стороны. Двигались они заторможенно и потерянно, будто бы во сне, то и дело натыкаясь друг на друга.

– Змеелюд, – ответил за меня Искра, осторожно снимая мою ладонь со своего локтя и встряхиваясь, как собака, вылезшая из воды. – Вот только характер более поганый, чем у нашей Змейки.

– Сейш, плохо учишь своего помощника, – с притворным расстройством покачал головой человечек. Я вздрогнула, когда он назвал меня прозвищем, которым обычно наделяют маленьких, только-только прошедших первую линьку детенышей. Неразумной, глупой. И очень слабой. – Я его забираю. Научу, как правильно служить. Мне пригодится.

Он зашипел, широко раскрыв рот, так широко, как у человека по собственной воле никогда бы не получилось, только с посторонней помощью, и я вся сжалась, обеими руками хватая Искру за длиннопалую железную ладонь, уже обзаведшуюся короткими острыми когтями. Не пущу. Не отдам. После всего того, что мы вместе пережили, – не отдам.

Мое.

Искра качнулся, мотнул головой, рассыпая по плечам вместо рыжих волос тонкие серо-стальные струны. По широкой спине пробежала дрожь, больше похожая на рябь на водяной глади. На долю секунды мне показалось, что харлекин сейчас неловко, неуклюже опустится на корточки и упрется обеими руками в пыльную мостовую в знак подчинения, но он этого не сделал. Лишь нехорошо улыбнулся ярко блеснувшими на солнце треугольными железными зубами и приобнял меня за плечи. Шутливо поцеловал в макушку, не отводя взгляда от шипящего по-змеиному человечка.

– Я уже выбрал себе создателя. Второй мне не нужен.

Уверенность змеелюда пошатнулась. Я увидела, как мигнул золотой «ореол души», как ровное яркое сияние на мгновение пропало, и из-под этой сияющей ширмы проглянуло нечто такое, отчего у меня нехорошо засосало под ложечкой от страха.

Черная метка над сердцем, мертвое семя тьмы, опутанное зелеными побегими, дыра в тусклом ореоле. Этому змеелюду хватало сил на то, чтобы притворяться моим родичем, и, возможно, когда-то он действительно был им, но сейчас это была лишь иллюзия. Пустая, фальшивая оболочка, нечто, поддерживаемое искусственно и совсем другой силой.

Тварью, лениво ворочающейся под городом.

Снова слепящее золото, спрятавшее гнилую черноту, снова снисходительная усмешка

на человеческом лице.

– Подумать только! Сейш, я должен принести тебе извинения. – Человек вычурно поклонился, тихонько хихикая и с трудом выговаривая слова без змеиного присвиста. – Ты воспитала харлекина второго уровня, и теперь он обладает свободой воли даже перед лицом тех, в ком чувствует хозяев. Любопытно.

– Второго уровня? – тихо переспросила я, не слишком понимая, о чем идет речь.

– Второго, – усмехнулся змеелюд, усаживаясь на перевернутую корзину, стоящую при входе в чайную. – Если бы тебя вовремя забрали золотые сородичи и обучили должным образом, ты бы не задавала таких глупых вопросов. Но у нас есть время поболтать, все равно торопиться вам уже некуда, поэтому я тебе расскажу. Ты уже знаешь, что харлекины – лишь очень сложные механизмы, способные к самовоспроизводству. Мы их специально создали именно такими, чтобы не тратить ресурсы на обустройство фабрики для производства этих замечательных помощников. Когда они рождаются, то способны лишь на простейшие действия – защитный режим, отдых и добыча еды. И постепенно развивающееся сознание, в котором заложено подчинение шассам для ускоренного обучения. Это нулевой уровень, это даже не помощник еще, так, зачатки разума в груди железа и проводков.

Змеелюд улыбнулся и переплел пальцы на худом, впалом животе, наслаждаясь моей растерянностью. Я никогда не думала об Искре, как о каком-то инструменте, даже в самом начале, когда мы только-только с ним познакомились. Он был железным оборотнем, парнем с отвратным характером и без намеков на мораль, был моим защитником, другом, потом любовником, но это всегда был кто-то живой. Кто-то со своими мыслями, проблемами, желаниями и стремлениями. А не просто машина, которую мои золотые сородичи создали для облегчения собственной жизни.

– Девочка, стоит вложить в эту личинку источник энергии, чтобы ее постоянно не переворачивало из нужного облика в защитный режим в доспехах, как он становится способным к обучению, он слушает создателя, как самого себя, он копирует его поведение, подстраивается под черты его характера, защищает, выполняет приказы. И конечно, учится вдвое быстрее, накапливает и анализирует полученный опыт. Это – первый уровень. А на втором у харлекина появляется собственное «я», которое автоматически копируется в источник энергии. По сути, ты, сейш, можешь вытащить из этой болванки ту штучку, которую поместила в нее в самом начале, и вставить в другого харлекина нулевого уровня. И будет у тебя прежний помощник, с той же памятью и характером. Очень удобно, особенно если прежнее тело оказалось повреждено до невосстановимого состояния. Есть еще и третий уровень, но для этого нужно специальное обучение – и для тебя, и для него.

Значит, все, что есть у нас с Искрой, – это потому, что он «помощник», а я его «создатель»? Потому, что Искра попросту не мог относиться ко мне иначе? Только так – подстраиваясь под меня, становясь моей тенью, продолжением моих рук и моих мыслей? Инструмент вроде Виковой дудочки...

Я подняла голову, заглядывая в пустое, застывшее, лишенное эмоций склоненное лицо харлекина. Он тоже не верил? Или, наоборот, наконец-то понял, по какой причине не мог меня бросить или остаться в стороне от моих приключений? Все из-за того светящегося камня, оплетенного золотой паутиной тончайших проводков, из-за того «источника энергии», последнего осколка моего родного гнездовища, который засел у него в груди и превратил из железного оборотня, чья жизнь была от охоты до охоты, в харлекина, способного не только думать, но еще и чувствовать, запоминать, учиться.

Просто жить, в конце концов.

– Ой. – Человек неожиданно расхохотался, едва не свалившись в корзины. – Он что, не знал? Нет, он правда не осознавал этого и считал себя личностью с самого начала? И думал, что обладает свободой воли?

Он сел ровнее, и неожиданно блеклые водянистые глаза изменились, став золотыми с вертикальным зрачком.

– Вы такие интересные. Я всегда говорил, что нужно устроить именно такой

эксперимент – свести друг с другом харлекина нулевого уровня и подростка, который еще не вылинял в золото, и посмотреть, что получится из такого альянса! Но мне запрещали, говорили, что это слишком рискованно и жестоко для юной шассы, а оказалось, что жизнь и без нашего ведома очень успешно провела такой эксперимент. И результат даже можно считать положительным. Очень-очень жаль, что я не сумел понаблюдать за этой авантюрой с самого начала. Но я надеюсь еще узнать все подробности. Из города вам все равно не уйти, так что наша следующая встреча не за горами. Осматривайтесь, почувствуйте себя как дома. – Змеелюд слез с корзины и направился прочь. – А в чайную эту не ходите, цены грабительские, а мед старый. На соседней улице куда как лучше.

Я смотрела ему вслед, пока человечек не свернул за угол и не пропал из виду. Дудочник, до сих пор державший в руках свой инструмент, еле слышно выдохнул и спрятал свирельку в кошель на груди, оглядываясь по сторонам.

– Нас как будто нет, – наконец-то пробормотал он. – Среди бела дня девица со змеиными глазами и мужик, руки которого больше похожи на железные лапы с когтями, а на нас никто не обращает внимания.

– Это «слепое пятно», – тихо ответила я, осторожно беря Искру за руку. – В нас не хотят ничего замечать, поэтому не замечают.

Харлекин вздрогнул. Медленно повернул голову, глядя на меня сверху вниз яркими, невозможно синими глазами, заполненными морозным огнем.

– Искра...

Очень холодный железный коготь легко и почти неощутимо дотронулся до моих губ. Оборотень качнул головой, стальные струны изменили цвет, став встрепанными рыжими волосами. Да и коготь уменьшился, а потом и вовсе пропал.

– Я его убью, – буднично и даже как-то весело пообещал Искра. – Но не потому, что тебе так надо, а за то, что он заставил тебя сомневаться во мне.

Я неожиданно всхлипнула и подалась вперед, обхватывая харлекина обеими руками за пояс и пряча лицо в складках его рубашки, пыльной, ветхой, пахнувшей потом, дымом костра и самую малость – душным каленым железом. Тяжелая рука успокаивающе опустилась на мой затылок, бережно скользнула по волосам, пока я пыталась проглотить жаркий ком в горле, от которого на глаза наворачивались непрошенные слезы.

– Главный вопрос – как это сделать. – Голос дудочника звучал слегка приглушенно, но уже обретал былую уверенность опытного охотника за нечистью, которому неожиданно привалила работа, сулящая солидное вознаграждение. – Есть у меня одна мысль, вот только она мало кому понравится.

– Снявши голову, по волосам не плачут, – со смешком отозвался оборотень, крепче прижимая меня к себе. – Пошли в чайную на соседней улице, обсудим. Раз уж ты угощать вызвался.

– Грабители, – вздохнул Вик и осторожно похлопал меня по плечу. – Мия, ты знаешь, нелюди частенько врут, примешивая к своему вранью кусочки правды, чтобы было убедительнее. Я бы не стал на твоём месте полностью доверять сказанному этим существом. Самое главное, что у тебя есть сильный союзник, на которого ты можешь положиться, союзник, чье доверие ты заслужила. Так ли уж важно, что стало тому причиной?

А ведь он прав. Причина уже совсем не важна.

Я подняла голову, переводя взгляд на небо, которое потихоньку начало темнеть. Скоро наступит вечер, и мне не слишком хочется его встречать, не имея никакого плана действий.

Хотя в нашем случае любой план, скорее всего, окажется бесполезным...

Глава 7

Тьма накатывала с востока, понемногу пожирая остатки солнечного света. Сидя на сухой, выжженной летним солнцем траве под редкими развесистыми кустами, я чувала ее приближение так же явно, как зверь чует приближение бури в сухом, неподвижном воздухе.

На Златополь спускалась тишина, живая, пронизанная стрекотом невидимых в траве сверчков, шуршанием мышей-полевков и редким щебетом птиц. Городские ворота уже закрывали на ночь, но мост оставят опущенным, пока окончательно не стемнеет, – лишь тогда стражники зажгут над высокой аркой два больших факела, чтобы разгонять тьму, и загремят огромные толстые цепи, поднимая мост и оставляя город отрезанным от Лиходолья широкой полосой воды во рве и высокими каменными стенами.

– Как думаешь, он сумеет убедить их? – негромко поинтересовался лежащий рядом в траве Искра. Оборотень выглядел как настоящий бродяга – босоногий, в излохматившихся штанах с дырой на колене и ветхой рубашке, от которой он накануне оторвал оба рукава. В былые времена я бы погнала его переодеваться, а эти лохмотья выкинула бы в печь, но сегодняшний вечер этой одежде все равно не пережить, так что какая разница.

– Сумеет, куда он денется, – пожала плечами я, ложась рядом и закидывая руки за спину. Сама я была одета ничуть не лучше, чем Искра, – в одну сорочку, обтрепанный подол которой едва доходил мне до колен. Вообще-то это была старая рубашка дудочника – на вороте еще сохранилась вышивка в виде змеи, пронзенной мечом, – и Вик любезно согласился ею пожертвовать в обмен на обещание, что я непременно доживу до утра. – Он сказал, что сейчас в городе, помимо него, находятся шесть действующих музыкантов Ордена Змееловов, но только Вик является «первым голосом». Это что-то вроде более высокого ранга.

– То есть наш приятель может просто прийти и сказать: «Идем на охоту»? Так, что ли? – Оборотень усмехнулся, сорвал травинку с пожелтевшей от зноя кисточкой и сунул ее кончик в рот.

– Не уверена, но кто его знает. – Я перевернулась на живот и подняла голову, чтобы посмотреть на дорогу. Пусто. Днем поток торговцев, да и просто бродяг, надеявшихся укрыться от нечисти за высокими каменными стенами Златополя, не иссякал, но к вечеру южный торговый тракт совершенно обезлюдел. – Меня другое беспокоит. Он сказал, что к вечеру ждет здесь появления Катрины и ее подельника, потому что сам выставил для них орденский маячок.

– Не пристрелила бы она нашего дудочника до того, как он ей успеет рассказать, зачем позвал.

– Не согласишься, но я ему сказала то же самое, – вздохнула я, кладя подбородок на скрещенные перед собой руки и чувствуя идущее от нагретой за день земли тепло.

– А он?

– Заявил, что это оправданный риск. Вик надеется, что Ризару будет интереснее сначала убить огромное и страшное чудовище и лишь потом разбираться с «перебежчиком».

– Главное, чтобы ему это было интереснее, чем убить нас, – улыбнулся Искра, с хрустом потягиваясь и перекидывая травинку из одного уголка рта в другой.

– Потому мы и лежим в засаде. Чтобы наше появление на общем фоне уже мало кого беспокоило. Хотя бы в первое время.

– А там либо осел сдохнет, либо князь передумает, – усмехнулся оборотень, очень к месту припоминая старую, много раз пересказанную на разные лады притчу.

Я невольно улыбнулась в ответ, пододвинулась ближе и, бесцеремонно выдернув у Искры изо рта уже порядком пожеванную травинку, звонко поцеловала своего харлекина в губы. Он улыбнулся шире, обнимая меня свободной рукой за пояс и притягивая ближе.

– Знаешь, лежать тут становится не так скучно.

– Главное – не увлекаться, чтобы не пропустить нужный момент, – ответила я, уворачиваясь от очередного поцелуя. – Иначе Вик нам этого до конца жизни не простит. Да и мне неловко как-то будет.

– Ну, раз даже тебе будет неловко, – покачал головой оборотень, делая серьезное лицо. Все испортили смешинки, скачущие в золотисто-карих лисьих глазах, и ненадолго мне почудилось, что Искра даже рад тому, как все в итоге сложилось.

Ведь чем бы не обернулся нынешний вечер, если боги Тхалисса смиростивятся и мы

оба сможем увидеть рассвет, это будет настоящим чудом, после которого можно будет поверить в светлое будущее. Потому как если нас не сломает Господин Златополя, то такая мелочь, как Орден Змееловов, и вовсе перестанет нас беспокоить.

Если же нам не суждено пережить эту ночь, мы все равно умрем свободными, с высоко поднятой головой, а не на коленях, ожидая смерти от тяжелых арбалетных болтов или длинных шестигранных кольев. Моя золотая змеиная шкура не украсит ничью одежду, а доспехи харлекина никому не станут трофеем.

Я покрепче сжала пальцы Искры, когда услышала далекий, становящийся все громче топот копыт. Кто-то приближался с последними лучами заходящего солнца, лишь не намного обгоняя наползающую на Лиходолье тьму.

– Едут, – почему-то шепотом проговорила я, хотя прекрасно знала, что от дороги мы слишком далеко и человеческому уху меня не услышать.

– Знаю. – Искра осторожно спихнул меня со своей груди, перевернулся на живот и припал ухом к земле. Даже глаза закрыл.

– Ну что?

– Три лошади, но всадников только двое, – наконец ответил он, приподнимая голову и выглядывая на дорогу сквозь чахлые кусты и остатки не успевшей пригнуться травы.

– Откуда знаешь?

– Две бегут медленнее, одна – быстрее, и ее постоянно одергивают. Значит, на ней вес гораздо меньше. Переметные сумы, но не всадник.

– Интересно, кого по дороге потеряли? – пробормотала я, вжимаясь в землю и силясь что-то разглядеть за переплетением тонких веточек у меня перед глазами. – Искренне надеюсь, что Катрину.

– Вряд ли, – хмыкнул Искра, вглядываясь в силуэты, показавшиеся на дороге. – Такие сумасшедшие бабы, как она, в огне не горят, в воде не тонут, и у нелюди на них жестокая аллергия и несварение желудка. Готов поспорить, что отсеялся тот придурок с дудкой, который пытался высвистеть нечисть у стен Огнеца. Либо сам в пасти у очередной твари сгинул, либо ему попутчики помогли, потому как надоед до смерти.

– Злой ты, – вздохнула я. – Но здравого смысла тебе не занимать.

– Только благодаря этому я еще живой и здоровый. – Он пододвинулся ближе и поцеловал меня в висок. – И ты, кстати, тоже. Жаль только, что сейчас нам здравомыслие не поможет.

– И почему же? – невольно улыбнулась я, всматриваясь в приближающихся всадников. Судя по тому, как за одним из них в воздухе болталась длинная коса, Искра оказался прав: от такой бабы, как Катрина, легко не избавишься. А жаль.

– Потому, что здравый смысл советует мне хватать тебя в охапку и убираться отсюда куда подальше. Но поскольку мы так явно не поступим...

Он замолчал, вжавшись в землю, и я невольно последовала его примеру.

На мост один за другим выходили люди, одетые в темно-синие легкие кафтаны, и у каждого на левом рукаве белой нитью был вышит символ Ордена Змееловов – змея, пронзенная мечом. Шесть человек. Седьмой шел последним и был одет в простую белую рубаху, заправленную в темные штаны с широким кожаным поясом. Именно он как бы между делом глянул в нашу сторону и торопливо отвернулся, доставая из чехла на груди тонкую блестящую свирельку.

– Легки на помине, – пробурчал Искра. – Надо же, всех собрать умудрился, сволочь орденская.

– И за что ты его так не любишь? – усмехнулась я, устраиваясь поудобнее и одергивая задравшуюся сорочку.

– За дело, – неохотно отозвался оборотень, осторожно приподнимая голову и глядя на происходящее на мосту.

Осталось лишь дожидаться, пока подъедут всадники, и тогда станет понятно, можно ли с помощью объединенных усилий нескольких дудочников выманить Господина Златополя из-

за городских стен...

Катрина резко осадилась на лошадь почти вплотную к небольшой группе людей, стоявших у опущенного моста. Ее душила злость, второй день не находившая выхода. И немудрено: два дня назад этот предатель, сбежавший из Огнеца в неизвестном направлении вместе с змедедкой, вдруг дотянулся до ее орденского медальона с призывом о помощи. Издалека дотянулся – медальон едва отзывался, слегка подрагивая и становясь чуть теплее, но направление на юго-восток все-таки показал. И ведь знал, поганец, что его призыв не будет проигнорирован, хотя бы потому, что Катрина мечтала выследить и убить лично сбежавшего от нее в Огнеце дудочника. Не пристрелить из именного револьвера, как она хотела поначалу, – а с помощью тяжелого острого ножа, висящего на поясе. Медленно, глядя в глаза и наслаждаясь каждой каплей крови, стекающей по лезвию ей на пальцы, каждым мгновением его страданий.

Сейчас уже можно признать, что Катрина когда-то была влюблена в своего наставника и учителя. В разноглазого дудочника, который, несмотря на довольно молодой возраст, уже был в ранге «первого голоса». Она обожала его рассказы, приправленные ироничными замечаниями, могла часами разучивать новую мелодию для дудочки только для того, чтобы заслужить его одобрительную улыбку. В то время она мечтала, что когда-нибудь тоже получит статус «первого голоса» и будет вместе со своим учителем и, как она надеялась, любовником очищать мир от заповолившей его нечисти.

Но всем этим мечтам положила конец мелкая бурая шасса, одним ударом разделившая ее жизнь на «до» и «после». Змеелюдка, которая приползла на зов ее дудочки не для того, чтобы покорно умереть вместе со своими сородичами, а чтобы уничтожить ее, превратить из чистой сердцем наивной девчушки в то, чем Катрина являлась сейчас. В женщину, тайным удовольствием которой было убивать случайных любовников в момент экстаза, каждый раз представляя на их месте разноглазого дудочника. В ту, за спиной которой шептались орденские служители, с кем не хотел иметь дела никто, кроме отчаянных фанатиков, не видящих в своей жизни смысла без чужой крови и смерти.

Иногда в моменты странного просветления Катрина себя ненавидела. Но тучи в ее разуме быстро сгущались, и вместо собственного лица она все больше и больше ненавидела змеелюдов. И сильнее прочих – ту самую змеедвку, которая осмелилась жить после того, как лишила молодую дудочницу вначале ее предназначения, а затем и правой руки.

Вместо приветствия с губ Катрины сорвалось бранное слово, когда она увидела Викторiana, стоящего на мосту. Одет он был куда как проще, чем другие орденские музыканты, нервно оглядывающиеся по сторонам, но в отличие от них держался спокойно и даже уверенно. На поясе у него висела трость, пропущенная через узкую ремennую петлю, закрытый кошель с дудкой и ничего больше. Ни ножа, ни короткого меча, ни какого-либо другого оружия.

Он что, всерьез решил защищаться только своей дудочкой?

Револьвер будто бы сам прыгнул в жесткую металлическую ладонь, обтянутую грязной, прохудившейся на указательном пальце кожаной перчаткой. Катрина подняла оружие, но выстрелить не успела – что-то цепко ухватило ее за запястье, надавило и одним рывком опустило руку так, что револьверное дуло уставилось в пыльную дорогу.

– Не шуми раньше времени, – хрипло и совершенно спокойно произнес Ризар, все еще удерживая ее за запястье здоровой рукой, силы в которой было ничуть не меньше, чем в чудо-протезе от лекаря Коша. – Не затем приехали.

– А зачем тогда? – сквозь зубы прошипела девушка, силясь высвободиться, но рука ганслингера даже не шелохнулась. Более того – сжалась чуточку крепче, и на миг Катрине показалось, будто бы человеческие пальцы, ухватившие ее за запястье, слегка вдавились, проминая металл.

– Именно это нам сейчас и расскажет твой знакомый, ведь так? – Ризар медленно разжал ладонь, отпуская Катрину, и слегка наклонил голову в знак приветствия. – Мне

кажется, что у тебя были очень серьезные основания, чтобы так поступить.

– Более чем. – Дудочник бесстрашно подошел ближе, положив руку на кошель с орденским инструментом. – Я решил, что ты захочешь поучаствовать в охоте на одну из самых опасных тварей, что только можно отыскать в Лиходолье.

– И что же это за тварь, а? – резко, будто выплевывая последнее слово, поинтересовалась Катрина, спешиваясь и перехватывая лошадь под уздцы. – Решил наконец-то сдать нам свою чешуйчатую подружку?

Викториан лишь посмотрел на нее тяжелым взглядом и сказал всего одно слово, от которого у Катрины нехорошо засосало под ложечкой, а правый локоть, к которому крепилась искусственная рука, немилосердно зачесался и заныл.

Загряда.

Кошмар, который она увидела лишь мельком, когда на несколько мгновений пришла в себя от одуряющей боли в раздавленном запястье. Викториан тогда взвалил ее на плечо и повернулся, чтобы бежать из проклятого города. Всего несколько мгновений, которые утонули в памяти, чтобы всплывать беспросветным ужасом по ночам, превращая и без того беспокойный сон в сущее мучение.

Тянущиеся из-под земли гибкие зеленоватые стебли, усеянные круглыми, хватающими воздух пальцами – самые маленькие толщиной с человечесью руку, самые большие могли бы сойти за корабельную сосну. Они слепо рыщут по развороченной мостовой, вгрызаются во все, что попадает на пути: в деревянные обломки, в черепки, в человечесью плоть тех, кому не посчастливилось оказаться слишком близко. И посреди всего этого кошмара – золотая шасса с ромалийским посохом в руках. Стоит твердо и незыблемо на свернутом в кольцо длинном хвосте, как превосходная статуя. Глаза горят, как два маленьких солнца, тонкие гибкие шипы на голове наполнены янтарным пламенем, по стоящему дыбом гребню то и дело проскакивают яркие красные искры. Вокруг нее льется кровь, багровая лужа обтекает чешуйчатый хвост, а в прозрачный колдовской щит перед самым ее лицом бьется неведомая тварь, о которой в записях Ордена Змееловов не было даже упоминания.

И на долю секунды Катрину испугало это сияющее расплавленным золотом существо сильнее, чем ужасающее нечто, рвущееся из-под земли. Испугалась Катрина – и впоследствии возненавидела себя за этот страх, от которого она, считавшая себя орденским палачом, снова ощутила себя маленьким ребенком, вцепившимся зубами в запястье под родительской кроватью, чтобы не завывать от ужаса, пока по комнате с грохотом бродит нечто, воняющее могильной землей и засохшей кровью...

– Слышал я об этом случае, – задумчиво произнес Ризар, машинально потирая ладонью заросший щетиной подбородок. – Знатно там нелюдь повеселилась, треть города ушла под землю, а народу пропало немерено. Говорят, Ордену Змееловов пришлось окружить это место вешковым кругом и нанести на карту новую черную метку. И ты утверждаешь, что здесь появилось что-то похожее?

Дудочник едва заметно пожал плечами – с равным успехом этот жест можно было расценить и как «да, а разве не видно», и как «не уверен».

– Значит, поохотимся, – спокойно произнес ганслингер, спешиваясь следом за Катриной и перебрасывая ей поводья своего коня, как какому-нибудь мальчишке-конюху. Причем бросил поводья так, что, если бы бывшая дудочница их не поймала, тяжелый ремень непременно ударил бы ее по лицу. – Но сначала ты скажешь нам, где шасса, которая была вместе с тобой.

– В городе, – лениво и с некоторой неохотой отозвался Викториан, кладя ладонь на пояс. – Тварь не слишком охотно выпускает тех, кто пришел в Златополь по доброй воле. Можешь попробовать ее сначала отыскать, если хочешь, а у меня нет времени на эти игры. Тут куда более крупная рыба наклевывается, а ты, пока носишься за карасем, рискуешь упустить громадную щуку.

На мгновение Катрина решила, что ее мрачный, с тяжелым взглядом спутник, который с одинаковой легкостью выпускал пулю как в нелюдь, так и в человека, качнет головой и

приведет в исполнение тот единственный приговор, который Орден выносит своим служителям, замеченным в связи с нечистью, – смертный. Но, к ее немалому разочарованию, она все-таки ошиблась. Ризар только хмыкнул и положил металлическую ладонь на рукоять своего огромного длинноствольного револьвера. Коротко, отрывисто поинтересовался:

– Сюда вызвать сможешь?

– Один – нет. Для того и группу поддержки собрал, – ухмыльнулся разноглазый. – Отведите лошадей подальше, и мы начнем. Как раз тьма накатывает – самое лучшее время для того, чтобы вызывать воплощенный ужас.

Девушка невольно устремила взгляд на небо: Викториан не соврал, ночная мгла действительно накатывала с востока, пожирая остатки солнечного света и затягивая розовато-сиреневые небеса непроглядно-черной дымкой, сквозь которую не было видно ни восходящей луны, ни первых звезд. Лошади уже начали нервничать, и Катрина торопливо повела их за собой через мост к уже закрывающимся воротам. Оставлять животных на улице вместе с седельными сумками было рискованно – того и гляди, стащат, и если с потерей своих вещей девушка была готова смириться, то вот Ризар был бы весьма недоволен пропажей своего немногочисленного добра. А однорукий ганслингер был последним человеком, недовольство которого Катрина хотела бы вызвать, потому на мост она вернулась, когда «первый голос» уже построил шестерых дудочников в линию и поднес к губам инструмент, подобного которому девушка никогда не видела.

О нет. Видела.

Еще давным-давно, в прошлой жизни, когда, будучи послушницей Ордена Змееловов просиживала штаны в огромной библиотеке, выискивая в старых книгах крупницы бесценного знания, которые помогли бы ей развить ее талант и стать еще лучше, самой лучшей. В книге под названием «Ушедшие Кукольники», где было собрано многое из того, что Орден знал об этих давно исчезнувших мудрецах и великих волшебниках. Именно там Катрина впервые встретила с описанием инструментов, которыми пользовались Кукольники. Это были тонкие, изящные раздвижные свирельки, усыпанные драгоценными камнями и украшенные письменами, помогающими превращать мелодию в приказ, а волю – в закон, которому подчинялось все живое и неживое. Те дудочки, которыми сейчас пользовались даже лучшие из лучших музыкантов Ордена, не шли ни в какое сравнение с теми, которыми обладали Кукольники. Ведь инструменты тех, кто впервые научил людей останавливать нечисть силой мелодии, были слышны всем и каждому и могли не только отдавать приказы, заставляющие замереть на месте, но и снимать проклятия, лечить и возвращать человеку, укушенному вампиром, утраченную бессмертную душу. Много чего могли, потому и не дали Кукольники своим ученикам, слишком порывистым и недостаточно мудрым с их точки зрения, такую власть в руки перед уходом. Сказали, что, если сами додумаются, как создавать такие инструменты, – значит, достойны ими владеть.

И та свирелька, на которой заиграл Викториан, была очень похожа на описанные в старой книге инструменты Кукольников. Значит, разноглазый дудочник в конце концов оказался тем самым «достойным» великой власти и великого могущества. И на кого он его потратил, а? На чешуйчатую девку с пронзительным взглядом, выворачивающим душу наизнанку?

И Катрину обожгла зависть. Лютая, непримиримая. Потому что Вик получил все то, о чем она когда-то мечтала. И пусть он не снискал себе огромной славы, на него не свалилось богатство и разноглазый дудочник не стал Главой Ордена, но он умудрился обрести то, к чему Катрина всегда стремилась.

Власть, которая была доступна лишь Кукольникам через их инструменты. Способность изменять мир вокруг себя, исцелять страждущих и калечить врагов, обращать нечисть человеком, а человека – неслышанным уродом, причудливой тварью.

Бывшая дудочница наблюдала за тем, как мягко светится серебристая дудочка в сгущающейся темноте, как она вспыхивает разноцветными огнями, слушала мелодию, которая разворачивалась причудливой спиралью. Чувствовала, как музыка Викториана мягко

облекает ее со всех сторон и течет дальше, сквозь толстые городские стены, незримым потоком – и ощущала, как в ней растет жажда обладания. Этот инструмент, неведь откуда взявшийся у разноглазого музыканта, должен принадлежать только ей – и никому больше. И она его получит. Не сейчас, несколько позже, когда охота будет завершена. Главное – не дать себе волю, не сорваться и прежде, чем убить Викторiana, заставить его с помощью инструмента Кукольника вернуть ей правую руку.

А потом... Потом весь мир будет у ее ног. И он будет таким и только таким, каким она захочет его видеть.

Мост под ногами Катрины мелко задрожал, по поверхности воды, заполнявшей ров, побежала рябь. Девушка вздрогнула, затравленно оглянулась через плечо и побежала на берег, ощущая, как мост дрожит все сильнее и сильнее. Что-то загрохотало у нее за спиной, этот грохот слился воедино с острой, неприятно режущей слух мелодией, которую издавал инструмент Кукольника.

Нет, уже не он один – Катрина слышала слаженную игру семи дудочек, чья музыка слилась воедино, усилилась, и теперь эта общая, объединная воля, управляемая Викторианом, тянула из-под земли нечто огромное. Как опытный рыбак вытягивает большую, сильную, напористую рыбку из толщи воды, плавно сматывая лесу и подсекая в нужный момент, не давая добыче сорваться с крючка и уйти обратно на глубину.

Как там сказал Вик? «Не упустить громадную щуку»?

Откуда-то сверху посыпался град мелких камней. Они застучали по деревянному мосту, частым дождем хлынули в водяной ров.

Катрина на бегу вытащила револьвер из кобуры, торопливо взвела курок и остановилась рядом с Ризаром, который наблюдал за медленно рассыпающимся участком городской стены с все более растущим интересом.

А когда из кладки показались первые зеленовато-желтые извивающиеся ростки-щупальца с круглыми миножками ртами, без устали прогрызающими себе дорогу сквозь камень, одорукий ганслингер неожиданно улыбнулся. Широко и радостно, как мужчина, встретивший женщину своей мечты, свой недостижимый идеал, который одарил его нечаянной благосклонностью.

И именно этой его улыбки Катрина испугалась больше, чем существа, неохотно выбирающегося из-под пустот под лиходольским городом Златополем на зов инструмента Кукольника...

Существование человека всегда разделяется на периоды. Для кого-то это длинный отрезок от рождения и до смерти, ровный, ничем особо не примечательный, кусок времени длиной в несколько десятков лет, чья унылая серость изредка разбавляется более яркими красками. Кто-то живет от любви до любви, от рассвета до рассвета или же в промежутке между кровопролитными войнами.

Ризар с самого юношества жил только в битве. С того момента, как он вынимал чистый, блестящий на солнце тяжелый меч из ременной петли, и до тех пор, пока не приходилось убирать его обратно – залитый кровью по самую рукоять, иногда с зазубринами, а как-то раз даже сломанный пополам. Жизнь – настоящая, яркая, когда кровь кипела в венах, все чувства обострялись, а с мира будто бы спадала тусклая пропыленная занавесь, – была для Ризара лишь в бою. Потому-то он едва и не рехнулся, когда очнулся в лазарете с отхваченной по локоть орденоскими хирургами правой рукой, – не сразу, но пришло осознание, что пелена, густо заволакивающая его разум в размеренном течении мирной жизни, больше не спадет никогда. Он больше не мог сражаться в полную силу, а тот однорукий меч, за который он попытался взяться, оказался слишком легким и вертким для привыкшего к совершенно иному весу оружия Ризара. Тем более что уцелевшая левая рука из-за старого ранения слушалась гораздо хуже, чем правая, и самое лучшее, чего Ризар мог достичь с новым оружием, – это уровень крепкого середнячка, который хорош в городской страже, патрулирующей темные улицы Новограда. Если бы он желал достойно встретить

старость, такая судьба была бы не самой плохой. Но бывший мечник хотел совсем другого.

Он хотел *жить*. С момента начала битвы и до ее завершения. Раз за разом испытывая судьбу и удачу, чувствуя яростный огонь в крови.

Ризар любил битву. Любил так, как редкий мужчина любит свою женщину. Скользя от крови трава под ногами, хриплые крики умирающих соратников и врагов, постепенно тускнеющее от багряных потеков лезвие меча, привкус соли и пепла в воздухе – все это вызывало в Ризаре возбуждение, родственное тому, что испытывает безусый юнец, впервые оказавшийся на сеновале с голой распутной девкой.

И пока к нему не пришел лекарь Кош со своим весьма заманчивым предложением, бывший мечник на полном серьезе прикидывал, как бы ему расстаться с серым и тошнотворно спокойным существованием побыстрее. И хорошо, что он не поторопился с этим опрометчивым и слабовольным решением.

Новая рука оказалась не так хороша, как утраченная, но она давала шанс. А тяжелый длинноствольный револьвер, с которым никто, кроме Ризара, так и не сумел управиться, в первой же охоте показал, насколько серьезным оружием является.

Через год после ранения Ризар вернулся в строй как ганслингер, а еще через пару лет окончательно освоился в новом качестве, завоевав себе славу «однорукого стрелка» и получив трофей в виде изрешеченной выстрелами шкуры золотой шассы. Той самой, которая раздавила ему правую руку в кровавую массу плоти и мелких осколков костей, а напоследок еще и отравила медленным ядом, от которого он должен был попросту тихо загнуться в том овраге, не имея возможности позвать на помощь.

Ризар сумел не только выжить, но и отомстить, и его существование, сделав крутой поворот, устремилось в новое русло, которое в итоге привело его сюда, в Лиходолье.

К самой запоминающейся и яркой битве, которую он только мог себе представить.

Ганслингер наблюдал, как по объединенному зову семи дудочников из-под земли лезет громадная тварь, как ее длинные гибкие щупальца крошат каменную кладку городской стены так же легко, как ребенок ломает стену, построенную из свежавывающего и потому плохо слипающегося снега, и чувствовал, как от растущего возбуждения чуть-чуть кружится голова, а чувства обостряются. Он чувствовал запах страха, исходивший от стоящей рядом Катрины. Запах липкого холодного пота, бисеринками усеявшего высокий загорелый лоб, запах крови из прокушенной губы. Слышал сквозь треск и стон ломающейся стены людские вопли, долетающие из города, который будет обречен, если нынешняя затея обернется провалом.

Ризар скосил на Катрину взгляд: девчонка стояла белая как мел, с яркими пятнами нервного румянца на скулах. Дуло револьвера, который она держала в обеих руках, ощутимо дрожало – так не попадешь даже в ворота, не то что в извивающиеся, постоянно перемещающиеся щупальца, уже почти выломавшие приличный кусок из городской стены, за которой маячило что-то больше, плотное и жуткое в своей неестественности.

Пальцы металлической руки Ризара сжались на рукояти револьвера, медленно вытягивая тяжеленное длинноствольное оружие из кобуры. В отличие от Катрины его рука не дрожала – ганслингер спокойно взвел курок и, едва из-за каменной кладки показалось нечто, отдаленно напоминающее морду чудовища с двумя глазами-плошками, выстрелил.

Отдача привычно ударила в плечо, дуло револьвера подскочило вверх на ладонь, но почти сразу же вернулось обратно. В воздухе запахло едкой пороховой гарью, от грохота выстрела слегка зазвенело в ушах, а пляшущие в воздухе щупальца замерли и отодвинулись, давая увидеть то, что выбралось из пустот под Златополем.

Бесформенная, больше похожая на путаный клубок щупалец голова с неровной, дымящейся по краям дырой меж ярко горящими в сгущающейся темноте желтыми глазами. Длинные, перевитые жилами лапы, которыми тварь цеплялась на стену, широкие плечи и короткая, почти незаметная шея. Было в этом неестественно жутком создании что-то знакомое, но Ризар даже не успел подумать, что именно, потому что у него над ухом грянул выстрел из маломощного револьвера Катрины, «зажигательная» пуля прочертила в воздухе

быстро тающую огненную полосу и ударила в плечо замершего над каменной стеной существа...

«Дура», – только и успел подумать Ризар, когда земля у него под ногами задрожала, и он едва успел отпрыгнуть в сторону, как из сухой каменистой почвы в него рванулся пучок зеленоватых побегов, усеянных мелкими круглыми ртами размером с золотую монету.

Выстрел – и туго сплетенный клубок разносит в мелкое, дурно пахнущее болотом и гнилыми водорослями крошево. Катрина кричит, тонко, неприятно, как кролик, угодивший в ловушку, – вокруг ее ноги обвился кусок щупальца, оторванный от основного тела твари, но все еще продолжавший судорожно вгрызаться в штанину ганслингера. Ей удалось оторвать этот кусок и отбросить прочь, когда тварь все-таки тяжело взобралась на верхний край стены и резко, будто кнутом, хлестнула огромным, толщиной с хорошее дерево щупальцем по мосту, смахивая ярко горящие жаровни, наполненные маслом, в водяной ров.

Мгновенно стало темно, так темно, как бывает только ночью в лиходольской степи, когда на небе нет ни луны, ни звезд. Ганслингер заморгал, напрягая слух и всматриваясь в неподвижно застывший на фоне ночного неба угольно-черный силуэт огромного чудовища, которого выдавали лишь ярко горящие глаза. Всего лишь два огонька над стеной – и тихий шорох тысяч зубов, усеявших миножьи пасти на его щупальцах...

Именно в этот момент не выдержали нервы у одного из орденских музыкантов. Ризар услышал, как одна дудочка замолкла, а ее хозяин бросился прочь, но не успел пробежать и десятка шагов, как истошно завопил, зовя на помощь. Стрелять на слух ганслингер умел, но тратить драгоценную пулю на обреченного он не собирался – бесполезно. Если трус угодил в массу щупалец, прорывших себе дорогу вверх сквозь твердую земляную корку, то они все равно сожрут его раньше, чем он успеет испытать по-настоящему невыносимые страдания.

– Ризар, я их не вижу, – тихим, срывающимся шепотом простонала Катрина, оказавшаяся поблизости. Глаза ганслингера уже достаточно привыкли к темноте, чтобы он различал ее белое лицо с черными провалами глазниц, в которых залегли жутковатые тени.

– Их никто не видит, – усмехнулся он, чувствуя, как в жилах закипает кровь, слыша шорох подбирающихся все ближе щупалец. Еще немного. Самую малость – и можно будет использовать барабан с особыми зарядами, которым Ризар уже заменил штатный боекомплект револьвера. – Я умею стрелять на слух. А ты?

Судя по негромкому, обреченному всхлипыванию, вслепую стрелять Катрина так и не научилась. И уже не научится, сколь он мог судить.

– Мои соболезнования, – усмехнулся он, поднимая револьвер и спуская курок.

Грянул выстрел, и в пяти шагах от него занялся первый костер из перебитых отростков чудовища. Стало чуточку светлее, что позволило Ризару выстрелить снова. И снова – под жуткий рев златопольского паразита и треск городской стены.

Пели дудочки – уже слабее, вполсилы. Музыканты выдыхались, один лишь Викториан продолжал упрямо вести мелодию, будто бы не замечая, что наскоро сколоченный им оркестр вот-вот распадется и будет уничтожен. Существо, оседлавшее стену, зашевелилось, сбрасывая колдовские оковы, грузно перевалилось через каменную кладку, с трудом волоча за собой длинное, будто бы змеиное тело, и тогда в стороне, где-то рядом с невысокими горами, вспыхнуло маленькое золотое солнце.

Что-то ударило монстра прямо по бесформенной башке, рассыпая во все стороны бело-голубые искры, которые падали на щупальца, поджигая их, подобно каплям раскаленного металла. Ударило – и отскочило, блеснув в тусклом свете разгорающегося пламени темной чешуей. Звонящий и громяхающий клубок прокатился по примятой траве, скашивая оказавшиеся на пути щупальца подобно лезвию косы, и остановился в двух шагах от разноглазого дудочника.

Тот даже с мелодии не сбился, когда клубок развернулся в блестящего полированными сочленениями доспехов железного оборотня, гибкого, более тонкого и уж точно в разы более ловкого, чем все его собратья, когда-либо виденные Ризаром. Чаран что-то пророкотал, резко развернулся, со свистом рассекая воздух волосами-струнами, и метнулся в самую гущу

щупалец, которые сомкнулись за ним, как ветки деревьев.

Катрина, стоявшая рядом, вдруг завизжала и начала палить в сторону приближающегося золотого сияния, практически не целясь. Пули из «зажигательного» барабана с красной пометкой на металлическом боку пролетали по воздуху, оставляя алый огненный след, и ложились хаотично, пусть и довольно близко от цели.

Заорал, хватаясь за плечо с отстреленной напрочь рукой, один из музыкантов, покатился по земле, не столько сбивая пламя от «зажигательного» выстрела, перекинувшегося на одежду и волосы, сколько раздувая его еще больше. Запахло паленым волосом и горелым мясом. Музыкант затих очень быстро, оставшись лежать на земле лицом вниз, и лишь тогда Ризар рассмотрел, что за «солнышко» подползло к самому краю водяного рва, извиваясь в невиданном, причудливом танце.

Сияющее золото чешуи, изящное женское тело, на уровне бедер плавно перетекающее в длинный мускулистый хвост с янтарным гребнем вдоль позвоночника. По гребню то и дело проскакивают алые искры, шасса раскидывает руки, будто стремясь обнять весь мир, ее длинные гибкие пальцы как бы живут отдельной жизнью, переплетая и завязывая в узлы что-то невидимое, неосязаемое, неведомое человеку.

Не сразу, но Ризар понял, что дудочки музыкантов больше не играют, но чудовище, уже перевалившее свою огромную тушу через стену, почему-то не движется с места. Оно застыло, будто зачарованное танцем золотой змеи, раскачиваясь из стороны в сторону, и лишь тогда стало очевидным их сходство. Шассы – и того чудовища, что прижилось под лиходольским городом Златополем...

Одной они крови, пусть и совершенно разные на вид.

– Стреляй, что стоишь?! – Катрина ожесточенно выворачивала карманы, ища запасной барабан, но все не находила и от того злилась все больше, позабыв о страхе. – Я эту мелкую дрянь достану! Здесь! Сейчас!

– Дура, – спокойно отозвался Ризар, разворачиваясь и мимоходом, наотмашь отведывая девушке тяжелую оплеуху, отчего та выронила револьвер и упала на землю. – Не умеешь расставлять приоритеты, так не мешайся.

И пошел к водяному рву, на ходу вкладывая в опустевшие гнезда барабана запасные пули.

Расчищая себе дорогу выстрелами.

Шасса была уже совсем рядом. Она уже не танцевала, не извивалась, завораживая изгибами длинного змеиного тела. Она стояла, приподнявшись на свернутом в кольцо хвосте, выставив перед собой руки, меж которыми тончайшей алой паутиной блеснул ромалийский бережный символ. Невидимая стена, которая опутала златопольского паразита колдовской паутиной, не давая сдвинуться с места и дотянуться до людей, стоявших в опасной близости у водяного рва.

– Ещ-щ-ще немного, – прошипела-просвистела она, даже не оглянувшись на подошедшего Ризара. – Ис-с-скра уже почти...

Огромный монстр завыл, когда туго сплетенные мускулы у него на груди вздулись горбом и лопнули, выпуская отчаянно старающегося выбраться железного оборотня, яростно расширяющего себе путь на волю когтями и зубами.

– Стреляй! – неожиданно чистым, совершенно человеческим женским голосом закричала шасса, резко разводя руки в стороны. Мышцы на груди монстра неожиданно разошлись вслед за ее движением, как две половинки занавеса, и оборотень буквально выпал из туго сплетенных щупалец, тяжело плюхнувшись в воду. – В дыру на груди стреляй!!

И Ризар неожиданно для себя послушался, вскидывая руку и отправляя пулю в небольшой светящийся зеленой узел, слабо мерцающий в глубине стремительно затягивающейся раны.

Даже с такого расстояния он не промахнулся. Более того – успел дослать еще две пули прежде чем существо завывало жутко и протяжно, содрогаясь всем телом, от которого начали отваливаться куски плоти, стремительно разлагающиеся и падающие на землю уже бурой

кашицей. Запах болота и гнилых водорослей наполнил воздух так густо, что стало невозможно дышать.

Шасса наконец-то опустила мелко дрожащие от напряжения руки и посмотрела на Ризара. Глаза в глаза, острым, пронизывающим взглядом.

Ему показалось, что она узнала, что он хочет сделать еще до того, как он успел об этом подумать. Узнала и попыталась помешать, потянувшись к самой его сути, к похороненному глубоко-глубоко в бездне его души милосердию.

И лишь потому его рука впервые за много лет опустилась, и предпоследняя оставшаяся в револьвере пуля угодила змеелюдке не промеж глаз, разнося вдребезги слегка вытянутый череп, а в свернутый кольцом хвост...

Угнаться за спасающим свою жизнь харлекином трудно, а за тем, кто уносит на своих плечах раненую золотую шассу с перебитым выстрелами из пушки Ризара хвостом, как оказалось, и вовсе невозможно. Викториан очень быстро потерял их обоих из виду и вскоре остановился в нерешительности, не зная, куда бежать в этой непроглядной лиходольской тьме, быстро обступающей со всех сторон. За спиной – Златополь, с развороченной внешней стеной и огромным издыхающим чудовищем, сброшенным в ров совместными усилиями Ясмии, ее железного оборотня и людей, которые ненадолго забыли о вражде. По правую руку засушливая степь, в которой легко скрыться от погони, но тяжело выжить, особенно раненой. По левую – голые скалы, источенные сотнями туннелей, настоящий каменный лабиринт. На месте шассы он направился бы именно туда, в пещеры, – человеку, пусть даже такому, как Ризар, не найти в крошечной тьме подземного лабиринта золотую шассу, которой не нужен свет, чтобы видеть. И уж точно – не победить в одиночку ее неизменного спутника, который одинаково хорошо выслеживает добычу как днем, так и ночью.

Выстрелы! Громкие, частые.

Звук от них эхом разносится над степью, и сразу же вдалеке начинают сиять золотом и рыжиной языки пламени.

Викториан охнул и поспешил к огням, не обращая внимания на ноющую боль в поврежденном колене и крепко сжимая во взмокшей ладони гладкую деревянную ручку вытащенного из трости клинка. Ризар совершенно чокнутый, почти такой же, как и Катрина. Стрелять в иссушенной жарой степи огненными пулями! Да пожар распространится в мгновение ока, даже опомниться не успеешь, как все вокруг запылает, и непонятно будет, задохнешься ты раньше в клубах густого черного дыма или же сгоришь заживо, так и не сумев выбраться из огненного кольца!

Еще выстрелы. И еще. Глухой, протяжный рев, легко заглушивший треск пламени, расплывающегося во все стороны от места, где Ризар все-таки настиг свою жертву.

Какая все-таки ирония... Уже во второй раз судьба Ясмии решается в огне и дыме, и снова дудочник оказывается поблизости как свидетель. Как тот, кто не может вмешаться...

Крик, на этот раз человеческий, резко оборвавшийся. Поднявшийся ветер сдувал ядовитый едкий дым в сторону гор, и Викториан, еще минуту назад неуверенно топтавшийся на месте, глубоко вздохнул и побежал вперед так быстро, насколько позволяло больное колено.

Успеть, пока набирающее силу пламя степного пожара не замкнется в кольцо, отрезая от него Мию и ее железного кавалера. Успеть вытащить хотя бы ее, эту странную, непонятую, невыносимо прекрасную змеедеву. Живое доказательство того, что Кукольники, эти легендарные, бесконечные в своей мудрости учителя до сих пор существуют. Что Викториану толку от своей дудочки, так похожей на старинные гравюры инструментов в руках Кукольников, если он так и не узнает секрета, как ею пользоваться? У него уже нет сил начинать все сначала, нет времени на поиски еще одной шассы, готовой к сотрудничеству с человеком, да и как охотиться за «змеиным золотом», когда почти наверняка знаешь, кто скрывается за волшебной чешуей и гибким змеиным телом?

Отовсюду несло гарью, душный жар обжигал легкие, глаза слезились и почти

перестали видеть. На краткое мгновение Викториа́н ощутил пронизывающий до самого нутра страх: а вдруг пламя уже замкнулось в кольцо и выхода нет ни для него, ни для золотой шассы? Вдруг Ризар успел ее прикончить и спасти уже некого? Вдруг...

В десяти шагах от него, почти невидимое за языками пламени и клубами дыма, блеснуло яркое золотое солнышко, и огонь опал, пугливо прижался к черной земле, покрытой тлеющими, хрупкими угольками. Будто бы вся его ярость, вся его сила ушла и влилась в хрупкую фигурку цвета расплавленного золота, испускающую нешуточный жар.

– Ис-с-с-кра-а-а-а!

Не то шипение, не то срывающийся стон, преисполненный боли и искреннего страдания. Викториа́н торопливо вытер лицо провонявшим гарью рукавом и шагнул вперед, чувствуя, как разогретая земля печет ноги даже через толстые подошвы дорожных башмаков. Глаза все еще щипало от дыма, но слезы уже не лились градом, и дудочник сумел разглядеть сгорбившуюся, опустившую плечи хрупкую фигурку змеедевы, склонившуюся над чем-то темным, бесформенной грудой лежащим на земле.

Двух третей хвоста у шассы уже не было – похоже, что его сильно повредили и он попросту отпал, как у ящерицы, оставив после себя уже поджившую, закрытую прочной корочкой рану. Ворох светящихся рыжим янтарем гибких волос-шипов занавешивал склоненное лицо, а медленно слабеющего сияния от золотой чешуи было достаточно, чтобы разглядеть безжизненно распростертое тело железного оборотня. Вернее, то, что от него осталось.

Выстрелы из Ризаровой пушки превратили харлекина в жалкий обрубок. Правая рука отсутствовала вовсе, она была оторвана выстрелом в плечо еще у стен Златополя. Ниже пояса от харлекина осталось лишь залитое маслянистой черной жидкостью месиво из проволочек, вывернутых наружу острых остатков брони и более крупных покореженных деталей, которые заменяли железнному оборотню кости ног. Выше, там, где чешуйчатые руки шассы оглаживали практически неповрежденную броню, была видна большая дыра в груди, и меж разволоченных стальных лепестков тускло блеснули осколки какого-то кристалла, опутанные едва заметно светящейся золотистой паутиной.

– Ис-с-с-кра... – тихонько прошипела шасса, не поднимая головы, и Викториа́ну в этом отрывистом шипении почудился всхлип. – Я тебя не вижу...

Мия когда-то говорила, что шассы не видят только мертвых...

Дудочник качнулся вперед, под башмаком что-то хрустнуло, рассыпаясь под толстой подошвой.

Змеедева вскинула голову, и Вик почувствовал, как у него кровь отхлынула от щек, а душа, казалось, ушла в пятки.

По впалым щекам, покрытым прочной золотой чешуей, скатывались розоватые капельки-слезы. Шассы не плачут, попросту не могут плакать, не предусмотрена у них такая эмоция, как горе, – а эта плачет. И лицо у нее уже не змеиное, оно неуловимо изменилось, став гораздо более похожим на человеческое. Появился маленький курносый носик, рот уже не казался узкой щелью на половину лица, наметились губы...

– Вик, – она чисто человеческим жестом прижала длиннопалые когтистые ладони к щекам, глаза сияли сквозь тоненькую пленку слез, превратившись в невиданную драгоценность, – что ш-ш-ше делать? Мне нуш-ш-шен стреш-ш-шень. Скрепить...

– Стержень? – Змеелов медленно подошел почти вплотную к шассе, глядя на нее сверху вниз. Он мог бы добить ее прямо здесь и сейчас, один удар клинка по горлу или в грудь – и трофей в руках... Но... Всегда возникает это самое поганое «но». – Какой стержень?

– Волш-ш-шебный... ш-ш-шас-с-с-сий... – Она опустила голову, зачем-то начиная собирать осколки кристалла, торчащего из развороченной груди харлекина, будто бы решая трудную головоломку.

– Шассий стержень, говоришь?

Викториа́н огладил себя по груди свободной рукой. Заветная дудочка, та самая, на

которую он угробил столько времени и сил, которую создавал сам, с нуля, помещая в узор камни, добытые из шассых нор, обломки причудливых подземных скульптур, невесть как созданных змеелюдами, – она все еще лежала в чехле, не потерялась во время бега.

Свой голос, спокойный, деловитый, Вик услышал будто бы со стороны.

– А если я дам то, что тебе нужно? Что взамен?

Мия вскинула голову, янтарные шипы колыхнулись огненной переливчатой волной.

– Вс-с-сё.

Вот так. Коротко и ясно.

Змеелов наклонился, ощущая, как лицо пылает от жара, исходящего от золотой чешуи, потянул за цепочку, вытаскивая чехол с дудочкой из-за пазухи.

– Хочу тебя. Пойдешь, куда я скажу, и сделаешь то, что я от тебя потребую. Согласна?

Глаза с вертикальным зрачком сузились, и Мия кивнула, требовательно протянув к нему руку ладонь вверх.

– С-с-согласна.

– Ну, тогда по рукам. Держи.

Тонкая волшебная дудочка перешла от змеелова к шассе и тотчас засветилась, заиграла всеми цветами радуги, будто бы под узором из драгоценных камней засияла миниатюрная звездочка. Мия глубоко вздохнула и неожиданно с короткого размаха воткнула дудочку в глубокую рану на груди харлекина, точно в дыру с осколками прозрачного желтого камня. Инструмент Кукольника вошел в эту дыру с легким скрежетом почти наполовину, и почти сразу его сияние начало впитываться в тонкую золотую паутинку, обрывки которой путаным нитяным облачком, металлической куделью выглядывали из раны. Ниточки зашевелились, как живые, и неожиданно начали сами по себе складывать обломки кристалла воедино, приращивая их к тому самому «стержню», в который превратилась дудочка...

Минута... другая...

Шасса не шевелилась, не обращала внимания на полыхавший поблизости огонь, на дым, который в любой момент мог накрыть ее удушливым облаком, стоит только поменяться направлению ветра. Она неотрывно смотрела на то, как в чаше ее ладоней срастается заново сердце харлекина, опутанное мягко светящейся паутиной...

Последний кусочек кристалла встал на место с тихим, почти неслышным стуком, последний кусочек мозаики – и длинный продолговатый камень медленно погрузился в рану, продолжая светиться всеми цветами радуги. В горле железного оборотня зародился хриплый клетот, то, что осталось от его тела, выгнуло дугой, задрожало, уцелевшая рука с резким звоном сжалась в кулак, загребая землю.

Шасса торопливо отпрянула, отодвинулась прочь, помогая себе руками. Вскинула взгляд на дудочника.

– Отойди! Быс-с-с-стро!

Вик подчинился, не раздумывая и не сводя глаз с оживающего харлекина, который пять минут назад был совершенно точно мертв. Что делают сильно поврежденные железные оборотни, если они еще способны двигаться? Правильно, ищут легкую добычу, чтобы восстановиться. Сойдет все, что угодно, – падаль, животные, люди. Любой источник плоти, который можно сожрать, чтобы попытаться восстановить собственное тело...

Харлекин дернулся, рывком поднимая тяжелую уродливую голову, единственный уцелевший глаз смотрел прямо на дудочника. Нижняя челюсть, украшенная треугольными железными зубами, чуть опустилась и с резким звоном захлопнулась. Оборотень приподнялся, загребая землю единственной рукой, но тут Викторiana загородила шасса, длинно, резко зашипев на харлекина и указывая куда-то в сторону, где на черной выжженной земле виднелось что-то... крупное.

– Ганс-с-слингер, – с нескрываемой ненавистью прошипела Ясмия, не двигаясь с места и наблюдая, как харлекин ползет к распростертому на земле телу, прочь от дудочника. Как он загребает землю единственной рукой, а измочаленные ноги волочатся за ним, вспахивая почву развороченной броней, будто плугом.

Жалкое, отвратительное и одновременно пугающее зрелище.

К счастью, темнота скрыла момент, когда оборотень вгрызся в тело Ризара, поглощая человеческую плоть и восстанавливая собственную, но заглушить звуки, от которых ком подкатывал к горлу, не могла.

Викториан отвернулся, с трудом сглатывая ставшую кислой и вязкой слюну, перевел взгляд на змеешу: она наблюдала за этой жуткой трапезой неотрывно, будто бы запоминая. И поджимала губы, совсем как человек, который вынуждает себя смотреть на что-то отвратительное, чтобы получше запомнить и отомстить впоследствии тому, чьи действия привели к столь печальному результату.

Тихий вскрик совсем рядом за спиной у дудочника.

Перемазанное сажей лицо, светлые безумные глаза навыворот, тяжелый револьвер в искусственной руке, на которой до сих пор болтаются обрывки изодранной в клочья перчатки.

Катрина.

– Я тебя достала! – Ганслингер расхохоталась, похоже, не видя никого и ничего, кроме своей жертвы, которая сейчас не могла ни хвостом ударить, ни кинуться вперед. – Сейчас ты за все заплатишься! Первую пулю в...

Ясмия даже не повернулась в сторону Катрины. Широко раскрытыми золотыми глазами она смотрела на дудочника. На клинок в его опущенной руке...

Ошеломляющее спокойствие. Кристальная ясность выбора.

Короткий, злой свист разрезаемого лезвием воздуха.

Булькающий хрип, горячие, остро пахнущие железом капли, оросившие лицо...

Сбылось все-таки то ромалийское проклятие, которое Ясмия передала Катрине вместе с возвращенным барабаном от револьвера ганслингера.

...От тьмы в кольцо огня тебя и настигнет самая страшная участь...

Эпилог

Пожар, так неожиданно вспыхнувший в степи совсем рядом с Златополем, хоть и обеспокоил градоправителя, но не слишком встревожил. Огонь в степи – явление опасное, но ожидаемое, особенно летом, и за прошедшие годы хорошо обученные пожарники научились справляться с этой бедой.

Чего нельзя было сказать об издохшей твари, валяющейся в глубоком рве, превратившемся в отвратительно воняющее болото, – к таким сюрпризам многое повидавшая на своем веку городская стража была явно не готова.

Стоя рядом с разрушенной внешней стеной и наблюдая за суетой вокруг стремительно распадающегося трупа чудовища, невесть откуда взявшегося в Златополе, градоправитель размышлял, какую же помощь, а главное – награду следует запросить в Ордена Змееловов за такой превосходный «улов». Ведь ни ганслингер, расстрелявший чудовище из своего револьвера, больше похожего на длинноствольное ружье с коротким прикладом, ни разноглазый дудочник, руководивший местными «голосами», ни чокнутая девица со знаком Ордена так и не вернулись. Отправились в погоню за маячившей у стен змеелюдкой, да и сгинули в пожаре. Потушить его можно, пока он не разгорелся как следует, – опытные люди уже работают, и к утру на месте пожарища будет только неровный круг выжженной травы...

– Эй, смотрите, смотрите!

Измученные голоса стражников превратились в радостный гомон, а потом в громкие, приветственные возгласы.

Градоправитель обернулся, чтобы посмотреть, что происходит, и с искренним отвращением скривился: окруженные людьми с факелами, по дороге к городу плелись трое.

Высокий, жилистый ганслингер в драной, испачканной черной маслянистой кровью одежде и одном сапоге, с кривой ухмылкой волочащий на плече хищно поблескивающую

поломанными когтями руку железного оборотня.

Разноглазый дудочник в потемневшей от крови и грязи рубахе, с лицом, испачканным копотью. На одной руке у него висела тускло поблескивающая, еще сырая и свисающая длинными неровными полосками чешуйчатая шассья шкура, а за другую, едва волоча ноги, держалась та самая чокнутая девица. Светлая коса у нее сгорела почти наполовину, и спутанные, черные на кончиках волосы закрывали все лицо.

Выжили все-таки! Сволочи! Не могли героически подохнуть в степи во славу великого города Златополя!

Градоправитель хотел было сплюнуть, но передумал. Вместо этого он лучезарно улыбнулся и заторопился навстречу орденам – все-таки нужно приветствовать героев, пусть даже они так некстати вернулись живыми.

Свет факела дважды отразился в глазах ганслингера, когда тот с размаху бросил свой трофей под ноги на дорогу, и градоправителю на миг почудилось, будто бы искорки в глубине темных глаз блеснули синим, а не рыжим, как полагается, цветом.

Человек встряхнулся, покосился на жуткую, покореженную железную лапу.

Нет, точно почудилось.

– Приветствую вас, герои!

Разноглазый дудочник неожиданно расхохотался, едва не выронив на землю драгоценную чешуйчатую шкуру...